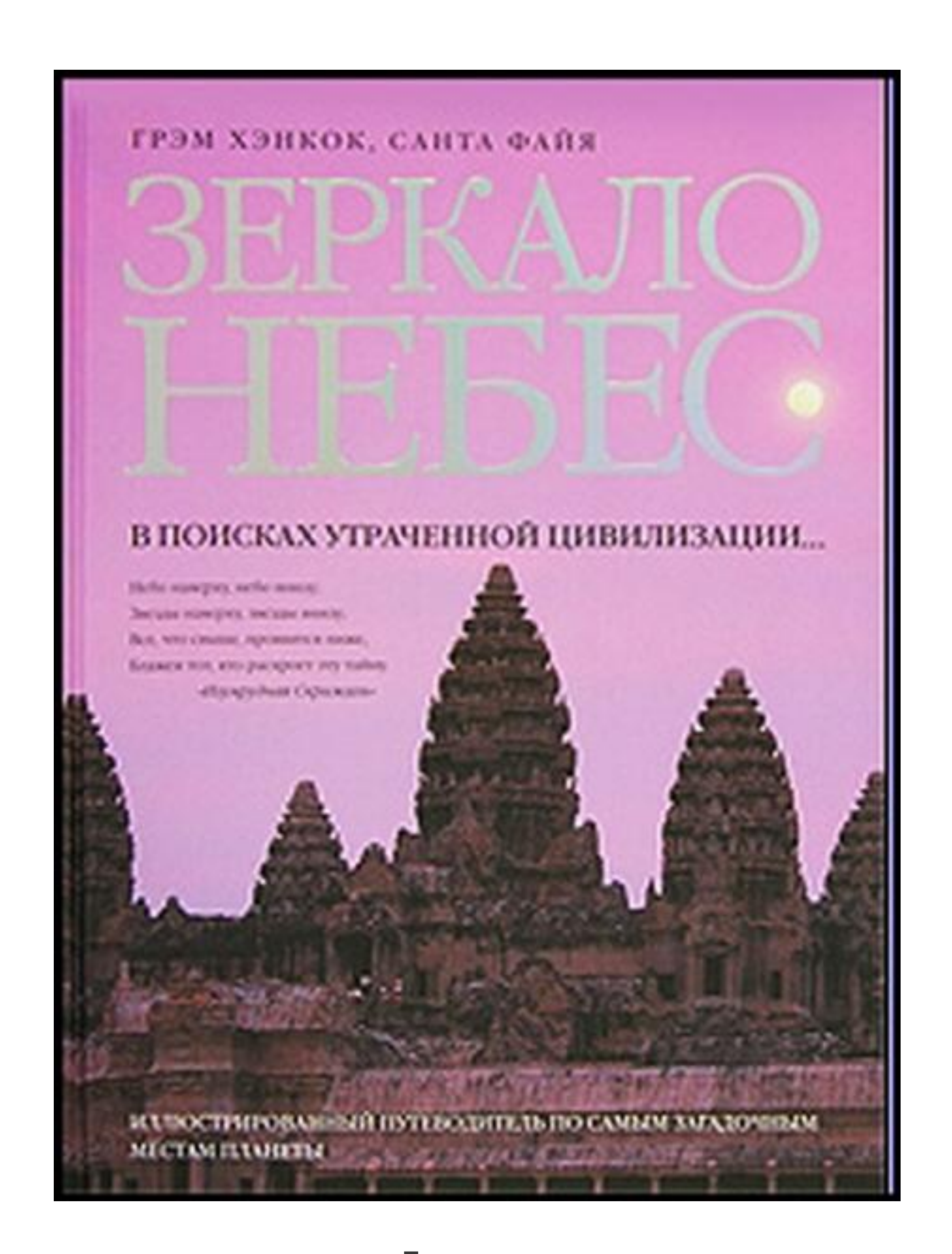
Хэнкок Грэм, Файя Сайта

Зеркало небес. В поисках утраченной цивилизации...

Благодарности

Дональду и Мюриэл Хэнкок, Джеймсу Маколи и Соломону Лорту, которые, как всегда, были с нами на всем нашем пути; Льву и Линде Фженкинс, которые когда-то давно познакомили нас с книгой «Мельница Гамлета», а позднее опекали нас в Калифорнии; Тому Уэлдону — нашему редактору и старому другу; Джулии Мартин — художнику этой книги; Зеки

Гавасу, удивившему нас Сфинксом; Освальда Ривере, открывшему нам путь к Тиауанако; Джону Григсби за блестящие исследования и открытие связи с созвездием Дракона; Ясцо Ватанате за щедрость, широту и открытость ума; Шуну Дэйчи — нашему другу, научному сотруднику и мосту к японской культуре; Тиму Копстейку, Стефану Уикхэму, Калину Кларку, Кэтрин Брэндиш, Дэнни Хэмбруку и вообще всем членам большой группы, снимавшей вместе с нами телесериал «Поиск пропавшей цивилизации»; Барри Джэфрису и Джен Метьюс, которые все это время присматривали за домом.

Шону, Шанти, Рави, Лейле, Люку и Габриэль. Надеемся, что когда-нибудь вы обойдете все удивительные памятники, с которыми свела нас эта книга. Спасибо за ваше терпение и понимание.

Введение

Небо вверху, небо внизу;

Все, что над нами, проявится снизу;

Tabula Smaiagdina

Загадку эту можно свести к простым дилеммам. Когда мы умираем, все ли кончается для нас, или мы каким-то образом продолжаемся? Являемся ли мы просто суммой материальных элементов, или же существует еще и душа? Само понятие души является порождением человеческой психологии или, скажем, изобретением религии? А, может быть, за этим стоит нечто вполне реальное?

Религия столь же страстно занимает прямо противоположную позицию, но на столь же зыбкой почве. Не существует научного доказательства существования всяческих религиозных небес, преисподних и загробных царств. Тем не менее, религиозная (духовная) точка зрения заключается в том, что душа существует, предстанет перед судом после смерти, может претерпевать множество преобразований формы и вообще возродиться.

Такие противоположные точки зрения, естественно, побуждают мыслящих людей задумываться об универсальном характере закона физической смерти и о своей собственной судьбе. Одним из таких людей, согласно индийской священной книге *«Ката Упанишад»,* был Начикетас, храбрый и любознательный молодой человек, который нашел дорогу к «Дому мертвых» и заслужил право потребовать исполнения своего желания у Ямы, индуистского бога смерти.

Яма: Закон этот неуловим и не легко может быть познан… Выбери и попроси у меня что-нибудь иное, Начикетас. Попроси столетних сыновей и внуков, попроси много скота, слонов, золота, лошадей… Попроси богатства и долгих дней…

Яма: Воистину ты, о Начикетас, встретившись с этими мнимыми богатствами, столь любимыми людьми, прошел мимо них. Ты пренебрег тем, в чем погрязли многие люди… Великое Потустороннее сияет не для ребенка, которого уводит в сторону соблазн обладания… «Вот мир, и другого нет», думает он, и вновь и вновь попадает в мою власть… Ты же настойчиво ищешь правды; вопрошающий подобно тебе, Начикетас, может прийти к нам».

«Не рожденная, вечная, существующая вне памяти, эта древняя сущность не может быть убита, когда убивают тело… Меньше малого, больше величайшего, она скрыта в сердце человека… Понимая это… мудрый человек не может предаваться горю… Бестелесная в телах, устойчивая среди неустойчивого… она освобождается изо рта смерти».

III тысячелетии до н. э.

Из этого долгого периода амнезии и с его границ с историческим периодом до нас дошел ряд могучих монументов, в число которых входят храмы, высеченные в скалах, круги каменных глыб-мегалитов и святилища в форме абсолютно прямой линии большой протяженности, как, например, череда камней, стоящих в Карнаке (северная Франция). Один из расположенных там курганов, на котором проход между мегалитами нацелен на точку восхода в день зимнего солнцестояния, углеродный метод датирует 4700 г. до н. э.

Многие из этих сооружений объединяет тайна: когда, почему, как и кем они построены? — а также высокий уровень строительной техники и точная ориентация относительно астрономических объектов.

Связь с друидами

Проведя исследования, ученые пришли к заключению, что огромные круги из синих камней и сарсенов были на самом деле сооружены между 2600 и 2030 гг. до н. э., причем основная часть работы была проделана за три столетия между 2600 и 2300 гг. до н. э. Менее чем через год после этих результатов было опубликовано еще одно исследование, доказывающее, что каменным кругам предшествовали деревянные, образованные 6-метровыми сосновыми «столбами-тотемами», которые датируются 8000 г. до н. э.

Впервые друиды были упомянуты в исторических книгах около 50 г. до н. э. — в «Галльской войне» Юлия Цезаря. Упоминание это относительно краткое — менее 1000 слов; однако римский император все же смог дать нам ряд очень важных ключей к пониманию религии друидов.

Особенности ориентации и геометрии Стоунхенджа говорят нам, что астрономия вообще и восход солнца в день летнего солнцестояния в частности были весьма важны для его строителей, но, увы, не говорят, *почему* важны. Заполнить этот пробел могли бы верования друидов, связанные с церемониями солнцестояния. Возможно, Стоунхендж был не просто местом собрания почитателей некоего «примитивного» солнечного культа британцев, а был некогда связан с духовным поиском путей реинкарнации и бессмертия души, причем элементом процесса посвящения были эмпирические изыскания, направленные на определение размеров Земли и «движения» звезд.

Сегодня, пользуясь карманным калькулятором, мы можем легко определить длину окружности, умножив ее диаметр на трансцендентное число п, равное 3,141592… С точностью до второго знака после запятой это число равняется отношению 22:7=3,142857.

Не сами по себе

Саксайхуамана и храмы Оллантайтамбо и Тиауанако (в них использовались 200-тонные блоки). Столь же огромные блоки использовались при постройке Храма долины и Храма мёртвых в Гизе (Египет) и храма Сфинкса. Сам Сфинкс представляет собой высеченный из скалы монумент длиной почти 87 метров. В состав Великой пирамиды входит ряд блоков весом порядка 100 тонн, которые были каким-то образом установлены на высоте более 45 метров над землей. В Верхнем Египте существует полунадземный храм — Осирейона в Абидосе, — сложенный из 100-тонных блоков. Восходит он, по-видимому, к намного более ранней эпохе, чем окружающие его сооружения.

Вообще, геометрические и астрономические монументы, связанные с поиском бессмертия (а зачастую и с числом 72), можно обнаружить не только в Египте, но и в целом венке культур, опоясывающем Земной шар, и уходящих во времена глубочайшей древности.

В Мексике они выбрали преисподнюю.

Часть I
МЕКСИКА
Глава 1
ПЕРНАТЫЙ ЗМЕЙ И ОСВЕЖЁВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

С одной стороны, бросаются в глаза свидетельства о наличии великих духовных идей, глубокой философской традиции и удивительных художественных, научных и культурных достижений. С другой стороны, нам известно, что к началу XVI века в Мексиканской долине были в порядке вещей проявления буквально психопатического злодейства, когда каждый год в империи ацтеков самым кошмарным образом приносились в жертву более 100 000 человек. Сложение двух зол не может дать положительного результата. Испанские конкистадоры, прибывшие сюда в феврале 1519 г., были, конечно, хладнокровными убийцами. Но их интервенция, мотивировавшаяся исключительно алчностью, покончила, к счастью, с демоническими жертвенными ритуалами ацтеков.

Ацтеки сообщали, что источником этой доктрины ненасилия и космического знания был божественный царь, известный под именем Кецалькоатль — «пернатый змей» *(кецаль* дословно означает «покрытый перьями», «пернатый», *коатль* — «змея»). Правил он в далекий золотой век, а в Мексику прибыл из дальней страны с группой спутников. Кецалькоатль учил, в частности, тому, что не следует причинять вред животным и тем более нельзя приносить в жертву человеческих существ — только «плоды и цветы в зависимости от времени года». Его культ был исполнен тайн, связанных с жизнью после смерти; говорили, что сам *он* совершил путешествие на тот свет и вернулся, чтобы рассказать о нем людям.

Бог пирамид

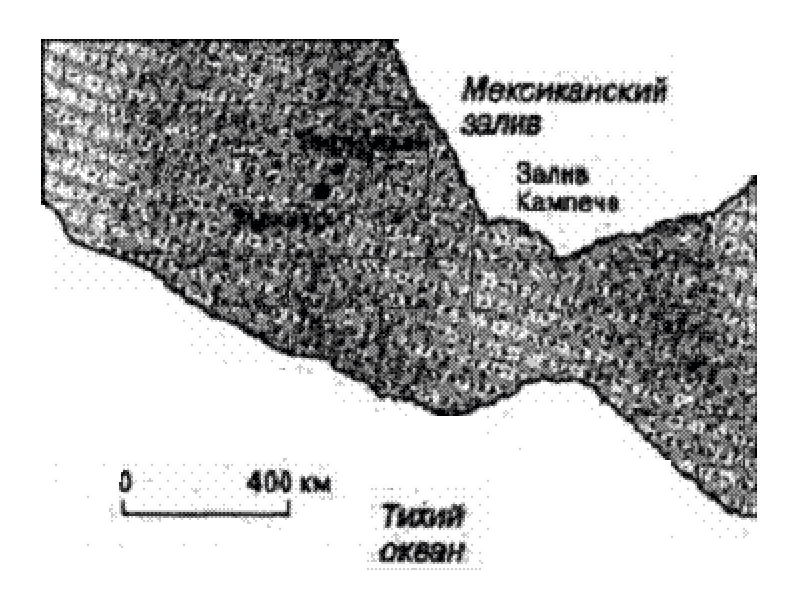
Был ли Кецалькоатль реальной исторической фигурой?

Известно, что за две-три сотни лет до образования ацтекского государства, в XIII–XIV веках до н. э., ряд царей в Мексиканской долине, в частности у тольтеков, называли себя «Кецалькоатлями». Однако они не претендовали на то; чтобы быть тем самым Кецалькоатлем; скорее, речь шла о почетном титуле его наследников. Как мы узнаем в следующей главе, задолго до тольтеков характерная символика Кецалькоатля была известна ольмекам Мексиканского залива. Их культура процветала 3500 лет тому назад. Позднее, но все же более 2000 лет назад, в Чолуле (Центральная Мексика) началось сооружение гигантского монумента в честь того же бога, которое продолжалось всеми последующими культурами, обитавшими здесь; конец этой многолетней работе бесповоротно положила конкиста. Результатом этого удивительно длительного инженерного проекта явилось сооружение священной горы — пирамиды Кецалькоатля. Сегодня она увенчана католическим собором. С площадью основания 18 гектаров и высотой почти 70 метров она втрое превышает по массе Великую пирамиду в Египте.

Также около 2000 лет тому назад таинственная культура Теотиуакана (35 километров к северо-востоку от современного Мехико) поклонялась Кецалькоатлю, возводя пирамиды и другие памятники в его честь. А начиная примерно с 500 г. н. э. и вплоть до конкисты майя Юкатана, Чиапаса и Гватемалы поклонялись ему под именами Кукулкан и Гукумац; оба эти имени на разных диалектах означают одно и то же — «пернатый змей»2. Между 900 и 1200 гг. до н. э. в Чичен-Ице была построена девятиярусная пирамида Кецалькоатля —

Кукулкана. Подобно многим монументам, посвященным этому божеству, она была возведена на вершине ранее существовавшего священного кургана 3.

Таким образом, ацтеки, которые провозгласили свою империю в 1320-е гг. н. э., лишь следовали древней традиции, заимствованной у своих предшественников, когда описывали «пернатого змея»:

Одна из величайших загадок истории Центральной Америки заключается в том, что убийцы-ацтеки чтили этого покровителя всего живого и поклонялись ему всевозможными способами, причем всегда с почтением говорили о его миролюбии и милосердии. Они верили, что его вместе с последователями изгнали давным-давно из Мексики, но когда-нибудь они возвратятся, приплыв на лодке с запада. Они также верили, что Кецалькоатль накажет их за то, что они совершали человеческие жертвоприношения, что он положит конец злу и страху и восстановит золотой век мира и довольства, в который он правил в мифическом прошлом.

Сломанные флейты

«В этом небольшом Пространстве можно было увидеть много дьявольских вещей, рогов, труб и ножей, много сердец индейцев, которые жгли, окуривая идолов; все было в спекшейся крови, причем в таком ее количестве, что будь оно все проклято. Там воняло, как на бойне, так что мы поспешили наружу от этой вони и мерзкого зрелища».

«Они убили одного юношу весьма покорного нрава, которого перед этим всячески ублажали целый год… Когда они разделались с ним, то немедленно посадили на его место другого, которому предстояло быть обласканным в течение следующего года… Изо всех пленников они выбирали самых благородных… Особое внимание обращалось на то, чтобы отыскать самых способных, с наилучшими манерами и без телесных недостатков»

Далее Саагун сообщает, что «юноша, отобранный для того, чтобы быть убитым на празднике, был специально обучен хорошо играть на флейте». Когда же год истек:

«Они отвели его в небольшой и бедно убранный храм, стоявший возле дороги и вдали от всех поселений… Подойдя к ступеням храма, он сам стал по ним подниматься. На первой ступени он сломал одну из флейт, на которых играл во время своего блаженства, на второй — другую, на третьей — третью. Таким образом, поднимаясь по ступеням, он переломал все флейты. Когда же он поднялся на вершину храма, на самый верх, там находились жрецы,

готовые убить его, причем стояли они парами. Жрецы взяли его, связали ему руки и голову и уложили спиной на камень. Потом один из них с силой вонзил ему в грудь каменный нож, сделал разрез, извлек оттуда сердце и сразу предложил его солнцу»…

Когда ошеломленные испанцы обратились к жрецам с вопросом, в чем смысл этого ужасного ежегодного ритуала, то услышали в ответ, что трагическая история пленника есть отображение «судьбы человеческой вообще», и это должно быть всем ясно.

Заглушая голос природы

Из перечисленных Саагуном мероприятий ряда «праздников» следует, что ацтеки были неустанными детоубийцами:

В первые числа первого месяца… они убили много детей, принося их в жертву там и сям, в том числе на вершинах холмов, вырывая у них сердца в честь богов воды… В первый день четвертого месяца они устроили праздник в честь бога кукурузы… и убили много детей…

Особенно ненасытным был Тлалок, бог дождя. Ему предлагали детей, по большей части младенцев. Их несли на открытых носилках, одетых в праздничные платья и украшенных свежими весенними цветами. Казалось, дрогнет даже самое суровое сердце, но плач их тонул в диких возгласах жрецов, которые считали их слезы благоприятным предзнаменованием. Жрецы обычно скупали своих невинных жертв у бедных родителей, которые заглушали голос природы скорее мысленной картиной нищеты, чем жалкими суевериями.

А может быть, главным средством «заглушить» голос природы был страх. В своем классическом труде Торящая воде «археолог Лоретта Сежурн убедительно показывает, что ацтеки создали

«тоталитарное государство, философия которого включала полное пренебрежение личностью… Смерть подстерегала повсюду и цементировала здание тюрьмы, пленником которой был каждый ацтек. Среди них были обреченные законом на уничтожение просто по своему социальному статусу: рабы — причем рабом мог стать каждый, потеряв состояние или гражданские права; пленные воины; дети, рожденные под благоприятным для жертвоприношения знаком и потому предлагаемые богам… Другой постоянной угрозой была смертная казнь: за то, что кто-то посмел без разрешения властей носить одежду ниже колен; за то, что чиновник вошел в запретное помещение во дворце; за то, что купец слишком гордился своим богатством; за то, что танцор оступился…»

Приношения считались настолько важными, что любой, кто не желал наблюдать их, «становился презираемым, объявлялся непригодным к тому, чтобы занимать любой общественный пост, и вообще оказывался вне закона». Кстати, вождей и знать часто вынуждали присутствовать на жертвоприношениях «под страхом самим превратиться в жертв, если не явятся».

136 000 черепов

То, что они наблюдали, было невообразимо страшно. Послушаем летописца Мануэля Камарго:

Саагун вспоминает праздник, на котором:

По случаю ритуала в честь бога огня владельцы хватали своих пленников, связывали им руки за спиной, а также и ноги; взяв на плечи, несли их на вершину храма, где был большой костер с углями; добравшись до верха, они бросали их в огонь… там, в огне, несчастный

пленник начинал извиваться… Тогда его, агонизирующего, они выволакивали крючьями… клали на камень… раздирали грудь… вытаскивали сердце и бросали к ногам статуи Сютекутли, бога огня.

Аллегории, понятые буквально

В 1956 г. Лоретта Сежурн, проанализировав богатый этнографический и религиозный материал, собранный Саагуном, создала даже теорию ацтеков. Весь их культ человеческих жертвоприношений проистекает из древней системы чисто духовного посвящения, связанной с поиском вечной жизни, но самым гротескным образом неправильно интерпретированной. Все кошмарные физические аспекты ацтековских жертвоприношений — свежевание, вырезание сердца, сжигание и т. д. — были первоначально чисто *метафорами* для описания духовных процессов, которым подвергаются посвящаемые. «Свежевание» означало процедуры, позволявшие посвящаемому как бы отстраниться от своего физического тела. «Сердце» означало душу, которую следовало «вырезать» из тела в момент смерти и освободить,

Имея в виду такие метафоры, проще понять, почему палачи-ацтеки о зверском убийстве жертвы, год наслаждавшейся жизнью, говорили: «такова судьба человеческая». Аллегория, которую жертва разыгрывала по пути к храму, где ей предстояло погибнуть, все это расставание с ранее накопленными материальными благами, завершавшееся ломанием флейт, на которых некогда исполнялась сладостная музыка, — все это должно было символизировать одну из высших истин, постигаемых посвящаемыми: со смертью душа должна оставить в прошлом все, что относится к материальному, земному Миру. Эта истина в компактном виде сконцентрирована во фрагменте древнего учения на языке науатль, на котором говорили ацтеки; этот отрывок был сохранен для нас в XVI столетии Саагуном.

Аналогичным образом мы читаем:

На землю нисходит с рождением жизнь,

На миг, что отпущен судьбою,

На славу, во имя которой все живы,

На землю нисходит с рождением жизнь.

Сежурн обоснованно утверждает, что подобные представления бытовали в Мексиканской долине неведомо сколько времени, возможно, тысячи лет, к тому моменту, когда с ними встретились ацтеки. Они были наиболее дикими среди большой группы племен-мигрантов, говорящих на языке науатль и известных под названием *чичимека* («варвары»), которые пришли в Центральную Америку с севера в XII–XIII веках. Не имея собственной культуры, они восприняли элементы некогда великой мексиканской цивилизации, изучив ее астрономию, сельское хозяйство, технику и архитектуру. Впитали они кое-что из религии своих предшественников. Особенно их воображение поразил красочный и полный драматизма ритуал посвящения, его они переняли целиком и полностью. Однако они не поняли (или не захотели понять), что этот ритуал — метафорический спектакль, который следует разыгрывать символически. И то, что они восприняли его буквально, привело к ужасным последствиям.

Эхо первых людей

Ацтеки верили, что их племя обязано своим рождением маткообразным пещерам в глубинах горы, что Ацтлан, их первая родина, возник на острове и что покинуть этот остров им повелел бог Хуицилпочтли, который пророчествовал: «Вы покорите четыре конца света, завоюете и подчините себе… это будет стоить вам пота, труда и чистой крови».

Подобно нацистам, загипнотизированным Гитлером, ацтеки бросились претворять в жизнь пророчество Хуицилпочтли, легко покорили народы, которые в это время населяли Мексиканскую долину, и стали систематически развязывать войны, чтобы ослабить и подчинить себе Другие чичемекские племена. В начале XIV столетия в болотах озера Тексnúmкоко была обнаружена скала, на которой рос кактус, а в колючках этого кактуса застрял орел. Вспомнили пророчество, и началось возведение города Теночтитлан, который стал столицей ацтеков в 1325 г.

В течение, двух столетий, остававшихся до конкисты, империя ацтеков с центром в Теночтитлане продолжала наращивать свою мощь; при этом город рос, его население достигло 300 000 человек. Построенный на искусственном острове, окруженный системой квадратных и круговых каналов, он был ориентирован по сторонам света, причем к четырем его главным воротам через водную гладь вели дамбы. Над центральной площадью доминировала гигантская четырехъярусная ступенчатая пирамида, которую восхищенные ее архитектурой испанцы назвали Темпло Майор.

Кортес утверждал, что «ни один человеческий язык не в силах описать ее размеры и особенности», а Бернал Диас сообщал: «Среди нас были солдаты, которые бывали в разных частях света, в Константинополе, во всей Италии и Риме, и они говорили, что никогда не видели площади с такими прекрасными пропорциями и правильной формой, такого размера и с таким количеством народа».

Следует особо отметить, что ацтеки не слишком гордились вышеупомянутым высоким уровнем своей цивилизации, а также многими другими чудесами своей процветающей империи. Напротив, они честно признавались, что вся система знаний досталась им в наследство сразу и целиком от бога-царя Кецалькоатля и его спутников, которые были «первыми обитателями этой земли и первыми, кто прибыл сюда, в Мексиканскую долину… первыми, кто посеял семя человеческое в этой стране».

Всякий, кто попытается разобраться в вопросе, кем были эти «первые люди» и в какую эпоху могла процветать их цивилизация, вскоре осознает, что в истории Центральной Америки в период до экспансии ацтеков существует масса неясностей. В сущности, примерно до 1000 г. н. э. почти никакой «истории» не существует вовсе, причем чем дальше назад по шкале времени — тем ее меньше. В итоге ученым почти ничего не известно о происхождении трех самых ранних и старейших высокоразвитых цивилизаций, существовавших в этом регионе: ольмекской, расцвет которой на берегах Мексиканского залива приходится, по-видимому, на период с 1500 г. до н. э. (если не раньше, причем намного) до, примерно, эпохи Христа; майя, которая существовала параллельно с ольмекской, но чьих живых наследников можно встретить и ныне в Центральной Америке; и цивилизации, создавшей почти 2000 лет тому назад внушающее трепет святилище Теотиуакана. Лоретта Сежурн, которая вела в Теотиуакане обширные раскопки, отмечала в 1956 г.: «Происхождение этой высокоразвитой культуры является полной загадкой». В 1995 г., после 40 лет дальнейших раскопок, археолог из Калифорнийского университета Карл Таубе был вынужден признать: «Мы так и не знаем, на каком языке говорили теотнуканцы, откуда они взялись и что с ними приключилось».

Смерть и возрождение мировых эпох

В сентябре 1996 г., за несколько дней до осеннего равноденствия, мы вскарабкались на гору Керро-Гордо, и с ее вершины нам открылся вид на Теотиуакан — город, ацтекское

название которого на языке науатль означает дословно «место, где люди стали богами». Под нами лежала прямая, как стрела, так называемая Дорога мертвых, повернутая на 15 градусов 30 минут по часовой стрелке относительно направления «север-юг». На ее северном конце виднелась пятиступенчатая пирамида Луны высотой 46 метров. Километром южнее, на восточной стороне Дороги мертвых, стоит еще более массивная пирамида Солнца, ее высота превышает 70 метров, а длина каждой из четырех сторон основания составляет 222 метра. Сзади, на просторной прямоугольной площадке, находится меньшая по размеру пирамида Кецалькоатля.

Профессор Майкл Д. Коу из Йельского университета указывает, что пирамиды Луны и Солнца «явно получили название из старых легенд», и делает вывод: «Нет причин сомневаться, что они посвящались этим светилам». Названия были восприняты ацтеками, когда они набрели на Теотиуакан, просачиваясь в Мексиканскую долину в XII веке. К этому времени гигантский геометрически правильный город был уже очень древним и лежал в развалинах. Тем не менее, пришельцы сберегли связанные с ним традиции, что дает основания предполагать: либо слухи о нем просочились к ним еще до того, как они направились сюда со своей прежней родины, либо, что более вероятно, они узнали о нем от народов, которые покорили на пути к могуществу. Во всяком случае, они питали к этому святилищу такое уважение, что сам Монтесума, император ацтеков во времена конкисты, совершал пешком частые паломничества к пирамиде Солнца в последние годы своего правления.

Подобно всем своим подданным, Монтесума верил, что пирамида есть не что иное, как доисторический курган, которым было отмечено место начала творения, с которого пошел отсчет нынешней эпохи в истории Земли.

Согласно преданиям, которые были широко распространены в Центральной Америке, особенно среди близрасположенной, но автономной культуры майя, ранее существовали еще четыре эпохи, или «солнца», каждая из которых кончалась катаклизмом, стиравшим все с лица земли. Как утверждалось, пятая эпоха началась во тьме 4 ахау 8 кумку по календарю майя, что соответствует 13 августа 3114 г. до н. э., и должна окончиться катастрофой в результате «великого движения земли» 4 ахау 3 канкина — 23 декабря 2012 года по современному календарю.

Ацтеки считали, что человеческие жертвоприношения могут отсрочить или, если удастся, предотвратить конец света, и предлагали неисчислимое количество сердец и крови, дабы «омолодить» состарившееся Пятое Солнце. Впрочем, вряд ли они так уж искренне в это верили. Как подчеркивает Сежурн, их репрессивная политическая система «опиралась на духовное наследие, которое они сами предали и превратили в оружие борьбы за мировое господство». Иными словами, они сотворили грандиозную материальную пародию на духовно-символические ритуалы и использовали старинное предсказание конца Пятого Солнца в качестве трансцендентного оправдания политики террора, бывшей для многих из них источником наслаждения и «опорой кровавого государства».

Рождение Пятого Солнца

Справедливая оценка ацтекской пропаганды не должна скрывать от нас того факта, что в преданиях, относящихся к Теотиуакану, присутствует космическое видение, древнее, но достаточно развитое, согласно которому время является не просто линейным процессом, а бесконечной серией протяженных циклических процессов, ознаменованных подъемом и падением мировых систем.

Элементы такого видения можно обнаружить в древнейших песнях и поэмах на языке науатль. Они гласят, что после гибели Четвертого Солнца в результате всемирного потопа

(«вода стояла 52 года, после чего небо обрушилось») боги собрались на вершине доисторического кургана в Теотиуакане, чтобы решить, кто должен принести себя в жертву, дабы возникло новое, Пятое Солнце и в мир вернулся свет:

И хотя была ночь,

И хоть не было дня,

И хоть не было света, они собрались

На совет богов

Там, в Теотиуакане.

За честь бросить себя в священный огонь, из которого должно зародиться Пятое Солнце, боролись двое: красивый и знающий толк в жизненных наслаждениях Теккистекаль, «невежественный, но алчущий славы», и скромно державшийся в тени Нанахуацин, «прыщавый бог, вечно больной и покрытый бубонами». В последний момент Теккистекаль отпрянул от жгучего пламени. Нанахуацин же «напрягся, зажмурил глаза, рванулся вперед и бросился в огонь, где стал гореть, шкворча, как поджариваемое мясо». В результате этого акта космического альтруизма Пятое Солнце взошло, ознаменовав начало новой эпохи: «Оно ослепляло, сияло и разбрасывало свои сверкающие лучи, заливая светом все вокруг».

Поиск бессмертия

Сежурн придает особое значение тому факту, что бог, чье самопожертвование дает жизнь Пятому Солнцу, покрыт струпьями.

«Тело его распадается; выполнив задачу примирения противоположностей, он стал восприниматься отдельно, независимо от своей фрагментарной сущности… Эта история, с ее ритуальными подробностями и секретной формулой, представляет, похоже, модель последнего испытания инициации, которое ведет через смерть к вечной жизни».

Потрясает количество дошедших до нас мифов, преданий и литургий, связанных с Теотиуаканом, бессмертностью человеческой души и трудной работой, которую Должен проделать посвящаемый, дабы достигнуть ее. «О, брат, — предупреждает инквизитор в одном из сохранившихся древних ритуалов, — ты пришел в место великой опасности и большой работы и страха… ты пришел в место, где ловушки и сети громоздятся друг на друге, так что никто не может пробраться, не угодив в них… Это — твои грехи».

Это не оставляет нам никаких сомнений в том, что один из аспектов ритуалов Теотиуакана был связан с карой и суровым духовным испытанием. Впрочем, из тех же источников вытекает, что *сам священный город считался неотъемлемой частью механизма посвящения.* Его монументам было присуще некое особое таинственное свойство создавать божественный фон, на котором физическая смерть теряла свою силу, а смертные люди превращались в бессмертных богов:

И они называли его Теотиуаканом,

Ибо это было место,

Где погребают владык.

И они говорили:

«Когда мы умрем,

То на самом деле не умрем,

Потому что будем жить, мы восстанем,

Мы продолжим жить, мы пробудимся…»

И мертвого, когда он умирал,

Наставляли так:

«Пробудись, небо уже порозовело…»

Историки говорили,

Что тот, кто умер, стал богом,

Они говорили: «Его там сделали богом».

Далее предания науатлей говорят, что за процессом превращения людей в богов наблюдала группа жрецов — «стариков», которые руководили пробуждением умерших. Про этих жрецов говорили, что они — «мудрые люди, обладатели оккультных знаний, носители традиций». Иногда их называли Последователями Кецалькоатля, а в *«Пополь-Бух»,* священной книге древних майя, они именуются «пернатыми змеями… великими носителями знания, великими мыслителями по самой сути своей». Именно они обучали необычным ритуалам духовного посвящения, которые, в конце концов, были присвоены ацтеками за 200 лет до конкисты.

Кецалькоатль

Центральной фигурой в древнемексиканских ритуалах возрождения был «Владыка Пернатый Змей» Кецалькоатль — божественный царь золотого века, который, согласно легендам, умер, но однажды возвратится. Из мифов хорошо известно описание наружности этого «царя прошлого и будущего» — высокий блондин со светлой кожей и бородой, что делает его явно похожим на представителя европейской (кавказской) расы. Поскольку считалось, что европейцы не посещали Нового Света до эпохи Колумба, ученые в течение долгого времени не воспринимали серьезно явно европейские черты Кецалькоатля, которые, во-первых, не соответствовали господствующим теориям заселения Америки и, во-вторых, были политически неверными с позиций части аборигенов.

Недавно появилось удивительное свидетельство.

«Вашингтон Пост», вторник, 15 апреля 1997 г. (последний выпуск): Найденные при раскопках в Миннесоте и нескольких расположенных западнее штатах скелеты бросают вызов традиционной точке зрения, согласно которой все первые американцы походили на современных азиатов. Их черепа схожи с черепами европейцев, что позволяет предположить: среди первых людей, переселившихся в Новый Свет более 9000 лет назад, были люди кавказской расы. Такие кости были давно известны антропологам, однако они не придавали им большого значения, пока в последние несколько месяцев не произошла переоценка ценностей. Толчком к этому явилось последнее свидетельство — найденный прошлым летом необычно полный скелет европейца, умершего примерно 9300 лет тому назад в районе нынешнего города Кенневик, штат Вашингтон… Голова и плечо этого человека мумифицировались, значительная часть кожи на этих частях тела сохранилась… Те, кто исследовали останки, думали сначала, что они принадлежат европейскому поселенцу — пока данные радиоуглеродного анализа не указали на их действительный возраст. "Ситуация очень интересная, и я думаю, что мы на грани серьезного пересмотра истории заселения Северной Америки», — заявил Деннис Стэнфорд, директор Национального музея естественной истории при Смитсонианском институте».

Каков же возраст мифов о Кецалькоатле? Не могут ли они восходить к тем самым кавказцам, которые жили в обеих Америках в каменном веке, по крайней мере 9000 лет назад?

Глава 2
НА ЗЕМЛЕ, КАК НА НЕБЕ

Достоверно известно, что в Теотиуакане Кецалькоатля почитали великим богом и, соответственно, поклонялись ему. С древнейших времен и до прихода испанцев его характерным символом был «пернатый змей» — обычно гигантская змея, у которой вокруг шеи или вдоль спины растут перья. Этот отличительный мотив, а также другие характерные эмблемы божества в изобилии встречаются в Теотиуакане, причем не только на так называемой пирамиде Кецалькоатля, но и во многих других храмах и дворцах. Вообще, как утверждает Лоретта Сежурн, представляется ясным, что в значительной степени функции этого города некогда состояли в обслуживании культа Кецалькоатля.

Целью этого культа являлось духовное преображение посвящаемых — процесс трудной умственной деятельности и самоотречения, направленных на то, чтобы «отсечь» все связи с миром ощущений и тем самым освободить душу, рассматриваемую как «драгоценный камень и роскошное перо», от материального бремени. Частично эта работа, по-видимому, сводилась к ритуальным действиям, в ходе которых посвящаемый претерпевал символическую смерть и возрождение подобно богу Кецалькоатлю, царю прошлого и будущего, который, как говорили, добровольно заключил себя на четыре дня в саркофаг — «каменный ящик», — из которого он затем восстал и направился «к небесному берегу божественных вод». Там

«он остановился, издал крик, сорвал с себя одежды и облачился в перья… Украсив себя, он поднес к себе огонь и сжег себя…

Говорят, что после того как он сгорел, весь пепел, разом взлетел вверх, и после смерти Кецалькоатля слетелись всевозможные редкие птицы…

И по прошествии восьми дней появилась большая звезда, именуемая Кецалькоатль».

В этом центральноамериканском сказании доколумбовых времен отчетливо выделяются две темы, которые в глазах ученых ассоциировались исключительно со Старым Светом, но никак не с Новым — тема Феникса, восстающего из пепла, оставшегося на месте погребального костра, и тема звездного возрождения, которая, как мы увидим в части второй, впервые была достоверно зафиксирована далеко-далеко от Мексики — в древнеегипетских «Текстах Пирамид», относящихся к <III —?> тысячелетию до н. э. Как и в Древнем Египте, где способность солнца к вечному самовозрождению символизировала реинкарнацию, так и древние мексиканцы называли солнце «царем тех, кто возвращается».

Загробные царства

Подобные параллели существуют во всех верованиях. Например, древние египтяне представляли себе страшный загробный мир, который находится на участке неба, называемом «Дуат», что обычно переводится как «ад»; считалось, что там совершают опасное путешествие души умерших. Древние мексиканцы также говорили о не менее ужасном загробном царстве, именуемом «Страной Тайн»:

Чем больше плачу я, чем больше я страдаю,
Тем больше сердцем я противлюсь мысли той,
Что должен буду я, когда все завершится,
Явиться в Страну Тайн.
Здесь, на земле, твердят наши сердца:
«Друзья, вот если б были мы бессмертны,
Друзья, где та земля, где смерть не властна?»
Придется ль мне уйти за матерью вослед

И за отцом своим? Быть может, они живы
В той Стране Тайн… Душа моя трепещет:
Ужели мне судьбой предписано исчезнуть,
Как больно сознавать, что ждет тебя конец.

Мексиканцы считали, что в Стране Тайн каждому умершему предстоит выдержать семь суровых испытаний, причем последнее из них должно произойти в присутствии самого бога смерти. Существовало также предание о том, что путь к возможному триумфу открыл будущим путешественникам в преисподнюю лично Кецалькоатль, который возвратился оттуда с лежавшими там костями предков и вернул их к жизни. Аналогичные заслуги древние египтяне приписывали своему верховному богу Осирису, владыке воскрешения и возрождения.

Совсем как древние египтяне, древние обитатели Центральной Америки помещали свой ад в ту часть неба, где проходит Млечный Путь. И еще одно любопытное совпадение: и те, и другие верили, что ворота в загробный мир распахиваются «в красном полумраке, что предшествует рассвету». Но что особенно потрясает, так это то, насколько обе системы посвящения были связаны с астрономией, в особенности с эзотерическими знаниями о небесных циклах, и с надеждой на бессмертие, обретаемое среди звезд, именно поэтому ацтекские мудрецы, когда их просили растолковать, в чем смысл смерти, «говорили, что они не умирают, а пробуждаются от сна, в котором жили… и вновь становятся духами или богами… Еще они говорили, что одни превращаются в солнце, а другие — в луну».

Такой вот апофеоз был конечной целью посвящаемых на пути Кецалькоатля, «того, кому ведома тайна всякой магии», о котором мифы говорят так: «И самое главное, он учил людей науке, показывая им, как измерять время и изучать коловращение звезд».

Имитация небес

На фоне подобных представлений нисколько не удивляет тот факт, что священный город Теотиуакан, чьи пирамиды, посвященные Кецалькоатлю, солнцу и луне, имеют довольно хитроумную конструкцию, связанную замысловатым образом с астрономией, с небесами.

Мы уже видели, что главная ось города, Дорога мертвых, сознательно повернута на угол 15 градусов 30 минут к востоку от направления «север — юг». Объяснения этому нельзя найти, рассматривая Дорогу мертвых отдельно; зато если обратить внимание на сооружение, доминирующее в Теотиуакане, — пирамиду Солнца, — то окажется, что ее западная сторона смотрит на 15 градусов 30 минут к северу от направления «запад — восток», а восточная — на 15 градусов 30 минут к югу. Иными словами, направление Дороги мертвых определяется ориентацией западной грани пирамиды Солнца.

И эта ориентация не произвольна, ибо нацелена на ту точку на западной стороне горизонта, где солнце заходит в два астрономически важных дня — 19 мая и 25 июля — единственные два дня в году, когда в полдень солнце проходит через зенит прямо над головой на широте Теотиуакана (19,5 градуса севернее экватора). Теотиуакан был также связан с положением звездного скопления Плеяд (в созвездии Быка), относящимся к 150 г. до н. э. Эта дата хорошо согласуется с археологией города. В то же время в эту эпоху, как показывает компьютерная реконструкция, в первый из двух дней в году прохождения Солнцем зенита Плеяды совершают то, что астрономы называют «гелиакальным восходом» — как раз перед рассветом их можно увидеть восходящими в розовеющем восточном небе.

Для древних майя Центральной Америки, которые, как известно, имели плотные и регулярные контакты с Теотиуаканом в зените его славы, Млечный Путь являлся особенно

важной деталью небосвода. Они считали его дорогой, ведущей в их преисподнюю — Хибальбу, которую они, подобно другим центральноамериканским народам, помещали на небо. Стэнсберн Хагар, секретарь отдела этнологии в Бруклинском институте искусства и науки, провел большие археоастрономические исследования в Теоткуакане. В своих научных трудах, опубликованных в 1920-е годы, он представил серьезные свидетельства в пользу того, что теотиуканская Дорога мертвых, которую в некоторых преданиях называли также Дорогой Звезд, должна была по замыслу проектировщиков «олицетворять Млечный Путь», образуя символическую тропу, по которой «как считалось, духи следуют… с земли в страну душ среди звезд».

В основе этой дерзкой идеи лежит образ Земли как «зеркала небес»; смысл ее в том, чтобы архитектурные сооружения, возведенные «внизу», на Земле, являлись отображением деталей «наверху», в небесах, и связывались с важными небесными событиями. Как мы увидим в последующих главах, три Великих пирамиды и Сфинкс на плато Гизы в Египте были построены в соответствии с таким планом, причем река Нил играла роль земного отображения Млечного Пути. Случайно ли в точности такая система идей обнаружилась в Теотиуакане, который, согласно Хагару, «воспроизводил на Земле план небесного мира, где обитают божества и духи умерших».

Свое исследование Хагар заканчивает словами: «Мы еще не осознали ни важности, ни широты распространения в древней Америке астрономического культа, составным элементом которого являлся этот небесный план и, как минимум, одним из главных центров которого был Теотиуакан».

Если он прав, то этот культ, каково бы ни было его происхождение, должен быть чрезвычайно древним. В Египте он уже существовал в III тысячелетии до н. э. В Мексике археологи не без основания считают, что монументы Теотиуакана в их нынешнем виде были сооружены между 150 и 300 гг. до н. э. Причем под фасадами всех трех пирамид были найдены следы более ранних сооружений, указывающие на то, что на тех же местах стояли другие пирамиды, восходившие еще к первобытным священным курганам (в некоторых из которых имелись пещеры), служившие предметом поклонения в глубокой древности.

Семьдесят два кусочка жадеита

21 сентября 1996 г., в день осеннего равноденствия, мы находились на Юкатане, в городе майя под названием Чичен-Ица, который, как считают, основан в VI веке до н. э. и с тех пор непрерывно развивался как минимум до XIII столетия. В центре его — пирамида, посвященная Кукулкану (Кецалькоатлю). Состоящая из девяти помещенных друг на друга платформ, она достигает высоты 30 метров, а стороны основания имеют протяженность 55,3 метра. Как у пирамиды Солнца в Теотиуакане, ее главная ось сознательно повернута на восток от северного направления (и на запад от южного). Здесь, однако, угол поворота выбран не для того, чтобы отмечать дни прохождения солнцем зенита, а рассчитан на дни весеннего и осеннего равноденствия, когда солнце восходит точно на востоке, а продолжительность дня и ночи одинакова.

Вечером, около 5 часов 15 минут стало ясно, что именно происходит. Пирамида была столь точно ориентирована с учетом положения солнца в день равноденствия, что древним строителям удалось получить уникальную игру света и тени на западной стороне северной лестницы. Постепенно, по мере того как время отсчитывало минуты и солнце опускалось все ниже и ниже, картина, образованная тенью, которая отбрасывалась северо-западным углом пирамиды, становилось все более отчетливой. Около половины шестого вечера семь треугольников света полностью обозначили семь изгибов гигантской извивающейся змеи. Хвост змеи достигал верхней платформы пирамиды, а тело тянулось вниз вдоль балюстрады

лестницы, где возле самой земли заканчивалось огромным скульптурным изображением змеиной головы с разинутой пастью.

Это почти волшебное явление древнего божества как сигнал наступления равноденствия показывает, что некогда в Чичен-Ице существовала развитая геодезия и астрономическая наука, ибо только цивилизация с высококвалифицированными топографами, астрономами и маркшейдерами могла добиться столь прецизионной точности, необходимой, чтобы добиться нужной картины в точно заданный момент.

Сегодня нельзя точно сказать, когда именно эта наука начала самовыражаться в архитектуре Чичен-Ицы, поскольку храм Кукулкана, подобно пирамидам Теотиуакана, покоится на остатках более раннего сооружения, которое стояло на том же месте и было так же ориентировано.

Значительная часть этой «пирамиды-предка» уцелела, скрытая фасадом нынешней пирамиды, и с 1930-х годов она интенсивно исследовалась. Чтобы добраться до ее вершины, мы карабкались по крутой и темной лестнице-туннелю, пробитой археологами под существующей северной лестницей. Наверху мы попали в прямоугольное помещение с откинувшимся назад идолом дипа «Чакмоол». Его часто использовали в качестве стола для человеческих жертвоприношений. Позади этой фигуры, в тени второй прямоугольной камеры, мы могли разглядеть величественную скульптуру пумы, высеченную из одного куска камня и выкрашенную в красный цвет. Рот у нее был открыт так, чтобы, по мнению древних майя, символизировать «вход в преисподнюю». Пятна на ее шкуре имитировались 72 кусками жадеита.

Как мы увидим в последующих главах, пума является аналогом своего древнеегипетского собрата — льва в обличье Великого Сфинкса (который, кстати, тоже был некогда выкрашен в красный цвет), а число 72 было включено в конструкцию Великой пирамиды.

Тайна звезд в пещерах

Использование числа 72 в Египте и Мексике, равно как во многих других древних культурах, проистекает из космологического процесса, известного под названием «прецессия», который можно обнаружить лишь с помощью длительных и исключительно точных астрономических наблюдений с фиксацией их результатов.

Сколько же времени человеческие существа занимались такими наблюдениями?

В 1972 г. Александр Маршак воспользовался углеродной датировкой обломков костей с гравировкой, найденных в пещерах каменного века, и показал, что 40 000 лет назад в северной Европе люди наблюдали и точно регистрировали фазы луны, а также, возможно, летнее и зимнее солнцестояние.

Некоторые из костей с любопытными спиралями, образованными высверленными точками-лунками, были найдены во Франции, в районе Ласко. В декабре 1995 г. ученый-космолог Фрэнк Эдж разослал свой научный отчет с «небесной интерпретацией» Зала Быков во всемирно известной пещере Ласко. По мнению ученых, Зал Быков был расписан около 17 000 лет назад, то есть *более чем за 14 000 лет* до того, как двенадцать зодиакальных созвездий были (как считалось ранее) отобраны и наименованы древними вавилонянами и греками. Поэтому сторонники ортодоксальной точки зрения наверняка ощущают дискомфорт, знакомясь с тем, как Эдж убедительно описывает сходство между тем, как, согласно компьютерной реконструкции, выглядело созвездие Тельца перед рассветом в день летнего солнцестояния в 15000 г. до н. э., и изображением Великого Быка в пещере Ласко:

«Обратите внимание на шесть хорошо заметных черных точек как раз над течами Быка из Ласко. Сравнив их с Плеядами, мы можем увидеть, насколько основательна связь между этим Быком и созвездием Тельца. Эти шесть точек не только совпадают по количеству с хорошо различимыми Плеядами, но и располагаются в пространстве примерно также, в том же числе и по отношению к туловищу и морде пресловутого быка. Сходство этого быка ледникового периода с традиционным изображением созвездия Быка так велико, что, если бы Бык из Ласко был обнаружен, скажем, в средневековом манускрипте, а не на потолке пещеры, мы сразу же узнали в нем Тельца».

Несущее небо

Выводы Эджа относительно древнего происхождения Тельца были недавно распространены Александром Гурштейном и на другие зодиакальные созвездия. Профессор астрономии в государственном колледже Меза (штат Колорадо), Гурнштейн опубликовал в мае 1997 года в журнале *«Сайентифик Америкен»* статью, в которой утверждает, что «идентичность самых известных созвездий может оказаться намного более древней, чем считали ранее».

Его мнение опирается прежде всего на тот факт, что «из 12 знаков зодиака в каждый конкретный момент времени имеют реальное значение только четыре. Это — те созвездия, в которых солнце восходит в дни весеннего и осеннего равноденствия, а также в дни зимнего и летнего солнцестояний» (см. ниже: Некоторые астрономические данные). Гурнштейн отмечает, что в настоящее время эта четверка включает в себя Рыб, Деву, Близнецов и Стрельца (Рыбы связаны с весенним равноденствием). Вместе с тем, указывает он, во времена вавилонян все было совсем иначе.

«Покачивание оси Земли [«прецессия»] *перемещает точку восхода солнца в дни равноденствия и солнцестояния по небу со скоростью 1 градус за 72 года. Поэтому около 700 г. до н. э.* [когда, как считают, была изобретена греко-вавилонская система знаков зодиака] *самыми важными созвездиями должны были быть Овен* [в день весеннего равноденствия]*, Весы, Рак и Козерог. Это может объяснить, почему вавилоняне изображали эти четыре знака на своих картах, но остается непонятным, почему они не потрудились дать имена всем остальным? Ответ можно найти, если заглянуть еще дальше в прошлое. Для того, чтобы к эпохе вавилонян стали «важными «все двенадцать знаков зодиака, процесс их поименования должен был начаться еще в 4400 г. до н. э., когда ключевыми должны были стать те же созвездия, что и сегодня. Иными словами, самыми древними знаками зодиака должны быть Рыбы, Дева, Близнецы и Стрелец, получившие названия в каменном веке».*

Некоторые сведения из астрономии

Солнце, как известно, встает «на востоке», однако не в одной и той же точке восточного горизонта. Подобно стрелке какого-то гигантского прибора, оно медленно перемещается в течение солнечного года вдоль линии горизонта, каждое утро передвигаясь чуть-чуть левее по отношению к наблюдателю (или севернее), а затем, наоборот, слева направо, и так до бесконечности. Для того, чтобы этот цикл перемещения его на востоке с юга на север и снова с севера на юг завершился, требуется целый год.

В течение года можно выделить четыре естественных «особых точки», на которые были ориентированы многочисленные древние и священные церемонии по всему Миру. В современном западном календаре эти точки имеют следующие названия:

• декабрьское (зимнее) солнцестояние — 21 декабря, середина зимы и самый короткий день в северном полушарии; солнце занимает крайне южное положение за весь год;

• мартовское (весеннее) равноденствие — 21 марта, начало весны в северном полушарии; солнце восходит точно на востоке, продолжительность дня и ночи одинаковы;

• июньское (летнее) солнцестояние — 21 июня, середина лета и самый длинный день в северном полушарии; солнце занимает самое северное положение за год;

• сентябрьское (осеннее) равноденствие — 21 сентября, начало осени в северном полушарии; солнце восходит точно на востоке (как в марте), день и ночь тоже имеют равную продолжительность.

На самом деле каждой из «особых точек» соответствует определенное положение Земли на ее орбите вокруг Солнца. С учетом того, что земная ось наклонена к вертикали (то есть к перпендикуляру, восстановленному к плоскости орбиты) примерно на 23,5 градуса, Северный полюс нашей планеты сильнее всего повернут от Солнца 21 декабря, сильнее всего — к Солнцу 21 июня, а 21 марта и 21 сентября повернут к Солнцу боком.

Земля вращается вокруг Солнца на расстоянии 146 миллионов километров, причем эта орбита лежит в одной и той же плоскости, а вокруг находится бесконечное космическое пространство с далекими звездами. Так как мы живем на сферической планете, человеческие существа естественным образом воспринимают это космическое окружение как некую огромную сферу, на которую мы смотрим из ее центра. Ее украшают около двух тысяч видимых звезд, причем они распределены по всей сфере, хотя в одних местах их больше, чем в других.

В плоскости земной орбиты расположен пояс из звезд, которые древние астрономы сгруппировали в двенадцать зодиакальных созвездий. Если представить себе, что орбита — это кольцевая железная дорога, то этот пояс созвездий — как бы ряд станций, равномерно распределенных по кругу.

По мере того как Земля движется по всей орбите, очевидно, что в разные моменты времени Солнце последовательно оказывается между Землей и одной из этих «станций», по очереди каждым из двенадцати зодиакальных созвездий. С точки зрения земного наблюдателя это означает, что он видит, как солнце на рассвете восходит на фоне звездной картины, которая медленно поворачивается на протяжении солнечного года, причем солнце проводит «в доме» каждого из знаков зодиака примерно месяц.

В большом временном масштабе существует астрономическое явление, известное под названием прецессии. Оно связано с медленным-медленным покачиванием земной оси и с точки зрения земного наблюдателя проявляется в столь же медленном циклическом «проскальзывании» зодиакального пояса относительно точки восхода солнца. Результатом является то, что в любую конкретную эпоху четыре ключевых созвездия лишь *временно* соответствуют равноденствиям и солнцестояниям. Это прецессионное проскальзывание, которое происходит со скоростью 1 градус за 72 года, приводит к тому, что Солнце «живет» в каждом созвездии в среднем около 2160 лет. Таким образом, все двенадцать созвездий проходят полный цикл через все четыре ключевых момента года за срок, чуть меньше 25 920 лет.

См. на схемах:

1. Годичное перемещение точки восхода солнца.

2. Ось вращения Земли.

3. Положения Земли на околосолнечной орбите во время четырех ключевых моментов в году.

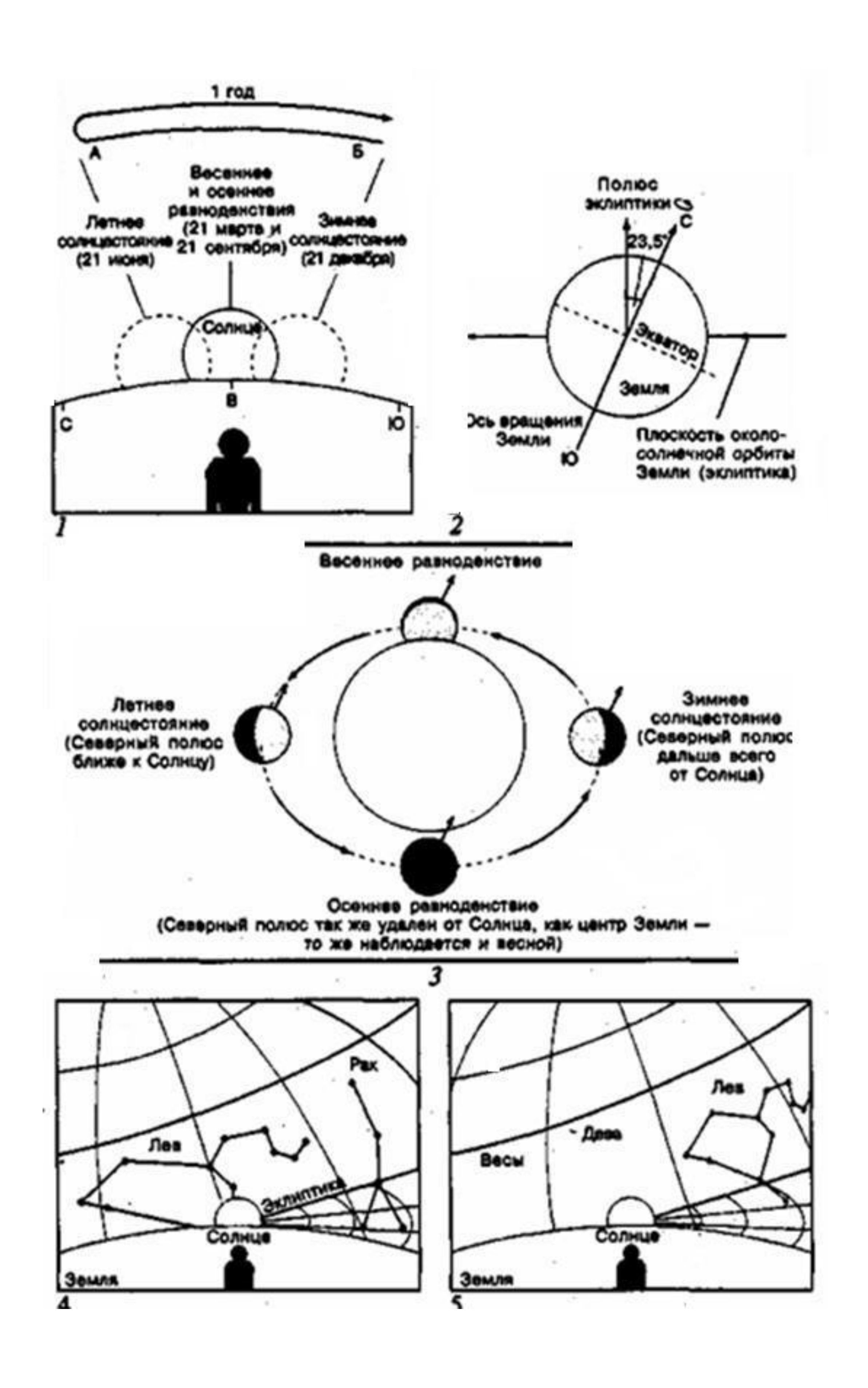
4. Солнце восходит в созвездии Льва.

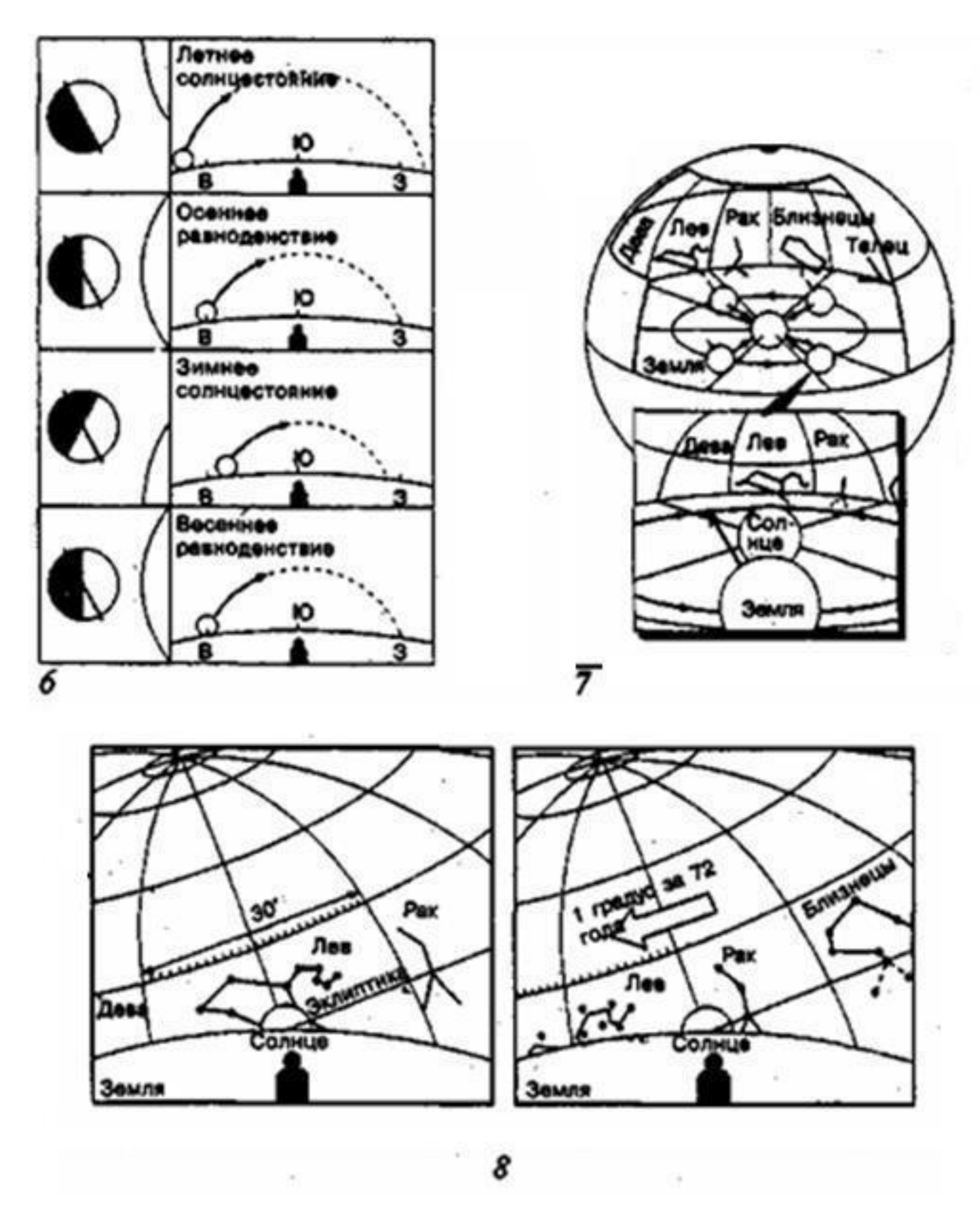
5. Через месяц видно, как оно восходит в созвездии Девы.

6. Точка восхода и видимая траектория солнца на небе в четыре ключевых момента; видно, как меняется продолжительность светового дня (только для северного полушария).

7. «Фоновое» созвездие, в котором наблюдается восход солнца, меняется каждый месяц из-за обращения Земли вокруг Солнца.

8. Из-за прецессионного цикла звезды, на фоне которых восходит солнце в любой заданный момент времени, передвигаются против часовой стрелки на 1 градус за 72 года.

1 год
А
Б
Весеннее
и осеннее
равноденствия
(21 марта и
21 сентября)
Летнее
солнцестояние
(21 июня)
Зимнее
солнцестояние
(21 декабря)
Солнце
В
С
Ю
1
Полюс
эклиптики
С
23,5°
Экватор
Земля
Ось вращения
Земли
Ю
Плоскость около-
солнечной орбиты
Земли (эклиптика)
2
Весеннее равноденствие
Летнее
солнцестояние
(Северный полюс
ближе к Солнцу)
Зимнее
солнцестояние
(Северный полюс
дальше всего
от Солнца)
Осеннее равноденствие
(Северный полюс так же удален от Солнца, как центр Земли —
то же наблюдается и весной)
3
Рак
Лев
Эклиптика
Солнце
Земля
4
Лев
Дева
Весы
Солнце
Земля
5

Компьютерная реконструкция влияния прецессионного качания земной оси на видимое положение звезд показывает, что предложенная Гурнштейном дата 4400 г. до н. э. является минимально от нас удаленной. Иначе говоря, если он прав, то ее следует считать *самой последней датой,* когда мог начаться процесс поименования зодиакальных созвездий, поскольку Близнецы в день весеннего равноденствия уступили, в результате прецессии, роль «дома солнца» соседнему созвездию Тельца. В тот же самый период Деву (во время летнего солнцестояния) сменил Лев, Стрельца (в осеннее равноденствие) — Скорпион, а Рыб (во время зимнего солнцестояния) — Водолей. Зато, если отступить еще на 1600 лет назад, в 6000 г. до н. э., то мы бы стали свидетелями того, как солнце только-только начинает свое прецессионное путешествие через Близнецов во время весеннего равноденствия и, соответственно, через Деву — во время летнего солнцестояния, Стрельца — в осеннее равноденствие и Рыб — в зимнее солнцестояние.

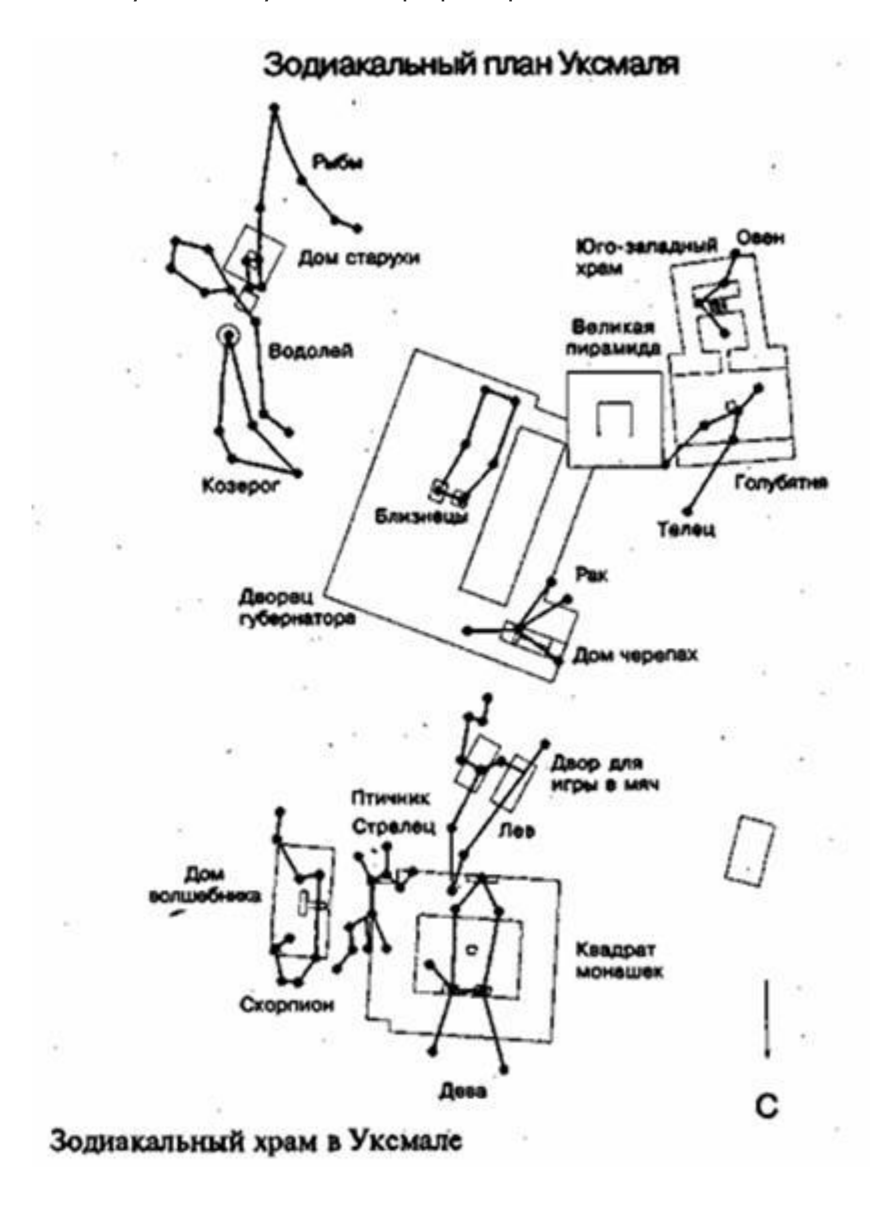
Таким образом, из гипотезы Гурштейна должно следовать, что все рассматриваемые созвездия могли быть взяты людьми на заметку (примерно в нынешнем виде) не позднее

6000 г. до н. э. Если он прав, значит, Зодиак не является изобретением греков и вавилонян, а они получили его в наследство от намного более раннего источника, который, теоретически способен был оказать влияние и на многие другие культуры древности.

Города Зодиака

Задолго до Эджа и Гурштейна, Стэнстерн Хагар был озадачен сходством западной системы Зодиака с той, которую использовали в доколумбову эру майя в Центральной Америке. Эти две системы, считал он, «достаточно аналогичны, чтобы предположить, что они происходят от общего источника, хотя нам и неизвестно, где и как осуществлялся соответствующий контакт».

Развивая свою предыдущую работу об «имитации небес» в Теотиуакане, Хагар обнаружил зодиакальную систему в… топографии храмов майя.

Зодиакальный храм в Уксмале

«Многие, а возможно, и все города майя были спланированы таким образом, чтобы отобразить на земле устройство небес, как его тогда представляли… В четырех местах — Ухмале, Чичен-Ице, Яхчилане и Паленке — можно проследить почти всю последовательность знаков Зодиака; частично она прослеживается во многих других местах, включая храмы и стелы Копана и Киригуа, самые старые из известных развалин майя…»

Самое подробное исследование этого вопроса было проведено Хагаром в городе майя Ухмаль, в 200 километрах к западу от Чичен-Ицы; его результаты изложены в научной статье *«Зодиакальные храмы Ухмаля»,* опубликованной в 1921 г. Он считает храм около юго-западной границы застройки земной моделью созвездия Овна, так называемый «Дом голубей» с его характерной зубчатой крышей — отображением Тельца, а «Дом губернатора» — аналогом Близнецов (поскольку «две змеи, которые тянутся по всему его фасаду, играют в Зодиаке майя роль Близнецов»). Кроме того, «Дом черепах» соответствует Раку, центральная «Площадка для игры в мяч» — Льву, так называемый «Четырехугольный женский монастырь» — Деве, «Дом священников» — Весам, «Дом птиц» — Стрельцу, приметная «Пирамида Волшебника» — Скорпиону, а Козерогу, Водолею и Рыбам соответствуют три храма около юго-восточной границы застройки. И далее Хагар приходит к выводу:

«Эта великая космическая схема была основана на вере в то, что все в этом мире является тенью или отражением идеальной реальности, которая существует в царствии небесном. Имитация наблюдаемого небесного плана приносит, таким образом, на Землю часть этого небесного совершенства. Священный город с небесной планировкой отражает это совершенство и распространяет на своих обитателей благодатное влияние звезд».

Звездный город Орион

В дополнение к зодиакальному шаблону, обнаруженному Хагаром, существует город майя, который моделирует *не зодиакальное* созвездие. Это — город Утатлан, последняя столица (1150–1524) киче-майя, позднеклассический город в горах Гватемалы. Эти киче были авторами книги мудрости, известной под названием *«Пополь-Вух»,* которая содержит неоднократные загадочные упоминания о «земле земной» и «земле небесной», которые отражают или как-то имитируют друг друга. Поэтому установленный археологами Хозе Фернандесом, Робертом Кормаком и другими тот факт, что «центральная часть Утатлана» была спроектирована «в соответствии с небесной схемой — конкретно в форме созвездия Ориона» — выглядит довольно логичным.

Фернандес сумел также доказать, что все главные храмы Утатлана «были ориентированы на точки гелиакальных заходов звезд Ориона», и утверждал, что Млечный Путь, рядом с которым располагается Орион, «считался небесной тропой, соединяющей пупок неба с центром преисподней».

В связи с этим нелишне будет вспомнить факт, хорошо известный ученым, а именно, что Орион широко фигурировал в верованиях майя в связи с возрождением; согласно им, это созвездие является ничем иным, как «местом творения». Три главных звезды его пояса обычно именуются в *«Пополь-Вух»* либо тремя камнями, что установлены в «сердце творения», либо «черепахой возрождения». Кстати, в «Мадридском кодексе» имеются иллюстрации, на которых дерево бога Кукурузы, символизирующее космическую ось, воскресает, вырастая из спины черепахи. Как мы увидим в части третьей, почти такая же система образов встречается в барельефах Ангкор-Вата в Камбодже, где бог Вишну в своей черепашьей инкарнации изображен держащим на спине ось мира в виде горы Маклера, «вспенивающей Млечный Океан», чтобы произвести эликсир бессмертия. В то же время в Египте, как мы покажем в части второй, созвездие Ориона считалось звездным образом Осириса, бога возрождения, а три звезды Пояса Ориона послужили небесным прообразом

воздвигнутых на земле трех Великих пирамид Гизы, причем опять на таком месте, которое почиталось «местом творения».

В гробнице Сенмута в Верхнем Египте созвездие Ориона, легко узнаваемое по трем звездам пояса, изображено рядом с фигурами двух черепах такого вида, который ассоциировался у майя и с Орионом, и с возрождением.

На росписи — мурали храма Зеленеющего Креста в городе майя — Паленке (мексиканская провинция Чиа-пас) мы видим Млечный Путь в образе кукурузного дерева, растущего «из места творения вблизи Ориона». По бокам Млечного Пути — две фигуры: дух Властителя Пакаля, усопшего правителя Паленке, и его сын и наследник Чан-Балум, которые изображены в момент духовной связи друг с другом. По мере того как отец восходит на небеса, сын превращается из «наследника в царя». В то же время предполагается, что действия и ритуалы, совершаемые сыном, являются непременным условием для того, чтобы осуществилось столь желаемое возрождение отца среди звезд. И одна из главных идей этой мурали состоит в том, что отец возрождается сыном; эту идею Дэвид Фрейдель, Линда Шеле и Джой Паркер называли «главной, основной тайной религии майя».

В высшей степени любопытно, что, как мы увидим в части второй, аналогичная тайна лежит в основе древнеегипетского культа возрождения, где Осирис играет роль преображаемого отца, а Гор является его возрождающим сыном. В Египте, как и у майя, Орион и Млечный Путь фигурируют в некоем звездном контексте. В Египте, как и в Мексике, умерший должен совершить путешествие через преисподнюю. В Египте, как и в Мексике, религиозные учения гласят, что наша жизнь есть возможность подготовиться к этому путешествию, и возможностью этой ни в коем случае не следует пренебрегать.

Без прецедентов

Подобные аналогии заставляют нас предположить, что характерные черты древнего ритуала возрождения, переплетающиеся с данными сложных астрономических наблюдений и порожденные всемирной космологической системой, с наследием которой можно встретиться в Египте и Юго-Восточной Азии, присутствуют на мексиканской земле в разрозненном и фрагментарном виде. Эта система, которая несла идеи двойственности и взаимопроникновения земли и неба, материи и духа, побуждала посвящаемого порвать все связи с миром ощущений (например, бросая сломанные флейты) и вознестись в царство небесное через самопожертвование и поиск знания.

Несомненно, что все ранние центральноамериканские цивилизации исповедовали подобные идеи. Но проблема в том, что у ученых нет никаких гипотез относительно их источника. Они просто присутствуют в полностью сформировавшемся виде у самых истоков майя, у самого основания Теотиуакана. *Абсолютно все* здесь не имеет прецедента, причем не только духовные и космологические аспекты, но и вещи более земные, как, например, внушительный план города Теотиуакан. Как отмечает профессор Майкл Коу: «Пожалуй, самым странным фактом, связанным с планировкой этого великого города, является то обстоятельство, что у него нет абсолютно никаких прецедентов нигде в Новом Свете».

Впрочем, майя беспрецедентны во всех отношениях: и своими верованиями, и потрясающими архитектурными достижениями, и обширными познаниями в астрономии. Но, пожалуй, трудней всего найти объяснение их невероятно точному календарю, который Отто Нейгебауэр, историк науки, называл «одним из наиболее плодотворных изобретений человечества».

Этот календарь предлагает чрезвычайно подробную периодизацию мира, в которой наша эпоха именуется Пятым Солнцем. В нем представлен более точный расчет продолжительности солнечного года, чем современный григорианский календарь, точный

расчет периода обращения Луны вокруг Земли, точный расчет синодального обращения Венеры. Но, в отличие от других известных изображений майя, календарь этот, строго говоря, не является «беспрецедентным». Наоборот, сегодня ученые установили, что точно такой же системой пользовались ольмеки — так называемая «материнская культура» Центральной Америки.

И снова единственная проблема состоит в том, что у нас нет информации о происхождении этих «ольмеков». Даже имя у них — искусственное, данное им археологами, которые честно признаются, что «протоольменская фаза остается загадкой… в действительности неизвестно, ни в какое время, ни в каком месте формировалась культура ольмеков».

Мостом между нами и этими далекими от нас людьми служат несколько сот замечательных скульптурных каменных изображений, которые они сделали, а затем сознательно спрятали. И изображения эти — вещь совершенно экстраординарная.

Восходящая змея

Был уже конец дня, когда мы оказались у гигантской «Ольмекской головы» из Ла-Венты, города, которому 3500 лет и который увенчан странной конической пирамидой с волнообразной боковой поверхностью, сильно пострадавшей в эпоху процесса индустриализации.

Эта голова, которая была откопана в Ла-Венте вместе с десятками других столь же необычных произведений, высечена из одного куска серого гранита. Она принадлежит старику с явно африканскими чертами, имеет высоту 2,5 метра, ширину 2 метра и весит более 20 тонн. Рот и губы — пухлые, выступающие, нос широкий и приплюснутый, глубоко посаженные глаза смотрят прямо вперед. На ней хорошо различим головной убор с рельефными панелями, напоминающими полосатую ткань, куски которой закрывают уши и спускаются ниже подбородка. Определенные аналогии с головой Великого Сфинкса из Египта очевидны.

Ортодоксальные историки не признают присутствия африканцев в Новом Свете в доколумбовы времена и пытаются отмахнуться от того обстоятельства, что трехтысячелетние ольмекские головы, которых на сегодняшний день найдено 16, имеют явно африканские черты. Видимо, о том, что в археологии отсутствует расизм, свидетельствует и то обстоятельство, что эти археологи отказываются признавать и наличие в доколумбовой Америке представителей кавказско-европейской расы! К каким только софизмам не прибегали ученые, чтобы проигнорировать тот факт, что, согласно мифам, Кецалькоатль был высоким и бородатым бледнолицым, а также то, что в Мексике были обнаружены многочисленные самые древние изображения лиц европейского типа. При этом в ольмекском регионе подобные изображения находили в том же слое, что и африканские головы, причем зачастую рядом с ними. Впрочем, изображение европейцев выкапывали и в Монте-Альбано, на юго-западе, где согласно датировке возраст раскопа соответствовал 1000— 600 гг. до н. э.

Как мы уже говорили в предыдущей главе, факт обнаружения в Америке в 1996–1997 гг. костей европейцев, возраст которых превосходит 9000 лет, заставляет более реалистично воспринимать миф о Кецалькоатле. Поэтому вполне резонно задать вопрос: сколько еще времени пройдет, прежде чем лопата удачливого археолога отроет кости людей, которые служили прототипами огромных ольмекских голов?

«Предшественников ольмекской каменной скульптуре не обнаружено… думаю, что в Центральной Америке их и не суждено найти», — считает археолог Л.А. Парсонс.

Среди этих сирот имеется самое древнее изображение пернатого змея — Кецалькоатля, свернувшегося вокруг человеческой фигуры. Оно заставляет вспомнить о том, что у науатлей «пернатый змей… символизирует небесное происхождение человека». Что еще более важно, присутствие пернатого змея в ольмекских раскопках означает, что культ Кецалькоатля, культ возрождения и духовного обновления присутствовал в Центральной Америке уже в 1500 г. до н. э., когда предположительно зародилась ольмекская цивилизация.

Архитектура этого культа, даже во времена Ла-Венты, всегда включала пирамиды, которые всегда считались «вратами на тот свет» и связывались с «упорядочением земли и неба». Как мы увидим в части второй, около 2500 г. до н. э. культ с подобными взглядами процветал в Египте, в месте, которое тогда называли Ростау, «ворота на тот свет», в священных владениях Великой пирамиды.

Часть II

ЕГИПЕТ

Глава 3

СВЯТИЛИЩЕ КОСМОСА

Мы поднялись на вершину Великой египетской пирамиды вскоре после рассвета 21 марта 1996 г., в день весеннего равноденствия. К западу от нас далеко в пустыню простиралась четко очерченная тень монумента, как будто ее отбрасывал гномон-указатель гигантских солнечных часов, С восточной стороны возле основания пирамиды находился ряд пустых ромбовидных углублений, высеченных в скале, — это были «ямы», или «могилы», в которых некогда находились церемониальные деревянные лодки. С южной стороны виднелась задняя сторона уродливого современного сооружения под названием «Музей лодок», в котором находится лодка длиной 43,5 метра, которую нашли неподалеку от пирамиды. К юго-востоку от нас, в окружении двух древних мегалитических храмов, припал к земле Великий Сфинкс, протянув передние лапы в сторону горизонта, застыл как эмблема загадочной древности.

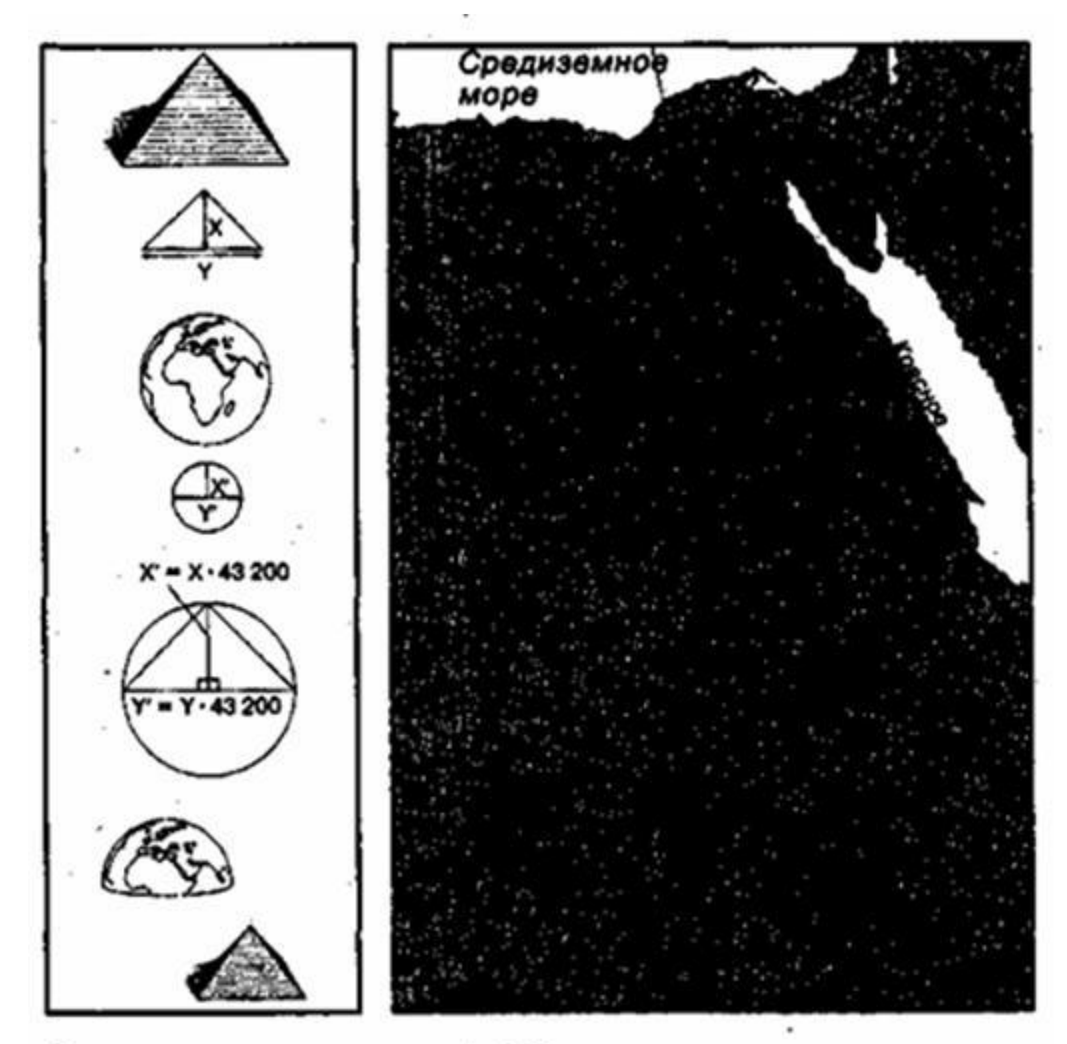
Прохладный бриз непрестанно дул со стороны дельты. Голубое небо, испещренное утренними облачками, изгибалось над нами подобно линзе. Под ногами у нас находился откос рукотворной горы; вдалеке круг горизонта — вечно вращающаяся Земля, вечно поворачивающаяся вокруг своей оси на восток.

Масштабная модель

В Гизе, известной у древних египтян под названием Ростау, «Ворота на тот свет», есть что-то такое, что настраивает на созерцание Космоса. Встаньте ночью под пирамидами, займите такое положение, чтобы какая-нибудь яркая звезда оказалась прямо над вершиной одной из них, и через десяток минут вы обнаружите результат вращения Земли — выбранная вами звезда уже не будет находиться над пирамидой, а заметно сместится к западу. Аналогичным образом, если на закате вы сами будете стоять на вершине Великой пирамиды, а приятеля поставите у основания, то в результате кривизны земной поверхности он увидит заход солнца первым, а вы в этот момент еще будете лицезреть это светило.

Историки, случается, дискутируют, догадывались ли древние, что Земля — шар. Обычно ответ бывает отрицательным, по крайней мере, применительно к эпохе греков. Но тогда следует ли признать счастливой случайностью, что при умножении высоты Великой пирамиды на 43 200 получается число, очень близкое к величине полярного радиуса Земли, а, умножив на 43 200 периметр ее основания, мы получим число очень близкое к длине экватора? Ученые признают, что такое отношение существует, но отрицают какое-либо

значение этого факта, спрашивая: «Вы что, серьезно хотите, чтобы мы признали это неким посланием, а не просто случайным выбором числа»?

Великая пирамида как модель Северного полушария

Подозревать наличие здесь послания или как минимум попытки установить связь нас заставляет тот факт, что число 43 200 не является случайным; оно принадлежит к ряду чисел, которые определяются математически явлением прецессии земной оси. Мы уже показали в главе 2, что это медленное циклическое колыхание смещает положение звезд со скоростью 1 градуса каждые 72 года (то есть 360 градусов за 25 920 лет). Результатом этого является видимое постепенное смещение 12 созвездий зодиака по отношению к точке восхода солнца в день весеннего равноденствия, что позволяет каждому из этих созвездий давать солнцу приют в этот особый день на протяжении 2160 лет.

Биение пульса этого механизма определяется числом 72 — такое число лет требуется для одного градуса прецессии. 600 таких ударов дают число 43 200 — то самое число, которое определяет соотношение между пирамидой и Землей.

Пропавшая наука?

Так является ли Великая пирамида действительно математической моделью Северного полушария Земли, специально построенной в масштабе, выведенном из особенности движения нашей планеты — прецессии ее оси?

Большинство ортодоксальных ученых не желает «тратить время» на обсуждение астрономических и геодезических характеристик пирамиды — так же, как и других монументов древности. Отчасти это может быть связано с тем, что ортодоксальная теория прошлого приучает своих сторонников считать наших далеких предков *слишком глупыми* для точных астрономических и геодезических наблюдений. Кроме того, как отмечает Джон Мичёл, самая человеческая природа заставляет академических мэтров «защищать свою территорию», упрямо предпочитая свою «собственную картину примитивной древности любым фактам, которые могли бы ее поколебать».

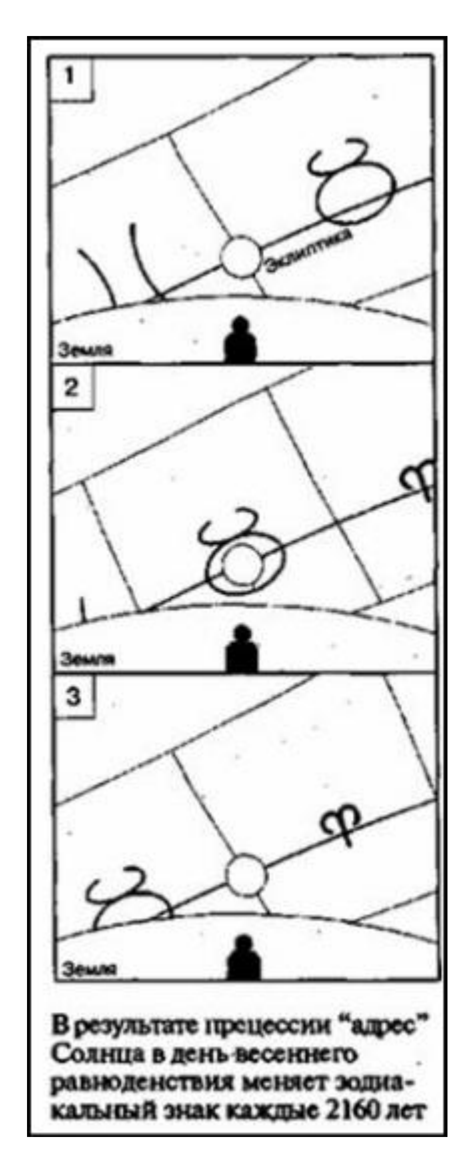
Считается, что астрономические эффекты прецессии и скорость, с которой они проявляются, были открыты греческим астрономом Гиппархом около 100 г. до н. э., причем до этого момента они были человечеству неведомы. Эта точка зрения, до сих пор монопольно представленная в энциклопедиях и учебниках, вряд ли может считаться обоснованной в свете растущего количества свидетельств, частично отраженных в предыдущей главе, касательно наблюдения зодиакальных созвездий в каменном веке.

Такое «исторически аномальное» свидетельство было впервые серьезно рассмотрено доктором Гертой фон Дехехенд из Франкфуртского университета и покойным Джордже де Сантильяной, профессором истории науки Массачусетского технологического института. В своем обширном исследовании *«Мельница Гамлета»,* опубликованном в 1969 г., они доказывают, что солидный багаж сведений по научной астрономии существовал в мире по меньшей мере «за 6000 лет до Виргилия» (то есть около 6000 г. до н. э.), причем для описания небесных явлений, которые, как доказано, происходили около 6000 г. до н. э., использовались широко распространенные мифологические сюжеты, на базе которых сложился специфический фольклор. Очевидная зрелость этих сюжетов даже на ранней стадии не давала покоя Сантильяне и фон Дехехенд, которые, в конце концов, поколебавшись, приписали происхождение этой суммы астрономических знаний «некоей почти невероятной старшей цивилизации», которая «первой посмела осмыслить мир, сотворенным в соответствии с числом, мерой и весом». Кроме того, эти двое ученых утверждали, что эта пропавшая культура продолжала оказывать глубокое влияние на более поздние, уже исторические культуры, даже такие удаленные друг от друга, как Египет и Индия, Греция и Мексика. Но каким-то образом прежде, чем началось то, что считают нормальной историей, возникла «безжалостная метафизика» — «чудовищная» космологическая теория, которая «распространила разум вне разумных пределов, хотя и не разрушила роль человека в космосе».

Среди наиболее убедительных доказательств существования этой пропавшей духовной и астрономической культуры можно отметить тот факт, что точные характеристики прецессии, в форме, специфических чисел, можно встретить в самых древних преданиях человечества. Эти числа и символы настолько постоянно встречаются, что авторы просто вынуждены сделать вывод, что они — следы исчезнувшей науки в виде мудрости, закамуфлированной под предания со своим особым техническим языком. Этот свод знаний они назвали «великой всемирной архаической конструкцией», на останках которой «пыль веков уже осела тогда, когда греки появились на сцене».

Для того, чтобы «вернальное» (весеннее) положение солнца (иначе говоря, его «адрес» на фоне звезд в день весеннего равноденствия) сместилось на полградуса вдоль пояса зодиака, требуется 36 лет (соответственно на целый градус — 72 года). Поскольку солнечный свет препятствует наблюдению звезд днем, подобные наблюдения могли производиться древними астрономами только в предрассветный час, для чего им необходимо было внимательно следить за восточным горизонтом, чтобы разглядеть те самые звезды, где

«поселилось» восходящее солнце. С позиции наблюдателя смещение на градус за 72 года — за целую человеческую жизнь — почти неразличимо, поскольку оно примерно эквивалентно ширине указательного пальца, вытянутого по направлению к горизонту. Напротив, смещение на 30 градусов эквивалентно одному зодиакальному созвездию и вполне различимо; однако обнаружить его можно, лишь производя наблюдения с регистрацией результатов многими поколениями астрономов (30 градусов по 72 года на градус составляет 2160 лет).

В результате прецессии “адрес” Солнца в день весеннего равноденствия меняет зодиакальный знак каждые 2160 лет

Смещение на 60 градусов, то есть на два зодиакальных созвездия, происходит за 4320 лет, 360 градусов (все 12 созвездий) — 25920 лет.

Эти числа и есть основные составляющие числового кода (назовем его прецессионным), который, как показали Сантильяна и фон Дехехенд, опираясь на сотни страниц документальных свидетельств, присутствует в древних мифах и культовых сооружениях по всему миру[1]. Также, как и в других эзотерических нумерологических системах, в этом коде позволительно перемещать десятичную запятую налево или направо и проделывать с основными числами всевозможные манипуляции, комбинируя их, переставляя, перемножая и деля. Важно только помнить, что основные числа связаны, причем весьма точно, с темпом прецессии равноденствий.

Ключевым числом в коде является 72. К нему часто прибавляли 36, получая в итоге 108; позволялось делить 108 на 2, чтобы получить 54, которое затем можно было умножить на 10, получив 540 (а также 54 000, или 540 000, или 5 400 000 и т. д.). Очень важным, кроме того, было число 2160 (то есть количество лет, требующееся, чтобы вернальная точка пересекла одно зодиакальное созвездие). Его можно было разделить на 10, чтобы получить 216, или умножить на 10 или его степени, чтобы получить 216 000 или 2 160 000 и т. д. Число 2160 иногда умножали также на 2, чтобы получить 4320, — или 43200, 432 000, 4 320 000 и т. д.

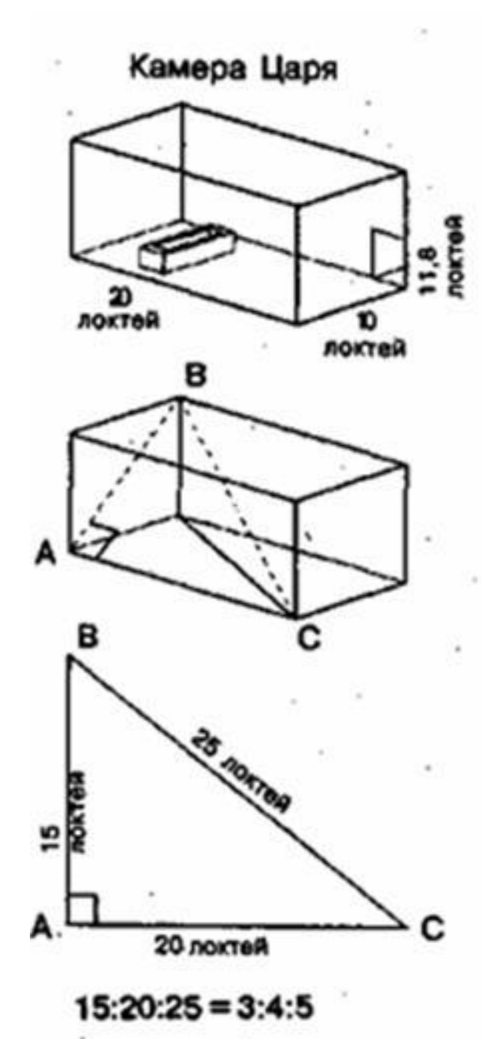
Другие особенности

Аргументы Сантильяны и фон Дехехенд могут дать возможное объяснение выбору соотношения 1:43200 между пирамидой и Землей. Но в дополнение к тому, что монументы Гизы могут служить архитектурным выражением прецессионного кода, они обладают многими другими прецессионными, астрономическими и геодезическими характеристиками.

Например, прецессионное число 216 можно без особого труда обнаружить в самом сердце Великой пирамиды в виде треугольника, образованного тремя габаритными размерами так называемой Камеры Царя. Это суровое и лишенное каких-либо надписей помещение из красного гранита, в котором, кстати, нет никаких следов захоронения фараона, в плане представляет собой прямоугольник с отношением сторон 2:1, или равно 20 египетских царских локтей (10,46 метра) в длину на 10 царских локтей (5,23 метра) в ширину. Как показывает чертеж, камера также «содержит» прямоугольный треугольник, меньший катет которого (15 локтей) представляет собой диагональ западной стены, соединяющую нижний юго-западный угол с верхним северо-западным углом, больший катет (20 локтей) совпадает с большей стороной основания (южный край пола), а гипотенуза (25 локтей) есть диагональ параллелепипеда, соединяющая верхний северо-западный угол камеры с нижним юго-восточным углом.

Долгота и широта пирамид, расположенных на одной трети расстояния от экватора до Северного полюса

Прямоугольный треугольник в составе Камеры Царя

Ориентация Великой пирамиды относительно сторон света определяется положением оси вращения Земли

Эти три стороны треугольника (15, 20 и 25 локтей) относятся друг к другу, как 3:4:5. Прямоугольные треугольники с такими соотношениями называют пифагоровыми — в честь Пифагора, греческого философа, математика и религиозного проповедника VI века до н. э., который, как считается, первым открыл их уникальную особенность. Она состоит в том, что сумма квадратов его меньшей стороны и средней стороны (9 плюс 16) равна квадрату большей стороны (25 единиц). Но настоящий «магический секрет» этого треугольника открывается, как показал исландский математик Эйнар Палссон, если возвести эти числа в куб. Тогда мы получим:

3х3х3 = 27

4х4х4 = 64

5x5x5 = 125

Сумма этих трех чисел (27+64+125) дает прецессионное число 216, и мы не думаем, что оно закралось в размеры Камеры Царя случайно.

Подобно этому, многие геодезические и астрономические характеристики монументов Гизы, скорее, результат умного и сознательного выбора их строителей, чем случая.

Например, пирамиды возведены на 30 параллели (30 градусов северной широты), то есть находятся точно на одной трети расстояния между экватором и северным полюсом нашей планеты. В своем стремлении к прецизионной точности строители сориентировали их северные грани на северный полюс, восточные — точно на восток, южные — точно на юг, а западные — точно на запад. Причем ориентация Великой пирамиды по сторонам света настолько точна, что ее меридиональная ось отклоняется от истинного направления «север — юг» на мизерную величину — всего-навсего 3/60 градуса.

Следует подчеркнуть, что речь здесь не идет о направлении стрелки компаса, которая указывает на Северный магнитный полюс. Говоря об «истинном направлении север — юг», мы подразумеваем *географические северный* и южный полюса планеты — точки, через которые проходит ось вращения Земли. Нормальный способ установить точное направление на север основывается на наблюдении звезд, расположенных вблизи «небесного северного полюса» (то есть точки в северном небе, где в настоящее время находится «северная» Полярная звезда и куда направлено продолжение земной оси).

Кроме того, чтобы точно установить направление север — юг, астрономы ведут наблюдения за звездами в южном небе; каждую ночь в момент своей кульминации, то есть самого высокого положения на меридиане, эти звезды находятся точно к югу от наблюдателя.

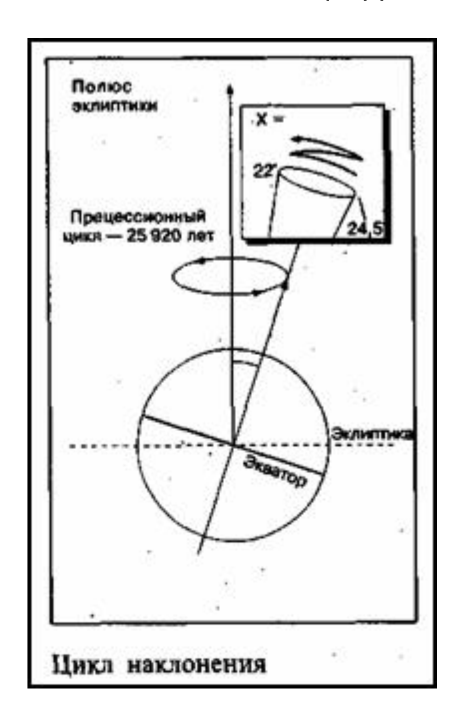
Высокая точность, которую продемонстрировали строители Великой пирамиды, позволяет предположить, что для ее «привязки» использовались наблюдения как северного, так и южного неба. Совершенно очевидно, что это могли сделать только высококвалифицированные астрономы. Но тогда разве не логично предположить, что такие специалисты могли знать о странном явлении прецессии и научились предсказывать ее проявления?

Астрономические обсерватории

На окраине города Луксор в Верхнем Египте, на восточном берегу священной реки Нил, в 26 градусах к северу от экватора, огромный центральный зал храма Амона-Ра в Карнаке образует узкую прямую щель длиной около километра, тянущуюся с юго-востока на северо-запад под углом 26 градусов к параллели. Этот шедевр монументальной архитектуры, строившийся во II тысячелетии до н. э. на протяжении царствования нескольких фараонов, выполнял, как считают египтологи, чисто церемониальные функции. Тем не менее, когда мы имели Возможность наблюдать подряд несколько рассветов, в декабре 1995 г., то есть вокруг зимнего солнцестояния, стоя у западного конца продольной оси зала, то заметили, что с каждым утром точка восхода становилась все ближе и ближе к линии наблюдателя. За три недели до солнцестояния солнечный диск не попадал в «прицел» оси до тех пор, пока не поднимался почти на 15 градусов над горизонтом; когда же наступил самый короткий день — 21 декабря, то солнце оказалось в «прицеле» на гораздо меньшей высоте, увенчав далекие церемониальные ворота.

По мнению британского астронома XIX века сэра Дж. Нормана Локьера, все это не случайно, ибо *все* главные храмы Древнего Египта, «независимо оттого, кому они были посвящены и какого рода церемонии в них проводились, несомненно, строились, помимо

прочего, и как астрономические обсерватории — первые известные нам обсерватории в мире». В своей классической работе *«Рассвет астрономии* «(1894) Локьер уделяет особое внимание храму Амона-Ра и утверждает, что его ось была сознательно нацелена на солнцестояния (в день зимнего солнцестояния солнце восходит на юго-востоке, а в день летнего солнцестояния садится на северо-западе), а поэтому можно честно утверждать, что уже много тысяч лет тому назад египтяне были прекрасно знакомы с солнцестояниями и… более или менее полно представляли себе годовой маршрут солнца.

Цикл наклонения

«Зайчик» в святилище

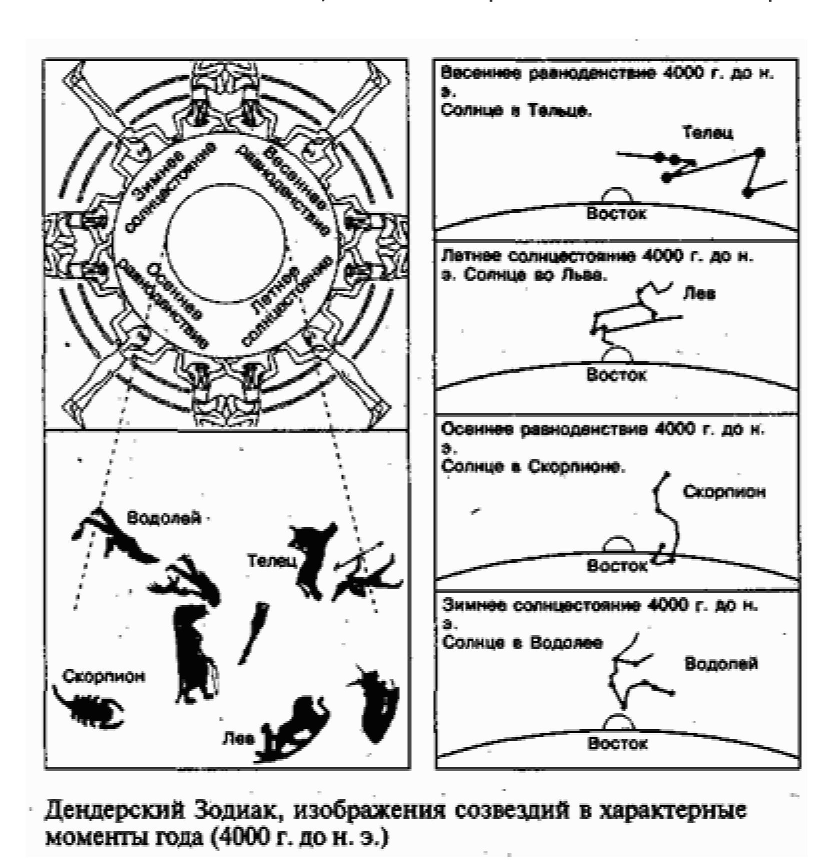
Этим своим несложным астрономическим наблюдением Локьер посеял семена грядущей путаницы. Дело в том, что годовой «маршрут» солнца, от самой южной точки восхода (в день зимнего солнцестояния) до самой северной точки захода (в день южного солнцестояния), не является, строго говоря, жестко фиксированным, поскольку претерпевает со временем медленные, почти не ощутимые изменения. Эти изменения, *которые не следует путать с астрономическим циклом прецессии,* связаны с реальным изменением наклона земной оси по отношению к плоскости земной околосолнечной орбиты; это явление называется «циклом наклонения», длительность которого более 40000 лет. Поскольку эти изменения можно моделировать математически, теоретически возможно, если доверять точности древних строителей, оценить по углу *рассогласования* оси дату, когда сооружение закладывалось, или, иначе говоря, дату, когда ось была точно нацелена на восход и закат в дни солнцестояний. Применительно к Карнаку эта дата оценивалась то как 11 700 г. до н. э., то как 3700 г. до н. э., а то привязывалась даже к промежутку между 2000 и 1000 гг. до н. э.

Вторая оценка, 3700 г. до н. э., принадлежит лично Локьеру и основывается на наблюдениях 1891 г. Тридцать лет спустя, в 1921 г., астроном Ф.С. Ричарде, основываясь на более точных наблюдениях и расчетных зависимостях, получил раннюю дату — 11 700 г. до н. э. Ее отвергли даже наименее ортодоксальные исследователи (а также и сам Ричарде) как «до смешного древнюю». Позднее ось Карнака заново исследовал профессор Джеральд Хоукинс из Института Смитсона, который проводил наблюдения из молельни, расположенной

на крыше святилища; он утверждал, что согласно ориентации оси сооружение было заложено между 2000 г. и 1000 г. до н. э.

Датировка Хоукинса не противоречит ортодоксальной хронологий египтологов. Однако погрешности, которые связаны с тем, что он проводил свои наблюдения с точки, высоко поднятой над землей, вызывают сомнения в достоверности оценки. По мнению Нормана Локьера, ось Карнака является своего рода огромным «прибором», вроде телескопа, сконструированным таким образом, чтобы сфокусировать свет и «направить его вне храма, в святилище, так, чтобы раз в год… свет беспрепятственно проходил насквозь по всей длине храма». Локьер придерживается той точки зрения, что это явление наблюдалось на уровне земли, «точно в момент восхода», и результатом его был своего рода световой «зайчик» в святилище, который можно было наблюдать в течение «пары минут».

Эта аргументация и сами наблюдения выглядят довольно убедительно. Однако если Локьер прав, то дата, рассчитанная исходя из цикла наклонений, отодвигает появление зайчика в святилище к 11 700 г. до н. э., как и было рассчитано Ф.С. Ричардсом в 1921 г.

Дендерский Зодиак, изображения созвездий в характерные моменты года (4000 г. до н. э.)

Дендера и ее знаки Зодиака

К сотне миль к северу от Карнака стоит храм Дендеры, посвященный во времена Птолемеев богине мудрости и любви Хатор, которая связывалась с ночным небом. Построенное в I веке до н. э. это прекрасное сооружение почти втрое старше самого старого готического собора. Оно великолепно сохранилось; разве что лестницы в прохладных, темных коридорах, проложенные в стенах здания и ведущие на уцелевшую крышу, сильно поизносились.

Весь храм богато украшен прекрасными цветными барельефами, изображающими символический ряд астрономических фигур, во главе которого находятся двенадцать знакомых созвездий Зодиака и звездный бог Осирис: «Осирис, господин близнецов… Орион, шагающий по Двум Землям, тот, кто прокладывает путь звездам в небе».

Войдя в храм через просторный вестибюль с 24 колоннами, мы посмотрели вверх и увидели так называемый «квадратный зодиак Дендеры» с созвездием Льва на западной стороне потолка, направленным в северную сторону. Выше, в расположенной на крыше молельне, те же фигуры зодиака расположены по кругу, причем размещал их кто-то, хорошо знавший о прецессии.

Циклическая череда веков

Точку восхода солнца в день весеннего равноденствия древние традиционно считали «моментом, что правит годом», а характер астрономической эпохи определялся зодиакальным созвездием, «дававшим приют» восходящему в этот день солнцу.

В настоящее время мы живем «перед рассветом Века Водолея», когда это созвездие идет на смену Рыбам в качестве «жилища солнца» в день весеннего равноденствия. Это означает также, что при рождении нового века в день осеннего равноденствия (21 сентября) солнце взойдет в жилище Льва (а не Девы, как сейчас), что зимнее солнцестояние (21 декабря) произойдет в доме Скорпиона (сейчас — Стрельца), а летнее 21 июня — в доме Тельца (в настоящее время — Близнецов).

Иными словами, у каждого последующего астрологического века — свои особые координаты, образованные двумя *парами* зодиакальных созвездий, что противостоят друг другу в кардинальные моменты года. В совокупности они образуют забавный космический механизм, который танцует вокруг равноденствий и солнцестояний, «причем Водолей всегда образует пару со Львом, Скорпион — с Тельцом, Рыбы — с Девой, а Стрелец — с Близнецами. Оставшиеся четыре знака зодиака (Овен — Весы и Козерог — Рак) также строго «спарены», так что при движении механизма *движется все.*

Эти пары созвездий были главным предметом исследования Александра Гурштейна, которое увеличило возраст зодиака, отнеся его в прошлое как минимум в 6000 г. до н. э. В древних мифах их часто называли «хранителями» или «держателями» неба; на круге Зодиака в Дендере они изображены в виде женских фигур с поднятыми руками.

Но странно, что, хотя храм был построен в I веке до н. э., то есть в начале Века Рыб, расположение этих фигур не соответствует картине неба в «рыбную» эпоху. В то же время оно не соответствует и предыдущей эпохе (что можно было бы понять), когда Овен давал приют солнцу в день весеннего равноденствия. Вместо этого оно изображает небо в «конфигурации Водолея», когда четыре ключевых небодержца стоят парами за созвездиями Льва — Водолея и Тельца — Скорпиона.

Компьютерное моделирование указывает на то, что эта конфигурация отражает картину неба в эпоху между примерно 4380 и 2200 гг. до н. э., когда Телец соответствовал весеннему равноденствию, а Лев отмечал летнее солнцестояние. Хотя эта эпоха и считалась в I веке до н. э. сказочно древней, мы знаем, что египетские жрецы привычно, связывали Дендеру с еще более далеким прошлым. Одна из надписей на храме даже гласит, что первоначальные планы строительства являются наследием «ранней первобытной эпохи» и были обнаружены в виде «старинных чертежей, выполненных на коже животных во времена Последователей Гора».

Эдфу

На протяжении 3000 лет своей документированной истории древние египтяне чтили традицию, согласно которой никакое святилище не могло считаться по-настоящему священным, если не возводилось на основании более раннего культового сооружения. Эта традиция отразилась и в большом храме Гора — солнечного божества, чьими мифическими родителями были звездные боги Исида (Сириус) и Осирис (Орион); храм стоит на западном берегу Нила в Эдфу (Верхний Египет). Он хорошо сохранился и не так уж стар, по крайней мере, по древнеегипетским понятиям, поскольку постройка центральной его части началась не ранее 237 г. до н. э. и продолжалась с перерывами до 57 г. до н. э. Однако археологи обратили внимание на следы более древних строительных работ в Эдфу. Например, стены внутреннего и наружного помещений восходят еще к Древнему Царству (2575–2134 гг. до н. э.), а более поздняя стена, окружающая наружное помещение, относится к Первому Переходному периоду (2134–2040 гг. до н. э.). Имеются также остатки сооружений, относящихся ко Второму Переходному периоду (1640–1532 гг. до н. э.) и к Новому Царству (1550–1070 гг. до н. э.).

Короче говоря, по данным археологии, Эдфу оставался культовым сооружением в течение более чем 2000 лет — как минимум с III тысячелетия до н. э. до эпохи Христа. Это свидетельство подтверждает в основном справедливость огромной «библиотеки» письменной информации, дошедшей до нас в виде буквально гектаров иероглифических текстов, вырезанных на сложенных из известняка стенах храма. Эти «Тексты строителей Эдфу» неоднократно называют храм *копией* более раннего исходного варианта и рассказывают о многочисленных стадиях строительства и перестройки, в результате которых храм приобрел современный облик. Расхождение между текстами и данными археологии наблюдается лишь во временной шкале, которая выходит за пределы всей известной истории и возвращает нас к забытой эпохе за тысячи лет до того, как на египетском троне оказался первый фараон I династии. Согласно исследованиям покойной ныне Ив Реймонд из Ливерпульского университета, структура исторического храма определялась ранее существовавшим сооружением мифического происхождения… Храм, строго говоря, является воплощением своего предшественника, «воспроизводя то, что было сделано согласно первоначальным планам».

Судя по текстам, святилище исторического храма в Эдфу служило «истинным престолом бога в изначальное Время», причем часто встречаются ссылки на древние книги и писания, служившие руководством при возведении храма. Эти документы, как представляется, пришли из легендарной эпохи, которая была известна древним египтянам как Изначальное Время (а также как Первое Время — Зэп Тэпи — «ранняя первобытная *эпоха»,* «время Осириса», «время Гора» и т. д.). В ту далекую эпоху группа божественных существ, именуемых иногда «семь мудрецов», а иногда «боги-строители», поселилась в Египте и воздвигла «священные курганы» в различных местах вдоль Нила. Эти курганы должны были послужить основанием и определить ориентацию храмов, которые предстояло построить в дальнейшем. Согласно текстам Эдфу, смысл возведения всех этих святилищ был в том (ни больше, ни меньше), чтобы «воскресить былой мир богов» — мир, который был полностью разорен. Нам сообщают, что этот затерянный мир, «родина первобытных», был «островом, который был частично покрыт тростником и стоял во тьме посреди первобытных вод…» Нам также сообщают, что «сотворение мира начиналось на этом острове, и что именно здесь были основаны первые дворцы богов». Однако в какой-то момент первобытной эпохи этот благословенный «прежний мир» был внезапно и полностью погублен великим наводнением, большинство его «божественных обитателей» утонуло, а «дворцы богов разрушились».

Преисподняя

Сама идея возрождения храма (так же, как и прежнего мира) представляется нам сегодня странной, поскольку наша цивилизация привыкла считать, что время носит линейный, а не циклический характер.

Однако в Древнем Египте на все мысли о прошлом, настоящем и будущем накладывал свой отпечаток образ времени — вечной змеи, бесконечно глотающей собственный хвост. Поэтому людям было нетрудно поверить, что всякая живая и сознательная душа, равно как и каждая характерная эпоха земной истории, может вновь и вновь возрождаться. Да, собственно, и сами храмы считались *живыми существами,* причем все они происходят от общего предка — «храма, который некогда существовал», как пишет Реймонд, «в туманном прошлом додинастического Египта».

«Согласно традиционным преданиям Эдфу, а также многих других храмов, этот далекий храм является делом рук самих богов, завершившим акт сотворения Земли».

В полном соответствии с циклической структурой времени, принятой в текстах Эдфу, этот «далекий храм», о котором упоминает Реймонд, сам рассматривается как копия *еще более древнего* прототипа. Как нам сообщают, когда боги начинали возводить его, то воспроизводили при этом место, «которое, как верили, существовало еще *до* сотворения мира». Это место называлось *Дуат-н-Ба,* или, в буквальном переводе, «преисподняя души». О его местоположении в небесах, как мы подробнее расскажем в следующей главе, говорит одна любопытная деталь, относящаяся к ориентации храма Эдфу, дошедшая до нас в «Текстах Строителей». Согласно этой надписи, храм был ориентирован не по точкам восхода Солнца, а «по Ориону, что находится южнее находящегося на севере Большой Медведицы», Другая надпись сообщает, что храм был построен в соответствии с планом, «который упал с небес».

Глава 4
В ЗАЛЕ ДВОЙНОЙ ИСТИНЫ

На западном берегу Нила, напротив Луксора и Карнака, стоит странный и прекрасный храм Деир-эль-Медина, который подобно храмам Эдфу и Дендеры является продуктом последних дней некогда замечательной цивилизации Древнего Египта. Он относится к III веку до н. э. и посвящен Маат, египетской богине космического равновесия. Все стены его покрыты иероглифическими текстами, выражающими старинные религиозные и духовные идеи.

Храм построен таким образом, что его ось проходит с юго-востока на северо-запад. Мы вошли в него через проход в юго-восточной стене, ведущий во двор, где доминируют четыре колонны, украшенные капителями с растительным орнаментом. Затем мы прошли в центральный зал, в конце которого есть три двери, ведущие в три отдельные усыпальницы. На южной стороне этих усыпальниц, сначала кажущейся темной и непримечательной, находится прекрасно выполненное и почти полностью сохранившееся изображение того, что ученые называют «психостасией», или «взвешиванием сердца» (от греческих слов *психе* — душа, то есть сердце, и *статус* — весы).

Мы долго изучали эту сцену, включающую главу из древнеегипетской *«Книги Мертвых», «Рей Ну Перт Эм Хру»,* дословно «Книги выступающих днем». Это — большой свод погребальных текстов, которые копировались и перекопировались во все периоды египетской истории, где повествуется о «свободе, что даруется духовным формам, которые пережили смерть, чтобы ходить туда и сюда по своему усмотрению».

При входе в усыпальницу наше внимание привлек барельеф на левой стене с изображением фараона Птолемея IV Отцелюбивого, македонского грека, правившего с 221 по 205 гг. до н. э., по чьему повелению и был построен этот храм Маат. Фараон изображен, в виде души умершего, одетой в сандал и простую холщовую юбку, в момент входа в просторный зал, во главе которого в частично мумифицированном виде сидит Осирис,

великий бог смерти и воскрешения, который в древнеегипетской небесной религии олицетворялся приметным южным созвездием Ориона.

Место, в котором оказался Птолемей, иногда называют Залом Суда Осириса, а иногда — Залом Двойной Маати, что переводится как «Зал Двух Правд» или, возможно, как «Зал Двойной Истины». Это не то место, куда, как считали, душа попадает сразу после смерти. Сюда могут попасть лишь те, кто духовно «снаряжен», чтобы совершить длинное и опасное посмертное путешествие через пять из двенадцати разделов Дуата — страшного параллельного измерения, мрачного и устрашающего, наполненного демонами и кошмарами, который, как верили древние египтяне, отделяет страну живых от царства благословенных усопших. Как помнит читатель, это — тот самый Дуат, или Дуат-н-Ба («преисподняя души»), который, как говорили, послужил прообразом таинственного «первобытного храма», упоминавшегося в «Текстах Строителей» Эдфу.

Птолемей стоит в позе приветствия, его сжатая в кулак левая рука прижата к правой груди, правая рука поднята. С обеих сторон от него — фигуры Маат (отсюда и «Двойная Маати»), высокой и прекрасной богини, чувственной и полногрудой, на голове которой — прическа с характерным плюмажем из страусового пера (иероглиф «Истина»). У фигуры позади Птолемея в руках ничего нет, она как будто вводит его в зал; фигура перед ним держит в правой руке длинный предмет, а в левой — иероглиф *анх,* «крест» или «ключ» жизни — символ вечности.

На одной из стен зала в два ряда изображены 42 бесстрастных фигуры, в типичной позе писцов, склонившихся над папирусами, у каждой — перо Маат. Это — 42 судьи, или «Чиновники Смерти», каждому из которых умерший должен доказать, что не повинен в конкретном прегрешении — так называемые «отрицательные признания». Среди них, например, такие:

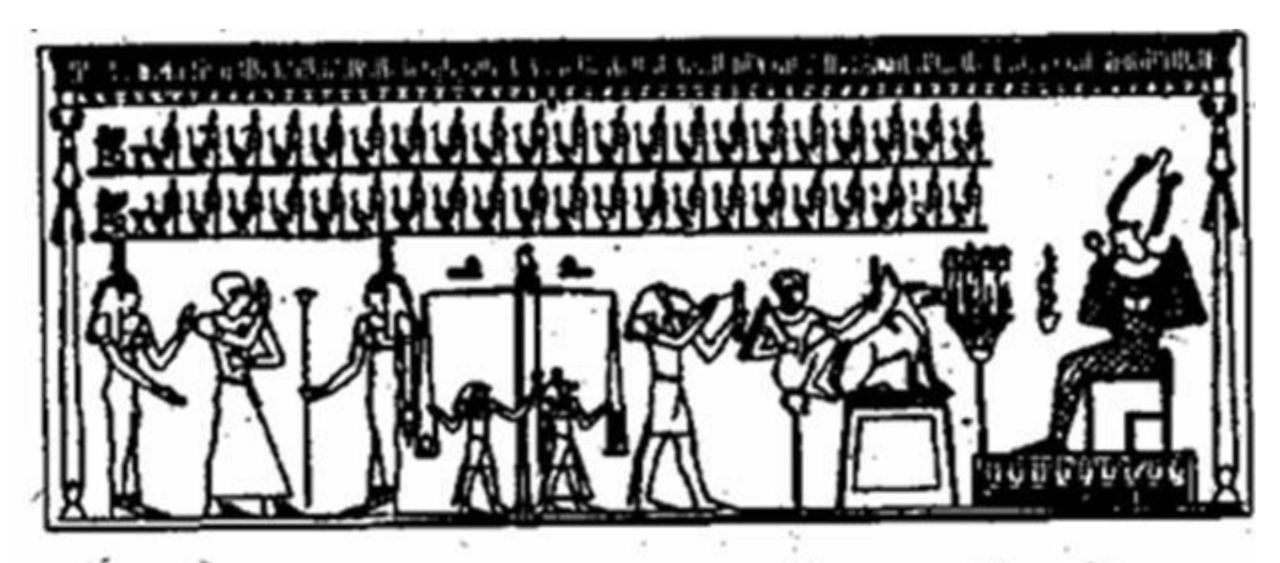
№ 4: «Я не крал»;

№ 5: «Я не убивал мужчины или женщины»;

№ 6: «Я не произносил лжи»;

№ 19: «Я не совращал мужней жены»;

№ 38: «Я не богохульствовал».

Общий вид сцены взвешивания души, Деир-эль-Медина

Пройдя этот этап испытаний, Птолемей оказывается перед внушительными весами, под коромыслом которых видны изображения Анубиса, проводника душ, с головой шакала, и Гора, сына Осириса, с головой сокола. На одной чаше весов — предмет в виде небольшой урны, символизирующий сердце умершего, «считающееся вместилищем разума и потому побудителем действий человека и его совести». На другой чаше — перо Маат, вновь символизирующее истину.

От баланса сердца и истины все и зависит. Потому что именно в этот момент будет вынесено окончательное решение, в зависимости от которого душе суждена либо вечная жизнь, либо гибель навсегда. За весами изображено средство истребления души — чудовищный гибрид крокодила, льва и бегемота, известный под именем Аммит, «Пожиратель», «Поедающий мертвых». А за Аммитом, на правом краю композиции, наши глаза приковывает к себе величественно восседающая на троне мумифицированная фигура звездного бога Осириса, задача которого — воскрешение души.

Гор и Анубис проверяют весы и начинают взвешивание. Тем временем, справа, рядом с весами, между усопшим и рычащими, с капающей слюной, челюстями Аммита, мы видим высокую фигуру Тота с головой ибиса, «воплощение божественного разума… всепрощающую и направляющую силу неба и земли… изобретателя астрономии и астрологии, нумерологии и математики, геометрии и геодезии». Тот, кого в древних текстах загадочно именуют «великим, трижды великим», был древнеегипетским богом мудрости, «регистратором душ», который, начиная с эпохи Птолемеев, был известен у греков как Гермес-Трисмегист («Гермес — трижды великий»). В сцене Суда он изображен в виде могучего человека в короткий тунике и птичьем головном уборе-маске. В левой руке он держит дощечку, в правой — тонкое тростниковое стило.

Сердце и перо изображены в состоянии равновесий, когда душа может быть допущена в потустороннее царство Осириса:

Гор подтверждает равновесие. Анубис провозглашает вердикт. Тот записывает…

Тот и Маат

Божества Тота и Маат можно встретить уже в самых ранних сохранившихся священных текстах в истории человечества — в древнеегипетских «Текстах Пирамид», III тысячелетие до н. э., причем они продолжали играть ключевую духовную и космическую роль на протяжении всей трёхтысячелетней истории государства фараонов. Они фигурируют в *«Книге Мертвых»* как вечные начала, или принципы, чья задача — направлять и соразмерять движение Вселенной. Тот и Маат стоят по обе стороны бога Солнца Атума-Ра, когда он плывет по небесному океану в своей «миллионнолетней лодке».

«Тот… Владыка… создавший себя, никем не рожденный… который исчисляет небеса и ведет счет звездам, земле и всему на ней сущему, а также измеритель Земли».

В другом месте мы читаем:

«Земля Ману [запад] *принимает тебя* [Ра, бога Солнца] *с удовлетворением, а богиня Маат обнимает тебя как утром, так и вечером… бог Тот и богиня Маат предначертали тебе ежедневный путь».*

Кроме значения «истина» слово *маат* имеет и много других — например, «то, что прямо», причем и в физическом, и в моральном смысле, «правильный, настоящий, подлинный, вертикальный, праведный, справедливый, стойкий, неизменный» и т. д. *Хебест маат* означает «настоящая ляпис — лазурь» — в противоположность синей имитации. *Шее маат* означает «постоянно и регулярно». *Эм ун маат* означает, что дело обстоит именно так, вещь именно такова. *Маат* можно сказать применительно к хорошему и честному человеку.

Истина — *маат* велика и сильна и никогда не нарушалась, в некоторых вариантах психостасии богиня Маат с вытянутыми в сторону руками сама играет роль весов.

Перо и сердце, два объекта взвешивания на этих весах, вместе образуют мощную символику. Первое, как мы видели, есть характеристика и символ самой богини; в то же время не случайно, что второе, напоминая внешне вазочку с двумя ручками, не только служит древнеегипетским иероглифом «сердце», но и является также «детерминативом» (определяющим знаком) слова *тех* — «вес». Из этой этимологии — *тех* через *техути* — некоторые ученые выводят происхождение имени Тот, причем именно такую этимологию предпочитают сами египтяне. Отметим также, между прочим, что гранитные обелиски — башенки, находящиеся в расположенных вдоль Нила храмах, назывались у древних египтян словом *техен* (согласно Март тине Дальтон из нью-йоркского Музея искусств «Метрополитэн» — «слово неизвестного происхождения»).

Как мы увидим в последующих главах, обелиски играли особую роль в поиске бессмертия, которым в Египте тысячи лет занимались посвященные. С самых далеких времен этот поиск был тесно связан с культом Тога, чья воля и сила, как верили, были способны поддерживать равновесие сил неба и земли: «Именно его искушенность в небесной механике, — отмечал Э.А. Уоллис-Бадж, — гарантировала надлежащее использование законов *(маат),* на котором покоится основание и само существование Вселенной».

После глубокого анализа погребальных текстов всех периодов древнеегипетской истории Бадж характеризует манеру изображения Тота во всех источниках как символизирующую «неограниченную власть» в загробном царстве Дуат. Именно эта власть символизируется его ролью пишущего ангела в Сцене Суда. Согласно *«Книге о том, что находится в Дуате»* (которая неоднократно обнаруживалась в гробницах фараонов, начиная с XVIII династии): «Происходит проверка слов, и он [Тот] карает зло — он, кто имеет справедливое сердце, кто взвешивает слова на весах — в священном месте проверки тайны тайн душ».

Но что именно означает слово «зло» и какова действительная природа тайны, что проверяется в Зале Суда Осириса?

Книги Тота

В сцене суда происходит нечто большее, чем оценка морального характера. Это ясно хотя бы из того, что вопросы, затрагивающие моральные аспекты поведения умершего, задаются на ранней стадии заслушивания его души. Именно в этом смысл 42 Отрицательных Признаний. Отсюда вытекает, что «взвешивание» сердца есть оценка чего-то еще, измерение какого-то иного качества или параметра «истины», на которое (или который) испытуемый мог (или могла) повлиять в течение своей жизни. Возможно, именно поэтому в Зале Суда идет речь о «Двойной истине» в том смысле, что это — место, где проводится двухуровневая оценка. Это могло бы объяснить, почему, как отмечал один видный авторитет, Испытание души на Весах в Зале Осириса описывается лексически не как оценка, или «взвешивание поступков» [этой цели явно служат 42 «отрицательных признания»], а как *уча метет,* «взвешивание слов».

Дополнительный свет на эту любопытную формулировку прольется, если вспомнить, что Тот почитался у древних египтян как бог, который мог научить «не только властным словам, но и тому, как следует их произносить». Знание этих «слов» считалось необходимым, чтобы умерший мог надеяться совершить свой посмертный поиск во всех двенадцати «Разделах» Дуата:

«Нужно научиться у Тота… определенным словам, ибо без знания этих слов и того, как правильно следует их произносить, умерший никогда не сможет завершить свой путь сквозь

Дуат. Формулы Тота открывают перед ним секретные врата, обеспечивают его необходимым мясом, питьем и одеждой, отгоняют от него злобных демонов и духов, дают ему силу узнать тайные или сокрытые имена чудовищ Дуата, а также произнести их таким образом, чтобы они превратились в его друзей и помогли ему в путешествии…»

Люди верили, что *«Рэй Ну Перт Эм Хру», «Книга Мертвых»* — «своего рода путеводитель для трансмиграции души» — был сочинен Тотом, а некоторые главы были написаны «его собственными пальцами». Кроме того, уцелели многочисленные отрывки из древних текстов, откуда можно узнать, что бог мудрости считался автором ряда других «книг» — книг, которые каждому, кто стремится достичь бессмертия, следует попытаться отыскать при жизни: «Я одарен славой, я одарен силой, я преисполнен мощи, я получил книги Тота и принес их, чтобы они помогли мне пройти…"

Их этих текстов следовало, что обрести вечность мог лишь тот (или та), кто искал и нашел книгу Тота. «Как долго я проживу?» — спрашивает умерший в некоторых вариантах сцены суда. И, если «взвешивание слов» прошло нормально, Тот предлагает в ответ искомую награду: «Жить тебе миллионы лет…"

Поиск знания

Согласно Клементу Александрийскому *(Stromata VI),* существовало 42 книги Тота — количество, странным образом перекликающееся с числом «Отрицательных признаний», необходимых для установления «первой истины» путем «взвешивания дел». Считалось, что эти книги «второй истины» («взвешивания слов») подразделялись на семь категорий, охватывающих, среди прочих предметов, космографию и географию, возведение храмов, историю мира, религию, медицинские вопросы, скрытый смысл иероглифов, трактаты по астрологии и астрономии, включая «порядок неподвижных звезд, положения Солнца, Луны и планет, затмения и фазы Солнца и Луны, а также время восхода звезд».

Предания о книгах Тота существовали и в христианскую эпоху, причем носителями их оставались греко-египетские храмы, такие, как Деир-эль-Медина, Дендера, Эдфу и храм Исиды в Филах, где древнеегипетские иероглифы использовались вплоть до IV века н. э. Поэтому нет ничего удивительного, что Клементу (150–215 гг. н. э.) было известно об этой традиции, которая подкреплялась письменными документами в городе Александрии, где он поселился. Эти документы, называвшиеся *Corpus Hermeticum,* неоднократно характеризуют Тота (у греков — Гермеса Трисмегиста) как «того, кто владел знаниями всего».

Он:

«видел все вещи и, видя, понимал, а, понимая, обладал способностью раскрывать и объяснять их смысл. То, что знал, он высекал на камне; однако, вырезав [текст] *на камне, он по большей части прятал его и хранил об этом полное молчание, чтобы каждая новая жоха космического времени могла заняться их поиском…»*

Таким образом, предусматривался поиск этих каменных плиток, или «книг», Тота-Гермеса. *Corpus Hermeticum* высказывается по этому поводу совершенно однозначно, сообщая, что бог мудрости воспользовался магией, чтобы оттянуть на как можно более позднее время обнаружение этой сокровищницы знаний:

«О вы, священные книги… которые были смазаны специальным средством, чтобы предотвратить порчу… оставайтесь нетленными в течение веков и будьте невидимы и необнаружимы для всех людей, которые станут странствовать по равнинам этой страны до тех пор, пока Небеса, постарев, не породят организмов, достойных вас».

Вальтер Скотт перевел этот отрывок на английский и дополнил свой перевод следующим объяснением термина «организмы»: «Дословно — сложные предметы, то есть

люди, состоящие из души и тела. По прошествии веков родятся люди, достойные того, чтобы читать книги Гермеса».

Змея, которая не может умереть…

Стремление прочитать эти книги является, по-видимому, очень древним, поскольку его можно проследить вплоть до древнеегипетских времен задолго до составления *«Corpus Hermeticum».* Так, например, папирус эпохи Птолемеев хранит историю о некоем Сутнау-Хаем-Уасте, сыне Рамсеса II (правил с 1290 по 1224 г. до н. э.); который искал «книгу, написанную собственноручно Тотом». В результате усердных поисков Сетнау завладел информацией о том, что эта книга, которая, как утверждали, содержит заклинание, дарующее бессмертие, лежит в древней гробнице мемфисского некрополя (обширная зона захоронения, протянувшаяся примерно на 35 километров вдоль западного берега Нила от Мейдума до Гизы):

«Сетнау пошел туда с братом и провел три дня и три ночи в поисках этой гробницы… и на третий день они нашли ее. Сетнау произнес над ней несколько слов, и земля раскрылась, и они спустились в то место, где была книга. Когда братья спустились в гробницу, то оказалось, что она ярко освещена светом, исходившим из книги».

Другой папирус, на этот раз из Среднего Царства (так называемый «Папирус Западной Колесницы», около 1650 г. до н. э.), хранит более древнюю историю времен Хуфу (правил с 2551 по 2528 г. до н. э.), предполагаемого строителя Великой пирамиды в Гизе. Этот папирус повествует о «сооружении, именуемом «Опись», расположенном в святом городе Гелиополис (18 километров к северо-востоку от Гизы), где хранился «кремневый сундук» с таинственным предметом, поискам которого, как сообщают, Хуфу «посвятил много времени». Из контекста следует, что это мог быть некий документ, поскольку в нем было записано «число тайных камер в святилище Тота».

Принято считать, что этот папирус рассказывает о действительных событиях или, по крайней мере, как-то их затрагивает. Согласно профессору И.Э.С. Эдвардсу, в нем содержится «зерно истины» и он «явно является копией более старого документа». Эдвардс указывает, что Гелиополис, место, где располагался Дом Описи, был центром астрономической и астрологической науки в Египте с незапамятных времен, а верховный жрец этого города носил официальный титул «Главы астрономов». По мнению египтолога Ф. Улрина, Дом Описи в Гелиополисе мог быть «хранилищем чертежей» или «комнатой для черчения», где изготавливались и хранились проекты. Аналогично Алан Х. Гарднер утверждает, что «обсуждаемая комната была, по-видимому, архивом», а Хуфу «искал информацию о потайных камерах первобытного святилища Тота».

Главной темой «Папируса Западной Колесницы» является великий секрет Тота, который спрятан где-то в ящике. В другом тексте сообщается, что бог мудрости спрятал одну из своих книг «в железном ящике посередине Нила в Коптосе» (в нескольких километрах севернее Луксора):

«Железный ящик находится в бронзовом ящике, бронзовый ящик — в ящике из пальмового дерева, ящик из пальмового дерева — в ящике из эбенового дерева и слоновой кости, ящик из эбенового дерева и слоновой кости — в серебряном ящике, серебряный ящик — в золотом… ящик, в котором книга, окружен полчищами змей, скорпионов и всякого рода рептилий, а вокруг него обвилась змея, которая бессмертна».

И, наконец, последним по порядку (но не по значению) среди цитируемых нами материалов является погребальный текст (около 1900 г. до н. э.), где говорится о пути души к бессмертию: «Я открываю сундук Тота, — говорит усопший, — я ломаю печать… я вскрываю находящиеся внутри ящики бога, вынимаю из них документы…»

Таким образом, возникает ощущение, что «взвешивание слов» в сцене суда должно иметь какое-то отношение к обладанию умершим *суммой знаний,* причем эти знания таковы, что могут быть записаны на каменных плитах или в книгах и «документах».

Слово

Подобно многим другим древнеегипетским текстам о похоронах и воскрешениях, погребальные тексты являются своего рода руководством для души по путешествию на том свете — страшному блужданию по темной долине Дуат, кульминацией которого служит сцена суда. Тексты называются так (дословно — «гробовые»), потому что были написаны внутри гробов, предположительно для удобства прочтения умершими. Их первоначальная датировка восходит к Первому Промежуточному периоду (2134–2040 гг. до н. э.), а особенно их уважали во времена XII династии (1991–1783 гг. до н. э.). В самых ранних заклинаниях мы читаем:

«Молодой бог [умерший, вошедший в потустороннее царство Осириса и обретший бессмертие] *рожден на прекрасном западе, пришел сюда из страны живых; он освободился от пыли, что была на нем, наполнил свое тело волшебством, утолил им свою жажду… Он подчинил себе страну через посредство того, что знал».*

В более позднем заклинании встречается почти идентичная формула:

«Смотрите, Ваше Величество, Вы прибыли, Вы обрели всю власть, не оставив ничего позади… Вы наполнили свое тело волшебством, Вы утолили им свою жажду… Вы подчинили себе страну своим знанием подобно тем, к кому Вы спустились».

А еще позднее мы читаем о триумфе «оснащенности духа» и можем предположить, чем это он «оснащен»:

«Я прошел тропами Осириса; они находятся в пределах неба. Что касается того, кто знает это заклинание, позволяющее спуститься по ним, то он сам бог из свиты Тота; он может сойти на любое небо, куда захочет. Что же касается того, кому неведомо заклинание для прохода этими тропами, то он обречен быть ввергнутым в небытие».

Небесные координаты

Не может быть сомнения в том, что оснащенный дух подчинял себе страну Дуат при помощи того, *что знал.* Но в чем конкретно состояло это знание? Упоминание в текстах того, что оно использовалось «дабы сойти на любое небо», наводит на мысль, что здесь замешана астрономия. Это хорошо согласуется с астрономическими интересами жрецов Гелиополиса. При этом обретает смысл важная особенность Дуата, на которую мало кто из современных египтологов обращал внимание: типологически место обитания после смерти *никогда* не воспринималось древними египтянами как «преисподняя» в обычном иудейско-христианском смысле. Напротив, как давно уже отмечал доктор Р.О. Фолкнер из Британского музея, ему больше соответствует термин «тот свет», поскольку оно является «частью видимого неба».

На самом деле, Дуат имеет вполне конкретные небесные координаты. Первая систематическая попытка определить их была предпринята в 1940-е гг. египтологом Селимом Хасаном. Перерыв массу текстов о погребениях — возрождениях, он установил, что, по мнению древних египтян, Дуат «находился в восточной части неба», когда яркая звезда Сириус, отожествлявшаяся с богиней Исидой, и звезды созвездия Ориона — Осирис — были видны перед рассветом. Это следовало из отрывков старых текстов, которые гласят: «Орион поглощается Дуатом, когда он, живущий на горизонте, очищает себя. Так и этот [Сириус] бывает поглощен Дуатом, когда он, живущий на горизонте, очищает себя». Хасан понял, что подобные пассажи основаны на астрономических наблюдениях:

«По мере того как солнце восходит и очищается на горизонте, Дуат окружают звезды Ориона и Сотое. Это — наблюдение с натуры; действительно, каждое утро, по мере того как на рассвете становится светлее, звезды как будто оказываются проглоченными. Возможно, и само обозначение Дуата в виде звезды в кружочке иллюстрирует эту идею поглощения звезды».

Не так давно Роберту Бьювэлу удалось дополнительно уточнить положение Дуата во времени и пространстве, основываясь на важном наблюдении, которое Хасан упустил из вида. Вследствие вращения Земли вокруг Солнца, звезды, на фоне которых по утрам происходит видимый восход светила, в течение года *медленно меняются.* Это означает, что восход солнца происходит согласованно с Орионом и Сириусом не *каждый* рассвет, а только по вполне определенным, конкретным рассветам, когда светило находится приблизительно между Землей и этими звездами. Кроме того, вследствие другой характерной особенности движения Земли, *время года,* в которое происходит «проглатывание Ориона и Сириуса», также постепенно меняется. Это движение — прецессия, которая задерживает момент появления Солнца по любому заданному звездному «адресу» со скоростью в один градус каждые 72 года.

Участок небесного Дуата в день летнего солнцестояния около 2500 г. до н. э.; показана также траектория Ориона перед его кульминацией на меридиане.

Расчеты прецессии применительно к периоду 2500–2300 гг. до н. э., когда, как предполагают, были составлены наиболее древние из сохранившихся погребальных текстов, показывают, что именно в ту эпоху можно было считать Дуат по-настоящему «активным» (по отношению к восходящим как раз перед солнцем Ориону и Сириусу) в период летнего солнцестояния — в самый длинный день в году. Именно в это время, и больше ни в какой сезон, люди могли, считать, что Дуат открывает свои врата перед собравшимися душами умерших. У одних ворот стояло созвездие Льва. У других, отделенных ото Льва светящейся рекой Млечного Пути, стояли Сириус, Орион и созвездие Тельца. В 2500 г. до н. э. эти священные врата в небесах "открывались» в день летнего солнцестояния, именно в это время солнце восходило в этом месте. Сегодня, в результате эффекта прецессии, Солнце «проглатывает» Орион и Сириус в день осеннего равноденствия. В 10500 г. до н. э. явление можно было наблюдать только в день весеннего равноденствия.

Не может ли быть, что под умением посвящаемого «сойти на любое небо» понималась способность производить прецессионные вычисления, иными словами, использовать интеллект и воображение, чтобы зрительно представить небеса прошлых и будущих эпох?

Не считалось ли такое знание достаточно мощным средством, чтобы перевесить перо Маат на весах судилища и одержать победу над небытием?

«Вот слово, пребывающее во тьме. Дух, который знает его, будет жить среди живых… он никогда не исчезнет… он никогда не умрет».

Суеверие или наука?

С точки зрения доктора Стефена Кверка, возглавляющего отдел египетских древностей Британского музея, несомненно, сильные и волнующие идеи, содержащиеся в древнеегипетских текстах, посвященных погребениям и воскрешениям, принадлежат *«вечноживому миру… в котором желание победить вечность достигает высшей степени самосознания.* [В них] *содержатся заклинания, точным воспроизведением которых умершего можно превратить в вечно юное существо. Сегодня мы именуем эти древние тексты «погребальной литературой», но этот специальный термин недостаточно точно их характеризует: назначение этих текстов — трансформировать умершего, превратить человеческие существа в бессмертных богов».*

Как сообщает Кверк, сами древние египтяне часто называли эти тексты словом *«соху», «что означает заклинания, способные превратить человека после смерти в ах, «преображенный дух». Единственная альтернатива этому — умереть и остаться мут, то есть мертвым. Противопоставление ах и мут примерно эквивалентно противопоставлению у европейцев благословенного и проклятого. Как и в европейской традиции, понятие рая ассоциируется с чем-то светлым, само слово «ах» является родственным группе слов, где доминирует идея света, лучезарности; так, у египтян слово «ахет»* (горизонт) *означает «дом света». Перед лицом указанной выше альтернативы все силы египтян были направлены на то, чтобы добиться этой вечной лучезарности».*

Иными словами, хотя Кверк и признает, что в текстах выражается высокая цель — превратить человеческие существа в бессмертных богов, он считает, что стремились к ней по причинам в основном *психологическим.* Все очень просто, объясняет он, — древние египтяне считали альтернативу вечной жизни, то есть небытие, исчезновение, невыносимо ужасной, а потому создали сложный вымышленный мир, в который, как они воображали, могут попасть их души, и в котором, если правильно «оснаститься», они надеялись обрести в качестве награды бессмертие.

Примерно в том же ключе, что Кверк, рассуждают обычно и современные египтологи, когда рассматривают эти тексты всего лишь как средство самоутешения — «странную смесь заклинаний и дикарского бормотания… отражающую давнишний протест человечества против мрака и тишины, откуда нет возврата». Некоторые ученые идут при этом еще дальше, утверждая, что, несмотря на свое повышенное внимание к подробностям в практических вопросах, египтяне эпохи Пирамид так и не выработали ясной и подробной концепции загробной жизни… С точки зрения современного мышления, они производят впечатление людей, которые искали в темноте ключ от истины, а, найдя не один, а много ключей, напоминающих профиль замка, сохранили наименее похожие, а тот, что действительно подходит, — выбросили.

Подобным образом доктор Маргарет Мюррей отмечает, что «страх смерти явно выражен в религиозных текстах египтян… Зная, что смерть неизбежна, [египтянин] пытался подготовиться к ней при помощи магии, которая дала бы ему возможность вернуться домой, на землю, которую он так любил…»

Основная мысль *«Зеркала небес»* сводится к тому, что все совсем не так просто, а египетские тексты содержат материал чрезвычайной важности, смысл которого глубже и

загадочнее, чем просто «бормотание», причем он намного-намного старше, чем могли представить себе ученые.

Глава 5
СКРЫТЫЕ КРУГИ

«Тексты Строителей» Эдфу утверждают, что являются записью «слов мудрецов», которые задолго до того были записаны в книгу Тотом, древнеегипетским богом мудрости. Подобное утверждение содержалось и в герметических текстах, собранных в египетском городе Александрия во II и III веках до н. э. Оно встречается также во всех древнеегипетских текстах о погребении и воскрешении, включая *«Книгу Мертвых»,* погребальные тексты, «Тексты Пирамид», *Книгу Врат»* и *«Книгу о том, что имеется в Дуате».*

«Тексты Пирамид», самые ранние из сохранившихся, в 2300 г. до н. э., когда их впервые скопировали на стенах пирамид V и VI династий в Саккаре, были уже настолько древними, что некоторые из писцов их не понимали. Однако, хотя современные ученые настаивают, что здесь нет никакой связи, через них проходит та же мысль, что через герметические тексты, а именно: бессмертие есть «жемчужина великой ценности», обрести его можно лишь посредством правильных мыслей и правильных дел, поскольку «ставкой души в этой жизни является надежда на вечность в жизни грядущей».

Что мы должны делать, дабы не проиграть эту ставку? Герметические тексты говорят, что «человек обязан ставить во главу угла не свое сугубо человеческое состояние, а силу созерцания божественных творений, должен презирать данную ему смертную оболочку, поскольку она требуется ему для сохранения нижнего мира и заботы о нем». Согласно «Текстам Пирамид», посвящаемый таким же образом стремится отвратить свой взор от земных дел и сосредоточиться на небесных: «Земля для царя есть предмет отвращения… Царь устремлен в небеса», — говорит он. «Даруй мне способность схватить небо и овладеть горизонтом». И далее утверждает: «Лестница на небо для меня поставлена, дабы я мог взойти по ней на небо».

В «Текстах Пирамид» мы можем встретить массу «герметических» максим типа «Дух стремится в небо, труп стремится в землю». Часто встречаются также обращенные к посвящаемому призывы вроде следующих: «Восстань, отринь от себя землю, отряхни с себя пыль, поднимись так, чтобы отправиться в путь вместе с духами… Пересеки небо… И да будет твое пристанище среди вечных звезд».

Вторая усыпальница Тутанхамона. Фрагмент изображения в верхней части и общая его композиция. Вряд ли можно было более отчетливо выразить существовавшую, по мнению древних египтян, связь между интеллектом, интуицией и астрономией — с одной стороны и загробной жизнью — с другой.

С очень похожим набором идей мы встречаемся намного позднее во второй усыпальнице Тутанхамона, молодого фараона XVIII династии (правил с 1333 по 1323 г. до н. э.). Здесь, в гравировке по золоту, мы видим шеренгу человеческих фигур, чей взгляд устремлен в небо, причем лоб каждого соединен со звездой или иным небесным телом посредством пучка лучей. Изображение пронизано настроением медитации, сильной сосредоточенности, неподвижности. Трудно представить более выразительный образ стремления посвящаемого «взойти» — постичь тайны Космоса и понять его секреты: «Небесные врата горизонта открыты для тебя, и боги радуются встрече с тобой. Они забирают тебя на небо с твоей душой…»

Воспроизводя небо

Считалось, что способность посвященного «восходить на небо», иначе говоря, совершать воображаемые путешествия среди небесных светил, может усилиться, если он освободится от забот и «привязанностей» материального существования. Также считалось, что процесс постижения будет богаче, если он будет протекать в обстановке, постоянно напоминающей ему о его месте во Вселенной. Это было принципиально важно, так как в Египте (как и в Центральной Америке) «весь мир, лежащий внизу», считался *«построенным и наполненным содержанием в соответствии с тем, что находится наверху; ибо предметы, находящиеся внизу, не в силах влиять на порядок того мира, что наверху. Более слабые тайны должны уступать более сильным… система вещей наверху сильнее вещей внизу… и нет ничего такого, что не спустилось бы вниз сверху».*

Герметические тексты постоянно называют Египет «отражением неба», «храмом всего мира», иногда «святилищем Космоса» — драгоценной страной, где «все действия сил, которые правят небесами, передаются на расположенную внизу Землю». Подобным же образом в *«Книге о том, что имеется в Дуате»* мы узнаем, что основное требование к соискателям вечной жизни состоит в том, чтобы они построили на Земле точную копию «скрытого круга Дуата в теле Нут [неба]» :

«Кто бы ни сделал точную копию этих форм, и кто бы ни познал ее, станет духом, хорошо оснащенным и в небесах, и на земле, причем безошибочно, постоянной навсегда.

Кто бы ни сделал копию этого и ни познал ее на земле, обретет себе волшебного защитника, как на небе, так и на земле».

Разве не ясно, что люди, рассуждающие подобным образом, просто обязаны были выразить свои идеи не только в текстах, но и в архитектуре? Намек на то, как именно они могли бы сделать это, содержится в текстах Эдфу, которые гласят, что, когда Тот прибыл на место закладки первоначального мифического храма (более поздней копией которого станет исторический храм Эдфу), он произнес там следующие слова:

«Я сделал так, чтобы его длина была правильной, его ширина — точной, все его размеры соответствовали норме, все святилища были на тех местах, где им положено, а его залы напоминали небо».

По мнению ученых, вполне возможно, что это загадочное сооружение, «напоминающее небо», некогда существовало. Согласно доктору Еве Рэймонд, оно почти наверняка стояло «неподалеку от Мемфиса, который египтяне считали родиной египетской церкви».

Новые открытия

Мемфис (первоначально *Меннефер,* что означает «непреложный и прекрасный») был первой исторической столицей Древнего Египта, основанной не позднее 3000 г. до н. э. Его развалины лежат километрах в 24 к югу от Каира, возле современной деревни Мит-Раина, но их немного, и они не особенно впечатляют. Гораздо интереснее и намного внушительнее обширные остатки так называемого Мемфисского некрополя, что расположены к западу от собственно Мемфиса. Эта огромная зона захоронения, которая просматривается от Нила и уходит в расположенную западнее пустыню, протянулась с севера на юг на 35 километров. Помимо сотен могил-колодцев и гигантских гробниц *мастаба,* здесь расположены площадки, на которых были возведены многочисленные пирамиды — например, Абу-Роаш, Завийет-эль-Ари-ан, Абусир, Саккара и Дашур. Однако, по общему мнению, самые замечательные монументы Мемфисского некрополя находятся в Гизе, в 10 километрах южнее Каира, где стоят три великих пирамиды и Великий Сфинкс.

Гиза (вместе с расположенным поблизости Гелиополисом — как мы увидим, великой академией, где обучались жрецы) находится так близко от Мемфиса, что возникает естественный вопрос: не здесь ли находился «додинастический религиозный центр», существование которого предполагала Рэймонд? Или конкретнее: не могли ли великие пирамиды Гизы вместе со Сфинксом каким-то образом «напоминать небо», подобно первичному мифическому храму, о котором так ясно говорится в текстах Эдфу?

Замечательные научные открытия, сделанные в Гизе в 1990– е гг., показали, что эти монументы действительно отображают карту звездного неба и к тому же возникли в глубокой древности. Эти открытия привлекли широкое внимание, о них рассказано в трех книгах — бестселлерах (*«Тайна Ориона», «Следы богов», «Загадка Сфинкса, или Хранитель бытия»).* О них сообщалось во многих газетах и журналах, а также в ряде международных документальных телерепортажей, которые посмотрели миллионы *(«Тайна Сфинкса», «История в камне» и* т. д.). Для тех читателей, которые не знакомы с этими открытиями, а также чтобы освежить память тех, кто знаком, мы вкратце расскажем, что известно на сегодняшний день.

1. Геология Сфинкса

Благодаря работе египтолога Джона Энтони Уэста и доктора Роберта Шоха, профессора геологии Бостонского университета, нам теперь известно, что есть серьезные научные

возражения против принятой в настоящее время датировки Великого Сфинкса. Мы не будем повторять здесь их свидетельства — они подробно изложены в другом месте, — которые порождают очень сильные сомнения в теории египтологов-ортодоксов, относящей этот монумент ко временам фараона Хафры из IV династии (правил с 2520 по 2494 г. до н. э.). Достаточно упомянуть, что один из видных представителей этой профессии нашел в себе мужество признать, что «не существует ни одной древней надписи, которая связывала бы Сфинкса с Хафрой».

Иными словами, этот монумент является анонимным камнем. Он высечен из одного куска скального основания плато Гизы, и, хотя и был позднее (в древнюю и современную эпоху) подлатан отдельными вставными блоками, видно, что это — гигантский монолит. В связи с этим он не поддается радиоуглеродной датировке, поскольку она применима лишь для органических материалов. Если учесть, что нет ни одной древней надписи, относящейся к Сфинксу, то, по сути, в настоящее время нет возможности точно определить, *когда* этот монумент был высечен. Теоретически это могло произойти в любой момент после осаждения известняков плато Гизы на дно древних океанов десятки миллионов лет тому назад.

Работа профессора Роберта Шоха помогает сузить диапазон поиска, установив *минимальный возраст* Сфинкса. Но открытия Шоха довольно противоречивы, в том смысле, что устанавливают этот возраст на уровне 7000 лет или даже старше, в глубоко доисторическом прошлом, как минимум на 2500 больше, чем признают египтологи. Однако профессор геологии из Бостона непреклонен:

«Мне вновь и вновь твердили, что обитатели Египта, насколько известно, не располагали ни техникой, ни социальной организацией, которые позволяли бы в те додинастические времена высечь Сфинкса из скалы… Однако я как геолог не считаю эту проблему своей. Я не пытаюсь переложить бремя на чужие плечи, но, в самом деле, пусть вопрос, кто в самом деле его высек, решают египтологи и археологи. Если мои открытия противоречат их теории о развитии цивилизации, то, возможно, пришло время пересмотреть им свою теорию. Яне говорю, что Сфинкса соорудили атланты, или марсиане, или пришельцы. Я просто иду туда, куда меня ведет наука, а она ведет меня к выводу, что Сфинкс был воздвигнут намного раньше, чем до сих пор думали».

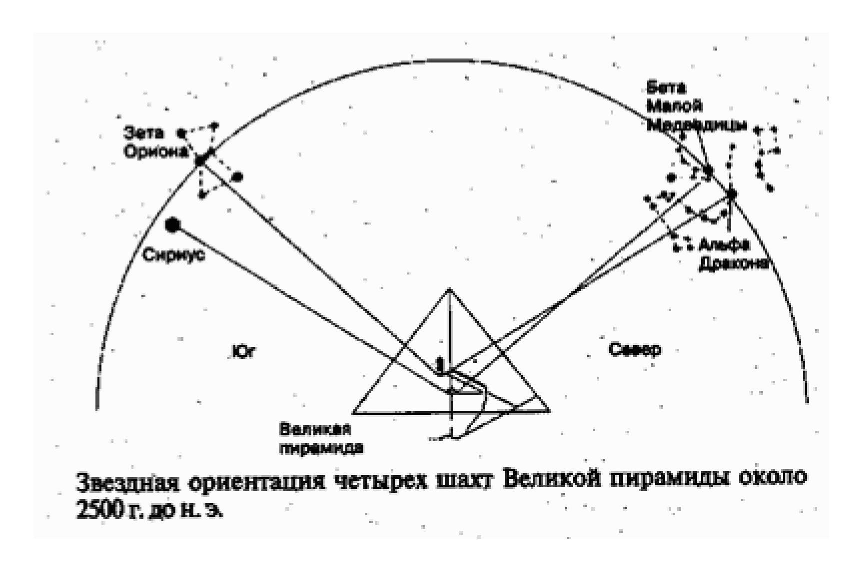
Шох, мировой авторитет по выветриванию известняка, опирается в своих выводах на тщательном изучении эрозии Сфинкса. Он считает (и сотни геологов с ним в этом согласны), что этот великий монумент просто не мог быть высечен в 2500 г. до н. э., потому что на нем имеются явные следы «эрозии, произошедшей под воздействием атмосферных осадков», глубокие вертикальные канавки и волнистые углубления, причиной которых могли быть только тысячелетия сильных дождей — дождей, поливавших Сфинкса после того, как он был высечен.

Но дело в том, что в 2500 году до н. э., как и сегодня, в Египте стояла невероятная сушь, и в год выпадало менее дюйма осадков. В то же время палеоклиматологи в состоянии сказать нам, причем довольно точно, когда климат там был более влажным. Согласно их заключению, дожди, которые могли бы вызвать характерную эрозию Сфинкса, последний раз шли на территории восточной Сахары между 7000 и 5000 гг. до н. э.

Именно исходя из этого свидетельства профессор Шох оценивает возраст Сфинкса как минимум в 7000 лет. В свою очередь, его коллега, Джон Энтони Уэст, считает, что монумент может быть намного старше, что никоим образом не противоречит анализу эрозии. «Полагаю, — говорил он нам, — что эта загадка связана каким-то образом с легендарными цивилизациями, о которых говорится в мифах по всему свету. Знаете, были великие катастрофы, в которых выжили немногие, а потом они бродили по земле, и часть знаний сохранилась здесь, часть — там… Я интуитивно чувствую, что Сфинкс как-то связан со всем этим. Я готов биться об заклад, что он старше конца последнего ледникового периода,

возможно, старше 10 000 г. до н. э., а то и вовсе 15 000 г. до н. э. Я убежден — и это еще мягко сказано, — что он очень-очень стар»*4*.

2. Астрономия, пирамиды и Сфинкс

Звездная ориентация четырех шахт Великой пирамиды около 2500 г. до н. э.

Геологические исследования переворачивают хронологию ортодоксальных египтологов, но не дают взамен четкой датировки, оставляя открытым вопрос, что точнее: 15 000 г. до н. э., если прав Джон Уэст, или 5000 г. до н. э., если отдать предпочтение оценкам Роберта Шоха. Но вот астрономические исследования Роберта Бьювэла дают бесценную возможность уточнить дату сооружения монументов Гизы.

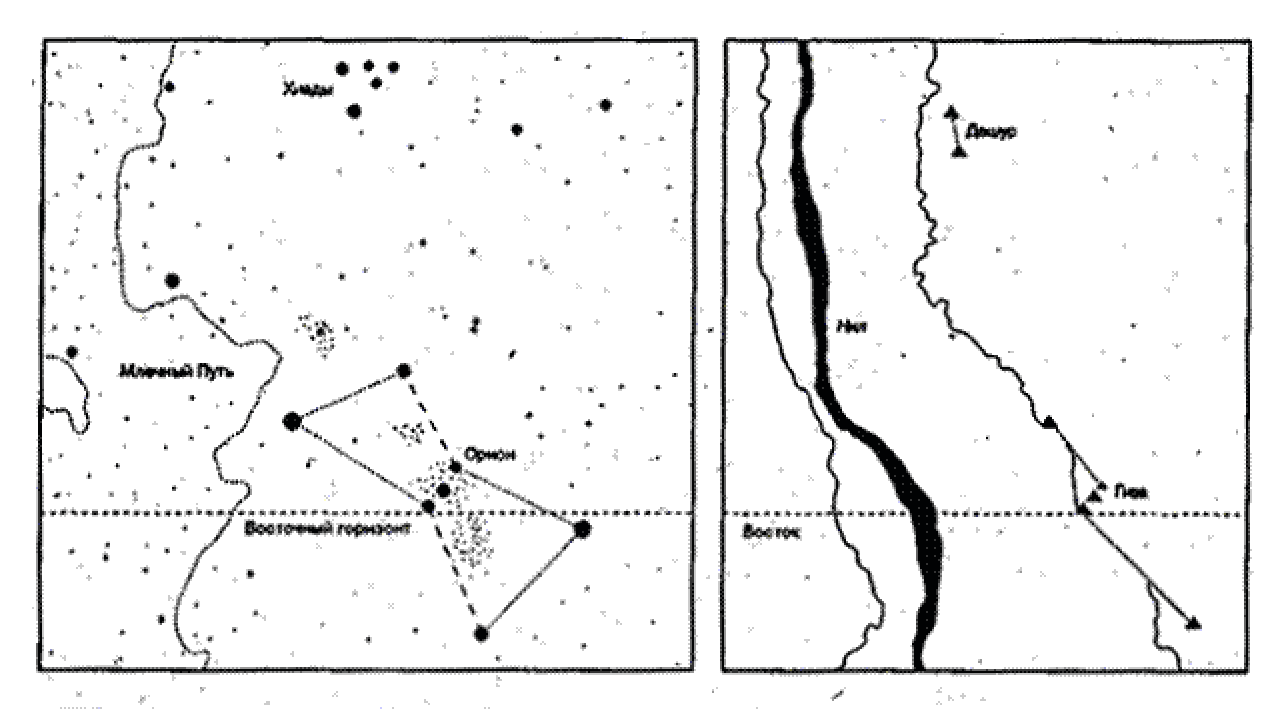

Положения восхода и кульминации Ориона в разные эпохи. Расположение звезд в 10 500 г. до н. э. отмечает начало, или Первое Время, цикла, воспроизведенное положением трех пирамид в Гизе.

Первым прорывом послужила публикация *«Тайны Ориона»*, в которой Бьювэл показал, что четыре узких «воздушных шахты» Великой пирамиды (уникальная возможность этого

сооружения) было бы правильнее называть «звездными шахтами», поскольку около 2500 г. до н. э. они были нацелены на четыре приметные звезды, которым Древние египтяне придавали огромное ритуальное значение.

Шахты являются «меридиональными», то есть две из них направлены точно на север, а две — точно на юг, так что через них можно было наблюдать в ночное время прохождение этих звезд через северный и южный ночные меридианы. В 2500 г. до н. э. этими звездами были для северных шахт соответственно Кохаб (Бета Малой Медведицы) и Тубан (Альфа Дракона). В тот же период южные шахты были нацелены на Сириус (яркая звезда в созвездии Большого Пса, которая у древних египтян считалась звездным аналогом богини Исиды) и Аль-Нитак (Зета Ориона) — самой яркой из трех звезд Пояса Ориона, которая, как мы видели, ассоциировалась у древних египтян с их верховным богом воскрешения и возрождения, легендарным дарителем цивилизации долине Нила в далекую эпоху, известную как Зеп Тепи, Первое Время.

СЛЕВА: Созвездие Ориона. СПРАВА: Расположение пирамид Гизы, воспроизводящее положение созвездия Ориона около 10 500 г. до н. э., причем Нил соответствует Млечному Пути. Обратите также внимание на корреляцию между пирамидами Дашура и Хиадами.

Исследование Бьювэлом ориентации шахт явилось продолжением более ранней работы египетского архитектора Александра Бадави и американского астронома Вирджинии Тримбл, причем само по себе оно не бросало вызова ортодоксальной датировке пирамид 2500 годом до н. э. Впрочем, Бьювэл на этом не остановился, а пошел дальше, обратив внимание на любопытную топографию размещения на поверхности Земли трех Великих пирамид и выдвинув свою теорию корреляции с Орионом, которая явилась крупным прорывом в исследованиях Древнего Египта:

«Вид сверху [на плато Гизы] *показывает, что Великая пирамида и вторая пирамида лежат на диагонали, направленной под углом 45 градусов, то есть на юго-запад к южной стороне первой. Третья пирамида… несколько смещена к востоку от этой линии. В результате они воспроизводят небесную картину, где три звезды Пояса Ориона также образуют как бы «неправильную «диагональ. Первые две звезды (Аль-Ниток и Аль-Нилам) расположены так*

же, как первая и вторая пирамиды, а третья звезда (Минтака) несколько смещена к востоку от оси, на которой лежат остальные две.

Будучи обнаружено, это визуальное сходство становится затем очевидным и вполне убедительным. Дополнительным подтверждением этого соответствия… является расположение Млечного Пути, который древние египтяне считали своего рода небесным Нилом и называли его в старейших погребальных текстах Извилистым Водным Путем. На небосводе звезды Пояса Ориона лежат к западу от Млечного Пути и как бы смотрят на его берега; на земле Пирамиды возвышаются над западным берегом Нила. Перед лицом, подобной симметрии и довольно сложной взаимно переплетающейся системы архитектурных и религиозных образов трудно удержаться от соблазна сделать вывод, что пирамиды Гизы представляют успешную попытку воспроизвести на земле Пояс Ориона».

Но к тому же для древних египтян созвездие Ориона служило небесным образом Осириса, Владыки Дуата. И тогда напрашивается еще одна параллель: пирамиды «напоминают небо», будучи поставлены аналогично звездам Пояса Ориона-Осириса: может быть, именно это имели в виду авторы погребального текста, когда провозглашали: «Я строитель, и я обладаю знанием… Я — отражение Осириса… Я — образ Осириса».

Но образ Осириса — когда? Поскольку Осирис — это Орион, Бьювэл рассудил, что, может быть, следует поискать ответ в звездах или конкретно в медленном изменении положения звезд, которое вызывается прецессией земной оси.

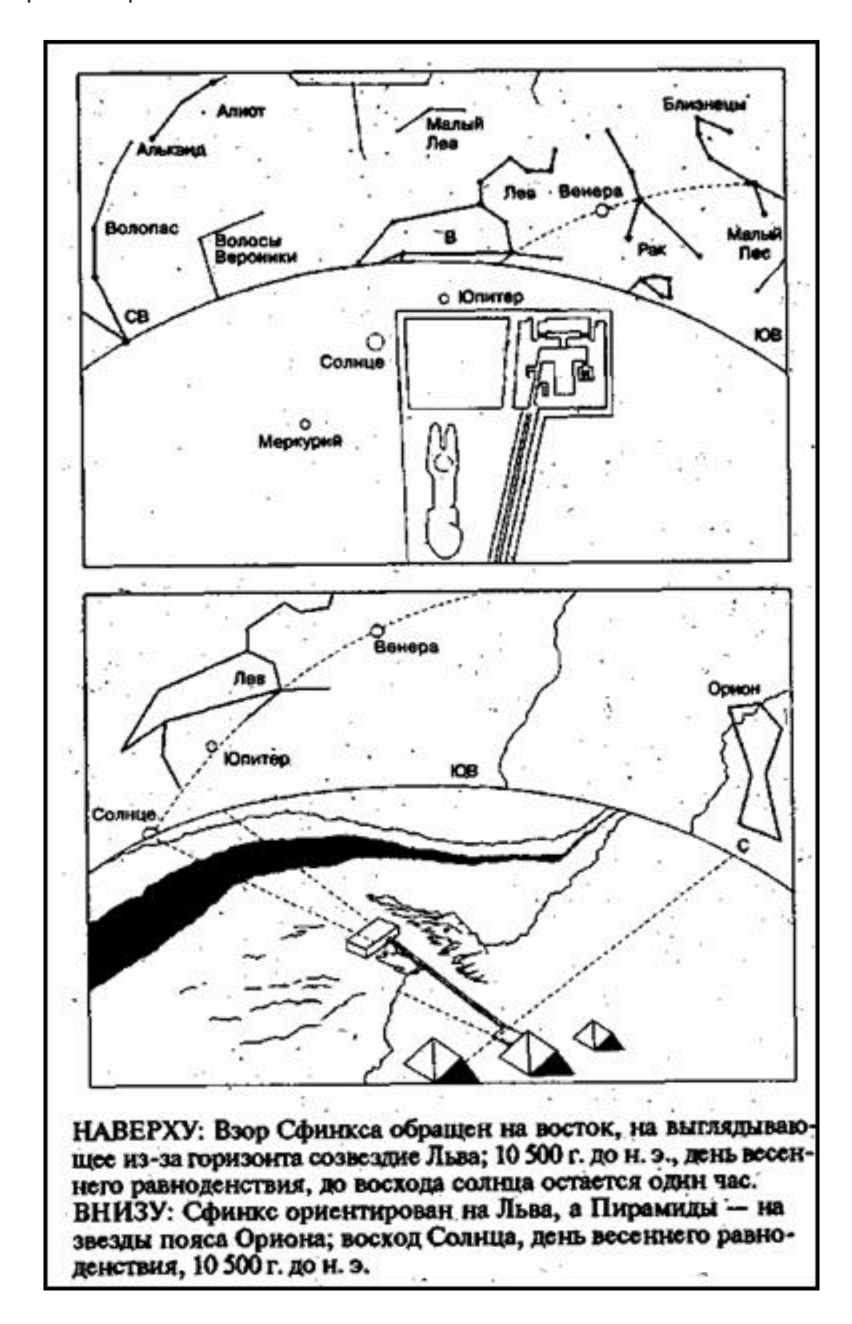
Ряд астрономических компьютерных программ, например, «Скайглоуб» («Небесная сфера») и «Редшифг» («Красное смещение»), позволяют исследователям имитировать влияние прецессии на положение любых звезд на небе, причем так, как они видны с любой заданной точки на поверхности Земли. Как же выглядит созвездие Ориона, если наблюдать его с Гизы? Бьювэл установил, что в ходе прецессионного цикла три звезды его Пояса скользят вверх и вниз по меридиану: 13 000 лет «вверх» (то есть *набирают высоту над,* горизонтом в момент прохождения меридиана) и 13 000 лет «вниз» (то есть *теряют* высоту над горизонтом при прохождении меридиана). Самая низкая точка этого цикла приходится примерно на 10 500 г. до н. э., а самая высокая в следующий раз будет наблюдаться между 2000 и 2500 г. н. э.

Кроме того, Бьювэл понял, что прецессионный цикл влияет не только на высоту трех звезд Пояса Ориона — постепенно трансформируется и их ориентация относительно Меридиана, поскольку они почти неощутимо, век за веком, поворачиваются по часовой стрелке. «Поворачивая звезды в обратную сторону» с помощью программы «Скайглоуб» и сравнивая небесную картину с положением на земле трех великих пирамид, он обнаружил в прошлом такую эпоху, когда небесная картина точно соответствовала земной. Эта эпоха приходится на 10 500 г. до н. э., наинизшая точка, или начало (фактически «первое время») нынешнего прецессионного цикла созвездия Ориона. Именно в эту эпоху, и только в нее расположение пирамид на Земле точно воспроизводило положение в небе трех звезд Пояса Ориона.

Разумеется, тот факт, что это совпадение точно соответствует астрономическому «первому времени» (10 500 г. до н. э.), можно посчитать случайным. Но тогда следует признать случайным и тот факт, что в древнеегипетских текстах Осирис-Орион неоднократно именуется богом Первого Времени.

Точно так же придется объявить совпадением (хотя сколько их может быть?) то, что на эту же эпоху приходится и еще одна связь между землей и небом. Мы говорим об ориентации Сфинкса, который, как отмечалось в «Загадке Сфинкса, или Хранителе бытия», смотрит прямо на восток, в направлении, где солнце восходит в день весеннего равноденствия. Компьютерная имитация показывает, что в 10 500 г. до н. э. созвездие Льва «давало приют» солнцу в день весеннего равноденствия, то есть в эту эпоху за час до рассвета Лев находился

в восточной части горизонта как раз в том месте, где вот-вот взойдет солнце. Это означает, что в это утро Сфинкс, наделенный туловищем льва, смотрел прямо на то созвездие, которое вполне резонно рассматривать как его небесный аналог.

НАВЕРХУ: Взор Сфинкса обращен на восток, на выглядывающее из-за горизонта созвездие Льва; 10 500 г. до н. э., день весеннего равноденствия, до восхода солнца остается один час.
ВНИЗУ: Сфинкс ориентирован на Льва, а Пирамиды — на звезды пояса Ориона; восход Солнца, день весеннего равноденствия, 10 500 г. до н. э.

Ощущение взаимного соответствия небесной и земной картин становится еще сильнее через час. По мере того как Лев поднимается все выше, в тот самый момент, когда верхушка солнечного диска появляется на востоке из-за горизонта, перед взором Сфинкса, три звезды Пояса Ориона, как свидетельствует компьютер, оказываются точно на юге, в положении кульминации относительно меридиана в соответствии с расположением на земле пирамид Гизы:

«Вопрос сводится к следующему: является ли простым совпадением, что доминантами дошедшего до нас из тьмы веков некрополя Гизы до сих пор являются огромная статуя льва

на востоке ее «горизонта» и три гигантских пирамиды, ориентированных относительно меридиана подобно трем звездам Пояса Ориона в 10500 г. до н. э.? И является ли совпадением, что монументы в этом удиви-<?>

тыр «оснащенного духа» является его способность «снизойти на любое Небо», то логично задать вопрос: не были ли пирамиды задуманы их создателями как громадные лаборатории, задачей которых является подготовка человеческого духа к бессмертию путем «оснащения» его эзотерическим *знанием* звездных циклов?

В «Текстах Пирамид» имеется фрагмент, делающий этот вопрос еще более обоснованным; его можно понять как намек на саму Великую пирамиду — монумент с плоской площадкой на вершине, которая образовалась из-за отсутствия нескольких последних рядов кладки:

О, Высота, которая не заострена, врата неба… возьми Царя за руку его, и отведи Царя на небо, дабы он не умер на земле среди людей.

В некотором смысле ситуация не противоречива. Египтологи соглашаются с тем, что к пирамидам относились как к «устройствам бессмертия», задуманным для того, чтобы переправлять души захороненных в них фараонов прямо на небеса. Но они даже не рассматривают возможность того, что Великая пирамида могла служить подобным инструментом и для фараонов, которые там *не были* похоронены. Возможность этого обсуждается в приведенном выше тексте, который написан внутри погребальной камеры фараона Унаса из V династии, правившего в Египте почти через двести лет после того, как Великая пирамида была якобы закрыта как гробница фараона Хуфу из IV династии.

Загадочно и необъяснимо

Египтологи считают «поглощенность Древнего Царства проблемой бессмертия на небесах» и связанную с этим веру в то, что пирамиды должны были играть определенную роль в его достижении, всего лишь ерундой, «детской» формой магии, побудительным началом которой было просто «наивное» желание жить вечно. Эта точка зрения хорошо согласуется с распространенной исторической гипотезой о глупости древних, согласно которой вполне резонно предположить, что пирамиды Гизы общим весом около 15 миллионов тонн, точно выставленные по сторонам света и небесным и земным ориентирам, могли быть построены в качестве «гробниц и только гробниц» фараонами — мегаломанами, единственным желанием которых было спроецировать свое «я» в вечность.

В принципе такая интерпретация возможна. Однако в случае пирамид Гизы она малоубедительна. Ее так называемые погребальные камеры оказались пустыми, когда арабские авантюристы впервые вскрыли их в IX веке до н. э., и внутри них не было найдено абсолютно никаких следов захоронения фараона. В дополнение к этому в них нет и никаких надписей — ни слова, — которые могли бы сообщить нам, почему они были построены или как они использовались[1]. Соответственно заявление египтологов о том, что они являются гробницами фараонов IV династии Хуфу, Хафры и Менкаура, построенными за 80-летний период с 2551 по 2472 г. до н. э., *не может считаться установленным фактом,* а просто является гипотезой.

К счастью, подобные теоретические построения не являются нашим единственным руководством в исследовании настоящей природы религиозных ритуалов, которые некогда отправлялись вблизи этих монументов. Более надежными источниками является большое количество информации, которую можно почерпнуть в древнеегипетских текстах о погребении и воскрешении. Среди них, как мы видим, самыми древними из уцелевших являются «Тексты Пирамид», названные так потому, что они начертаны внутри пирамид V и VI династий в Саккаре между XXIV и XXII веками до н. э.

Где и когда возникли эта тексты на самом деле?

Речь идет не о дате собственно начертания. Все ученые согласны с тем, что в «Текстах Пирамид» содержится большое количество внутренних свидетельств в пользу того, что они были древними уже во времена V и VI династий. В самом деле, в них имеются бесспорные признаки того, что их копировали с еще более старых документов, которые до нас не дошли. Как указывает египтолог Джеймс Брестед, в них содержится *«большое количество слов-архаизмов, которые прожили долгую и активную жизнь в мире, ныне совершенно затерянном и забытом. Эти седые от возраста, истощенные бегуны, ненадолго появляются, шатаясь от усталости, на самом раннем горизонте, еле уцелев в этих древних текстах, чтобы затем исчезнуть навсегда, и потому больше никогда не встречаются. Они смутно приоткрывают нам исчезнувший мир мысли и речи, последнюю из бесчисленных эр, через которые пробирался доисторический человек прежде, чем подобрался к нам на расстояние видимого сигнала, чуть-чуть вступив в историческую эпоху».*

Не является ли таинственным и почти необъяснимым, что в тот момент, когда доисторический человек впервые подобрался к нам «на расстояние видимого сигнала», в Египте уже существовала организованная структура, обладавшая достаточным мастерством и рабочей силой, чтобы:

1) возвести гигантские и научно обоснованные монументы в Мемфисском некрополе, включающие (какие бы функции они не выполняли) Великого Сфинкса и пирамиды Гизы, и

2) сформировать комплекс идей, настолько сложных и развитых, как те, что мы встречаем в «Текстах Пирамид»?

Открыто заявляя, что не видят здесь никакой тайны и ничего такого, что требовало бы объяснения, египтологи приходят к выводу, что такая структура действительно существовала. По их мнению, «весь ритуал египетской церкви происходил из Гелиополиса», этой додинастичёской религиозной академии. Но какой цели служил этот ритуал? Какие идеи он нес? И как эти идеи могли быть связаны с пирамидами и звездами, местом восхождения солнца, богоцарями и поиском бессмертия?

Появление Атума

Сегодня древний Гелиополис полностью скрыт под пригородом Маттария на восточном краю Каира. От его славы не осталось ничего, кроме единственного обелиска, воздвигнутого здесь фараоном XII династии Сенусеретом I (1971–1926 гг. до н. э.). Все, что археологи твердо знают о городе, так это то, что он был очень почтенного возраста уже во времена Сенусерета, и что он процветал «еще в середине III тысячелетия до н. э. и, вне сомнения, был намного старше этой эпохи». Профессор И.Э.С. Эдвардс утверждает, что еще в додинастические времена это был «самый важный город в Египте». Питер Томпкинс описывает его как «столицу додинастического государства». По оценке сэра Дж. Нормана Локьера — английского астронома — он был основан задолго «до 4000 г. до н. э.». А греческий путешественник Дирдор Сицилийский, который посещал его в I веке до н. э., слышал от его жителей, что их город «старше любого другого в Египте».

История Гелиополиса обитает где-то на стыке мифа и истории. Ее нельзя рассказать, не упомянув также про Нун и Первобытный Курган, птицу Бенну и камень Бенбен.

В самых ранних из уцелевших «Текстов Пирамид» идет речь о кануне Первого Времени, золотого века, который, по мнению ученых, является мифическим; здесь говорится, что он существовал до того, как началась история, «прежде, чем возник гнев… прежде, чем возникли раздоры… прежде, чем возникло буйство».

Первое Время называется так потому, что оно является началом нынешней реальности, современной инкарнации Земли — первое движение космических часов, отсчитывающих ниспосланный нам цикл существования. Касательно этих невеселых вопросов тексты египтян таинственны и туманны больше обычного; тем не менее, иногда, как бы сквозь пелену, проглядывают головокружительные пропасти, иных возможных «реальностей», разбросанные там и сям и пронизывающие нашу собственную, причем за каждой из них — идея Господня, ждущая претворения в мир форм.

Итак, как нам сообщают, до того как начало тикать Первое Время, Атум, бог-предшественник всех богов, «Тот-кто-совершенен», «Отец всех», неподвижно лежал в водах первобытной пустоты — «в бесконечности, отсутствии чего бы то ни было, в темноте и нигде» — в том, что древние египтяне называли словом «Нун». Будучи инертен, бог тем не менее был полон магии, заряжен способностью «сотворить собственные формы», способен реализовать бесконечные возможности творения и преобразования. Одинокий, нагой, подвешенный в темном океане, окруженный отсутствием смысла, он не был отключен, погашен. Как сказано в текстах, он «владел своими конечностями», сохранял полный контроль над своей силой воли, интеллектом и мудростью своих бессчетных проявлений.

В некий предопределенный момент он встряхнулся и всплыл сквозь вязкие воды Нуна, посылая впереди себя заклинание творения, придавая форму и структуру игре своего воображения, побуждая *нечто* возникнуть из ничего.

Для изображения этого триумфального возникновения существования из небытия в результате божественной магии древнеегипетские писцы использовали три параллельных и пересекающихся символа. Первый — Первобытный Курган, первая земля, вырвавшаяся из вод Нуна; второй — священный камень Бенбен; третий — птица Бенну. Египетский менталитет помещал все эти три предмета вместе в Гелиополис, в одно священное помещение — *Хет-Бенбен, храм Бенбена,* который также именовали иногда Дворцом Феникса.

Курган и камень

Древние египтяне называли Гелиополис *Инну — «колонна»,* и считали его первым участком земли и вообще мира, вырвавшимся из Нуна. Это вытекает из текста, который описывает состояние Атума перед творением мира. То было время, «когда я пребывал в одиночестве в водах, в инертном состоянии, прежде, чем я обнаружил, где мог бы стоять или сидеть, прежде, чем был основан Гелиополис, в котором я мог бы находиться», — вспоминает он.

Бог материализовался в виде Первобытного Кургана: «О, Атум! — читаем мы в Стихе 600 «Текстов Пирамид». — Когда ты возник, то поднялся подобно Высокому Холму, ты сиял, как камень Бенбен в храме Феникса».

Место, Где, по мнению египтян, располагался первичный Первобытный Курган, представляло собой возвышение под названием Высокий Песок в самом центре Гелиополиса. Однако считалось, что не оно было первой частицей твердого вещества, сотворенной Атумом. Первым был камень Бенбен, «камень, упавший с неба», — как предполагают некоторые ученые, метеорит, родившийся из капли семени Атума, упавшей в первобытный океан Нун. Как указывает Генри Франкфорт, этот таинственный объект действительно некогда можно было видеть в Гелиополисе помещенным на Высокий Песок во Дворце Феникса, где, как мы узнаем из *«Книги о том, что находится в Дуате»,* его могли наблюдать посвященные, но он был скрыт от глаз непосвященных:

Вот те, кто находится снаружи Хет-Бенбена… Они видят Ра [бога Солнца] *своими глазами и проникают в его тайные образы. Я защищаю свои скрытые предметы, что находятся в Хет-Бенбене.*

Первоначальный камень Бенбен, который, как утверждают, хранил тайну «сокрытости Дуата», исчез из Гелиополиса еще в древности, и где он теперь — неизвестно. Большое число подробных описаний, рисунков и барельефов позволяют нам не сомневаться: он имел форму, близкую к пирамидальной. По словам исследователей, «его описывали то как скругленный предмет, пирамидой, то как ступенчатый». В «Текстах Пирамид, как отмечает Франкфорт, он имел конусообразные очертания, его стилизованные для использования в архитектуре изображения имели вид небольшой пирамиды, пирамидиона; покрытая золотой фольгой, она красовалась на высоком столбе обелиска».

Этот самый Бенбен послужил моделью и одновременно дал имя замковому камню (пирамидному), которым древние египтяне увенчивали все свои пирамиды и обелиски. Первым обелиском в Гелиополисе служила колонна — мегалит Инну, по которой город получил свое египетское название; она стояла во дворе храма Хет-Бенбен, открытого скорее всего небесам. По мнению Франкфорта, этот стоявший торчком каменный столб, увенчанный пирамидкой Бенбена («каплей семени Атума»), являлся, вполне вероятно, «фаллическим символом Гелиополиса, города, посвященного столбу».

Подтверждением этой мысли служит тот факт, что в древнеегипетском языке корневое слово *бн* и его сдвоенный вариант *бнбн* «связаны со всякого рода истечениями, в том числе и сексуального характера…».

В разделе о сотворении Бенбена мы читаем, что Атум — это бог, «который произвел [бнн] некое место [бн] в первобытном океане, когда семя [бнн. т] изверглось [бнбн] в Первый Раз [то есть в начале Первого Времени, нынешнего сотворения]… Оно извергалось [бнбн] под него, как обычно, обретая свое имя «семя» [бнн. т].

Полёт Феникса

Таким образом, Бенбен имел сексуальное, репродуктивное значение, в прямом физическом смысле. Название сказочной птицы Бенну также происходит о*т карая бнн.*

Послужившая моделью Феникса поздних греков, Бенну была еще одним олицетворением Атума, на этот раз в виде серой цапли, которая якобы появилась в момент творения, восседая на верхушке столба на Первобытном Кургане. При этом важно отметить, как указывал египтолог Р.Т. Рандл-Кларк, что вздымание холма и появление Феникса рассматривались не как последовательные события, а, скорее, как «параллельные акты, два аспекта Великого момента Творения».

В текстах этот момент увековечен как победа света и духа над тьмой и смертью, или конкретно в Качестве «дыхания жизни, которое вырвалось из горла птицы Бенну, в чьем виде Атум возник среди первобытного небытия». В красочном изложении Рандл-Кларка эта сцена выглядит следующим образом:

Представьте себе шест, торчащий из вод Бездны.

На нем сидит серая цапля, провозвестница всего, что должно произойти. Она раскрывает свой клюв и нарушает тишину первобытной ночи зовом жизни и судьбы.

Это воплощение Атума, самозародившаяся и бессмертная Бенну, пересекает измерения между духом и материей, символизируя вечное переселение души. И все высокие посвящаемые искали в храмах Древнего Египта то, что она олицетворяла. В сущности, метафорически они надеялись стать ею. «Я — птица Бенну, — провозглашает умерший в одном из фрагментов *Книги Мертвых», —* и я снова появляюсь на Земле».

Очевидно, что в основе этих чаяний лежала доктрина реинкарнации (чему имеется масса свидетельств в египетских текстах). Согласно подобной доктрине, отраженной немецким философом Гегелем в его малоизвестном эссе о Фениксе, *«Дух, используя оболочку своего сознания, не просто переходит в новую оболочку, но как бы возрождается из пепла своей предыдущей формы; он возникает в возвышенном, славном и более чистом проявлении. При этом он явно враждует сам с собой; поглощая собственное существование; но в самом этом разрушении он создает бытие в новой форме, и каждая последующая фаза становится материалом, используя который он возвышает себя, поднимаясь на новую ступень.*

Последователи Гора

«Когда с небес нисходит послание, — сообщает нам древнеегипетский Лейденский папирус, — оно слышно в Гелиополисе». Но кто мог его слушать?

Согласно историческим записям, до 12 000 жрецов были заняты одновременно служением в храме Бенбена — таинственного объекта в виде пирамиды, который иногда называли «камнем, упавшим с неба». *«Книга мертвых»* сообщает нам: «Смотрите, звездное небо — в Гелиополисе». Как мы видели, верховного жреца Гелиополиса называли «Главой астрономов». И с Гелиополисом связаны такие монументы, как Великие пирамиды и Сфинкс, имеющие явные астрономические ассоциации.

Несмотря на такие, казалось бы, очевидные ключи, египтологи продолжают утверждать, что жрецы Гелиополиса были «полудикими», а в их религии не было, дескать, ничего, кроме пустых ритуалов и примитивных суеверий, облаченных в заклинания некоего небесного культа. В противовес этому звучат голоса несогласных, по мнению которых «храм в Гелиополисе, представлявшийся непосвященным местом богослужения, был на самом деле астрономической обсерваторией, спроектированной и оборудованной учеными для научных целей».

Сложные, чтобы не сказать — изощренные, астрономические характеристики пирамид и Великого Сфинкса в Гизе, расположенной так близко к Гелиополису и находившейся, как известно, под эгидой тамошних жрецов, являются веским аргументом в пользу гипотезы обсерватории. Правда, мы не видим основания, чтобы соглашаться с научными диссидентами в том, что религия служила там своего рода «легендой», маскировавшей занятия «секретной наукой». Напротив, мы считаем возможным, что, пользуясь сложными методиками исследований, включавшими астрономию, но ею не ограничивавшимися, ученые Гизы — Гелиополиса стремились к абсолютно религиозному и духовному результату — ни больше, ни меньше, чем к «обновлению» и преображению души, подобному возрождению Феникса.

Если верить древним текстам, то этот поиск жизни после смерти был импортирован в Египет в Первое Время — за много тысяч лет до I династии фараонов. С самого начала он ассоциировался с некоей неясной группой полубожественных существ, которых называли Шемсу-Гор — Последователи Гора. Согласно преданию, эмблемой этих «основателей Гелиополиса» и «учителей небесных тайн» служил Гор с головой сокола, божественный сын Осириса и Исиды, чьими небесными аналогами являлись Орион и Сириус.

Гор олицетворял много различных понятий, самым важным из которых являлось Солнце. В этом своем воплощении он сливался в Гелиополисе с Атумом, образуя вместе бога Солнца Ра, чьим символом был человек с головой сокола, увенчанный солнечным диском и коброй (змеей *uraeus).* В более поздние времена именно этот культ Атума и Гора в виде Солнца побудил греков называть древний город Инну Гелиополисом — Городом Солнца.

История Гора — это история возрождения Осириса. Это история стремления посвящаемого пройти через все испытания смерти, «собрать вместе свои кости» и вновь

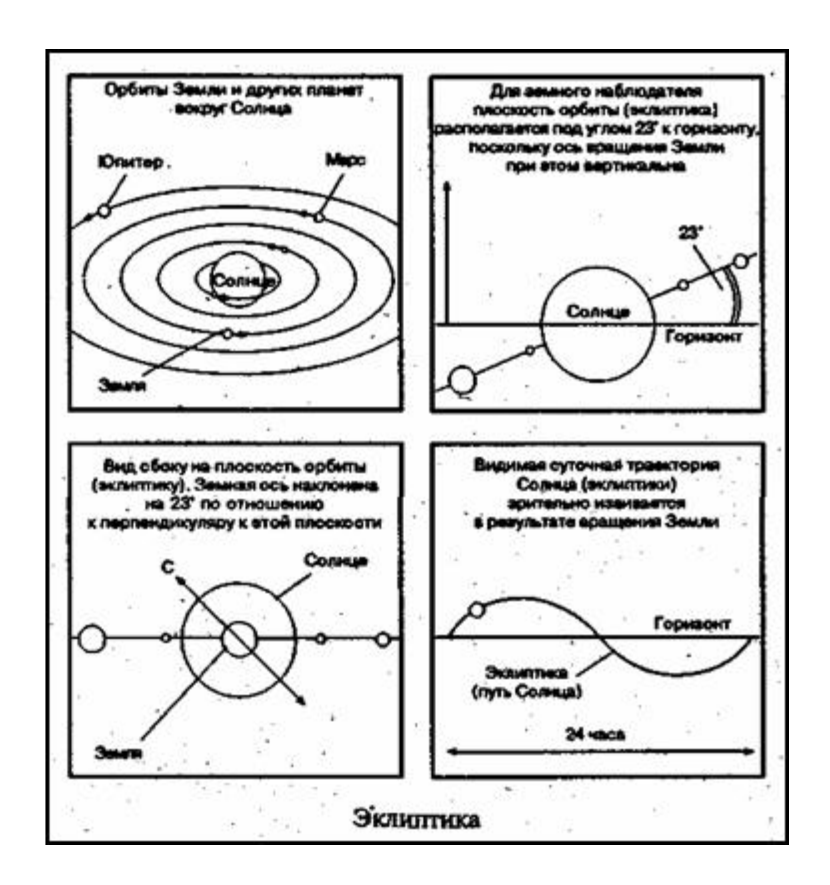
триумфально вступить в жизнь. Бог Осирис правил в Египте, в Первое Время, причем царство его было организовано в соответствии с правилами космической справедливости. Убитый во цвете лет своим завистливым братом Сетом, у которого согласно преданию было под рукой 72 заговорщика, Осирис был затем быстро возвращен к физической жизни чарами своей сестры Исиды, которая после этого приняла облик коршуна, воспарила над фаллосом Осириса и восприняла его семя. Таким вот образом был зачат Гор, который затем вырос, возмужал и отомстил Сету, покорив его и восстановив земное царство своего отца. К тому же его магические действия послужили тому, чтобы вернуть отца к духовной жизни на небесах*3*, где Осирис возродился в виде владыки Дуата и стал вечным судьей — вершителем судьбы душ умерших.

Этот архетипический миф, сходный во многих отношениях с центральноамериканскими преданиями о Кецалькоатле, служил обоснованием власти фараонов, божественных царей Древнего Египта. При жизни каждый из них именовался Царем Гором, а после смерти надеялся взойти на небеса и присоединиться к Осирису, то есть буквально стать «Осирисом». Иными словами, каждый фараон при жизни идентифицировал себя с богом Гором, после смерти — с богом Осирисом, а также всегда (каким бы странным не казалось с позиций современного мышления) — с Солнцем Ра, о котором «Тексты Пирамид» говорят: «Гор сделал так, что вбираешь в себя всех богов, которые находятся в пределах твоей досягаемости».

Вполне разумно допустить, что подобные доктрины могли проповедоваться группой, называвшейся Последователями Гора и обитавшей в Гелиополисе, городе камня Бенбен и столба птицы Бенну — первого святилища Древнего Египта, где, как считают ученые, были скорее всего составлены старейшие из уцелевших списков «Текстов Пирамид».

Идентичные во всех отношениях (кроме титула) мудрецам и богам-строителям, о которых говорится в текстах Эдфу, Последователи Гора, как считали, принесли в Египет знание о божественном происхождении и столь же божественном предназначении этой страны, «которая некогда была святой, и в награду за ее верность боги соизволили обитать на Земле».

В дополнение к этому совсем недавно было установлено, что слово *«Шемсу»* (Последователи Гора) следует понимать не в переносном смысле (спутники, ученики), а в самом прямом, то есть «те, кто идут по пути Гора», который также называют «Солнечным путём» или «Дорогой Ра». Возможно, вследствие их прославленного знания особой «дороги» в небесах, а также потому, что они являлись учителями, способными передать это знание другим людям, «Тексты Пирамид» говорили посвященному: «Последователи Гора очистят тебя, они сообщат тебе заклинание Того, кто Восходит».

Эклиптика

Путь возрождения

Современные астрономы часто говорят о «Дороге Ра», которую они именуют «путем Солнца» или, выражаясь специальным языком, эклиптикой. Она определяется как «проекция на небесную сферу плоскости вращения Земли вокруг Солнца… С точки зрения земного наблюдателя, эта окружность отслеживает годичное *движение Солнца по небу* по отношению к далеким звездам». К этому *«Penguin Dictionary of Astronomy»* добавляет:

«С точки зрения наблюдателя с Земли, относительное орбитальное движение Земли и Солнца выглядит таким образом, как будто Солнце совершает свое путешествие вокруг Земли в течение года. «Путь Солнца» на небесной сфере отслеживает плоскость эклиптики, и на звездных картах его часто обозначают как эклиптику».

Иначе говоря, существует научно признанный (и поименованный) реальный «путь Солнца», круговая траектория между звезд, циклически повторяющаяся приблизительно за 365 с четвертью дней — за солнечный год. Поэтому недавно была рассмотрена возможность того, что, объявляя себя «следующими по дороге Ра», то есть по «пути Солнца», *Шемсу-Гор* давали нам ключ к пониманию их истинных интересов — долгосрочного отслеживания астрономических событий вдоль эклиптики. Если эти астрономы-жрецы вели аккуратные записи в течение длительного периода, они несомненно наблюдали эффекты прецессии, в частности постепенный поворот двенадцати зодиакальных созвездий, на фоне которых солнце восходит в день весеннего равноденствия.

Такое впечатление, что намеки на божественную силу этого великого космического цикла как символ возрождения и обновления после длительных периодов как бы исчезновения, а также жизни после смерти неоднократно встречаются во многих древних текстах. Так, в *«Герметике»* мы читаем:

«Ход земного времени отмечается изменением состояния атмосферы и сменой тепла и холода; в то время как небесное время отмечается возвратом небесных тел на свои прежние положения, когда они совершают свое периодическое вращение. Космос — это вместилище времени; именно за счет хода, движения времени поддерживается жизнь в Космосе. Ход времени регулируется установленным порядком, и время, следуя этому порядку, обновляет все предметы в Космосе, изменяя их».

И далее: *«Бог самозамкнут и саморазвивается… В вечности все движения времени происходят в обратном направлении, и из вечности все движения времени берут свое начало».*

И, наконец, нам сообщают, что бог и вечность содержат «Космос, который недоступен ощущениям. Ощутимый Космос [то есть материальная Вселенная, которую мы видим вокруг себя] создан по образу и подобию того, другого Космоса, *и воспроизводит вечность в виде копии».*

Таким образом, эта мощная герметическая идея материальных земных, являясь копией небесных оригиналов, очевидно, связана с убежденностью древних египтян, что храмы «должны походить на небо». Более того, в обоих случаях, так же, как и в городе пирамид, мексиканском Теотиуакане, работа по созданию этой «похожести» — сознательная имитация на Земле форм, циклов и тайн Космоса — явно понималась как часть серьезного и разумного стремления превратить людей в бессмертных богов.

Часть III
КАМБОДЖА
Глава 7
ДРАКОН

Идея создания страны, которая является «образом неба» и где построены космические храмы с «залами, что напоминают небо», принадлежит не только Древнему Египту и Древней Мексике. Точно такая же идея пустила корни в юго-восточной Азии, В камбоджийских городах индуистов и буддистов Ангкор-Ват и Ангкор-Тхом через тысячу лет после падения цивилизации фараонов.

Историки не признают между ними никакой связи, утверждая, что ни Египет, ни Мексика не оказывали никакого влияния, ни прямого, ни косвенного, на храмы Ангкора. Французский археолог Жорж Кодэ писал, что эти монументы следует считать продуктами лишь «индуистской цивилизации, пересаженной в Индокитай… Стоит нам заглянуть за внешние формы в поисках вдохновляющей мотивации, как мы обнаружим индийскую идею».

Хотя монументы Ангкор-Вата и Ангкор-Тхома являются уникальными, но они, несомненно, во многих отношениях «индианизированы». Верно, что санскрит, классический религиозный язык Индийского субконтинента, являлся единственной формой, в которую облекались религиозные писания в Ангкоре, в то время как туземный кхмерский язык использовался только в светских текстах. Также верно и то, что индуизм (в особенности культы Вишну и Шивы), равно как и буддизм махаянской школы, отразился в священной архитектуре и символике Ангкора.

Тем не менее, существует одна серьезная проблема. Состоит она, попросту говоря, в том, что, как признаются ученые, «ничего еще не известно о предыстории и протоистории Индокитая». И, поскольку именно из этой «предыстории и протоистории» на нас без предупреждения надвигаются храмы Ангкора, нам не следует быть слишком уверенными в том, что мы поняли все факторы, которые их формировали.

Бог Гор живет на 72 градуса восточнее

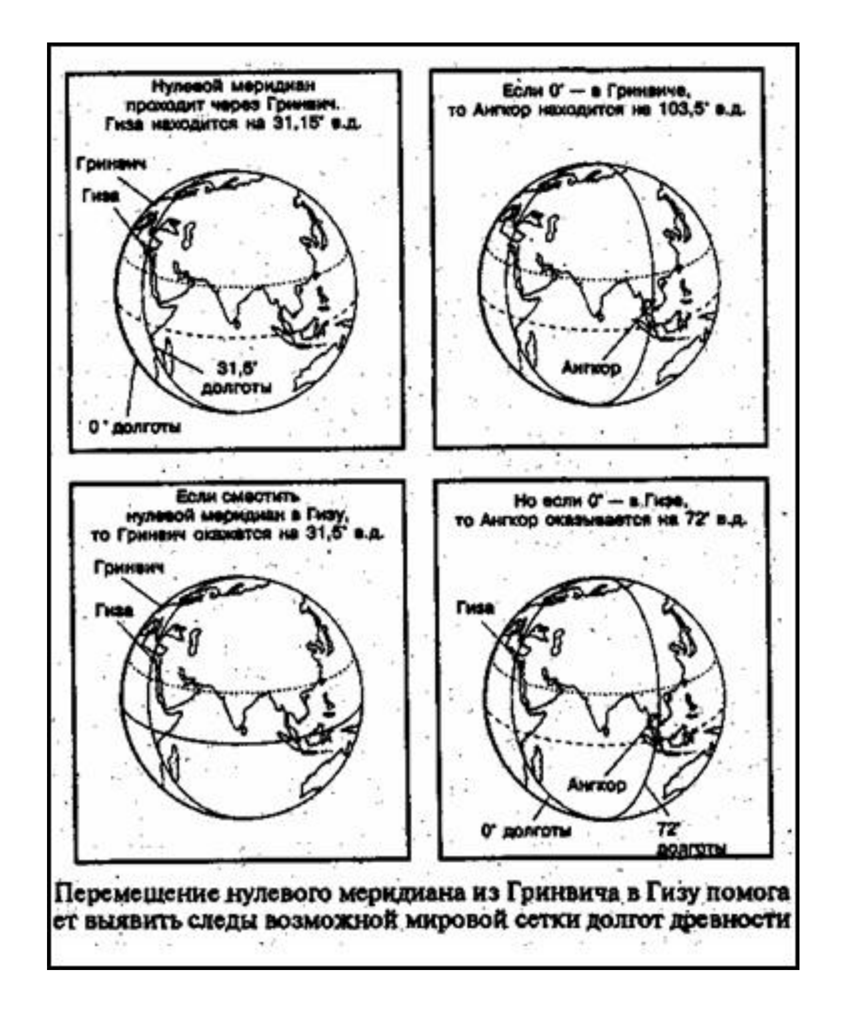
Название «Ангкор» хотя и считается искаженным санскритским словом «*нагара*» («город»), имеет в древнеегипетском языке точное значение «бог Гор живет». Возможны также варианты перевода словосочетания *Анх-Хор:* «Пусть живет Гор», «Гор живет» и «Жизнь — Гору».

В египетских преданиях Последователи Гора, легендарные основатели священного города Гелиополиса, характеризуются как носители глубокого астрономического *гнозиса* (знания). Правда, ученые всегда отвергали эту характеристику, считая ее мифом. Тем не менее, признаемся, что монументы и иероглифические тексты, связанные с Гелиополисом — Великие пирамиды Гизы, Великий Сфинкс и «Тексты Пирамид» — имеют непосредственное отношение к астрономии. В частности, они содержат в кодированном виде информацию о точных научных наблюдениях прецессии равноденствий, которая происходит со скоростью в 1 градус за 72 года. Представляется вполне возможным, что на этом числе может основываться целая геодезическая система, одним из выражений которой является соотношение между размерами Великой пирамиды и земного шара — 1:43200, как мы узнали в части второй, или 600x72.

Ни один историк не может сказать точно, где или когда математики и геодезисты пришли к соглашению делить сферы и окружности на 360 градусов. Однако именно в соответствии с этим соглашением географы и картографы наших дней делят поверхность нашей планеты на 360 градусов долготы (вертикальные сегменты, идущие от полюса до полюса), каждый из которых имеет на экваторе ширину примерно 112 километров. С незапамятных времен астрономы распространили подобную конвенцию и на «небесную сферу» с ее Солнцем, Луной, планетами и звездами. Очевидным удобством является то, что сферу из 360 градусов удобно «нарезать» различными способами — например, разделив на два полушария по 180 градусов, четыре квадранта по 90 и т. д. Кстати, сферу удобно разделить и на пять одинаковых сегмента, по 72 градуса каждый.

Сегодня на любом школьном глобусе имеется сетка из вертикальных (долготных) и горизонтальных (широтных) линий, которую географы нанесли на поверхность изображения Земли. В северном полушарии широта может быть точно рассчитана на основании измерения угла, на которых отстоит Полярная звезда от линии горизонта; имеется и другая несложная техника. Однако исторические цивилизации не могли точно определить долготу вплоть до XVIII столетия, когда были изобретены надежные морские хронометры.

Здесь мы не будем подробно обсуждать факт обнаружения большого количества древних карт, вычерченных до XVIII века (и основанных на копиях, снятых некогда с еще более древних первоисточников), которые демонстрируют почти идеальное взаимное расположение объектов в долготном направлении. Скажем только, что такие карты могут оказаться наследием расы морепроходцев далекой предыстории — развитой, но забытой ныне цивилизации, которая более 12 000 лет назад измерила земной шар и нанесла на глобус сетку геодезических координат.

Перемещение нулевого меридиана из Гринвича в Гизу помогает выявить следы возможной мировой сетки долгот древности

Точная привязка линий долготы в сетке, которой мы пользуемся сегодня, является вопросом политическим. В соответствии с конвенцией, принятой повсеместно лишь в XIX веке, первая линия этой сетки — нуль градусов долготы, так называемый «нулевой меридиан», — проходит через Королевскую Гринвичскую обсерваторию в Лондоне. Пирамиды Гизы стоят на 31,15 градуса восточнее Гринвичского меридиана, древний Гелиополис на 31,2 градуса восточной долготы, а храмы Ангкор-Вата — на 103,5 градуса. То есть расстояние между священной землей Гизы — Гелиополиса, где правили мудрецы, что шествовали астрономической «дорогой Гора», и святой землей Ангкора, чье название «Анххор» дословно означает «бог Гор живет», составляет с небольшим округлением геодезически важную величину 72 градуса долготы (103° — 31° = 72°).

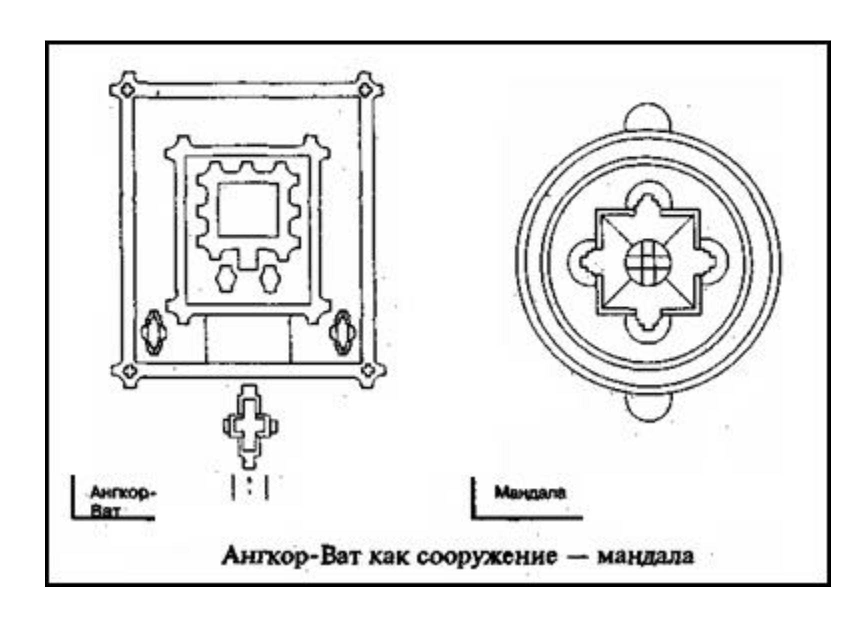
Пирамида

Было время (всего несколько десятилетий назад), когда Ангкор представлялся неким центром тьмы, поскольку располагается посреди темных лесов в стране, где творятся темные дела.

Приближаясь к храмам с юга, мы миновали пещеру, где горкой высотой по грудь сложены черепа жертв «красных кхмеров», после чего проехали еще километров пять к северу по прямой, но в рытвинах, дороге, оставляя позади какие-то неясные фигуры на опушке окружающего леса. Это происходило за час до рассвета в середине ноября 1996 г. Слева от нас, рядом с созвездием Ориона, находился участок неба, который древние

египтяне называли Дуатом; он опускался все ниже и ниже и готов был исчезнуть за западной гранью горизонта. На севере, прямо перед нами, восходил дракон (или змея?) созвездия Дракона. Справа; на востоке, небо казалось сжатым под действием пока еще скрытого солнца.

<?>

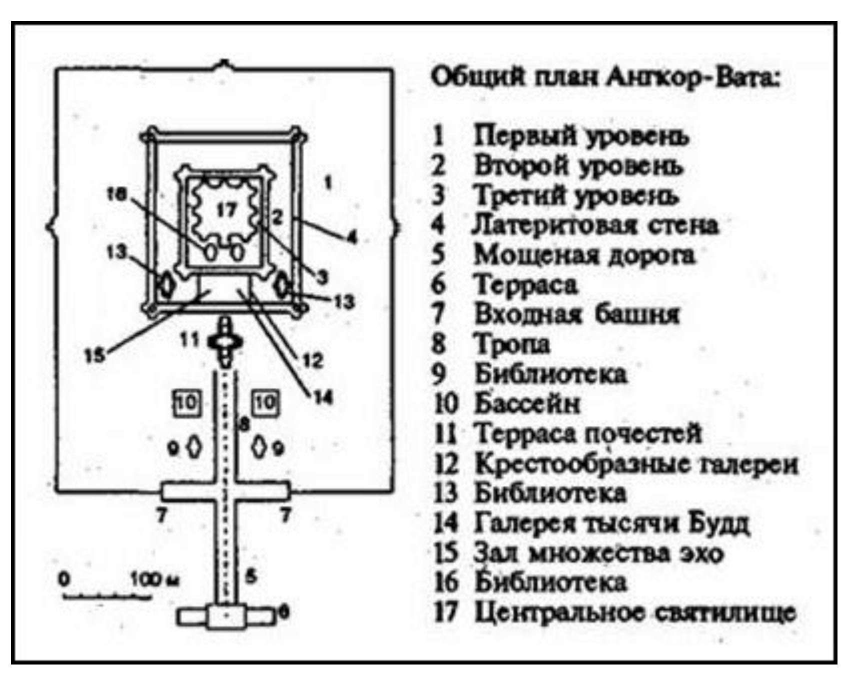
Ангкор-Ват как сооружение — мандала

Согласно представлениям буддийских монахов, мандала является *«олицетворением Вселенной, священным местом, где соединяются космические силы. Человек, мысленно «входящий «в мандалу и «продвигающийся «к ее центру, как бы подвергается космическим процессам дезинтеграции и реинтеграции».*

Представляя, «копируя» и символизируя Вселенную, «физические» мандалы, будь они нарисованы на бумаге или сложены из камня, считались «удобным средством для формирования мандал истинных в человеческом разуме». В практике буддизма они являются инструментом посвящения, задуманным таким образом, чтобы управлять определенными мыслительными процессами и помочь неофитам на их пути к просвещенному *гнозису* — состоянию «просветления», «реализации» или «пробуждения», которое позволит им обрести «знание истины».

План Ангкора

Но продолжим наш воображаемый полет над Ангкор-Ватом, отправимся к его западному краю, пересечем ров и посмотрим на север.

Под нами, меньше, чем в 2 километрах впереди, в поперечном направлении почти на 5 километров протянулся южный край еще одного огромного рва. Внутри него находится квадратный остров, по периметру которого высится тоже квадратом 12-метровая стена, каждая из сторон которой тянется на 4 километра, то есть общая их протяженность достигает 16 километров. Внутрь ее ведут пять ворот и пять мощеных дорог, вдоль которых выстроились мощные каменные фигуры, изображающие людей, тянущих громадного каменного змея Нага, мифическую кобру с капюшоном.

Является ли это геометрическое сооружение, разделенное водой и камнем, тоже мандалой, призванной стимулировать «мандалы разума», хотя и намного большего масштаба, чем Ангкор-Ват?

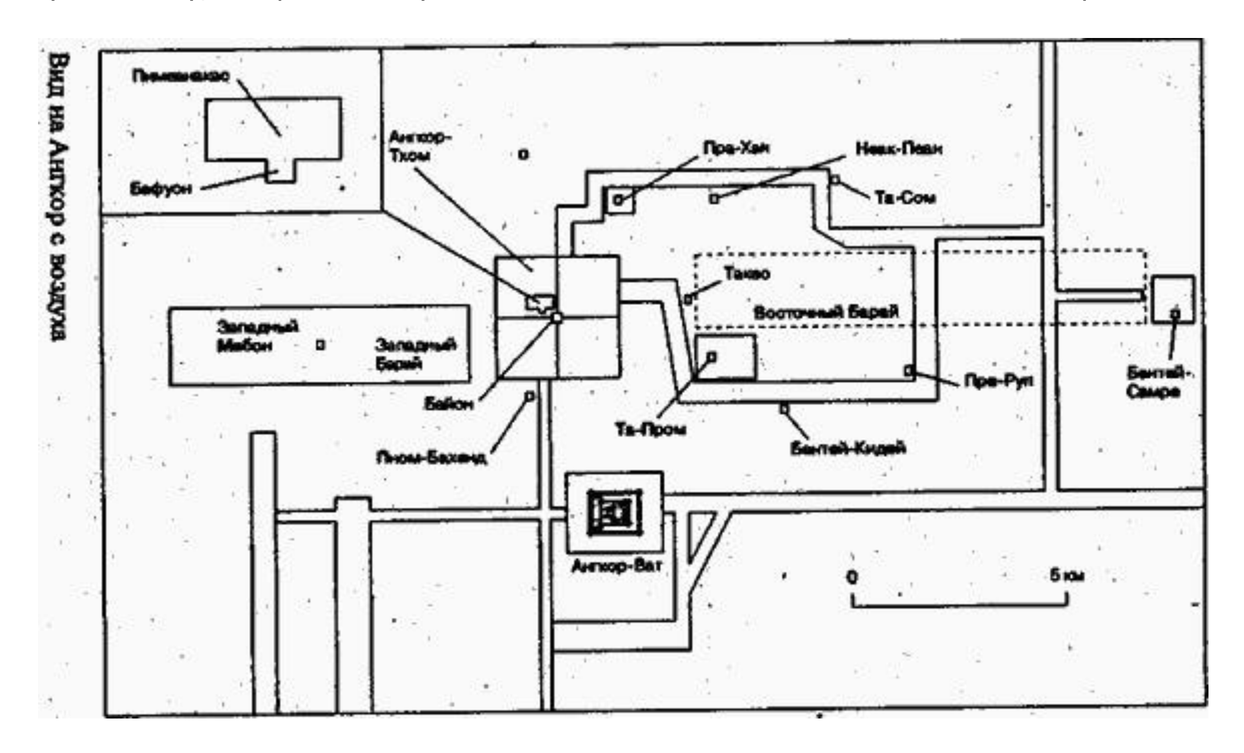
Оно носит имя Ангкор-Тхом, что означает «Ангкор-Великий» (кстати Ангкор-Ват означает «храм Ангкор»), и в его состав входит три довольно примечательных храма — Фимеанакас, Бафуон и Байон, — которые мы подробнее рассмотрим в последующих главах. Каждая из этих построек имеет форму пирамиды, причем Фимеанакас («Дворец Неба») расположен к северо-западу от центра сооружения, а Бафуон («Башня из бронзы») — в 200 метрах к югу от него. Третий храм, Байон («Отец Литры»), поставлен точно в геометрическом центре Ангкор-Тхома.

Причудливый, потрясающий, огромный и сюрреалистический, Байон окружен целым лесом башен, которые почти скрывают от наблюдателя его форму ступенчатой пирамиды. Зато название его открывает многое, поскольку «янтра» это особая форма мандалы, которая «является усовершенствованным фокусом для медитации». Принято считать, что, по крайней мере, одно из назначений Байона и его окружения, сколь бы странными и невероятными они не показались при первом знакомстве, — служить символической моделью Вселенной, в которую должны входить посвящаемые, дабы снабдить свои души некоей формой эзотерического, «космического» знания.

Связь между Драконом и Ангкором

Давайте теперь мысленно взлетим еще выше над священным комплексом, чтобы охватить своим взором все его 300 квадратных километров. Большой прямоугольник Ангкор-Вата и в четыре раза больший квадрат Ангкор-Тхома расположены на западной стороне раскинувшегося под нами ландшафта. В пределах 25 километров к востоку и 15 километров — к северу, окруженные джунглями, но все же различимые, виднеются руины многих других храмов, построенных теми же кхмерскими богоцарями, которые воздвигли и более крупные монументы. Малые или большие, эти храмы повторяют в своих очертаниях геометрию космической мандалы, или янтры.

Связаны ли они друг с другом? Может быть, следует рассмотреть их в *совокупности* как некую мандалу, воспроизводящую в большом масштабе какие-то космические очертания?

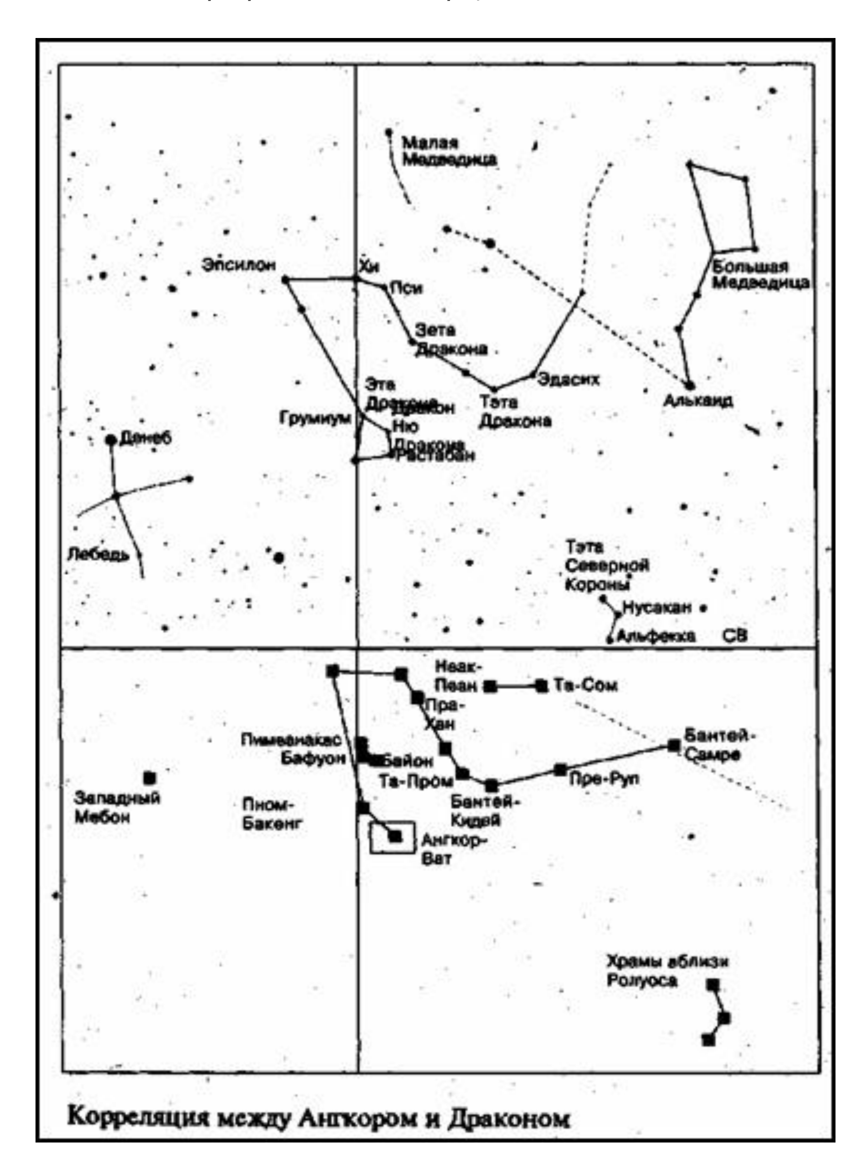
Среди уцелевших триумфальных надписей Джаявармана VII, кхмерского короля, который построил Ангкор-Тхом и Байон в XII веке н. э., обнаружена загадочная фраза на стеле, откопанной на территории королевского дворца: «Страна Камбу (Камбоджа) аналогична небу».

У человека, знающего о древнеегипетском дуализме «небо — земля», естественно, возникает вопрос; не отражает ли оно практику возведения на Земле архитектурных моделей или «копий» конкретных небесных звезд или созвездий?

В 1996 г Джон Григсби, 25-летний соискатель докторской степени, собирая для нас базу данных об Ангкоре, сделал блестящее открытие. Оказывается, подобно тому, как три Великих пирамиды Гизы в Египте моделируют звезды Пояса южного созвездия Ориона так и главные сооружения Ангкора моделируют волнистую спираль северного созвездия Дракона.

Сомневаться в этой корреляции не приходится: соответствие между главными звездами созвездия Дракона и по меньшей мере 5 главными храмами-пирамидами Ангкора слишком явное, чтобы назвать его как-либо еще. Более того, это соответствие распространяется еще на ряд соседних созвездий, расположенных в этой же части звездного неба. Поэтому единственный вопрос, который при этом требует ответа, — является ли такое соответствие случайным совпадением или результатом сознательной деятельности. Но, как указывает Григсби:

«Если это совпадете, то совершенно удивительное. И заключается оно не только в том, что звезды Дракона расположены подобно храмам Ангкора, с учетом ориентации по сторонам света расстояние между звездами соотносится как расстояние между храмами, причем с высокой точностью, если учесть, что все это является результатом довольно сложного процесса, входе которого приходилось опираться не на подробные фотографии созвездия а на нарисованные вручную карты. Существует определенный допуск на погрешность, с которой человек наносит звезды на карту, а затем переносит эту карту на имеющую сложный рельеф местность площадью в сотни квадратных километров, не имея возможности контролировать ход строительства с воздуха. С учетом этого вероятность того, что звезды Дракона служили шаблоном при разбивке Ангкора, еще повышается.

Корреляция между Ангкором и Драконом

Причем не только звезды Дракона, но и расположенные неподалеку Алькайд и Кохаб, которые образуют в небе прямую линию с Тубаном — у которого также есть «случайная» аналогия на Земле — и Денеб в созвездии Лебедя, которому соответствует храм в Западном Мебоне. Примечательно и то, что эти храмы возводились на протяжении примерно 250 лет, и имеются свидетельства того, что при этом использовались места более древних построек

(например, Байон, Бафуон и Фимеанакас). Поэтому вполне возможно, что положение храмов наносились на карту еще тогда, когда затевалась вся стройка».

Но вот вопрос: *когда* же она планировалась? В поисках ответа на этот вопрос мы наткнулись на довольно экстраординарную загадку.

1150 г. н. э.

Для проверки гипотезы Григсби о связи между Драконом и Ангкором мы использовали ту же компьютерную программу «Скайглоуб 3,6», которая выявила астрономический «шаблон», по которому возводились в Гизе три Великих пирамиды и Великий Сфинкс. Основным преимуществом этой программы является то, что она позволяет рассчитать влияние прецессии на положение звезд и точно имитировать картину звездного неба, что дает возможность наблюдать ее в том виде, как она могла бы выглядеть с любой точки поверхности Земли, в любую эпоху с точностью до конкретного месяца, дня, часа и минуты.

Григсби не рассматривал вопрос о дате, когда могла выполняться корреляция «Дракон — Ангкор», он просто упомянул, что она носит общий характер и очевидна во все эпохи. Нам же представлялось, что если она объективно существует, то должна поддаваться датировке. Мы рассудили, что если размещение храмов на Земле действительно является результатом сознательной акции по воспроизведению положения звезд Дракона, то прецессиональные расчеты должны ответить нам на вопрос, *какое точно небо* копируют храмы — иначе говоря, небо какой эпохи.

Существуют бесспорные археологические и текстологические свидетельства того, что храмы Ангкора были построены конкретными и известными кхмерскими монархами, почти все они правили в течение четырех столетий между 802 и 1220 гг. н. э. Поэтому мы предположили, что если корреляция носит сознательный, а не случайный характер, то она должна соответствовать картине неба в эти четыре столетия; поскольку прецессионные изменения на протяжении такого срока почти неразличимы, можно считать, что небо с начала до конца четырехсотлетнего периода почти не изменяется,

В начале нашего исследования мы отталкивались от даты 1150 г. н. э., когда скончался Сурьяварман II, «Защищаемый Солнцем», кхмерский божественный монарх, который воздвиг Ангкор-Ват как свой погребальный храм. И, поскольку Ангкор-Ват несомненно является самым крупным и сложным сооружением во всем комплексе Ангкор, «главным храмом», мы решили уделить особое внимание его твердой и бескомпромиссной ориентации «восток — запад», которая выделяет его в качестве «равноденственного» (в том же смысле, что «равноденственным» является Сфинкс — то есть нацеленным и в некотором смысле обозначающим, провозглашающим точное направление на восход и закат солнца в день весеннего равноденствия). Сознательное смещение оси Ангкор-Вата на 0,75 градуса к югу от чисто восточного направления и на те же 0,75 градуса к северу от западного является частью общего замысла храма и служит для наблюдателя «трехдневным предупреждением» о наступлении равноденствия. Этот эффект был хорошо описан в журнале «Сайенс»:

«В день весеннего равноденствия наблюдатель, стоящий на южном краю первого отрезка дороги (прямо перед входом в западные ворота), мог видеть, как солнце встает прямо над макушкой центральной башни Ангкор-Вата. Тремя днями позже восход Солнца прямо над центральной башней можно наблюдать уже с середины дороги, ведущей к западным воротам… Это точное наблюдение солнца в день весеннего равноденствия чрезвычайно важно».

Поскольку нам эти рассуждения были известны, мы решили, что следует обратить внимание на небо над Ангкором на рассвете в день весеннего равноденствия в 1150 г. н. э. Нам казалось, что такая прикидка была бы хорошим тестом для корреляции «Дракон-

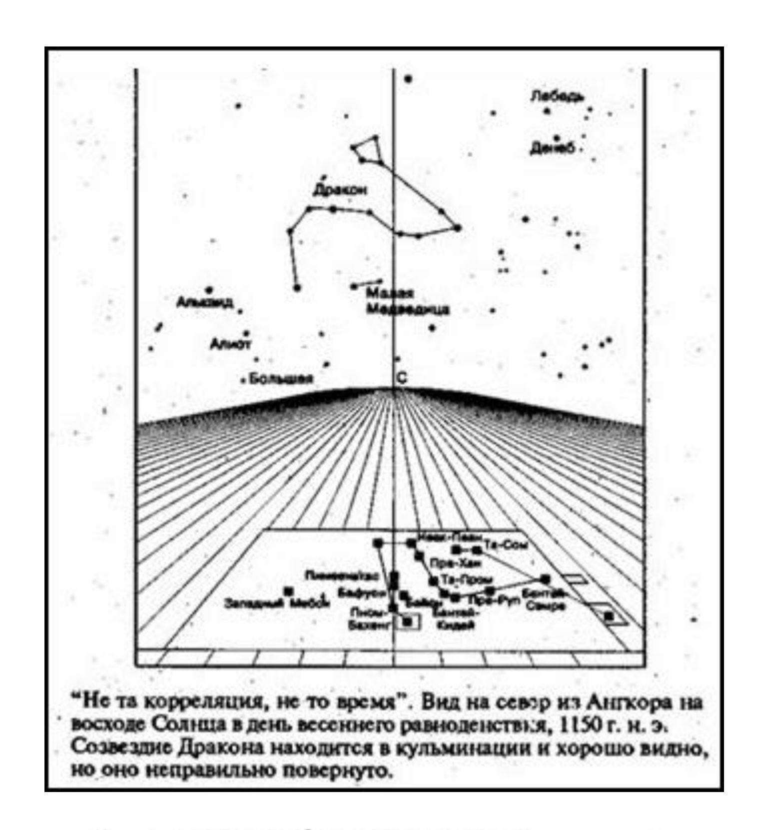
Ангкор». Если именно в этот, весьма примечательный момент соответствие действительно имело бы место, то точка зрения Григсби получила бы новое подтверждение. С другой стороны, если бы корреляция не выполнялась над Ангкором в день весеннего равноденствия в 1150 г. н. э., то вроде бы снижалась вероятность того, что застройка сознательно производилась по «астрономическому шаблону».

Дракон — созвездие северное, околополярное в высоких широтах. Поэтому оно незначительно перемещается в восточном или западном направлениях во время своего ночного путешествия. Скорее, оно медленно обращается вокруг северного небесного полюса. Отсюда следует, что для наблюдения за созвездием Дракона взор наблюдателя должен быть обращен на север. Также отсюда вытекает, что если храмы Ангкора были задуманы как «копия» Дракона на Земле, то их тоже следует наблюдать, глядя на север. Вообще говоря, в идеале проверку действительности предлагаемой корреляции следовало бы производить в тот момент, когда наблюдатель, расположившийся строго к югу от Ангкора, смог бы на рассвете посмотреть прямо на север и «увидеть» (разумеется, в воображении) великие геометрические стены и храмы и, прямо над ними, в северном небе, распластавшегося по меридиану змея-дракона созвездия Дракон. Ясно, что подобный «мысленный образ» мог бы только укрепиться за счет уверенности, присущей опытным астрономам, в точном положении всех звезд в небе, *независимо от того, видны они или нет,* в полдень или в полночь, на закате или на рассвете. Иначе говоря, хотя все звезды в небе «проглатываются» светом восходящего солнца по крайней мере за полчаса до действительного момента восхода, мы были готовы предположить, что астрономы с такой квалификацией, которая обеспечивала ориентацию Ангкор-Вата, вполне могли бы, подобно своим современным коллегам, рассчитать точное положение Дракона в небе в момент восхода солнца в любое утро.

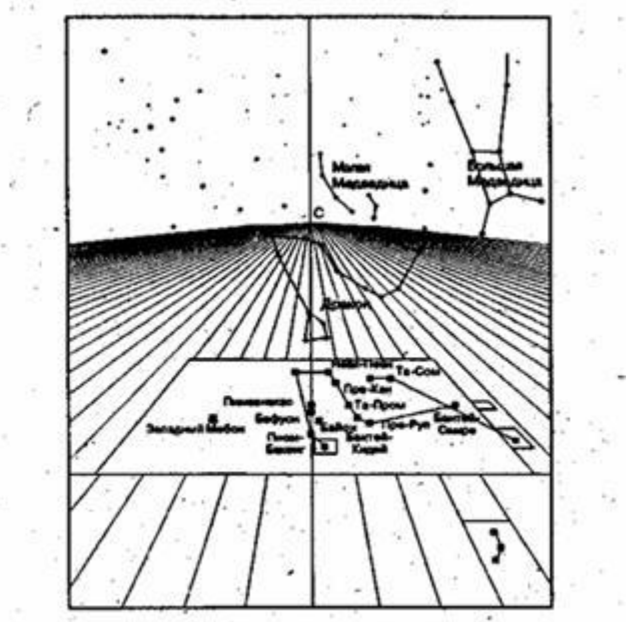
Итак, «Скайглруб» переносит нас назад, в 1150 г. н. э., в день весеннего равноденствия. 6 часов 23 минуты утра! На востоке из-за горизонта выглядывает половина солнечного диска. В этот момент Дракон распростерся на меридиане в той точке своего ночного маршрута, которая у астрономов называется «верхней кульминацией», — но совсем не в том положении, на которое мы рассчитывали. По сравнению с раскинувшимися на земле храмами Ангкора, созвездие оказывается, как ни странно, «вверх ногами», то есть повернутым на 180 градусов.

Мы заставили программу прокрутить весь суточный цикл неба в поисках времени, когда Дракон окажется в том же положении, что храмы. Такой момент наступает через 12 часов, ровно в 6.23 пополудни, точное время «нижней кульминации» созвездия.

Увы, но при этом корреляция тоже не наблюдается. Занимая «правильное» положение, Дракон теперь (в 6.23 вечера) находится Далеко под линией горизонта, то есть заведомо вне зоны видимости.

"Не та корреляция, не то время". Вид на север из Ангкора на восходе Солнца в день весеннего равноденствия, 1150 г. н. э. Созвездие Дракона находится в кульминации и хорошо видно, но оно неправильно повернуто.

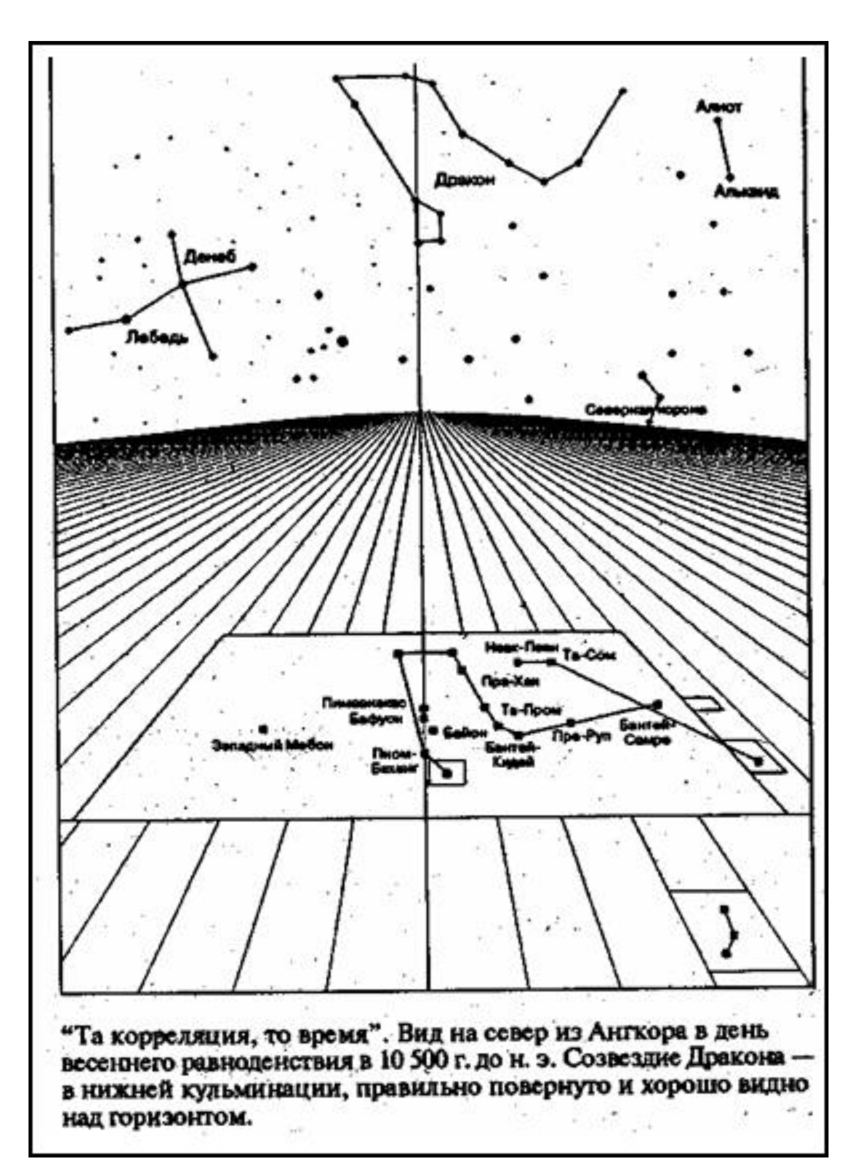

"Та корреляция, не то время". Вид на север из Ангкора в день весеннего равноденствия в 1150 г. н. э. Созвездие Дракона находится в нижней кульминации, правильно повернуто, но невидимо, поскольку расположено за горизонтом.

Мы решили дать корреляции еще шанс и прогнали через программу сначала весь 1150 г., а затем и всю эпоху с IX по XIII столетие, чтобы проверить, был ли хоть один момент, когда Дракон находился над горизонтом в нижней кульминации.

С некоторым удивлением мы установили, что такого момента не было, причем по вполне простой причине: в рассматриваемую эпоху восхождение (высота над горизонтом) созвездия было слишком мало, так что нижняя кульминация *всегда* происходила за горизонтом. Иными

словами, в период, когда, насколько нам известно, были построены храмы Ангкоры, не было вообще ни одного случая — в том числе и в дни весеннего равноденствия, — чтобы Дракон находился над северной линией горизонта в своей нижней кульминации. Первой нашей инстинктивной реакцией было счесть это свидетельством того, что корреляция скорее всего носит характер случайного совпадения. Впрочем, случайное оно или нет, но очень трудно игнорировать тот факт, что храмы точно воспроизводят взаимное расположение основных звезд созвездия Дракона в его нижней кульминации, а также то обстоятельство, что все эти звезды *находились* в небе над Ангкором (и, разумеется, на меридиане) на рассвете в день весеннего равноденствия в 1150 г. Правда, проблема в том, что они в это время были в верхней кульминации, то есть «вверх ногами». Насколько серьезна эта проблема? И действительно ли она является аргументом в пользу того, что корреляция случайна? Не кажется ли вам слишком странным, что все звезды и храмы точно соответствуют друг другу за исключением того, что небесный «шаблон» повернут ровно на 180 градусов по отношению к «модели» на Земле?

"Та корреляция, то время". Вид на север из Ангкора в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э. Созвездие Дракона — в нижней кульминации, правильно повернуто и хорошо видно над горизонтом.

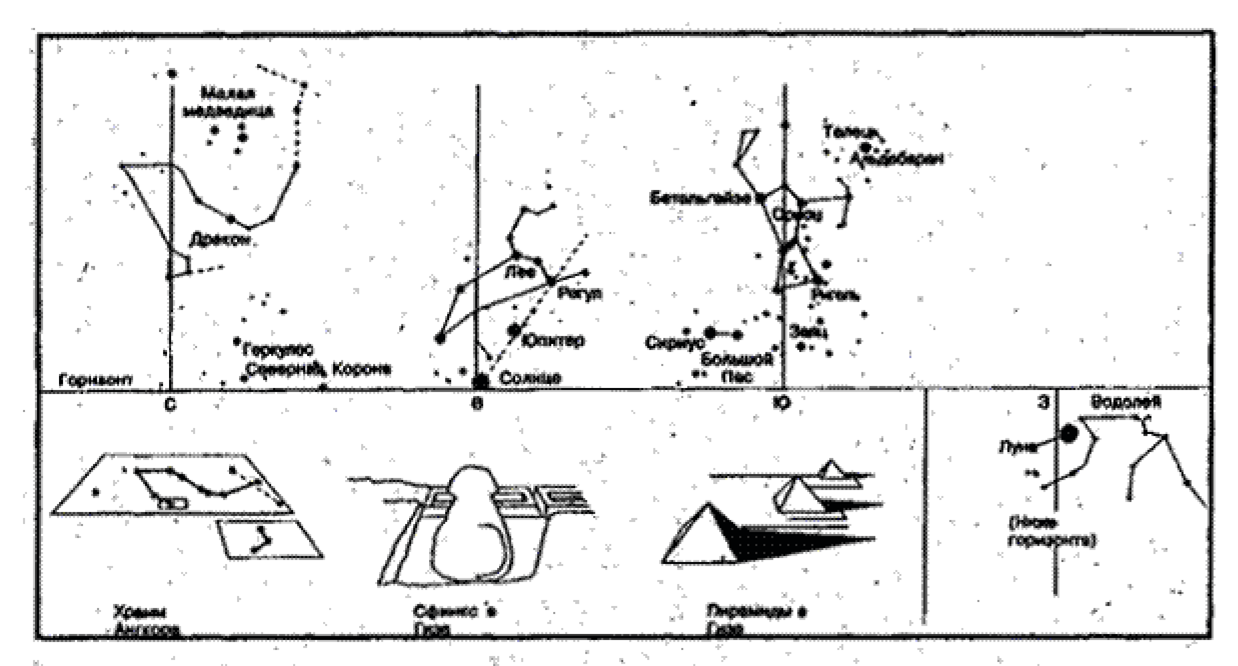
Прецессия — это двигатель, которой очень медленно «вращает небо», с периодом в 25 920 лет; так же медленно при этом она изменяет высоту, на которой звезды пересекают меридиан. Не может ли случиться так, что компьютерный поиск обнаружит такую эпоху, когда Дракон находился на большей высоте и поэтому мог оказаться *выше* северного горизонта (а не ниже) так, чтобы храмы точно ему соответствовали?

Как не вспомнить о Гизе, где корреляция между Небом и землей была совсем не идеальной в 2500 г. до н. э., когда, как предполагают, были сооружены пирамиды и Сфинкс, но зато, как показывает компьютерная имитация, полная аналогия наблюдалась на рассвете в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э.*7*. И как не вспомнить, что пирамиды и Сфинкс как будто специально задуманы, чтобы подвести к пониманию грандиозных изменений, которые претерпевают небеса в течение длительного прецессионного цикла. Вы помните, что этот цикл развивается со скоростью в 1 градус за 72 года? А теперь вспомните, что Ангкор находится на 72 градуса восточнее Гизы, где стоят пирамиды и Сфинкс. И хотя нет абсолютно никакого археологического свидетельства того, что в Ангкоре в 10 500 г. до н. э. велось какое-либо строительство (да и вообще, что там обитали люди), мы чувствовали, что просто обязаны проверить, как выглядело небо в эту далекую эпоху. Поскольку восход солнца в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э. приходится на тот момент, когда вся картина земли и неба приходит в точное соответствие, включая нахождение Ориона на меридиане, мы дали компьютеру задание: имитировать небо над Ангкором именно на рассвете в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э. И не ошиблись: как по заказу, Орион оказался *точно на юге,* на меридиане — точно, как в Гизе; единственная разница состояла в изменении перспективы, вызванном более низкой широтой Ангкора — 13 градусов 26 минут северной широты по сравнению с 30 градусами 3 минутами Гизы. И, как по заказу, Лев оказался точно *на востоке,* прямо над восходящим солнцем, как в Гизе. Единственное отличие — небольшой наклон созвездия в результате изменения широты.

Потом мы поручили компьютеру посмотреть на север, хотя никогда не уделяли внимания северному сектору неба над Египтом и не рассчитывали увидеть там ничего особенного. И были удивлены, обнаружив, что в момент восхода солнца в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э. созвездие Дракона оказалось *точно на севере* посередине неба, распростершись на меридиане достаточно высоко над горизонтом и точно воспроизводя в небе расположение на Земле главных храмов Ангкора.

Изменение положения Северного небесного полюса относительно Северного полюса эклиптики перемещает созвездие, на фоне которого солнце восходит в день весеннего равноденствия. Диаграмма внизу показывает, как Полюс смещается по отношению к Дракону в рассматриваемые эпохи.

Положение созвездий относительно сторон света и их земные аналоги в момент восхода Солнца в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э.

Таким образом, здесь, как в Гизе, также существует определенный момент прецессионного цикла, когда наблюдается точное соответствие между земной и небесной картинами, причем весьма удаленный в прошлое. Примечательно, что в обоих случаях этот момент совпадает! Интересно также, что храмы Ангкора не моделируют какое-либо случайное созвездие и не повторяют те два созвездия, которые использовались в Гизе, а именно Ориона и Льва, которые отмечали юг и восток в рассветном небе в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э.; вместо этого они моделируют извивающееся, подобно змее, созвездие Дракона, которое в этот самый момент находится точно на севере.

Итак, в Гизе стоят «храмы Ориона» в виде Великих пирамид, выглядевших подобно Ориону в 10 500 г. до н. э., и «храмы Льва» в виде Сфинкса с львиным телом и примыкающими сооружениями, воспроизводящие Льва образца того же года. И если существует некая тайная связь между Гизой и Ангкором, то разве не было бы вполне логично, чтобы последний продолжал эту линию, имитируя на нескольких сотнях квадратных километров созвездие Дракона, «Старого Змея», в том виде, как оно выглядело в 10 500 г. до н. э.?

Глава 8
ВЗБИВАЯ МОЛОЧНОЕ МОРЕ

Западный вход Ангкор-Вата — место предрассветных теней, когда солнце еще скрывается на востоке за огромной массой храма. Но даже в полутьме нельзя не заметить присутствие змей Нага, чьи каменные тела и поднятые головы с капюшонами образуют волнообразные балюстрады, окаймляющие дорогу. Этот мотив кобры, постоянно повторяющийся в оформлении храма, привел одного авторитетного ученого к выводу, что Ангкор-Ват вообще «был полностью посвящен культу змей. Каждый угол каждой крыши здесь увенчан семиглавой змеей». Как мы увидим, эта «навязчивая идея Нага» получила также свое драматическое воплощение в виде балюстрад Ангкор-Тхома и во многих окрестных храмах, расположенных к северу и востоку.

В буддийских священных книгах мы читаем, что Такасака, один из сказочных царей змей Нагов, мог, подобно дракону, «вызывать разрушения свирепым дыханием своих ноздрей». Кстати, это далеко не единственный случай, когда в древних текстах свойства змей и

драконов встречаются у тех и у других, причем путаница эта продолжается и на небесах — особенно в созвездии Дракона. Греческое слово *драко* означает «дракон», однако из истории известно, что почти во всех культурах это созвездие ассоциировалось с космической змеей, которую в некоторых старинных астрономических таблицах именовали «Питон» либо «Серпенс», или, в более разговорном варианте, «Старый Змей». Можно вспомнить и змею, которую Минерва похитила у гигантов и закинула на небо, и «змея-людоеда» у персов, и т. д. Не следует недооценивать и того, что по своим очертаниям созвездие Дракона действительно *похоже* на поднявшуюся кобру с раздувшимся капюшоном. В общем, вполне можно представить, что поднявшийся на хвосте Нага со своим капюшоном считался в храмах Ангкора подходящим символом Дракона. И представляется логичным и последовательным, чтобы эти храмы, щедро украшенные изображениями Нага и змеиными орнаментами, были размещены на земле в виде огромной извивающейся змеи.

Древний змей

В индийской мифологии Наги являются сверхъестественными существами, царственными кобрами, которые правят на земле, но занимают свое место среди богов. Их обычно изображают в виде прекрасных пяти — или семиголовых змей (хотя число голов может быть как меньше, так и больше), но они, как считается, могут по желанию менять свой облик, оборачиваясь то людьми, то странными и чудесными гибридами — людьми выше пояса и змеями — ниже.

Древнейшие упоминания о Нагах встречаются в *«Ригведе»,* самом старом из сохранившихся индийском сборнике священных текстов. Они также фигурируют в таких классических произведениях, как *«Рамаяна», «Махабхарата»,* а также в *«Пуринах»* и в буддийской литературе. Поскольку древность многих из этих текстов достаточно неопределенна, чтобы не сказать — спорна, мы вовсе не обязаны соглашаться с общепринятым у западных академических мэтров мнением, что «Ригведа» не старше 1500 г. до н. э. Индийские богословы, в частности, Локаманья Бал Гангадхар Тилак, историк религии Георг Фейерштейн, специалист по санскриту Субхаш как и преподаватель «Веды» Дэвид Фроули относятся к числу авторитетных диссидентов, которые, в отличие от ортодоксов, считают, что дата ее написания более древняя: *«Веды»… являются, по-видимому, лучшим отображением древних духовных учений человечества. В них содержится вечная, вневременная мудрость, мантрический код, с помощью которого мудрость расы передавалась от эпохи к эпохе в течение, трудно даже представить, скольких тысячелетий. Ведический народ населял Индию, возможно, в 6000 г. до н. э., а то и раньше… «Ригведа «сама заглядывает в более ранние эпохи и отражает знания об огромных космических циклах времени».*

Сеша

Первая и величайшая из всех Нагов — семиглавая Сеша («Длительность» или «Остаток»), которую также называют Анантой — «Бесконечностью». Именно на ее кольцах, согласно древнеиндийским религиозным текстам, спал глубоко в океане ничем не ограниченного ничего, предшествовавшего формированию нашей нынешней Вселенной, сам всесущий Вишну («самосуществующее божество»), и ему снилось грядущее творение. Эту «дремоту», пришедшую на смену сну, следует понимать как состояние, *«в котором жизненная сила бога постепенно созревает, чтобы проявиться в новой Вселенной. Эти чередования покоя и активности, каждое из которых длится тысячи миллионов столетий, так*

же регулярны и неизбежны, как ритмы жизнедеятельности организма, — в Индии считают вдохами и выдохами бога».

«желая сотворить различные существа из собственного тела, создал сначала воды, куда излил свое семя. Это семя превратилось в золотое яйцо, по блеску равное солнцу; в этом яйце зародился он сам, как прародитель всего мира».

Индийским верховным божеством являлся «самодостаточный» Вишну» но природа его сложна. Согласно *«Падама-Пуране», «в начале творения великий Вишну, желавший сотворить целый мир, стал тройственным: Создателем, Хранителем и Разрушителем. Чтобы сотворить этот мир, Верховный Дух произвел из своего правого бока себя в виде Брамы; затем, чтобы сохранить мир, он произвел из левого бока Вишну; а для того, чтобы разрушить мир, из средней части своего тела он произвел вечного Шиву. Одни поклоняются Браме, другие — Вишну, третьи — Шиве; но Вишну, будучи тройственным, созидает, сохраняет и разрушает: потому пусть благочестивые не делают различия между этой троицей».*

У Шивы, третьего партнера индуистской троицы, есть персональный символ — *лингам.* Этот фаллический символ, высеченный из камня, иногда имеет явную форму пениса, иногда — конуса, а иногда — вертикального столба. Поскольку «Шивалингам» связывается с сияющим «золотым яйцом Шивы», возникшим из божественного семени, да еще он, как говорят, «упал с неба», трудно удержаться от аналогии с Инну, мегалитической колонной из Гелиополиса, на вершине которой находился таинственный Бенбен пирамидальной формы, символизировавший семя, обретение и обновление.

Событие, которое произошло, согласно «Текстам Пирамид», в Гелиополисе, знаменовало начало нового цикла, новой эпохи, новый акт творения. То же самое последовало за появлением из тьмы Вишну-Брамы-Шивы — пробуждение всесущего бога, который привел в движение нашу нынешнюю Вселенную.

Индийские священные тексты говорят нам: «Эта Вселенная существовала в виде Тьмы, неощутимой и лишенной каких-либо отличительных особенностей, непостижимой для разума, непознаваемой и полностью погруженной…» В этой тьме, погрузившись в воды пространства-времени, «спал на свернувшейся змее Верховный Бог». Почему эту змею именуют Сешой, что означает «остаток?» Согласно французскому ориенталисту Алену Даниэлу, *«если творение ликвидируется, оно не может исчезнуть полностью; должен сохраниться некий неуловимый зародыш всего, что было и будет, чтобы мир мог возникнуть вновь. Именно такой остаток разрушенной Вселенной воплощает змей, плавающий в безбрежном океане и образующий ложе, на котором покоится спящий Вишну».*

Рядом с горой Мандера в воздухе парит фигура Вишну, сжимающего тело Васуки двумя из четырех своих рук и, по всей видимости, контролирующего или направляющего его движение. Основание горы покоится на панцире гигантской черепахи по имени Курма, которая является одним из *аватаров* (проявлений) Вишну. Вершину горы поддерживает полубог *дэва,* который также считается проявлением Вишну.

С северной стороны Мандеры располагается другая команда «перетягивателей». Ее возглавляют три бога титанического телосложения, расположившиеся симметрично вдоль туловища Васуки; им помогают 85 *дэвов* меньшего роста. На северном краю композиции мы видим третьего бога с обезьяньей головой, который ухватился за хвост Васуки, извивающейся в воздухе подобно кнуту.

Перетягивание Васуки занимает среднюю из трех горизонтальных полос, на которые делится изображение. На верхней изображены небесные сферы, полные танцующих *апсар* — чувственных небесных нимф, одаренных способностью, варьируясь, появляться во всех храмах Ангкора. Нижняя полоса, как будто покоящаяся на туловище подобной Васуки змеи Нага, это вода, великий океан, полный рыб, крокодилов и других обитателей глубин. Их увлекает неудержимый поток, несущий их к подножию горы Мандера, которая поочередно

поворачивается то в одну сторону, то в противоположную усилиями *дэвов* и *асур.* В непосредственной близости от горы жителей моря закручивает и рвет на куски мощный водоворот космической маслобойки, которая вращается на спине черепахи — инкарнации Вишну.

Глоток бессмертия

Любой паломник, приходивший в XI–XII столетиях в великий центр посвящения Ангкор в поисках мудрости, был, по-видимому, прекрасно осведомлен о мифологическом содержании этих сцен. Соответствующее описание можно найти в *«Рамаяне», «Махабхарате»* и нескольких *«Пуранах»*. Там рассказывается, как «в конце мировой эпохи божества и демоны объединились, чтобы взбить космический океан и добыть глоток бессмертия *(амриты),* скрытый в его глубинах». И они совершили это, как нам сообщают в ряде текстов, вырвав с корнем гору Мандера (с помощью Сеши):

«Боги отнесли гору Мандера в океан и поместили на спину Хурмы, царя черепах. Вокруг горы они обмотали змею… причем асуры держали ее капюшон, а боги — хвост. В результате трения, вызванного процедурой взбивания, из рта змеи вышло большое количество пара, который превратился в тучи, пронизываемые молниями. Тучи пролились благодатным дождем на усталых тружеников. Вырвалось пламя и охватило гору…»

Тексты гласят, что Васуки очень страдал от этого болезненного занятия. Кончилось это тем, что он стал извергать потоки яда, которые «изливались на землю целой рекой, что грозило погубить богов, демонов, людей и животных. Егоре своем они воззвали к Шиве, и к их мольбам присоединился Вишну. Шива услышал и выпил яд, дабы спасти мир от гибели».

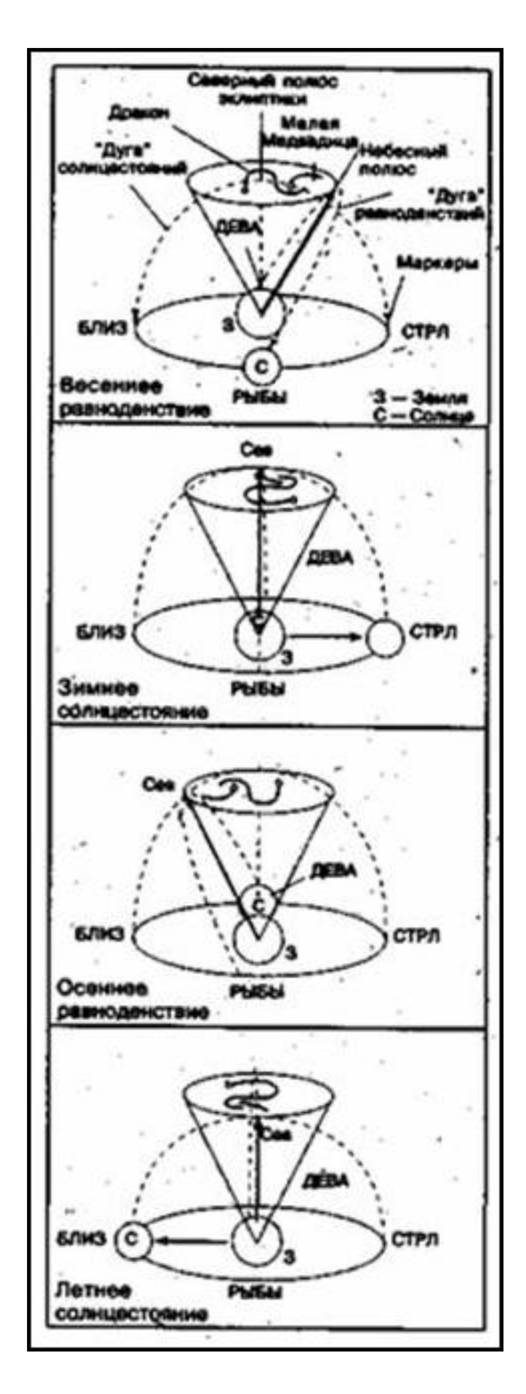
Тем не менее процедура взбивания продолжалась до тех пор, пока из нечистой массы того, что часто именуют Молочным Морем (или Молочным Океаном), не возникло «благовонное масло, содержащее смолы и соки… Затем из океана появилась луна; вслед за ней явились…, которые стали небесными нимфами». За ними последовала богиня Лакшми, жена и спутница жизни Вишну, затем белый конь бога и сияющий самоцвет, который Вишну носит на груди.

«А потом явился Дханвантари, врачеватель богов, и принес золотую чашу, до краев наполненную амритой… Демоны немедленно схватили сосуд, но прежде, чем они успели отпить из него бесценную жидкость и обрести бессмертие, вмешался Вишну. Приняв облик прекрасной и чарующей Мохини, он приблизился к демонам. Околдованные красотой Мохини, они добровольно отдали ей сосуд. Она же немедленно отдала нектар божествам, которые выпили его и тем самым обрели вечную жизнь».

И Кодэ демонстрирует, что божественные монархи кхмеров представляли себе возводимые ими пирамиды и башни храмов как земные копии горы Меру. «Архитектурной формой, избранной для этого священного монумента [центрального храма], являлась… гора в форме пирамиды… Иногда такая пирамида венчалась пятью башенками, имитирующими гору Меру, которая, как считалось, имела пять вершин».

Кодэ было даже известно, что один кхмерский монарх XI века, Удайядитьяварман II, поставил рядом со своей главной пирамидой под названием Бафуон стелу с надписью, в которой сообщается, что он создал сей монумент «потому, что думал, будто центр Вселенной отмечен Меру, а поэтому решил, что хорошо бы иметь Меру в центре своей столицы».

Но вот что удивительно: ни Кодэ, ни какой-либо иной археолог или востоковед, работавший в Ангкоре и осознавший космологический характер этих «гор», не сделали следующего логического шага и не задумались, не легче ли понять сущность «сбивания» при помощи горы Мандера, если представить, какое космическое движение может за ним стоять.

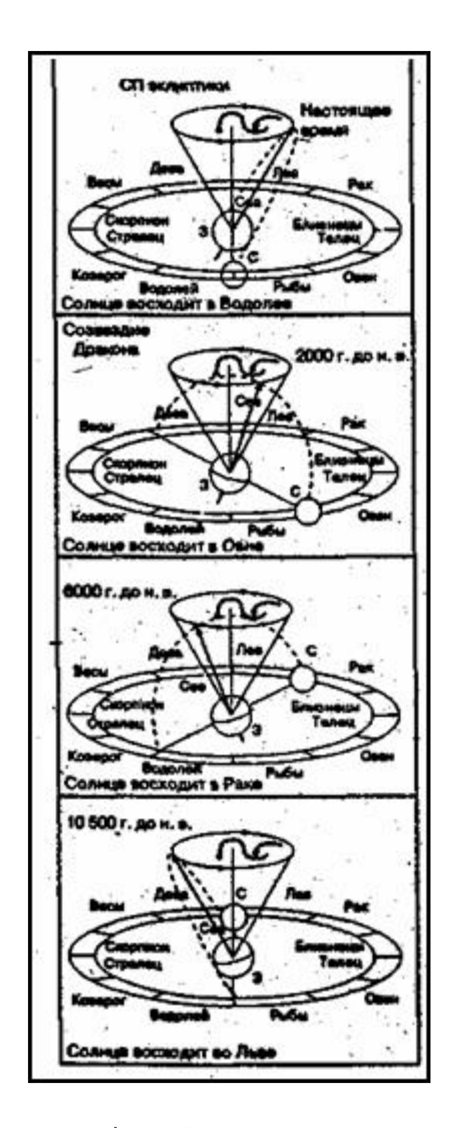
Небесный механизм

И такой процесс действительно существует, это — прецессия, медленное циклическое покачивание земной оси, которое неотвратимо меняет положение всех звезд на небе и периодически «переключает» созвездие, на фоне которого восходит солнце в день весеннего равноденствия. И именно этот процесс, согласно Джордже де Сантильяна и Герте фон Дехехенд, авторам *«Мельницы Гамлета»,* является темой целого семейства мифов, дошедших до нас из глубочайшей древности. Взбивание Молочного Океана, говорят они, — один из этих мифов.

Величайшая заслуга авторов *«Мельницы Гамлета* «заключается в том, что они показали, что еще *задолго до* предполагаемого зарождения истории человечества в Шумере, Египте, Китае, Индии и в обеих Америках существовали вполне цивилизованные люди, которые понимали, что такое прецессия и говорили о ней точным техническим языком. Образ, которым пользовались эти неустановленные пока древние астрономы, «превращает сияющий купол небесной сферы в огромный и сложный механизм. И, подобно мельничному жернову-маслобойне, водовороту или ручной мельнице, эта машина крутится и крутится без конца».

Эту мельницу, или ось, или сбивалку, не следует представлять в виде «прямого вертикального столба». Скорее, это ось, окруженная двумя «обручами», или колюрами, пересекающимися в северном небесном полюсе. Один обруч соединяет точки равноденствия земной орбиты (то есть те участки звездного неба, на фоне которых солнце находится 21 марта и 21 сентября). Другой соединяет точки солнцестояния («адреса» Солнца на звездном небе 21 июня и 21 декабря). Поскольку прецессия вызывает качание полярной оси, она должна также смещать и «привязанные» к ней обручи-колюры равноденствия и солнцестояния — «большие круги, которые колеблются вместе с ней в небе». Т. е. они «как бы образуют вместе с ней единую конструкцию, вроде каркаса». Такой образ позволяет представить себе прецессию равноденствий как часть вечного цикла медленного обратного вращения по эклиптике (траектории солнца), столь же медленно поворачивающего те четыре созвездия, в которых солнце оказывается в четыре ключевых момента в году. Местонахождение Северного небесного полюса определяет положение четырех «маркеров» года — созвездий, на фоне которых солнце восходит в ключевые моменты года. В нашу эпоху, когда полюс располагается вблизи Малой Медведицы, такими маркерами служат Рыбы (весеннее равноденствие), Стрелец (зимнее солнцестояние), Дева (осеннее равноденствие) и Близнецы (летнее солнцестояние).

Таким образом, оси и обручи (или «декорации», или «небесные опоры» и т. д., как их иногда называют) образуют «*систему координат небесной сферы и как бы каркас мировой эпохи. По сути дела, этот каркас и определяет эпоху. Так как полярная ось и колюры образуют хоть и невидимое, но единое целое, вся структура оказывается нарушенной, если сместить одну из ее частей. Когда это случается, на смену устаревшей конструкции приходит новая Полярная звезда с собственными колюрами».*

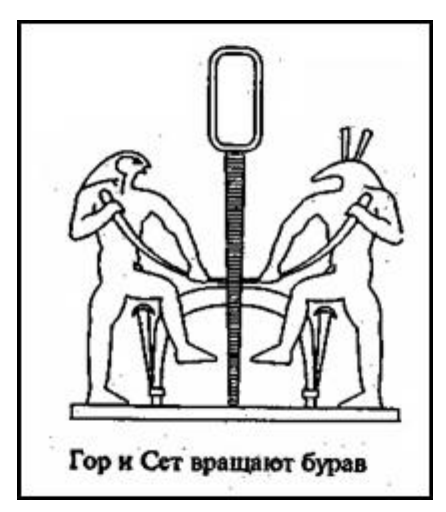
Как утверждает Сантильяна и фон Дехехенд, Ангкор-Ват символизирует именно это переключение небесных, шестеренок — момент перехода от одной астрологической мировой эпохи к другой. Именно это там изображено. Именно это асуры и дэвы пытаются осуществить, когда тянут за кольца Васуки, обмотанного вокруг горы Мандеры, и взбивают Молочное Море. Отсюда следует, что барельефы, как, впрочем, и сами храмы, не обязательно следует понимать как «магические манипуляции», предпринимаемые во имя того, чтобы обеспечить процветание нации. Они вполне могут быть еще одним видом мандалы или янтры, «мыслительных приспособлений», позволяющих сосредоточить мысли посвященных на космических тайнах — в этом случае на тайне прецессии.

Но почему вообще было желательно сосредоточиться? Не потому ли, что «взбивание Молочного Моря», которое, если правы Сантильяна и фон Дехехенд, является аллегорией прецессии, было каким-то образом связано с поиском вечной жизни? Кстати, наиболее ценным результатом сбивания считался именно нектар бессмертия.

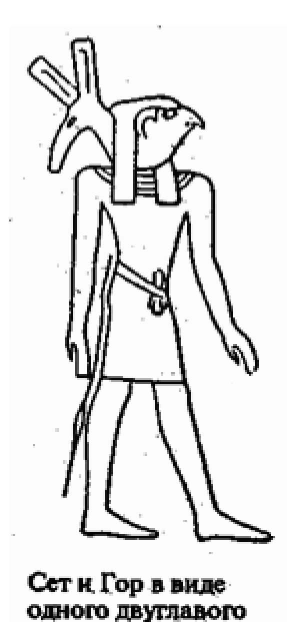
Вспомним, что, согласно представлениям древних египтян, «схватив» небо или «взойдя» на него (то есть, обретя полное знание его секретов), через посредство знания прецессии» («как сойти на любое небо»), посвященный мог оснастить, подготовить свою душу для бессмертия. Может быть, среди тысяч паломников, которые на протяжении веков пробирались в Ангкор, были и такие, которые стремились к этой же цели, идя путем совершенствования и постижения?

Египетские аналогии

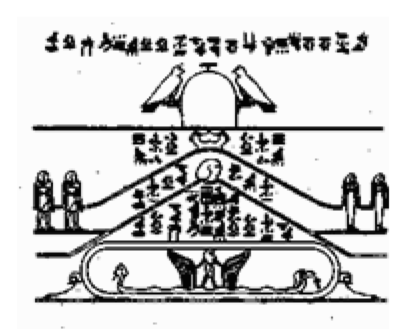
Асуры и дэвы Ангкора перекликаются с «состязающимися» египетскими божествами Тором и Сетом, которые боролись в течение 80 лет после убийства Осириса, пока, наконец, не установилась новая мировая эпоха. Обычно их представляют смертельными врагами, вроде асур и дэвов, но на некоторых древнеегипетских барельефах Гор и Сет изображены сотрудничающими: они тянут за разные концы длинной веревки, обмотанной вокруг большого сверла, и таким образом его вращают. По сути дела, это изображение идентично сцене взбивания Молочного Моря, которое, кстати, также производится путем совместного действия противоположных сил. Смысл здесь заключается в том, что Вселенной необходима полярность, что у всего должна быть своя равная противоположность, и что только благодаря созидательному взаимодействию этих противоположностей может родиться новая реальность.

Гор и Сет вращают бурав

Сет и Гор в виде одного двуглавого существа

Царство Сокара

А на некоторых барельефах Гор и Сет вообще изображаются в виде одного существа с двумя головами, но, пожалуй, еще большее значение имеет интригующая сцена в Пятом разделе «Книги о том, что находится в Дуате», которая содержит много таких же элементов символики, что во взбивании Молочного Океана.

В состав Дуата входят двенадцать различных «Разделов», в каждом из которых странствующая душа встречает новое испытание в загробном путешествии. Многие из этих испытаний символизируются огромными кобрами в угрожающей позе с раздутым капюшоном, огнедышащими змеями, зачастую, как Нага, многоголовыми, причем иногда у них имеются оперенные крылья и султаны. В Четвертом и Пятом разделе паломника называют «скрытым странником на пути в святую страну, чьи секреты также сокрыты», и целью его является обнаружение этих тайных и скрытых вещей: «скрытая вещь, которая находится на этом тайном пути», «тайные проходы, что ведут в камеру Ахет», «образ, который скрыт и не может быть ни увиден, ни ощутим».

Подобно барельефу, на котором изображено взбивание Молочного Океана, весь пейзаж Четвертого и Пятого раздела (вместе они именуются «Царством Сокара») делится на три параллельных полосы-регистра, между которыми иногда бывают точки соприкосновения. В египетском варианте, как и в Ангкоре, присутствует явно выраженная змеиная образность; нижний регистр Пятого раздела изображен затопленным водой, так что получается что-то вроде океана, весьма похожего на Молочный Океан, фигурирующий на барельефах Ангкора. Самое удивительное, что Прямо в центре композиции мы наблюдаем следующие компоненты:

1. Пирамидальный холм или гора, сопоставимая с горой Мандеры, из которой выглядывает голова божества.

2. Канат, обмотанный вокруг холма, — совсем как туловище Васуки вокруг горы Мандера.

3. Шеренги тянущих за этот канат с двух сторон горы — наподобие дэвов и асур в Ангкоре.

4. Над холмом — цилиндрический объект со скругленной верхушкой, а над ним — иероглифическая надпись, означающая «тьму» или, возможно, «небо», либо «темное небо», на котором сидят две черные птицы. Это представляет особый интерес, так как у древних египтян знак, изображающий двух птиц, обращенных клювами друг к другу, был «стандартным иероглифом для обозначения параллелей и меридианов». Историк науки Ливио Катулло Стеккини считает, что сам этот цилиндрический объект является омфалосом, «маркером для обозначения геодезических фокальных точек», который был хорошо известен в древнем мире. В храме Дельфийского оракула в Греции такой каменный омфалос можно видеть и сегодня. Дельфийский омфалос — конический, со скругленной верхушкой, очень похожий на египетский; скульптор окружил его чем-то вроде декоративной сетки.

5. Пониже холма — а) овал, наводящий на мысль об инкарнации Вишну в виде черепахи; холм стоит на этом овале, который охраняют два льва — сфинкса с человеческими головами; б) канал, напоминающий Молочный Океан.

6. Внутри овала — гигантский трехглавый Пернатый змей, именуемый «великим богом», который напрашивается на сравнение с царями Нага, также имевшими ранг богов.

7. Верхом на змее — «бог ориентации» с головой ястреба Сокар, чье «дело — защищать собственную форму»; в каждой руке он держит по оперенному крылу змея, совсем как Вишну, управлявший Васуки и направлявший его.

Самая потрясающая особенность Пятого раздела Дуата состоит в том, что в описывающих его текстах содержатся многочисленные ключи и намеки, связывающие его с тремя Великими пирамидами и Великим Сфинксом в Гизе. Это дает основание уважаемому египтологу Селиму-Хасану утверждать, что «некрополь Гизы является географическим аналогом» Пятого раздела Дуата. Марк Ленер, адъюнкт-профессор египтологии в Институте востоковедения Чикагского университета, также признается, что уж очень «соблазнительно» счесть сфинксов, охраняющих таинственный овал Сокара, «отображением Сфинкса Гизы… Присутствие омфалоса в Пятом [разделе} добавляет веса суждению, что символика там сфокусирована в Гизе, поскольку Великая пирамида расположена точно на 30-й параллели и главном меридиане Египта. Она к тому же точно ориентирована по северному направлению».

Храмы Ангкора демонстрируют «одержимость ориентацией по сторонам света» — они весьма точно направлены на север, юг, восток и запад, а это могли обеспечить лишь архитекторы и маркшейдеры, вооруженные астрономическими и геодезическими знаниями высокого уровня. Архитекторы и геодезисты именно такой квалификации строили пирамиды и Сфинкса в Гизе, а Гиза и Ангкор разделены геодезически важным расстоянием в 72 градуса долготы. Поэтому вполне резонно предположить, что странное сходство между Пятым разделом Дуата и взбиванием Молочного Океана может оказаться свидетельством, хоть и обрывочным, наличия пока невскрытой связи между Египтом и Ангкором; эта потайная связь деформирована огромными пропастями пространства и времени, окрашена местными культурными контекстами, но тем не менее всегда ведет к одним и тем же истокам.

Триумф над смертью

В «Книге о том, что находится в Дуате» блуждающая душа должна разгадать загадки Пятого раздела и уловить его скрытый смысл — если собирается перейти к следующему этапу путешествия, в Шестой раздел, «местонахождение тела Осириса… те дома, что сокрыты и хранят образ Осириса». Во многих вариантах книг о преисподней Шестой раздел Дуата, как мы видели в части второй, является местом, где вершится суд над душой в присутствии Осириса, бога мертвых, владыки воскрешения и возрождения. Среди барельефов Ангкор-Вата, в галерее, непосредственно примыкающей к изображению взбивания Молочного Океана, аналогом Осириса служит индуистский бог смерти Яма, который также восседает во главе суда над душами мертвых.

Оба бога, египетский и кхмерский, а также сцены, в которых они фигурируют, настолько сопоставимы в подробностях, что просто неразумно считать все это простым совпадением. Подобно Осирису, Яма — «смертный, который умер [Осирис был убит]; обнаружив путь на тот свет, он стал проводником для тех, кто расстается с этой жизнью». Подобно Осирису, его часто изображают зеленого цвета. Подобно Осирису, в его присутствии взвешиваются сознание, дела и познания умерших. И, подобно Осирису, Яме помогают выносить приговор ряд других существ, в особенности Дхарма, бог справедливости, обязанности и всеобщего закона, который сидит от него по правую руку и оглашает приговор, и Читрагунта, «регистратор душ», который «знает дела, совершенные каждым», и должен составлять

приговор в письменном виде. Если приговор — отрицательный, «обреченных хватают слуги Ямы и швыряют вниз головой в ад».

Те, кто знаком с египетскими текстами, легко обнаружит сходство между Дхармой и богиней Маат, между Читрагунтой и богом Тотом и, разумеется, между слугами Ямы и чудовищным гибридом Аммитом, «пожирателем мертвых», в чьи адские челюсти суждено попадать всем душам, которым не удается «взвесить слова». При этом для того, чтобы преуспеть во взвешивании слов (а этот процесс занимал и египетских фараонов, и кхмерских царей-богов), душа должна была адекватно отобразить великие космические циклы «вечного возвращения», что могло даже потребовать от посвященного знания математических и астрономических законов, управляющих этими циклами. И снова возникает предположение, что только следуя по этой прямой и узкой тропе знаний («схватив небо») посвященный может уберечься от ужасного приговора.

Есть все основания считать, что во имя этой цели — победы над смертью — и были построены храмы Ангкора и Великие пирамиды Гизы. Действительно, на одной из многочисленных стел Джаявармана VII, строителя Ангкор-Тома и Ангкор-Байона, есть надпись, объясняющая предназначение этих гигантских «добрых свершений». Его целью было пролить на людей «целебную амброзию, позволяющую обрести бессмертие», и таким образом «спасти всех, кто борется в океане существования». На другой стеле Джаяварман просит богов вознаградить его за великие строительные труды, позволив ему беспрепятственно перейти «от существования к существованию».

Похоже, что сей монарх вкладывал в свои слова именно тот смысл, который считал необходимым, и видел в построенных им храмах инструмент посвящения в активную науку бессмертия.

Глава 9
ЗАМЫСЕЛ МАСТЕРА

Покинув галереи и «замкнутую вертикальную тьму» башен Ангкор-Вата, мы оказались снова на мощеной дороге. Она провела нас сквозь просторные зеленые сады и мимо блестящего зеркала прудов к западным воротам, где нас ожидал водитель.

Согласно описанию Ангкор-Вата, данному в журнале «Сайенс» в июле 1976 г., космическая символика и числа, кодирующие временные циклы, характерные даже для этой дороги. Установив, что основной единицей измерения, использовавшейся при сооружении Ангкора, был кхмерский хот (равный 0,43545 метра), авторы демонстрируют, что отрезки дороги символизируют или представляют великие «мировые эпохи» индуистской космологии: «Эти периоды начинаются с Крита-Юги, или Золотого века человечества, после чего следуют Трета-Юга, Давпара-Юга и Кали-Юга, причем последний период является эпохой наибольшего упадка человечества. Их продолжительность составляет соответственно 1728 000, 1 296 000, 864 000 и 432 000 лет.

Читая этот перечень, нельзя не вспомнить о концепции Зеп Тепи (Первого Времени) в древнеегипетской космологии. Согласно «Текстам Пирамид», это время «было рождено до того, как возник гнев; до того, как возник шум; до того, как возникла борьба; до того, как возник бунт».

Дхарма, бог справедливости и дома — прямой аналог древнеегипетской богини Маат — описывается в индийских преданиях как «ходящий на четвереньках» во времена Крита-Юга. Во время следующей Трета-Юги, «менее счастливого века, когда добродетели поубавилось», число символических ног у Дхармы уменьшилось до трех. Во время Давпара-Юги Дхарма стал двуногим, а «ложь и ссоры преумножились!.. Разум ослаб, правда убавилась, пришел черед вожделения, болезней и злодеяний… Наступила эпоха упадка, когда преобладает грех… Тем не менее, многие продолжали следовать праведным путем». Во времена Кали-Юга (нашей эпохи), когда Дхарма вынужден стоять на одной ноге и является беспомощным, мало кто

идет по праведному пути: «Уцелела лишь четверть добродетели. Мир болен, все существа вырождаются, люди предаются безнравственности… Они несчастны, поскольку счастья не заслуживают. Они ценят то, что испорчено, едят жадно и неразборчиво, живут в городах, полных вранья… Их угнетают цари им угрожают стихийные бедствия, голод и войны».

Например, чтобы спасти Ману Сатьяврату, родоначальника нынешнего человечества, Вишну якобы претерпел инкарнацию в гигантскую рыбу. До начала потопа он предупредил Ману о необходимости построить большое судно и велел «погрузить на него по паре от каждого существующего вида животных, а также семенами всех растений, после чего взойти на борт самому». Когда вода поднялась, бог буксировал ковчег Ману много дней и ночей, пока он наконец не сел на мель на склоне огромной горы.

В другой раз, когда вся земля снова «погрузилась», Вишну обратился в вепря, «нырнул в воду и убил демона, который швырнул землю в море. Затем он поднял землю на поверхность и снова пустил ее в плавание по океану». А однажды, в конце очередной мировой эпохи, он, как мы видели, превратился в черепаху и сыграл свою роль во взбивании Молочного Океана.

Вишну также превращался в человека-льва, «который вырвал внутренности злому гению, жестоко угнетавшему Землю», в карлика, «который шагами измерил Вселенную и оставил в трех местах свои следы», в героя Раму, «который провозгласил золотой век справедливости и счастья», и в Кришну, который был «рожден, чтобы проповедовать религию любви в начале Века Раздоров» (то есть Кали-Юги, нынешней эпохи).

«Во все ключевые моменты истории мира, — подытоживает востоковед Ален Даниэлу, — Вишну появляется в виде особой личности, которая направляет эволюцию и определяет судьбу различных тварей, видов и форм жизни»: «Стоит этим формам знания, жизненно необходимым для выполнения человеком его духовного предназначения, оказаться вне пределов досягаемости и тем самым лишить человеческую жизнь цели, как Вишну вновь делает это знание досягаемым… Таким образом, для каждого цикла существует своя инкарнация и свое откровение, наиболее подходящее к новым условиям существования мира».

В Индии реинкарнированный мессия является в виде Рамы, позднее — Кришны, а в День Последний появится в виде Калки-Исполнителя. Аналогичная фигура встречается в Мексике под именем Кецалькоатля, царя Прошлого и будущего, а в Англии — короля Артура. Он вновь появляется в Египте в виде, богочеловека Осириса, ознаменовавшего начало династической истории — «Шагающего Далеко», владыки Вселенной, который умирает, но будет вечно рождаться заново.

«Осирис, — комментирует Р.Т. Рандл-Кларк, — спасает вас, когда к вам плохо относятся. Он, по выражению египтян, *неб тем* — хозяин Вселенной, гуманный, но таинственный, страдающий и повелевающий». В мифах и рукописях от него исходит «таинственный голос», который то и дело *«властно звучит, требуя восстановления порядка вещей, если появляется угроза мироздания»…*

То, что Рандл-Кларк называет «вмешательством божественных приказов в существующий мировой порядок», существенно не отличается от вмешательств в мирские дела аватаров Вишну. Как в египетских, так и в индуистских преданиях такое вмешательство носит позитивный характер: «Господь обретает тело с целью защитить землю, жрецов, богов, святых, Священную Книгу, правое дело и процветание».

Аналогичную животворную роль играет в Мексике Кецалькоатль, возглавляя золотой век и предлагая посвященным цветок бессмертия.

Риши

Есть ли цель у человеческой жизни? Или она бесцельна? Есть ли у нее смысл, или она бессмысленна? Достойна ли она восхищения или насмешки?

Согласно риши — древнеиндийским мудрецам, жизни наши имеют смысл и вполне конкретную цель. Они называют эту цель «реализацией», или «просвещением» — способностью души временно материализовавшейся в человеческом теле, понять истинную природу собственного существования. То, что мы без колебаний признаем «реальностью», риши называют «миром формы». Они установили, что этот мир в действительности не является реальным; скорее, это некая зловещая игра в виртуальной действительности, в которой все мы — игроки; хитроумная иллюзия, способная сбить с толку даже в самых изощренных эмпирических испытаниях; массовая галлюцинация исключительной глубины и силы, рассчитанная на то, чтобы отвлечь души от прямого и узкого пути пробуждения, ведущего к вечной жизни. Любому, изучавшему тайны Центральной Америки, покажется странным, что они называли эту галлюцинацию «майя» и обучали технике, позволяющей преодолеть и рассеять ее. Эта техника, фактически восходящая к «науке реинкарнации», включала целенаправленное стремление к духовному знанию, медитацию, созерцание, сосредоточенность мысли через изучение мандал и янтр, а также правильное исполнение ритуала.

Читатель помнит, что в Мексике также считали жизнь не реальностью, а всего лишь сном, от которого душа пробуждается при смерти. Но и в герметических текстах, которые предположительно не связаны никак с Мексикой, а собраны в Египте, в Александрии, около II века н. э., говорится, что «все вещи на земле нереальны… Иллюзия есть вещь, выработанная воздействием на реальность».

Согласно герметическому учению, посвященный должен усердно стремиться преодолеть материалистическую иллюзию, согласно которой его сознание не переживет его физической смерти, а также «тренировать свою душу в этой жизни, с тем, чтобы, вступив в иной мир, где ей позволено узреть Бога, она не потеряла бы путь, что ведет к нему…»

Поскольку такое обучение считалось жизненно важным для души, герметические тексты выражают скорбь по поводу того факта, что циклы времени принесут упадок и разрушения на землю Египта — «эта земля, что некогда была святой, земля, что любила богов, в которой одной, в награду за ее преданность, боги снизошли до земного пребывания, земля, что была пастырем человечества».

«О Египет, Египет, от твоей религии не сохранится ничего, кроме сажи, в которую не поверят дети твои, которым суждено прийти в свое время; ничего не останется, кроме высеченных слов, и лишь камни будут говорить о твоем благочестии. И в тот день люди устанут от жижи, и они перестанут считать Вселенную достойной священного восхищения и поклонения… Тьму предпочтут свету, смерть сочтут более выгодной, чем жизнь, [и] *никто не поднимет взор свой к небу… Что же касается души и веры в ее бессмертную природу, а также надежды обрести бессмертие… то над всем этим они будут насмехаться и даже убедят себя в ложности этого…»*

И «все это», объясняет герметика, неразрывно связано с циклами времени, спускающимися по спирали к тому, что индийские мудрецы называли *пралайей* в конце света, когда правит зло и небесные опоры вот-вот рухнут, снесенные вращением космической мельницы:

«И вот боги покинут человечество — ужасная вещь, — и останутся лишь ангелы зла, которые смешаются с людьми и вовлекут их, несчастных, во всевозможные безрассудные преступления, в войны и грабежи, обман, и все деяния, что враждебны природе души. Тогда земля не станет уже неколебимой… небо не будет удерживать звезды на орбитах, и те не будут больше следовать своим обычным небесным путем… После этого на мир сойдет

старость. Религии больше не будет; все станет беспорядочным и искаженным, все добро исчезнет.

Но когда все это приключится… тогда… Бог… посмотрит на то, что произошло, и своей волей пресечет беспорядок. Он очистит мир от зла, промыв его наводнениями, выжжет его жестоким пожаром, либо пройдется по нему войнами и мором. Тем самым он вернет миру его прежний вид, дабы Космос и далее почитался достойным поклонения и восхищенного удивления…

Таково новое рождение Космоса, когда все вновь становится хорошим, и восстанавливается благоговение перед природой; и совершается это с течением времени согласно вечной воле Божией…»

Подобно проповедникам герметизма, индийские риши также верили, что были в прошлом и будут в будущем длительные периоды разрушения и тьмы, наподобие нашей нынешней Кали-Юги, когда человеческие существа погрязли в глупости, ссорах и жадности на тысячи лет. В такие времена Вишну не только проявляет себя через аватара, несущего миру откровение, но и оказывает свое влияние через ряд «частичных инкарнаций», цель которых — «поддержать, завершить и истолковать откровение: Это, главным образом, пророки и мудрецы…»

И всегда будет еще один путь к спасению, открытый для тех, кто по-настоящему его ищет: «Веды» — древние священные тексты — самая старая в Индии религиозная литература.

«Веды» — от санскритского слова *«веда»,* означающего «знание» или «мудрость», — являются, как верят в Индии, хранителями доисторических учений, более древних, чем любые сохранившиеся письменные копии. Считается, что «Веды» передавались из уст в уста «по наследству особо избранными семьями в браминских сообществах в Индии» на протяжении тысяч лет, пока не были сведены в «книги», которые дошли до нас. Более того, даже эти, устные «Веды», считались не оригинальным текстом, а воспроизведением более раннего, времен последней *пралайи,* или даже более древнего учения. Утверждалось, что эта работа была предпринята семью риши, которые пережили катаклизм и решили «в начале новой эпохи… сберечь знание, унаследованное ими в качестве святого завета от праотцов».

Аналогичные предания существуют в Египте и записаны в «Текстах Строителей» Эдфу, где также говорится о знаниях Семи мудрецов и о том, как оно было принесено в долину Нила еще в Первое Время в духовном стремлении воссоздать прежний мир богов:

«Древний мир, будучи построен, был затем разрушен и уже мертвый стал фундаментом для нового периода творения, который поначалу явился воссозданием и восстановлением того, который некогда существовал в прошлом».

Согласно текстам Эдфу, в этом своем стремлении Семь мудрецов пользовались методом возведения священных «курганов», несущих информацию о планах и конструктивных решениях, опираясь на которые впоследствии можно было бы строить храмы Земли Египетской. Эти храмы должны были сооружаться с залами, «напоминающими небо», причем они считались живыми существами, способными умирать и возрождаться, снова умирать и снова возрождаться; все эти храмы считались наследниками общего предка — «храма, который некогда реально существовал в туманном прошлом додинастического Египта». Как мы знаем, этот храм-предок считался в каком-то смысле «копией» участка неба.

Дух, вооруженный этим знанием, мог надеяться на обретение жизни в течение миллиона лет, поскольку был «хорошо оснащен для пребывания в небесах и на земле, безошибочно, регулярно и вечно».

Скрытая связь?

Раскопки доказали, что храм Гора в Эдфу, а также все наиболее примечательные храмы и пирамиды Древнего Египта возведены на площадках, которые были, как считалось, «освещены божественным образом». По мнению специалистов, многие из этих сооружений использовались на протяжении тысяч лет, причем подвергались постоянной реконструкции.

Все главные храмы Ангкора также хранят следы того, что их возводили прямо над более ранними сооружениями, а те — над еще более древними. Но если, конечно, не считать это простым совпадением, получается (и это нельзя исключить), что удивительное сходство между размещением храмов Нага в Ангкоре и звездами «змеиного» созвездия Дракона (в том виде, как оно выглядело на рассвете в день весеннего равноденствия в 10500 г. до н. э.) было запрограммировано планировкой и размещением первоначальных «курганов» в Камбодже в те далекие дни.

Эта гипотеза никоим образом не противоречит тому факту, что храмы в том виде, какими мы наблюдаем их сегодня, были возведены между IX и XII веками н. э. известными кхмерскими монархами. От нас требуется лишь согласиться с установленным фактом, что места размещения этих храмов были священными задолго до их постройки. Так, может быть, они оставались священными и возводились согласно «древним предначертаниям» в течение не веков, а тысяч лет? Возможен и другой вариант гипотезы, не связанный с физической закладкой плана на поверхности Земли в 10 500 г. до н. э. (факт, который трудно как доказать, так и опровергнуть). В принципе строители храмов могли обойтись и без реперных «доисторических курганов». Вполне достаточно было бы иметь подробную карту звездного неба с изображением созвездия Дракона на меридиане на рассвете в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э. Если бы удалось сохранить такую карту и передать потомкам либо в графической форме, либо закодированной в виде ритуала или мифа, то строители Ангкора вполне могли бы воспроизвести ее на Земле почти через 12 тысяч лет.

Возможна и дальнейшая модификация гипотезы, не связанная ни с физическим существованием «курганов» с 10500 г. до н. э., ни даже с планами и картами, начерченными в ту эпоху. Все, что от нас требуется, это допустить, что строители Ангкора владели точными астрономическими познаниями, а об этом нам уже и так достоверно известно. Не трудно представить, что такие блестящие топографы, которые обеспечивали ориентацию храмов на север с той же точностью, что характерна для Великой пирамиды в Гизе, и которые закладывали данные точных астрономических наблюдений буквально во все основные размеры и ориентацию своих сооружений, вполне могли знать о явлении прецессии и ее астрономических последствиях.

Но если они владели этим знанием, если они рассчитывали прецессию, если они были так «оснащены», то вряд ли можно сомневаться в том, что они были в состоянии мысленно сымитировать положение небесных светил в прошлые эпохи — совершить то, что древние египтяне называли «спуститься на любое небо». Такие «мысленные мандалы» затем могли быть воспроизведены на земле в виде великих и прочных архитектурных сооружений, которые в состоянии намного пережить своих строителей, обладая скрытой способностью пробудить мысль тех, что встретится с ними через века и тысячелетия.

Поэтому основные вопросы, которые требуют ответа, связаны не только с точными датами возведения различных храмов Ангкора или даже более древних сооружений, чьи остатки покоятся под ними, но и с другими проблемами:

1. Почему общая планировка так упорно воспроизводит взаимное расположение звезд, окружающих созвездие Дракона, в том виде, как оно выглядело на рассвете в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э.?

2. Как объяснить тот факт, что на ту же дату указывают три великих пирамиды и Великий Сфинкс в Гизе — сооружения, в которых трудно предположить связь с храмами Ангкора?

3. Не удивительно ли, что все три группы монументов представляют собой одну и ту же астроархитектурную технику чтобы привлечь внимание к этой дате, а именно моделируя заметное созвездие, которое находилось бы в одной из основополагающих точек неба в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э.? В случае Ангкора Дракон находился на севере, в случае Великого Сфинкса Лев находился на востоке, Орион, в случае пирамид, — на юге.

4. Может ли здесь существовать какая-то скрытая связь?

Искусные игроки

Внутри Великой пирамиды в Египте существуют четыре шахты, две из которых направлены на север, а две — на юг. Мы с вами видели, что в эпоху 2500 г. до н. э. все эти шахты были нацелены на приметные звезды: южные шахты — на Сириус и Аль-Нитак (нижняя из трех звезд Пояса Ориона), северные — на Кохаб и Тубан.

Тубан находится на «хвосте» созвездия Дракона и имеет аналог (или двойника, или копию) на Земле среди змеиных храмов Ангкора. Это — храм Бейтей-Самре. Кохаб входит в соседнее созвездие Малой Медведицы. Тем не менее, он тоже скопирован на земле в Ангкоре близрасположенным храмом Та-Сом.

Таким образом, оказывается, что обе звезды, на которые нацелены северные шахты Великой пирамиды в Египте, представлены крупными сооружениями на Земле в Ангкоре. Возможно, это еще одна случайность, еще одно «совпадение». Однако в ходе проводимого нами исследования у нас не раз возникало смутное ощущение, что мы натыкаемся на фрагменты какой-то странной и туманной интеллектуальной игры древности — игры планетарного масштаба, которая длилась тысячелетия и протекала в четырех главных измерениях:

первое измерение: «наверху» — звезды в небе;

второе измерение: «внизу» — монументы на земле, раскиданные по миру как куски громадной разрезной головоломки, связанные друг с другом оккультным астрономическим ключом;

третье измерение:«время» — измеряемое медленным циклом прецессии, главным средством чего служили астрономические реперы, ведущие с одного монумента к другому и скрытые от непосвященных;

четвертое измерение: «дух» — самое главное, поиск бессмертия.

Трехмерное изображение расположения созвездий относительно сторон света и их земных аналогов (не в масштабе) на рассвете в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э.

Игра — если только это действительно игра — производит впечатление прекрасной *самосогласованной* системы, взаимосвязанные элементы которой носят отпечаток высокого интеллекта и организации. Так, три пирамиды в Гизе не только расположены на Земле в виде трех звезд Пояса Ориона, но к тому же в одной из них, а именно в Великой пирамиде, имеется узкая шахта, направленная на юг, на ее звездный аналог в Поясе Ориона, а две шахты нацелены на север, на звезды Кохаб и Тубан. В свою очередь эти звезды представлены на Земле двумя храмами Ангкора как часть целой системы монументов, отображающих созвездие Дракона и ряд заметных соседних звезд.

Если добавить третье измерение — время, то игра переходит на новый уровень, и игрок обнаруживает, что небесно-земные диаграммы Дракона-Ангкора, с одной стороны, и Ориона-пирамид — с другой, прекрасно стыкуются, глядя друг на друга вдоль меридиана на рассвете в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э. Игрок также узнает, что *точно в этот же момент* созвездие Льва восходит на востоке прямо перед глазами Сфинкса с львиным телом. Эффект от игры усиливается тем, что мифы об Орионе-Осирисе и предания о божественных львах и львицах пронизывают всю культурную среду памятников Египта, причем всегда связаны с циклами времени, а чудесные сказания о змеях Нага вплетаются в культурную среду храмов Нага в Ангкоре, причем они также связаны с великими циклами времени и эпохами сотворений — разрушения мира.

Самое загадочное, что при этом мифы достаточно недвусмысленно указывают на связи более высокого порядка, выводя на следующий уровень игры — уровень духа; речь идет о связи между темой «мировых эпох», которую могут правильно осознать лишь те, кто вооружен знанием прецессии, и темным и основополагающим вопросом о бессмертии человеческой души. Это, как провозглашают индийские тексты, есть «великая тайна того, что происходит после смерти, [которую] не ведали даже боги в старину… знание, которое трудно постичь».

Кто мог бы быть лучшим кандидатом в игроки, когда на кону — бессмертие, чем Последователи Гора, Шемсу-Гор, властелины магии, звездочеты, которые, согласно древним текстам; пришли в Египет в Первое Время? На языке древних египтян «Ангкор» («Анх-Гор») означает «бог Гор жив». И для поиска связи между храмами Дракона в Ангкоре и монументами в Гизе очень существенно, что в мифе о Горе, в предании о Шемсу-Гор, имеется, согласно авторитетному каталогу звезд Ричарда Хинкли Аллена, несомненная связь с созвездием Дракона.

В этой интеллектуальной игре связи между звездами и храмами замаскированы прецессионными изменениями, которые могут быть расшифрованы теми, кто подготовлен к тому, чтобы «спуститься на любое небо». Они должны были бы знать, что пульс прецессионного цикла бьется со скоростью в 1 градус в 72 года, что, несомненно, привлекло бы их внимание к храмам, расположенным в виде созвездия Дракона на геодезическом расстоянии в 72 градуса долготы к востоку от монументальных фигур Ориона и Льва в Гизе.

Однако еще очень много скрыто во временном измерении: 10 500 г. до н. э. соответствует астрономической датировке топографического плана пирамид и Сфинкса; 2500 г. до н. э. — астрономическая датировка ориентации шахт Великой пирамиды (в пользу чего говорит и археологическое свидетельство интенсивных работ, которые велись в Гизе около 2500 г. до н. э.); 10 500 г. до н. э. — астрономическая датировка топографии храмов Нага в Ангкоре; и, наконец, 1150 г. н. э. — дата завершения строительства Ангкор-Вата, причем существует бесспорное археологическое свидетельство того, что весь монументальный комплекс Ангкора был построен чуть больше, чем за четыре столетия между 802 и 1220 гг. до н. э.

Какой же мощный общий источник высоких знаний и какая общая духовная идея, несомые каким подземным потоком, могли быть достаточно глобальными по своим проявлениям, достаточно древними и достаточно стабильными, чтобы оказать столь сильное и глубокое воздействие на культуру Египта около 2500 г. до н. э. и, *спустя 3500 лет,* на культуру кхмеров в Камбодже между IXи XII столетиями н. э.?

И почему в обоих случаях монументы были привязаны точно к одному и тому же далекому астрономическому моменту, соответствующему 10 500 г. до н. э. по нашему летоисчислению?

Глава 10
ИСКЛЮЧАЯ НЕВОЗМОЖНОЕ

Мы проехали в северном направлении от западного входа в Ангкор-Ват расстояние около полутора километров, прежде чем подъехали с правой стороны к пирамиде, известной под названием Пном-Бакенг, имеющей 67 метров в высоту и возведенной на природном скалистом холме. Примерно таким же образом, только в более грандиозном масштабе, в Египте Великая пирамида возведена на огромном холме, образованном скальной породой.

Мы поднялись на Пном-Бакенг с востока, где контуры собственно пирамиды и священного холма срастались и проникали друг в друга в течение столетий под действием дождя, ветра и деятельности человека. Подъем был крутой и трудный, ноги скользили и проваливались в осыпь из красного латерита. Наверху стоял каменный храм в виде зиггурата, или ступенчатой пирамиды, высотой 13 метров, с квадратным основанием 76x76 метров, поднимавшийся пятью уступами к центральному святилищу.

Мы вскарабкались по лестнице с восточной стороны основания. Как и ее аналоги с севера, юга и запада, она поднимается довольно круто, под углом чуть больше 70 градусов. Может быть, он и не равняется в точности 72 градусам, как мы подозревали, но, во всяком случае, точно известно, что центральное святилище Пном-Бакенга окружают 108 башенок. Число 108, одно из наиболее священных в индуистской и буддистской космологиях, равняется сумме 72 и 36 (то есть 72 плюс половина от 72). Оно является одним из ключевых

в последовательности чисел, связанных с прецессией земной оси, которая вызывает видимое изменение положения звезд с периодом 25 920 лет, то есть со скоростью 1 градус за 72 года. Определенную связь с этим циклом можно обнаружить в нечеткой надписи, обнаруженной здесь, но до сих пор не осчастливленной вниманием археологов. Эта надпись была сделана строителем Пном-Бакенга, королем Ясоварманом I (889–900 гг. н. э.), и гласит, что назначение храма — символизировать «своими камнями небесные движения звезд».

С вершины Пном-Бакенга открывается величественная панорама. В северо-восточном направлении просматриваются холмы Кулен с храмом Пном-Кулен; на той же линии, но поближе находится увенчанный храмом холм Пном-Бок; и, наконец, на той же прямой, но южнее и чуть к западу от нас, — храм и холм Пном-Кром.

Севернее, в джунглях скрывается обширный комплекс Ангкор-Тхом. На востоке из-за вершин деревьев выглядывает сказочный дворец Ангкор-Ват. Нам видны все его четыре башни, окружающие центральную пирамиду и святилище и воспроизводящие четыре небесные горы (одна из них — Мандера), что окружают центральный пик горы Меру в индийской космологии.

В очертаниях Ангкор-Вата доминирует длинная и массивная ось «восток — запад», которая привязывает его к восходу и закату в дни равноденствия. Кроме того, храм имеет четкие небесные и земные ориентиры применительно к другим астрономическим моментам года. Журнал «Сайенс «сообщает:

«Интересно отметить, что со стороны западных ворот Ангкор-Вата имеется два ориентира, связанных с солнцестоянием. [Вместе с отмеченной ранее ориентацией, связанной с равноденствием]*, они позволяют прямо от входа в Ангкор-Ват разделить целый солнечный год на четыре основных части.*

С западной точки наблюдения солнце восходит в день летнего солнцестояния прямо над Пном-Боком [17,4 километра на северо-восток]*… В день зимнего солнцестояния между западными воротами и солнцем оказывается храм Прасат-Кук-Бангро, что в 5,5 километра на юго-восток».*

Аналогичная взаимная привязка неба и земли достигается в Гизе расположением Великого Сфинкса и трех великих пирамид. В то время как Сфинкс нацелен точно на восток (то есть на точку восхода солнца в дни равноденствия), дороги, ведущие к первой и второй пирамидам (соответственно направленные на 14 градусов севернее и 14 градусов южнее восточного направления), нацелены на положение восходящего солнца на горизонте точно за месяц до летнего солнцестояния и через месяц — после (северная дорога), точно за месяц до зимнего солнцестояния и через месяц — после (южная).

Таинственные истоки

Происхождение Гизы окутано тайной, однако нет сомнения, что основные работы проходили здесь около 2500 г. до н. э. и что непосредственное отношение к этим работам имели древнеегипетские богоцари — фараоны IV династии Хуфу, Хафра и Менкаур.

Аналогичным образом покрыто тайной и происхождение Ангкора, хотя точно известно, что основные работы проводились там между IX и XIII столетиями под патронажем кхмерских дэвараджей (дословно «богов-царей»), таких как Джаяварман II, Ясоварман I, Сурьяварма II и Джаяварман VII.

Историки уверены в датировке начала великого храмостроительства в Ангкоре. Основываясь на многочисленных археологических свидетельствах и надписях, они определили с большой точностью, что оно началось в 802 г. н. э. по указанию Джаявармана II, который первым прошел загадочный, беспрецедентный и пока не нашедший объяснения

ритуал посвящения, после чего объявил себя «Владыкой Вселенной». В то же время им очень мало известно о столетиях, которые предшествовали правлению Джаявармана. До IX века строилось очень мало каменных храмов, причем с высокой точностью и качеством — совсем не строилось, так что нет никаких реальных свидетельств эволюционных процессов в архитектуре, связанных с монументами Ангкора.

Неясным остается и происхождение самого Джаявармана. Историки спорят, состоял ли он вообще в кровном родстве с предыдущей правящей династией («правнучатный племянник по женской линии» и т. д.). В более поздних надписях говорится, что он происходил от «идеальной чистой царской расы»; подобный эпитет часто употреблялся в Древнем Египте применительно к Последователям Гора, которых считали «высшими существами, положившими начало расе фараонов». Сообщается также, что Джаяварман взошел на престол, чтобы «спасти» свой народ. Эта фраза также типична для языка, который использовался в культе возрождения Осириса.

Разумеется, мы не говорим *о каком-либо прямом* влиянии. Культ Осириса был мертв уже за несколько веков до расцвета Ангкора; то немногое, что уцелело от Древнего Египта к концу римской оккупации в 395 г. н. э., было напрочь смыто к моменту обращения Египта в ислам около 650 г. А ведь оставалось еще более 150 лет до восхождения на трон в далекой Камбодже Джаявармана П.

Тем не менее, невозможность прямого влияния не освобождает нас от подозрения, что могла существовать какая-то форма косвенной, «подпольной» связи между звездными храмами и пирамидами Ангкора и звездными храмами и пирамидами Гизы. И, разумеется, интересно, не существовало ли аналогичных связей и с древней Мексикой. Причем мы не одиноки в этом предположении. Еще в 1955 г. крупный специалист по майя Майкл Д. Кру обращал внимание на «многие загадочные аналогии» между империей кхмеров и классической культурой майя.

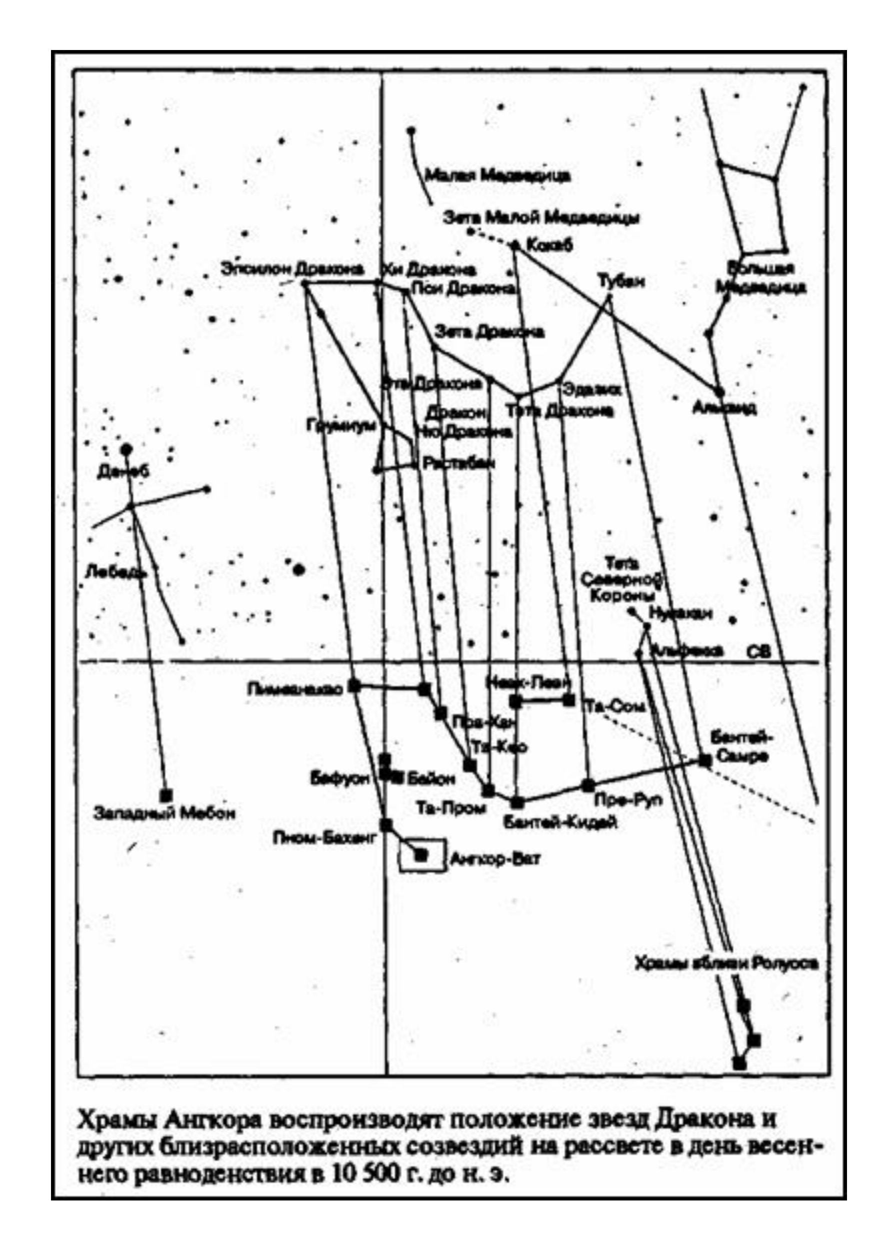
Какой вывод мы можем сделать из этого растущего списка аналогий? Можно, конечно, объявить все это совпадением, хотя в данном случае речь идет о столь многих аналогиях, причем усугубляющихся взаимными и сложными связями, что случайное совпадение здесь столь же маловероятно, как и прямое влияние. Другим объяснением, как мы отмечали в предыдущей главе, может быть косвенное, очень скрытное влияние древности. Такое влияние (например, некоего долго существовавшего сообщества, которое, скажем, именовало своих посвященных в Древнем Египте Последователями Гора) выглядит в высшей степени маловероятным. Однако вспомним знаменитую фразу Шерлока Холмса, который напоминал Ватсону в *«Знаке четырех»*: «Если вы исключили невозможное, то оставшееся, сколь бы невероятным оно ни казалось, обязано быть правдой».

Перенос столиц

Как Джаяварман II стал правителем Камбоджи и почему «богоцарем»?

Согласно надписям, эта загадочная личность приплыла из-за моря на лодке, а до этого провела несколько лет в далекой стране при дворе монарха по имени «Царь Горы».

Ничего не известно о том, чем он там занимался, но есть предположение, что этой страной была Ява. Он прибыл к берегам Камбоджи в 800 г. и обнаружил, что там процветали беззаконие и анархия. Согласно Жоржу Кодэ, «молодому принцу приходилось заново завоевывать королевство, прежде чем предъявить права на камбоджийский трон».

Храмы Ангкора воспроизводят положение звезд Дракона и других близрасположенных созвездий на рассвете в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э.

Своей первой столицей Джаяварман сделал город, который уже в те времена был очень древним; согласно надписям, он назывался Индрапура. Его точное месторасположение неизвестно, хотя можно предположить, что это был религиозный и государственный центр. Здесь король добровольно отдал себя под опеку духовного учителя по имени Сивакайвалайя, которого в надписях именуют «великим ученым брамином», человеком, который должен был «следовать за ним во всем и стать первым священником, служителем нового культа — культа богоцаря».

С самого начала Джаяварман вел себя как человек, на которого возложена миссия. Он был полон решимости достичь конкретных целей к конкретным срокам. И с самого начала среди этих целей фигурировал священный анклав в Ангкоре, расположенный на 72 градуса долготы восточное пирамид Гизы.

Покинув Индрапуру (после пребывания там в течение срока, вряд ли превышавшего несколько месяцев), Джаяварман и Сивакайвалайя сначала двинулись со своими армиями на север к равнинам, на которых теперь стоят храмы Ангкора. Там они основали город Харихаралайя — на современных картах на его месте обозначен Ролюос.

Случайно ли три храма в Ролюосе, два из которых — приметные, а один — не слишком, расположены так же, как три звезды созвездия Северная Корона? Корона, соседствующая с Драконом, была вне пределов видимости в Ангкоре в X и XI веках, когда возводились храмы Ролюоса, но, благодаря явлению прецессии, была видна как раз над горизонтом на рассвете в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э., когда Дракон оказывался на меридиане. Можно было бы счесть это случайностью, если бы не тот факт, что между IX и XIII столетиями были последовательно расставлены по местам все остальные храмы, воспроизводящие созвездие Дракона в момент прохождения меридиана в тот же самый момент, в 10 500 г. до н. э., причем не только Дракона, но и часть соседних созвездий, например Малой Медведицы и Кохаб (там же), Алькаид (в Большой Медведице) и Денеб (в созвездии Лебедя). Складывается впечатление, что вся застройка велась по единому плану, который методично претворялся в жизнь, с использованием, где возможно, элементов ландшафта, базируясь на точные астрономические измерения, причем все это настойчиво подчеркивалось символикой в виде змей и мифов о змеях.

Посвященный и гора

Покинув Харихаралайю, Джаяварман построил новую столицу в местечке Амарендрапура, расположенном, по словам археологов, к западу от площадки, где впоследствии был возведен Ангкор-Тхом. Затем он перебрался на 40 километров к востоку, на плоскогорье Кулен, где основал город Махендрапаравата на Пном-Кулене, лесистом холме из песчаника, который господствует над долиной Ангкора.

Дальнейшее было исключительно странно. Согласно королевской надписи, «его величество отправился, чтобы править в Махендрапаравате». С ним вместе отправился и мудрец Сивакайвалайя. Позднее они пригласили брамина, еще более ученого, чем Сивакайвалайя, «весьма сведущего в магии», который и «прибыл, чтобы установить ритуал… согласно которому страной может править лишь один король. Брамин этот читал тексты от начала до конца, дабы преподать их [Сивакайвалайе], и объяснил ему, как установить ритуал богоцаря».

Брамины в Камбодже были люди мудрые; археолог Бернар Гросλье называет их «посвященными, которые происходили от индийских переселенцев или обучались в Индии». Эти мудрецы *«владели священными книгами, которые лишь они одни могли толковать, составляли надписи и гарантировали точность астрономических расчетов. Случалось, что политическая власть переходила из рук слишком слабого или юного монарха к этой настоящей олигархии жрецов… До самого своего конца ангкорская династия окружала себя этими браминами».*

Здесь трудно игнорировать очевидное сходство с олигархией жрецов-астрономов в египетском Гелиополисе и их закулисными играми с возведением на трон монархов; эта олигархия также претендовала на роль носителей знания о божественном происхождении фараонов и об истинном предназначении древнеегипетской цивилизации. Они, как мы знаем, участвовали в помазании и посвящении монархов. Они же могли время от времени брать власть в свои руки, составляли надписи и наблюдали звезды…

Эмблемой Гелиополиса была фаллическая комбинация колонны Инну с пирамидальным камнем Бенбен на верхушке. Такая же символика преобладала и в ритуале возведения на трон кхмерского богоцаря. Как объясняет в своем авторитетном исследовании Ангкора Жорж Кодэ, *«сущность королевской власти», или, как ее называют в некоторых текстах, «собственная сущность» короля, опиралась на лингу,* [фаллический] *символ созидательной мощи Шивы, укрытый в пирамиде в центре королевской столицы, которая, в свою очередь, находится на оси мира. Эта чудесная линга, своего рода оплот королевства, была якобы*

получена от Шивы через некоего брамина, который преподнес ее первому королю династии. Общение между королем и богом происходило на священной горе, то ли природной, то ли искусственной… Именно на верхушке [священной] *горы должна была происходить передача от брамина Джаяварману II чудесной линги, на которую в дальнейшем предстояло опираться монаршей власти кхмерских королей. Вот почему он переехал в Пном-Кулен…»*

Задолго разработанный план

Но Джаяварман недолго оставался на холмах Кулена. После посвящения, как гласят надписи, «король возвратился, чтобы править в Харихаралайе», взяв с собой священную лингу, «чудесный» фаллический обелиск, который был затем установлен в святой святых нового храма — пирамиды.

Бенбенообразный предмет на вершине большой центральной пирамиды назывался Камратенг-Джагат, «Владыка Вселенной»; этим титулом часто именовались и сами богоцари. Во время продолжительной строительной программы в Ангкоре его перевозили из храма в храм. Иногда он на некоторое время оставался в центральном святилище Пном-Бакенга, окруженном 108 башенками, среди которых мы теперь стояли, глядя вниз на равнину Ангкора.

Поучительно проследить маршрут перемещений Джаявармана за полвека между его прибытием в Камбоджу около 800 г. н. э. и его смертью около 850 г. В них можно увидеть определенную систему. Как отмечает Жорж Кодэ, прибыв сначала в Индрапуру, он затем, «подобно хищной птице, парящей над землей, переместился из Харихаралайи в Амарендрапуру, затем в Пном-Кулен, описывая круг с центром в будущем Ангкоре». В конце концов он возвратился, замкнув круг, в Харихаралайю, где и закончил свои дни.

Согласно ортодоксальной точке зрения на эти его вояжи, первый богоцарь кхмерской династии *«стремился найти наилучшее место для своей будущей столицы, достаточно близко к богатому рыбой озеру Гран-Лак, но вне пределов затопления ежегодными наводнениями, с удобным доступом к каменоломням для добычи песчаника на Пном-Кулене и достаточно близко к проходам на плато Корат и в долину Менам».*

Мы не думаем, что Джаяварман обязательно руководствовался такими прозаическими соображениями или что у него был повышенный интерес к рыболовству. Мы считаем столь же вероятным, что благородный богоцарь, путешествуя вокруг Ангкора, проводил, по советам браминов, теневой группы жрецов-астрономов, геодезические и астрономические изыскания. Возможно, он стремился лучше почувствовать контуры древних священных холмов, которые в далекие-предалекие времена поднялись над равниной. Возможно, он медленно колесил вокруг будущих строительных площадок, измеряя и уточняя их координаты, в том числе по отношению к другим ключевым объектам (таким как Гиза?), сопоставляя их с данными, приведенными в ветхих документах, дошедших до него из глубины веков.

По-видимому, не только Джаяварман II, но и многочисленные великие кхмерские богоцари, пришедшие ему на смену, монархи подстать наиболее выдающимся египетским фараонам, следовали *определенному плану,* когда воздвигали свои храмы в Ангкоре, претворяя в жизнь задолго до того разработанный проект.

Но разработанное кем, когда именно и с какой целью?

Мы покидали развалины на вершине Пном-Бакенга, сползая на равнину по склону горы-пирамиды. На севере между высокими деревьями вилась дорога, ведущая к южному входу в Ангкор-Тхом, огромный комплекс погребальных храмов и пирамид, которые, казалось, стоят

над живым, бьющимся сердцем могучего священного организма, несущего бремя великого смысла, столь же грандиозного и таинственного, как у некрополя Гизы в Египте.

Букет аналогий

Подозрение о наличии какой-то тайной связи между Ангкором и Древним Египтом возникало не только у нас. Напротив, практически каждый путешественник, посетивший Камбоджу в прошлом веке, считал своим долгом отметить, что в Ангкоре есть что-то сверхъестественно «египетское», что некоторые гигантские скульптуры напоминают лица Сфинкса или колоссов из Абу-Симбела, что кругом полно пирамид, а сам масштаб сооружений сродни масштабу пирамид в Гизе.

Сравнения такого рода, хотя и многочисленны, обычно преподносятся читателю просто как «впечатления», не имеющие научной ценности. Они никогда серьезно не анализировались, поскольку ученые были уверены, что культура кхмеров никоим образом не может быть «связана» с культурой Древнего Египта. Всякое сходство приписывается совпадению, которое, будь оно даже очень большое, не представляет серьезного интереса.

В этой логике есть определенный резон, если вспомнить об огромном физическом расстоянии между Египтом и Камбоджей, а также о том, что Древний Египет полностью исчез с лица земли задолго до возникновения Ангкора. По нашему же мнению, количество и масштаб аналогий таковы, что простое «совпадение» не может быть принято в качестве объяснения.

Например, в Камбодже существует старинное предание, что храмы и пирамиды Ангкора построены Вивакармой, архитектором богов, который якобы преподал искусство архитектуры людям. Про Имхотепа, предположительно первого строителя пирамид в Древнем Египте, говорят, что он «изобрел искусство строительства с каменной облицовкой» и позднее стал богом.

Мы знаем, что и в Египте, и в Ангкоре почитали змею. В обоих случаях в качестве архетипа была избрана кобра с капюшоном; и там, и там ее могли изображать как в виде полузмеи-получеловека, так и в чисто змеином облике. В обоих случаях ее обычно изображали поднявшейся на хвосте с раздутым капюшоном; именно такой вид имеет, например, *уреус* на короне фараонов.

И в Египте, и в Камбодже змея могла обитать и передвигаться как в небесах, так и на земле, и даже под землей. Эта двойственность нашла отражение как в египетской *«Книге о том, что находится в Дуате»,* так и в древнеиндийской *«Яджурведе»,* где говорится о «змеях» и о том, что перемещаются они по земле, а также находятся на небесах.

И в Египте, и в древней Камбодже змея часто использовалась в качестве символа вечной жизни и циклов Вселенной. Согласно александрийскому писателю V века Горапулосу, «когда египтяне хотели изобразить Вселенную, то рисовали змею с разноцветной чешуей, пожирающую собственный хвост, а чешуйки символизировали звезды Вселенной». На золотой усыпальнице Тутанхамона можно разглядеть свернувшуюся кольцом змею, символизирующую силы возрождения и обновления.

Считалось, что бог Солнца возрождается каждую ночь в собственном теле. В то время как урубурус символизировал пространственную бесконечность Вселенной, другая змея, Метви («Двойная веревка»), служила символом бесконечности времени.

Как не вспомнить о великой змее Нага по имени Сеша («Остаток») — ее называли также Ананта («Бесконечность»), — обвившуюся вокруг Вселенной. И как не вспомнить, что до сих пор Шивалингу, индийско-кхмерский аналог древнеегипетского Бенбена, часто изображают с вырезанной на его поверхности свернувшейся змеей.

Духовное тело

Древние египтяне верили (и искренне этого желали), что души усопших фараонов возносятся на небеса: «О, царь, ты — великая звезда, спутник Ориона, что пересекает небо с Орионом и прокладывает путь по Дуату вместе с Осирисом».

Точно так же в Камбодже верили, что когда богоцарь Ангкора умирает, его душа «возносится на небеса». Согласно преданиям, после того как Висвакарма построил Ангкор-Ват, «боги отправились в землю вечного счастья и теперь взирают с небес». Кроме того, совсем как в случае с храмом Гора в Эдфу, в Верхнем Египте, Ангкор-Ват считался «копией» более раннего храма, который в свою очередь был сам копией космического оригинала, «план [которого] был начерчен самими богами Неба-Тушита».

Согласно доктринам древних египтян, успешно преодолеть опасности Дуата мог лишь «оснащенный» дух, который использовал возможности физической жизни для того, чтобы овладеть тайным знанием небесных циклов и укрепить самодисциплину и духовную проницательность. Именно о них и говорится в «Текстах Пирамид» — они «захватили небо и овладели горизонтом». Они — те, кто после многих возрождений могут надеяться на обретение практического бессмертия — «жизни в миллионы лет».

Богоцари кхмеров тоже стремились к бессмертию через познание космических циклов. Поэтому-то они зашифровали минуты, часы, дни и месяцы «Великого Года» прецессии в многочисленных размерах монументов Ангкора, превратив эти огромные сооружения в школу посвящения при помощи секретов, которые можно разгадать путем усердного поиска.

Историки ошибаются, полагая, что раз архитектурные сооружения Древнего Египта и древней Камбоджи велики и амбициозны, значит, цари, их строившие, обязательно были мегаломаны. Любопытно, что обвинение в мегаломании предъявляется, причем неоднократно, как фараонам, так и кхмерским монархам; таким образом, в научном сообществе существует единодушное мнение, по крайней мере, по одному параметру сходства между двумя культурами. Удивительно, правда, что ученые авторитеты не рассмотрели иных вариантов объяснения феноменальных архитектурных программ, осуществленных в Египте и Камбодже с таким разрывом во времени. В частности, им не пришло в голову, что великие строители пирамид и Сфинкса, Ангкор-Вата и Ангкор-Тхома могли руководствоваться, допустим, не эгоизмом и желанием увековечить себя, а своего рода альтруизмом, желанием преподать всему роду людскому систему знаний, просвещения, которую они сами практиковали.

Тем не менее эта возможность требует серьезного рассмотрения. В конце концов, на великих египетских пирамидах нет никаких надписей, связывающих их с фараонами, которым приписывается их постройка, — никаких признаков мегаломании! Ангкор, правда, полон надписей, но они также не подтверждают версию «самовозвеличивания». Как мы уже видели, Джаяварман VII, который правил с 1181 по 1219 г., открыто провозгласил на стеле, что его обширная строительная программа была предпринята «из глубокой симпатии к добру в мире», дабы «даровать людям амброзию средств для достижения ими бессмертия… Посредством этих добрых дел я, возможно, сумею спасти всех тех, кто борется в океане существования».

Другой монарх, король Раджендраварман, который, пожалуй, был поскромнее, заявил, что построил свои храмы из «страстной любви к *дхарме»* («закон», «равновесие», «справедливость», «порядок» и т. д.) — концепции, весьма близкой к древнеегипетской идее *маат,* космической справедливости. И, характеризуя свою строительную программу, он добавляет довольно загадочно: «Это — мольба о бессмертии, которого человек должен стараться достигнуть».

Изящный и прекрасный храм Неак-Пеан, с его островами и бассейнами, был построен Джаяварманом VII, который надеялся, что он послужит лодкой, в которой попавшие туда души могли бы «пересечь океан существования».

На стеле еще одного ангкорского храма-пирамиды царь посылает спасительную лодку самому себе:

«Пусть наградой мне за это доброе дело станет переход из одного существования в другое. Пусть те, кто сбережет эту мою работу, будь они родственники, друзья или незнакомцы, будут взяты в сонм богов; при каждом возрождении пусть они будут встречены улыбкой…»

В пирамидах V и VI династий в Саккаре, Египет, всего в 10 километрах к югу от Гизы, можно встретить на удивление похожие тексты, датируемые не позже, чем XXIII столетием до н. э., и относящиеся к школе великой мудрости в Гелиополисе. Здесь к верховному богу Агуму, древнеегипетскому аналогу Вишну-Брамы-Шивы, обращена просьба простереть свои руки «к царю, его сооружениям и этой пирамиде… дабы сущность царя пребывала в ней вечно… Защити это его сооружение от всех богов и от всех мертвых и не дай никогда причинить ему какого-либо вреда».

Несколькими строками ниже мы обнаруживаем, что умерший фараон каким-то таинственным образом идентифицируется непосредственно со своей пирамидой и богом Осирисом, как будто человек и камень сплавились в единое духовное тело — тело славы, в котором «этот царь — Осирис, эта царская пирамида — Осирис, это сооружение его — Осирис».

Такие идеи, которые кажутся крайне удивительными, появились сразу во вполне зрелом и полностью сформировавшемся виде *в самом начале* древнеегипетской цивилизации почти 5000 лет тому назад. Но еще более удивительным является тот факт, что точно такие же идеи всплывают волшебным образом как бы из ничего через четыре тысячи лет в Камбодже. Согласно Полю Мюсу и Жоржу Кодэ, погребальный храм — пирамида в Ангкоре считался «не столько укрытием для мертвых, сколько своего рода *«новым архитектурным телом»,* которое для «обитания своей волшебной души» получает умерший «космический человек» взамен смертных останков.

Живые изображения

Необычная идея пирамиды как нового тела для умерших была не только развита богоцарями древних Египта и Камбоджи, но была также распространена теми и другими на функции и культ статуй.

В погребальных ритуалах Ангкора статуя умершего монарха считалась его «телом славы»; верили, что ее оживляет его духовная сущность — магическая проекция в «будущее королевской судьбы». Аналогичным образом в Древнем Египте статуям придавалось огромное значение как вместилищам жизненной силы умерших, при помощи которой они могут быть оживлены. В обеих культурах статуи почитались «живыми образами» *(шешеп анх).*

За подобными сверхъестественными аналогами стоит зачастую более сложный уровень. Например, и в Египте, и в Ангкоре верили, что для того, чтобы статуя «ожила», необходимо выполнить определенный ритуал.

В Ангкоре этот ритуал назывался «открыванием глаз». Эта церемония включала очистку, окуривание благовониями и умащивание; при этом использовался ряд специальных инструментов. Кульминацией ритуала являлось символическое «открывание» глаз статуи, для чего в них кололи железной иглой. Только после этого считалось, что статуя «насыщена

жизненным началом, божественной сущностью умершего короля… действующим в качестве моста между царством бессмертия и этим светом».

В Древнем Египте для оживления статуй использовался аналогичный ритуал. Там он назывался «открыванием рта и глаз» и включал очистку, окуривание и умащивание статуи с использованием инструментов, частично из метеоритного железа, частично из камня. Кульминацией ритуала являлось «открывание» рта статуи, для чего к нему прикасались специальным инструментом под названием *песешкаф.* Часто к обоим глазам также «прикасались специальным инструментом». После этого считалось, что изображение оживлено и может выполнять функции «вместилища» бессмертной души, столь же надежно, «как служило ей тело во время краткого периода смертного существования».

Почему египетские и камбоджийские ритуалы оживления статуй так похожи и даже имеют почти одинаковые названия, если между ними не существовало никакой связи? Мы согласны, что никакой прямой контакт был невозможен, а потому следует исключить его из рассмотрения. Но если совпадение тоже «невозможно», то что же остается?

Очертания души

Древнеегипетские представления о душе, которые, как и многое другое, были полностью сформированы уже к началу исторического периода, демонстрируют удивительно сложную систему идей, в соответствии с которыми бессмертная сущность личности делилась по меньшей мере на четыре основных проявления.

1. *Ка,* «двойник» или «близнец» — ангел-хранитель и дух-проводник умершего, — который «независим от человека и может пойти и вселиться в любую его статую». Согласно Джеймсу Генри Брэсгеду, *«ка* есть высший гений, предназначенный специально для того, чтобы направлять судьбу индивидуума после смерти; каждого умершего египтянина ждет на том свете свой *ка».*

2. *Ба,* или «сердечная душа», «некоторым образом связана с *ка»,* но существует как *личность,* обладающая силой, позволяющей ей «выжить и существовать в другой жизни». Характерной особенностью *ба* является ее способность к свободному передвижению. В древнеегипетском искусстве *ба* часто изображали в виде летящей ласточки или ласточки с человеческой головой. По выражению египтолога Стефана Кверка, это — «метафора свободы, которую нельзя улучшить».

3. *Аб,* или «сердце», тесно связано с душой. Согласно сэру Э.А. Уоллису Баджу, «считалось, что сохранить сердце человека — задача наивысшей важности, и оно является единственной частью тела, которую в судилище выделяют для особого исследования; здесь считают сердце центром духовной и мыслительной жизни…»

4. «Оправданное» в судилище, высшая степень эволюции души — духовное тело *соху,* в котором обитает *ах,* или преображенный дух, «эфирное существо которое ни при каких обстоятельствах не может умереть» и, следовательно, обладает столь желанной «жизнью в миллионы лет». В древнеегипетском языке слово *ах* (входящее также в состав слова *ахет,* «горизонт») всегда несет идею «света», «яркости», «блеска», «сияния».

Мы считаем весьма вероятным, что богоцари Ангкора имели в виду что-то весьма близкое к *соху* и *ах,* когда говорили, что хотели бы, чтобы после смерти их «одели в божественное тело», что «высветило бы духовную славу», им принадлежащую.

В древнеегипетских школах мудрости посвященного подготавливали к вечному существованию в виде сияющего и преображенного *аха.* Он узнавал, что прежде, чем произойдет его окончательная спиритуализация, превращение в дух, он должен пройти через смерть, выдержать ужасы Дуата и выйти чистым и оправданным из взвешивания сердца

(«взвешивание слов») в Судном Зале Осириса. При этом, как мы узнали в части второй, от него требовалось нечто большее, чем просто моральное и честное поведение (необходимо, но недостаточно), которое могло помочь ему обрести моральное и честное возрождение, но не гарантировало преображения его духа. Оказывается, для этого требовалось еще и знание, чистое, космическое знание, поскольку (по причинам, которые нигде полностью не разъясняются) считалось, что только оно способно повести его по пути просвещения.

Не была ли это та самая «высокая дорога к просвещению», следованию которой отдал всего себя, по его словам, Джаяварман VII — «единственная доктрина, позволяющая беспрепятственно познать действительность… закон, который бессмертные чтят во всех трех мирах»?

Снова и снова, как в древнеегипетских текстах, так и в камбоджийских надписях, на поверхность выходит идея достижения бессмертия через познание. Мы читаем, например, что Джаярадждеви, жена Джаяварцмана, «шла светлой дорогой мудрости», а ее старшая сестра «превзошла в своем знании мудрость философов», причем ее особенно хвалили зато, что она простерла «на женщин с великой тягой к науке… благосклонность короля, подобную изысканному нектару, в виде знания».

В Ангкоре верили, что высоко ценимое там знание способно спасать души из «океана существования», а тамошние монархи стремились закодировать его в размерах и символике своих великих храмов. Считалось, что сила такого знания — а обрести его можно было лишь упорным поиском — была в его способности рассеять майю, ужасную иллюзию «реальности» материального мира. Поэтому и древние египтяне, и кхмерские короли считали святой обязанностью понять значение и пытаться проникнуть в тайны собственного существования. В ходе такого проникновения некоторые могут открыть основополагающую истину, что лишь «тогда, когда все желания, что будоражат сердце, будут вытеснены оттуда, смертный сделается бессмертным… Только когда будет распущен каждый узел сердца, обретет он бессмертное существование…».

Точь-в-точь как в Древнем Египте, кхмерские монархи рассматривали спиритуализацию души как процесс просвещения, постепенного слущивания иллюзий слой за слоем, пока не обнажится часовой механизм Вселенной и посвященный не будет оснащен идеальным знанием.

Мост радуги

Мы достигли моста над широким рвом, ведущего к воротам южного входа в Ангкор-Тхом. Перед нами красовались две параллельные балюстрады, каждая из которых была образована 54 титаническими фигурами, тянущими змея Нага, словно участники соревнования по перетягиванию каната.

В давние времена этот мост уподоблялся радуге, которую считали аркой, соединяющей миры богов и людей. Говорили, что тот, кто проходил по нему, а затем сквозь ворота, попадал в царство небожителей, где была сокрыта великая тайна.

Глава 11

НЕПОДВИЖНАЯ ТОЧКА В НЕБЕ

Тайна неба завернута в кольца Дракона, подобно тому, как некогда другой дракон охранял золотое руно аргонавтов. Она навсегда зафиксирована на своем месте в глубинах неба, причем ее расположение почти невозможно обнаружить даже за несколько жизней, не говоря уж об одной. Современные астрономы называют ее «северным полюсом эклиптики». Эта точка никоим образом не совпадает с «северным небесным полюсом» (отстоит от него на

23,5 градуса), который находится на продолжении в небо земной оси, о которой, в свою очередь, всякий школьник знает, что она отклонена от вертикали на 23,5 градуса.

Положение Северного полюса эклиптики в центре круга, образованного траекторией Северного небесного полюса

Представьте себе длинный-длинный карандаш, пропущенный через центр наклоненной Земли так, что входит сквозь Южный полюс, выходит сквозь Северный и тянется дальше вверх. Тогда северный небесный полюс — та «отметка", которую сделал бы такой карандаш на куполе северного небесного полушария. В нашу эпоху он расположен вблизи Полярной звезды, или Полариса, которую еще называют Северной. Но в результате прецессионного покачивания земной оси кончик карандаша не всегда будет совпадать с Полярной звездой. Вместо этого в течение цикла, длящегося 25 920 лет, он будет постепенно описывать большую окружность в небесах, проходя вблизи одних звезд и далеко от других.

Северный полюс эклиптики — неподвижная, фиксированная точка в центре этого круга, то есть полюс, вокруг которого вращается небесный полюс. Уходя в бесконечное пространство над геометрическим центром земной орбиты, он является в каком-то смысле полюсом богов. Вполне возможно, что именно его имели в виду древние египтяне, когда говорили о «великом причальном шесте» в своих текстах о возрождении. И место расположения этой точки навеки вечные — в сердце Дракона, за капюшоном Нага, между звездами Грумизм и Чи Дракона.

Логично поинтересоваться, существует ли у этой важной точки неба земной аналог среди «драконовых» храмов Ангкора.

Модель прецессии

Мы медленно шли по мосту над рвом, ведущему к воротам южного входа в Ангкор-Тхом. По обеим сторонам стояли параллельными рядами огромные скульптуры — 54 дэва и 54 асура; все наклонились назад, напрягли мускулы и тянут змеиное туловище Нага Васуки, тем самым символически «взбивая Молочный Океан».

Здесь воплощены те же идеи и иллюстрируются те же мифы, что на барельефах юго-восточной галереи Ангкор-Вата. Тем не менее эффект трехмерного изображения был настолько сильным, что прямо-таки пробуждает к размышлениям. Паломники, которые

хорошо знали историю о Молочном Океане, должны были немедленно задуматься: а где же в этой архитектурной композиции аналог горы Мандеры — небесного пика, который боги с демонами использовали как «взбивалку»? Посвященным более высокого уровня, подготовленным к «спуску на любое небо», число статуй должно было напомнить об оккультном цикле прецессии, который движется со скоростью в 1 градус за 72 года (72 плюс 36 — то есть 72 плюс половина от 72 —равняется 108, что при делении на две «команды» дает 54).

Паломник, готовый совершить 16-километровый обход внешней стены Ангкор-Тхома, обнаружил бы, что южные ворота — лишь одни из пяти, причем все они имеют одинаковую конструкцию. В каждом из этих сооружений имеется узкий проход со сводчатым потолком, который венчают четыре гигантских скульптурных лица со спокойным выражением. В 1861 г. французский исследователь Анри Мухо интуитивно охарактеризовал их как «огромные головы в египетском стиле».

Четыре лица точно ориентированы по четырем сторонам света. В восточной стене Ангкор-Тхома имеется двое таких ворот, а в северной, западной и южной — одни ворота в каждой. К каждым воротам ведет мост, причем вдоль каждого, аналогично тому, по которому мы только что пришли, стоят параллельными рядами 54 дэва и 54 асура — «по 108 на проспект… всего 540 статуй» — число также существенное для прецессионного процесса. Джордже де Сантильяна и Герта фон Дехехенд в своей книге «Мельница Гамлета» пришли к выводу, что «весь Ангкор… является колоссальной моделью» цикла прецессии.

Просвещенные

В отличие от Ангкор-Вата, который был посвящен индуистскому богу Вишну, Ангкор-Тхом — буддийский монумент. Гигантские лица, венчающие ворота, принадлежат не кому-либо из богов индуистского пантеона, а Бодисатве, известному в Камбодже как Локесвара, а буддистам в других местах — как Авалокитесвара, «Владыка, который смотрит во всех направлениях». Черты его несут печать спокойствия и медитации; демонстрируют одновременно мужскую силу и какую-то удивительную женственность. Предполагают, что моделью этих лиц послужил богоцарь Джаявармар VII (правил с 1181 по 1219 г.), строитель Ангкор-Тхома. Ученые считают, что Джаяварман идентифицировал себя с Локесварой: «Он был убежденным последователем буддизма, точнее его активной разновидностью — Махаяна, и Бодисатва Авалокитесвара — Милосердный, «Хозяин Мира», стал в годы его правления наиболее распространенным объектом поклонения».

Концепция Бодисатвы является центральной в буддийской школе Махаяна («Великая Повозка»). В основе ее лежит идея непрерывной эволюции души через несчетное количество возрождений до тех пор, пока не будет, наконец, достигнута свобода от жалкого эпизода материального существования:

«Бханте Нагасена, — сказал король, — есть ли такие, что умирают, не будучи рождены в иное существование?»

«Некоторые рождаются в иное существование, — сказал старший, — а некоторые не рождаются в него».

«Кто рождается в иное существование, а кто — нет?»

«Ваше Величество, тот, у кого осталась порча, рождается в иное существование; у кого не осталось — не рождается».

«А ты, бханте, будешь рожден в иное существование?»

«Ваше Величество, если у меня останутся какие-либо привязанности, то буду; если не останется — то не буду.»

Речь идет о том, что должна быть разорвана привязанность к «иллюзорному городу Самсара». Это — мир материальных форм, в котором душа обязана подвергаться инкарнациям до тех пор, пока через сознательное самоусовершенствование и отрешение она не достигает *самадхи,* «полной самособранности… наивысшей степени мысленной концентрации, которой личность может добиться, будучи еще привязанной к своему телу… предварительное условие возрождения — освобождение от цикла возрождений».

Достигнув этой стадии совершенства, не все души, однако, избирают путь в нирвану. Согласно махаянскому буддизму, есть такие (их и называют бодисатвами), которые из любви к своим братьям — людям самоотверженно откладывают свое преображение и претерпевают реинкарнацию вновь и вновь в материальном мире, где действуют в качестве учителей и вождей, показывая другим, как избегнуть «океана существования».

Бодисатва — это будущий Будда. Сидхарта, последний из Будд, который, как считают, жил примерно в VI веке до н. э., был, следовательно, Бодисатвой до своего просвещения («Будда» — это титул, а не имя собственное, и он означает «Пробужденный» или «Просвещенный»). Бодисатвы могут также инкарнировать, не становясь Буддами, например, если в какое-то время человечеству особенно потребуется помощь:

«Считалось, что между появлениями очередных земных Будд могут проходить тысячелетия. И чтобы не оставлять в этот период человека совершенно без помощи и поддержки в его стремлении сохранить чистоту доктрины, были изобретены небесные Бодисатвы…»

Несмотря на определенные различия, существует и поразительное сходство между «небесными Бодисатвами» — вроде страждущего и милосердного Авалоки-тесвары — и индуистской концепции аватаров Вишну. В обоих случаях полностью самореализованное существо, бессмертное и «оснащенное», предпочитает инкарнировать среди людей, чтобы помогать им во время великого духовного и физического кризиса. Показателем того, сколь малы различия, является, например, тот факт, что индуисты считают самого Будду аватаром Вишну. Более того, и индуизм, и буддизм предусматривают еще одну дальнейшую инкарнацию — Кадки у индуистов и Майтрея у буддистов, — которая очистит мир от зла и распространит вновь чистые знания древних.

Звездное совокупление

Ангкор-Тхом — огромный священный комплекс множества сооружений, первостепенными из которых являются Пимеанакас, Бафуон и Вайон.

Пимеанакас — «Дворец неба» — был построен королем Сарьяварманом I (1002–1050 г. н. э.). Это высокая ступенчатая пирамида, прямоугольная в плане (35x28 метров у основания), внешне напоминающая, как нетрудно заметить, ступенчатые пирамиды майя.

Мы поднялись на монумент по крутой, но почти не пострадавшей западной лестнице, ведущей к расположенному на вершине святилищу, открытому небу и ветрам. Легенда гласит, что именно здесь происходило некогда необычное совокупление богоцаря и змея Нага.

Это предание было записано Чжоу Такуаном, предком китайского императора, в конце XIII столетия. Чжоу рассказывает, что в Пимеанакасе было «много всего удивительного, но из-за строгой охраны мне не довелось все это посмотреть». Что касается святилища, то, по его словам, это золотая башня, на вершину которой правитель взбирается каждую ночь. Все верят, что в башне обитает джинн, имеющий облик змеи с девятью головами, который является подлинным Владыкой всего королевства. Каждую ночь этот джинн превращается в женщину, с которой монарх совокупляется. Сюда не могут входить даже жены короля.

Король выходит отсюда во время второй стражи и может затем спать со своими жёнами и наложницами.

Эту странную историю часто приводят как пример примитивного суеверия и бессмыслицы. Но если вспомнить, что короткая ось Пимеанакоса направлена точно вдоль меридиана, с севера на юг, то напрашивается и другой вариант. Может быть, пресловутое «совокупление» короля со змеей есть не что иное, как метафора, означающая астрономическое наблюдение змеевидного созвездия Дракона?

Тем более что мы знаем из путевых заметок Чжоу Такуана, что в древнем Ангкоре было много «людей, которые разбирались в астрономии и могли рассчитывать движение солнца и луны». Из другого источника мы узнаем, что астрономию в Ангкоре называли «священной наукой». А еще из одного можно понять, что уничтожение астрономических книг и записей считалось преступлением, которое следовало «карать вечным проклятием». Поэтому нетрудно представить себе, почему Дракона стали именовать «Владыкой всего королевства», особенно если учесть, что его звезды определяли расположение храмов. Что же касается величественной башни Пимеанакаса, выставленной точно по меридиану, который делит пополам небо над головой наблюдателя, то это было бы самое подходящее место, откуда король-астроном мог бы наблюдать северное созвездие Дракона (даже и в наши дни большинство астрономических обсерваторий ориентированы таким же образом).

Предания рассказывают также об основателях камбоджийской цивилизаций, полубогах Каундинья и Камбу, живших в мифические времена еще до начала истории. Они прибыли на лодках из-за моря, причем порознь. Когда Каундинья попытался сойти на берег, на него напала прелестная принцесса Нага, которую он победил и на которой затем женился.

Подобным же образом история Камбу также заканчивается женитьбой на дочери короля Нага: «Камбу женился на ней и основал королевство в речной долине. Народ его получил название «Камбоджа», или «дети Камбу». В дальнейшем это слово трансформировалось в Камбоджу.

С самого начала не исчезает ощущение, что сам «фундамент» Ангкора с его священными храмами и лично богоцарем постоянно аллегорически «связан» с участком неба, где расположено змеиное созвездие Дракона.

Насколько случайно, что почти аналогичная система идей, хотя и связанная с другим созвездием, существовала и в Древнем Египте, хотя и во времена Древнего Царства?

Вот как эта система выглядит в изложении «Текстов Пирамид» (речь 366), где фараона призывают отожествить себя с созвездием Ориона, небесным аналогом верховного бога Осириса, а затем «совокупиться» с Сотис (то есть с Сириусом), звездной ипостасью его бессмертной сестры — богини Исиды: «Твоя сестра Исида идет к тебе, радостно предвкушая любовь твою. Ты помещаешь ее на свой фаллос и изливаешь свое семя в нее — вот она уже Сотис».

В *«Тайне Ориона»* Роберт Бьювэл представляет убедительное свидетельство того, что фараоны Древнего Царства могли участвовать в символическом представлений этой сцены, которое осуществлялось внутри Великой пирамиды. Он показывает, что южная шахта Камеры Царицы, нацеленная на место прохождения Сириусом меридиана в 2500 г. до н. э., вполне могла быть специально спроектирована для того, чтобы играть роль в этом «звездном совокуплении».

Мы подозреваем, что то, что происходило в меридиональной камере на вершине пирамиды Пимеанакас в Ангкоре, не слишком отличалось от описанного выше — то же символическое «совокупление» богоцаря с астрономической партнершей, на этот раз не с Сириусом, звездой Исиды, а с Драконом, созвездием небесного змея Нага.

Совсем не обязательно, чтобы при этом имелся в виду довольно экзотический и, вообще говоря, трудно осуществимый акт между людьми и звездами, в который могла наивно верить

только примитивная аудитория. Скорее уж (по крайней мере, для посвященных, а не для толпы) речь могла идти о слиянии идей неба и земли. Посредством такого, причем длительного, единения посвященный мог надеяться развить свой интеллект до такой степени, чтобы с полным основанием, наконец, объявить: «Я владею небом, его столпами и его звездами… Я — змея из множества колец; я — писец книги божьей, который говорит о том, что существует и осуществляет то, чего нет».

Наверху — как внизу

Покидая Пимеанакас, мы пошли в южном направлении к Бафуону, горе-пирамиде короля Удайядитьявармана II (правил с 1050 по 1066 г.). Это сооружение покоится на прямоугольном основании размером 150x90 метров, его высота превосходит 50 метров. Его внешний вид произвел особенно сильное впечатление на Чжоу Такуана, описавшего его как «башню из бронзы, совершенно потрясающее зрелище, в основании более десятка помещений».

Сердцевиной пирамиды служит внушительный искусственный курган из утрамбованного грунта, на вершине которого некогда стоял массивный храм — святилище Шивалинги. Снова мы встречаемся с очевидными параллелями: вспомним «Высокий Песок» в Гелиополисе — холм Атума, увенчанный храмом Бенбена со священным обелиском.

«Бафуон разрушился еще в древности, поскольку земле не дали как следует слежаться. Строительство и укладка массивных тяжелых каменных блоков происходили с чрезмерной поспешностью. Несколько лет все было нормально… Затем стали появляться зловещие трещины. Подпорки не смогли удержать здание, и его ужасный вес ускорил его гибель».

Несмотря на эту катастрофу, центральная часть монумента сохраняет явно выраженную форму пирамиды, которая была задана при ее постройке, чтобы сделать ее «уменьшенной копией горы Меру». И, подобно горе Меру, объясняет французский востоковед Жорж Кодэ, Бафуон обязан был иметь «подземную часть, простирающуюся вглубь настолько же, насколько видимая часть поднимается в небо».

Теперь сопоставьте это со словами римского путешественника Элия Аристида, который посетил Египет во II веке н. э.:

«С восхищением глядим мы на высоту пирамид, но не знаем, что нечто равное и противоположное по направлению находится под землей, Я говорю о том, что узнал от жрецов».

Таким образом, в Ангкоре и Ризе с пирамидами связана одна и та же идея, а именно, что основание этих монументов уходит под землю на столько же, насколько поднимаются над ней их вершины — или даже, что каждая видимая пирамида стоит на «равной ей и противоположной» пирамиде, невидимой под землей.

Так есть ли смысл говорить о том, что такие оригинальные идеи могли зародиться «независимо и спонтанно» в этих удаленных друг от друга центрах древней культуры?

В своем исследовании мифов Джордже де Сантильяна и Герта фон Дехехенд делают вывод, что любая «совокупность неожиданных идей», обнаруженная в предположительно несвязанных преданиях, должна как минимум пробуждать любопытство. «Как ни велик источник миротворчества, — отмечают они, — имеются определенные морфологические указатели на неслучайный характер такого рода проявлений».

Семьдесят два

Многим путешественникам и ученым, изучавшим Ангкор известно, что в его монументах заложена определенная численная символика и что некоторые числа встречаются постоянно. Но пока Сантильяна и фон Дехехенд не расшифровали «код прецессии», ни у кого не было ни малейшего представления о том, что эти числа означают. Ими или просто пренебрегали, или считали, что они означают *«одержимость магией чисел и стремление облагородить, придав художественные формы, доисторические суеверия. Похоже, что кхмеры рассуждали таким образом: если воздвигнуть одну статую Вишны — хорошо, то в пятьдесят раз лучше воздвигнуть пятьдесят статуй…»*

На самом деле, их бывало не 50, а 54 (либо 72, 108, 216 и.т.д.): — казалось (бы, незначительное уточнение, если только ничего не знать о том, каким рядом чисел воспроизводили космический цикл прецессии древние культуры. К сожалению, даже сегодня удивительные открытия *«Мельницы Гамлета»* плохо воспринимаются академическими учеными. В результате многие очевидные и важные прецессионные параметры монументов Ангкора рассматриваются весьма редко, разве что в туманных сугубо научных статьях.

Поэтому мы не можем винить Уилбура Б. Гаррета, редактора журнала *«Нейшнл Джиогрэфик»,* не обратившего внимание на потенциальную важность статистики, которая проглядывает несколько раз в специальном отчете, посвященном Ангкору, который он опубликовал в мае 1982 г. При том, что он сам отмечает в предисловии в этому отчету, что «всего в Ангкоре существует 72 основных каменных и кирпичных храма и памятника».

Тот факт, что в этом комплексе существуют именно 72 сооружения и что там неоднократно используются и другие числа из прецессионного ряда, такие, как 54 и 108 (не говоря уже о том, что он расположен на 72 градуса долготы восточнее Гизы), на наш взгляд, должно наводить на мысль о наличии некоего общего плана. Более того, если такой проект действительно существовал, его должны были придерживаться на протяжении всего цикла, *от начала до самого конца* исторически изолированной фазы сооружения храмов в Ангкоре, которая внезапно началась с приходом к власти Джаявармана II в 802 г. н. э, и столь же резко окончилась со смертью Джаявармана VII в 1219 г.

Проект

<?>

В своей книге, изданной в 1963 г., польский ученый Мирослав Краса утверждает, что «спустя столетия после открытия Ангкора его тайны больше не существует». С этим заявлением с удовольствием бы согласилось большинство академических авторитетов, и действительно, сегодня многое известно о храмах и их строителях. Тем не менее, некоторые весьма важные и, как представляется, отчетливо заметные элементы головоломки остаются пока абсолютно нерешенными. К ним относятся:

1. Почему в Ангкоре в начале IX века н. э. внезапно возник священный анклав.

2. Почему он развивался столь методично и усердно, с такими большими затратами, на протяжении 420 лет.

3. Почему этот грандиозный и беспрецедентный взрыв храмостроительства, превосходящий по масштабам и качеству все, что имеется в Индии, произошел в глубинке, в сельской Камбодже.

4. Почему всякое строительство новых храмов резко прекратилось в Ангкоре в XIII веке со смертью Джаявармана VII и уже больше никогда не возобновлялось — хотя жизнь в комплексе сохранялась по меньшей мере до XVI века.

Объясняет все эти загадки гипотеза, согласно которой строители Ангкора работали по некоему поступившему извне единому проекту, который они по каким-то причинам должны

были претворить в жизнь в течение определенного отрезка времени. Существование аналогичного проекта в Гизе в 2500 г. до н. э. также могло бы объяснить тайну внезапного возникновения великих египетских пирамид и связанных с ними более мелких сооружений в Саккаре с «Текстами Пирамид». Эти огромные культурные достижения IV, V и VI династий не имели ни прецедента, ни последующих аналогов. И точь-в-точь как пирамиды, храмы, барельефы и надписи в Ангкоре, они были завершены в течение примерно 420 лет (с 2575 по 2152 г. до н. э.).

Джаяварман II мог привезти этот проект с собой, когда прибыл в Камбоджу «из-за морей» в 800 г. Либо он мог получить его от ученого брамина, «искусного в магии», который посвятил его в богоцари в 802 г. Мы можем только строить предположения. Его сорокалетнее «кружение» вокруг площадки, как и поведение последующих монархов, согласуется с осуществлением проекта. В общем, такое впечатление, что каждый из кхмерских властителей вносил вклад, соответствующий его собственным возможностям: одни ограничивались единичным храмом, построенным в том или ином месте, другие — особенно это относится к Сурьяварману II и Джаяварману VII — возводили на протяжении сравнительно короткого отрезка времени целую череду крупных монументов. К тому же мало кому из этих монархов удавалось насладиться миром: большинство было вынуждено защищать свои границы от вторжения враждебных варварских орд и одновременно продолжать возводить в пойме Меконга в соответствии с предписанием 72 крупных сооружения, которые позволили справедливо назвать Камбоджу землей, «Подобной небу».

На благо человечества

Жизнь и труды Джаявармана VII заслуживают особого изучения. На протяжении 38 лет своего правления он целеустремленно и энергично возводил не только огромную стену, ограждающую Ангкор-Тхом, но и храмы Та-Пром, Бантей-Кидей, Неак-Пеан, Та-Сом, Сра-Сранг, так называемую Террасу Слонов и Террасу Прокаженного Короля (обе — на территории Ангкор-Тхома), Крол-Кро, Пра-Палилай, Прасат-Суор-Прат, Пра-Хан и, последним по порядку, но не по значению, Байон.

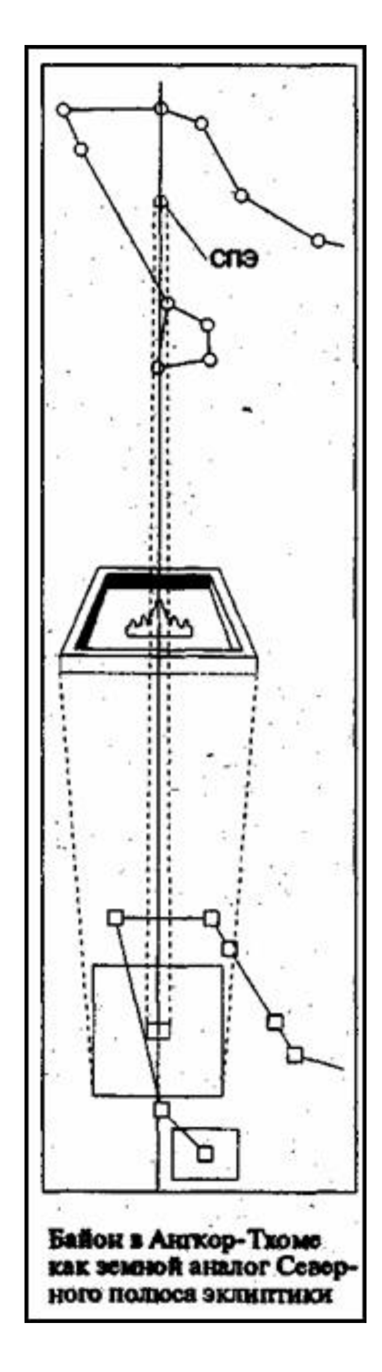
Можно понять ученых, которые объявляют Джаявармана мегаломаном, а побудительным мотивом его гаргантюанской строительной программы — сладкий зов гипертрофированного эго: «неисчерпаемая сила воли на службе мании», как выразился один критик. Однако среди его сооружений так много тех, которые соответствуют основным звездам созвездия Дракона, что вряд ли это можно было бы объяснить простой случайностью. Кроме того, несколько объектов являются земными отражениями приметных звезд из соседнего созвездия Малой Медведицы — причем в таком положении, которое они занимали на рассвете в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э.

Комплекс сооружений, возведенных Джаяварманом VII и отображающих небо на земле, включает в себя Ангкор-Тхом, Та-Пром (1186 г.), Бантей-Кидей (который считают самым ранним из его храмов), Неак-Пеан, Та-Сом, Сра-Сранг, Пра-Хан (1191 г.) и самый последний — яркий и внушительный Байон, завершенный в 1219 г. непосредственно перед его смертью.

Современные историки, объясняющие эту лихорадочную строительную программу мегаломанией, называют ее «строительной оргией с коротким, но насыщенным периодом титанической, почти сумасшедшей архитектурной активности». Хотя в надписях, которые мы цитировали в предыдущих главах, Джаяварман выглядит совсем не эгоцентричным психом. Напротив, он ясно говорит, что его храмы были частью грандиозного плана, цель которого — добыть «амброзию бессмертия» для «всех тех, кто борется в океане существования». Известно также, что он считал монументы Ангкора эффективным инструментом в этом поиске, благодаря их особым свойствам «мандал разума».

Поэтому нельзя исключить возможность того, что этот замечательный монарх мог, на благо человечества, взвалить на себя бремя завершения в течение своего царствования сооружения священной «мандалы» неба вокруг Дракона, унаследованное им от предшествующих богоцарей. Они же, в свою очередь, получили планы мандалы из неизвестного источника во времена Джаявармана II.

Имеются, правда, кое-какие намеки относительно природы этого источника. Читатель помнит о надписях, связанных с правлением Джаявармана II, в которых говорится о существовании группы мудрых людей — «браминов», «мудрецов», «жрецов-астрономов», «тайных учителей неба», — знавших, как проводить инициацию и «создавать королей». Если целью всей строительной программы Ангкора было выполнение некоего плана такого мощного закулисного братства, и Джаяварман VII, «преисполненный глубокой симпатией к благополучию мира», действительно расставлял по местам последние храмы, предусмотренные этим проектом, то это могло бы объяснить «тайну», почему строительная программа так резко прекратилась после его смерти. Все очень просто: схема «небо-земля» была завершена, строить больше было нечего.

Байон в Ангкор-Тхоме как земной аналог Северного полюса эклиптики

«Этот бесконечно таинственный храм...»

Если спроектировать на землю карту звездного неба образца 10 500 г. до н. э., то окажется, что стена Ангкор-Тхома очерчивает сердце змеиного созвездия Дракона. В самом геометрическом центре этого контура, где пересекаются его диагонали, маячит Байон, признанный наивысшим архитектурным достижением Джаявармана VII, от которого прямо-таки захватывает дух.

Случайно ли на фоне общего небесного плана храмов «сердце» Дракона, отмеченное Байоном, точно совпадает с местонахождением северного полюса эклиптики? Читатель помнит, что это точка неба, вокруг которой в результате Прецессии обращается северный небесный полюс, со скоростью полградуса каждые 36 лет, три четверти градуса за 54 года,

градус за 72 года и 30 градусов за 2160 лет. Самая примечательная архитектурная особенность Байона — приземистой ступенчатой пирамиды, которая стоит на плечах намного более старого, но пока не раскопанного сооружения, — это то, что он окружен 54 массивными каменными башнями, на каждой из которых, как над входами в Ангкор-Тхом, высечены четыре гигантских лица Локесвары («в египетском стиле»), ориентированные на север, юг, восток и запад, что в целом составляет 216 лиц. Согласно Жану Бусселье, бывшему директору Национального музея в Пном-Пене, у этих лиц «типичное выражение буддиста в «активном состоянии ума», которое в священных книгах именуют *брамавира* — «вещи, угодные Браме», — «возвышенное состояние, ведущее разум к благотворительности, состраданию, радости и спокойствию».

Французский путешественник Пьер Лота, посетивший Ангкор в сезон дождей в 1901 г., рассказывал о Байоне:

«Чтобы добраться до храма, нам приходилось палками прокладывать себе дорогу в невыразимой путанице свисающих плетей ежевики и ползущих растений. Лес окружает храм со всех сторон, давит и душит его; чтобы довершить разрушение, огромные «смоковницы руин «пустили свои корни повсюду, до самых верхушек башен, которые служат им пьедесталом…

Мой проводник — камбоджиец настаивает, чтобы мы уходили. Он говорит, что на наших экипажах нет фонарей, и необходимо вернуться до часа тигра. Ну, что ж, поехали. Но мы еще вернемся к этому бесконечно таинственному храму.

Однако, прежде чем уйти, я поднимаю голову, чтобы посмотреть на башни, возвышающиеся надо мной, утонувшие в зелени, и вдруг меня бросает в дрожь от непонятного страха, когда я чувствую обращенную ко мне с высоты улыбку гиганта; за ней, после куска стены — еще одна; их уже три, пять, десять. Они возникают повсюду, и я чувствую, что окружен со всех сторон четырехлицыми башнями. Несмотря на предупреждение, я совершенно забыл о них. Эти повисшие в воздухе маски настолько отличаются от нормальных человеческих лиц своими размерами, что требуется одна-две секунды, чтобы оценить, где они реально находятся по отношению к вам. Под большими приплюснутыми носами прячется улыбка, веки полуопущены, выражение неописуемо…»

В1912 г. французский дипломат и писатель Поль Клодель посетил Ангкф и описал Байон в своем журнале как «одно из самых проклятых и зловещих мест, какие я знаю… Я вернулся больным…» Но Клодель, который умер в 1955 г., был человеком чрезмерно жестких взглядов на то, что является духовной истиной; он страстно верил, что догматы католической церкви и безусловная вера в Христа есть единственный путь к спасению. Возможно, это его состояние проистекало из интуитивного ощущения, что здесь, в темном и жутком храме, он сталкивается с проявлением великой духовной силы, которая недоступна его пониманию.

Байон всегда мыслился как инструмент преобразования, трансформации; в этом не может быть сомнения, если вспомнить, что его название происходит от «па янтра», «отец» или «хозяин» *янтры.* Это санскритское слово, дословно означающее «инструмент», есть по сути разновидность мандалы: «диаграмма, используемая для подкрепления медитации… Составляющие янтры ведут верующего по ступеням к просветлению…»

Мы подозреваем, что те, кто полностью понимал монументы Ангкора, относились не к верующим, а к адептам, посвященным в забытую систему космической мудрости, которые приходили в Байон в поисках постижения конечных тайн. Пройдя этап усердной учебы, они, конечно, уже были к этому моменту «оснащены», чтобы «спуститься на любое небо», то есть выполнять прецессионные расчеты, позволяющие им наглядно представить положение важнейших звезд в прошедшие эпохи.

По-видимому, они уже задолго до этого сознавали, что топография монументов Ангкора призвана привлечь их внимание к району неба вокруг небесною северного полюса, особенно,

как мы видели в предыдущих главах, к звездам в созвездиях Лебедя, Малой и Большой Медведиц, Северной Короны и Дракона… Особенно Дракона. С тем, чтобы открыть столько всего, им требовалось мысленно вернуться (как нам с вами) к весеннему равноденствию в 10 500 г. до н. э. (хотя, конечно, они пользовались иным летоисчислением). И они должны были представить, как наблюдатель, который в момент восхода смотрит на север, становится свидетелем идеального совпадения расположения звезд на небе и храмов на земле, когда меридиан совпадает с меридианом.

В ходе этого мысленного «прокручивания звезд в обратную сторону» до полного совпадения посвященные должны были неизбежно почувствовать то, что мы сегодня легко наблюдаем на экранах компьютеров — медленное, циклическое вращение небесного северного полюса вокруг «сердца» созвездия Дракона, то есть северного полюса эклиптики. У этого «сердца», абстрактной точки в пространстве, есть свой земной аналог — великая пирамида Байона, монумент, поднимающийся тремя террасами от квадратного основания со стороной 80 метров и имеющий необычное круглое центральное святилище на высоте 45 метров над поверхностью земли.

Кодэ справедливо называет Байон «мистическим центром Кхмерской империи», в то время как Бёрнар Гросльe именует его *«омфалосом* (пупом) каменного космоса Ангкора», а Джон Одрик отмечает, что по сей день ходят упорные слухи об огромных сокровищах, спрятанных в нем давным-давно*2*. Это вовсе не обязательно золото или самоцветы. Ими вполне может быть знание, *гнозис,* тот эликсир, который истинные посвященные должны искать во всех странах, во все эпохи, если собираются обрести жизнь длиной в миллионы лет…

Хранители времени неба

Древние египтяне представляли себе созвездие Дракона не в виде собственно дракона или змеи, а в виде другой чудовищной рептилии — крокодила, которого ухитрялись дополнять чертами гиппопотама и льва. Результатом явилось астрономическое божество по имени Таверет, которое упоминается в «Текстах Пирамид», довольно часто появляется в *«Книге Мертвых»* занимает центральное место в замечательном «круглом зодиаке» храма Дендера в Верхнем Египте.

Особенно интересным в этой обманчиво простой звездной карте, которую мы частично уже обсуждали в главе 3, является то, что на ней не только правильно показано положение созвездия Дракона относительно Малой Медведицы (которую древние египтяне знали под именем «Шакал») и Большой Медведицы («Бедро»), но и то, что, согласно французскому математику А. Шваллеру де Любичу, там показан полюс эклиптики, «расположенной в сердце бегемота, или созвездия Дракона». Шваллер отмечает, что мифологические фигуры в Дендере, которые обозначают зодиакальные созвездия, выстроены не в один круг, как можно было бы ожидать, а в два: «один вокруг небесного северного полюса, а второй — вокруг северного полюса эклиптики», причем с заметным смещением от центра по спирали. Таким способом, подчеркивает Шваллер, этот зодиак ясно выражает знание того, что происходит в небе, когда небесный северный полюс постепенно прецессирует вокруг полюса эклиптики.

Ряд ученых обращал внимание на то, что по своим характеристикам крокодил-лев-бегемот Таверет идентичен Аммиту, ужасному «Пожирателю Мертвых, который присутствует при взвешивании сердца в Зале Суда Осириса. Этот гибрид, как подтверждает доктор Стефен Кверне, начальник отдела египетских древностей Британского музея, совмещает в себе «трех прожорливых животных, которые [традиционно] присутствовали в египетском формальном изобразительном искусстве: голова крокодила, передняя часть льва и задняя часть бегемота».

В итоге со всех точек зрения чудовище в сцене судилища это и есть «Дракон, олицетворяющий уничтожение души, так же, как Осирис олицетворяет воскрешение и возрождение. Но есть и странная двойственность, сродни той двойственности, что мы встречаем в древнеиндийских текстах о змеях Нагах, которые бывали то опасными, то великодушными. Так и у древних египтян: хотя Дракон в облике Аммита считался прожорливым и безжалостным истребителем, в варианте Таверета он являлся милостивым проводником и защитником душ и покровителем деторождения. И столь сильным было это положительное восприятие Дракона, что амулеты с Таверетом часто помещали в древнеегипетские гробницы, чтобы «защитить возрождение умерших в [Осирисовом] царстве мертвых».

Ощущение какой-то неясной связи между функциями Ориона-Осириса и Дракона-Таверета-Аммита подкрепляется египетскими преданиями, в которых крокодил подплывает по Нилу к Осирису (после того, как последнего утопил Сет) и выносит на своей спине его тело на берег.

В некоторых вариантах легенды Осирис сам описывается как «великий Дракон», лежащий на песке, в то время как в других встречается символика более близкая к Ангкору; там мы читаем, как бог превратился в змею, когда прошел на тот свет. В *«Книге Мертвых»* даже сообщается, что «Владыка Дуата» Осирис обитает во дворце, стены которого — «живые кобры».

Такого сорта идеи хорошо согласуются с небом во время весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э. — небом, которое несет на себе отпечаток какого-то странного геральдического устройства.

Если посмотреть в момент восхода солнца на запад, то, согласно нашему компьютеру, Водолей только что сел, а за ним следуют Рыбы.

На востоке собирается восходить Лев и тянет за собой Солнце.

На юге, оседлав меридиан, стоит гигантская фигура Ориона-Осириса, известного в Древней Индии под именем «Кал-Пуруш» — «Человек-Время». В древнеегипетской *«Книге Мертвых» он* так говорит о себе:

«Я — Время и Осирис. Я обратился в подобие различных змей».

Оседлав меридиан на севере, лицом к Ориону находится небесный Дракон, или змея, или крокодил, или бегемот — тайный страж северного полюса эклиптики.

Легко заметить, как перекликаются с точки зрения древних поведение и космические функции Ориона и Дракона. Это, кстати, подтверждается и научными наблюдениями, констатирующими их связь посредством великих космических качелей прецессионного цикла, которые раскачиваются вверх-вниз подобно маятнику Времени. Охватывающая тысячи лет компьютерная имитация показывает нам, как с подъемом Ориона на южном меридиане неуклонно опускается Дракон на северном. Когда Дракон достигает крайнего нижнего положения, Орион достигает крайнего верхнего. Затем начинается вторая половина цикла, когда Дракон поднимается, а Орион опускается. Движение «вверх» длится чуть меньше 13 000 лет, столько же длится движение «вниз». Так и продолжается — вверх-вниз, 13 000 лет — туда, 13 000 — обратно, в соответствии с собственными вечными целями и законами.

Особенно интригует то, что небесно-земные планировки Ангкора и Гизы зафиксировали *наивысшую точку* траектории Дракона и *наинизшую* — Ориона, иначе говоря, конец одной половины цикла прецессии и начало другой. Это наблюдалось, как мы знаем, около 10 500 г. до н. э.; в эту эпоху северный полюс эклиптики находился точно к северу от небесного северного полюса на рассвете в день весеннего равноденствия, и тогдашнее расположение звезд было принято за образец для размещения на Земле монументов Ангкора и Гизы.

Тот золотой век давно минул. С тех пор мешалка прецессии успела повернуть небесный полюс на половину окружности относительно полюса эклиптики. Маятник Ориона-Дракона качнулся почти до предела в противоположную сторону, и сегодня Дракон находится вблизи наинизшей точки, а Ориона — наивысшей.

Иными словами, как в 10 500 г. до н. э., стоящие у врат бессмертия часы небесного времени[4] готовы начать обратный отсчет. Всякий, кто знаком с герметической формулой «внизу, как наверху», должен воспринимать эту ситуацию как знак того, что грядут великие перемены; будут они к лучшему или худшему — зависит в значительной степени от собственного выбора и поведения человечества.

Часть IV
ТИХИЙ ОКЕАН
Глава 12
ОСКОЛКИ РАЗБИТОГО ЗЕРКАЛА

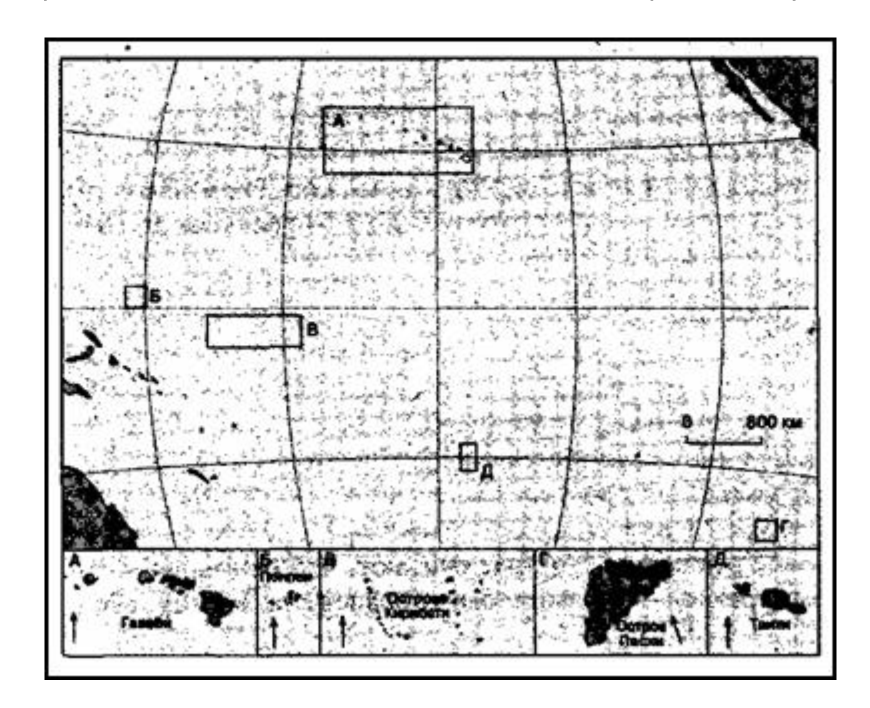
Камбоджа расположена на западной окраине самого большого океана на Земле — Тихого. Поскольку монументы Ангкора разместились на 72 градуса долготы восточнее Гизы (а это важное прецессионное число), у нас возник естественный вопрос: нет ли каких-либо иных объектов, с геодезической привязкой по такому же принципу?

План острова Нан-Мадол

Из прецессионных чисел в Ангкоре чаще всего встречается 54–54 башни Байона, 54 дэва и 54 асура по сторонам дорог, ведущих в Ангкор-Тхом. Поэтому крайне любопытно, что именно в 54 градусах восточнее Ангкора в Тихом океане находится в высшей степени необычный и таинственный археологический объект неизвестного происхождения и назначения. Название этого объекта — Нан-Мадол; он состоит примерно из сотни искусственных островов, сложенных из базальта и коралла, которые находятся в синих водах лагуны к юго-востоку от микронезийского острова Понпеи.

Нан-Мадол обладает рядом черт, которые роднят его с Ангкором. Ученые считают, что основная часть островков — храмов была возведена между 820 и 1250 гг. н. э. — то есть в период расцвета Ангкора; кроме того, обнаружены следы более раннего слоя застройки — опять же, как в Ангкоре. Самое крупное из местных сооружений, Нан-Дувас, ориентировано по сторокам света, причем главный вход обращен на запад. Как и подобает классической «мандале», оно окружено двумя концентрическими стенами, между которыми — ров, заполненный морской водой; в центре сооружения — пирамидальный курган. Стены достигают в высоту 7,6 метра и сложены из блоков — мегалитов из кристаллического базальта; некоторые из них весят 50 тонн и имеют более 6 метров в длину.

Сложная система каналов, прорытых из лагуны, является частью общей планировки Нан-Мадола и вызывает в памяти километры каналов и рвов, которыми расчерчен ландшафт Ангкора. В то время как храмы Ангкора воспроизводят небесный образ созвездия Дракона, жители Понпеи помнят легенду, согласно которой каналы, разделяющие их храмы, были некогда прорыты «драконом», который предложил свою помощь Олосопе и Олосипе, двум мифическим основателям города.

Утверждают, что братья Олосопа и Олосипа были «Ани-Арамач», первобытными богоцарями, которые прибыли на лодках «с запада» и привезли с собой «священную церемонию», которую ввели на своей новой родине с помощью мудрых волшебников. Кстати, вспомним, что король Джаяварман II прибыл в Камбоджу на лодке из таинственной страны «Короля Горы», привезя с собой тоже священную церемонию, которую он ввел с помощью мудрых браминов, «искусных в волшебстве».

Отличительной чертой правления Джаяварманa был метод, которым он пользовался при изучении и разметке строительной площадки Ангкора. Читатель помнит, что в ходе этого процесса он основал три временных столицы (Харихаралайя, Амарендрапура и Пном-Кулен), постоянно передвигаясь, как выразился Жорж Кодэ, «подобно хищной птице, парящей над землей», «описывая большой круг вокруг будущего Ангкора…»

Так вот, предания об Олосопе и Олосипе сообщают, что эти «мудрые и святые люди» построили, а затем покинули четыре столицы на Понтеи; первую в районе Сокес на северо-западе острова, вторую в Неге, третью в Ю, а четвертую — в месте с труднопроизносимым

названием Мадоленимв. Существование этих столиц подтверждается археологами; судя по карте, их размещение не было случайным, а перенос происходил в направлении по часовой стрелке, то есть с северо-западной стороны острова на север, а затем на северо-восток и юго-восток.

Карта Понпеи. Показано последовательное перемещение по часовой стрелке столицы острова

Место, где «стрелка», наконец, остановилась — Нан-Мадол, — традиционно было известно под названием «Саунхленг», или «Риф гавани». Олосопа и Олосипа выбрали это место после того, как взобрались на вершину высокой горы, с которой обследовали остров. С этой позиции, глядя в синеву Тихого океана, «они увидели под водой город и восприняли это как знак того, что свой город им следует строить на этом месте. И они построили Нан-Мадол как «зеркальное отражение» его затонувшего собрата».

Затонувший «город богов» под «Рифом гавани» называется Ханимвейсо, и он совсем не вымышленный. В ходе работ по сохранению археологического наследия, возглавляемых доктором Артуром Саксом из Университета штата Огайо, была проведена подробная топографическая съемка значительных участков Нан-Мадола, которая подтвердила существование многочисленных подводных развалин, в том числе расположенных на очень больших глубинах. Большинство их к настоящему времени обнаружено с востока, а некоторые — с юга от массивных волноломов, окружающих Нан-Дувас; в их числе группы высоких столбов или колонн высотой до 8 метров, плоские пьедесталы которых стоят на подводных склонах острова.

Город из базальта

Понпеи — небольшой, довольно необычный и красивый остров, имеющий в плане почти круглую форму, причем диаметр его не превышает 20 километров. Его внутренняя часть, круто поднимающаяся по направлению к нескольким горам высотой около 800 метров, густо покрыта лесом, а берега — мангровыми зарослями. Остров окружен почти непрерывным коралловым рифом, в котором имеется несколько проходов к открытому морю.

Мы добрались до Нан-Мадола в лодке-плоскодонке с двумя мощными подвесными моторами. Скользя по бирюзовой глади с внутренней стороны рифа, мы миновали зеленые склоны, столовые горы с плоской вершиной и странные пирамидальные холмы. Один из них, двуглавый Такиун-Пик, особенно потрясает; подумалось, не здесь ли был наблюдательный пункт Олосопы и Олосины, когда они первый раз увидели легендарный подводный город Ханимвейсо.

Мы миновали обломки китайского рыболовецкого судна, которое выбросил на мель недавний тайфун. Потом мы подошли к островку Накапу и увидели ряды базальтовых глыб, расположенные с равными промежутками вдоль берега и уходящие под воду в западном направлении, где находится Нан-Мадол. И, наконец, мы пересекли бухту Накану и подошли к странному волнолому, имеющему форму трех сторон пятиугольника, который окружает великий храм Нан-Дуваса. Глыбы, из которых сложен волнолом, огромны; согласно местной легенде, они были доставлены сюда магической силой Олосопы и Олосипы.

Мы заглушили моторы, лодка заскользила по инерции и остановилась у волнолома. Мы протащили ее по мелкому, выложенному камнями проходу и оказались в бухте, которую защищал лабиринт стен, сложенных из могучих глыб. С запада на бухту смотрело необычное сооружение Нан-Дуваса, поднимавшееся из зеленого купола джунглей. Его кладка, где чередовались ряды базальтовых блоков то грубо отесанных, то правильной формы, имела цвет где-то между черным и темно-красным и буквально подавляла своей массивностью. На углах, правда, стены становились светлее, а кладка поднималась вверх, словно острые носы идущих в море лодок.

Первое наше впечатление никогда потом не менялось: Нан-Дувас — место жутковатое и какое-то заколдованное. Большинство понпейских жителей не любят посещать его, даже днем, а уж с наступлением темноты — ни при каких обстоятельствах.

Считают, что здесь хозяйничают духи.

Путешествие после смерти

Мы вошли в Нан-Дувас через западные ворота, пройдя последовательно через ряд геометрических дворов, окружающих сердце храма. Точно, как в Ангкор-Вате, дворы эти охватывают друг друга, и каждый ведет на более высокий уровень. На самом верху мы подошли к святилищу, полуподземному прямоугольному помещению, вырубленному примерно на глубине полтора метра и перекрытому сверху пятитонными базальтовыми блоками.

Со всех сторон вокруг Нан-Дуваса расположены выложенные огромными блоками мелкие каналы, разделяющие сотню искусственных островов священного города Нан-Мадола. Мы обследовали эти каналы, но не обнаружили других храмов и сооружений, которые сохранились бы так же хорошо, как Нан-Дувас. Некоторые почти полностью скрылись под водой и в мангровых зарослях.

Каково было назначение этого, некогда крупного священного комплекса?

Доктор Руфинио Маурисио, понтейский археолог, получивший образование в США, изучает этот вопрос более 20 лет. Он сказал нам, что храмы Нан-Мадола связаны с древними местными верованиями в жизнь после смерти. В соответствии с этими верованиями, которые удивительно близки древнеегипетским, душа должна совершить опасное посмертное путешествие, во время которого ей предстоят многочисленные испытания. В Египте это путешествие происходит в Дуате, в небе; в Понпеи преисподняя находится под волнами — даже, возможно, в Ханимвейсо, подводном городе. Есть основания полагать, что храмы Нан-Мадола, подобно пирамидам Гизы, построены как физические модели, копии — «зеркальные

образы» — загробного мира; возможно, их назначение — служить местами подготовки, инициации для будущего испытания души.

Мы несколько раз погружались с аквалангом в глубины залива к востоку от волнолома Нан-Дуваса, надеясь обнаружить подводный город Ханимвейсо, в который, согласно легенде, можно попасть только через проход, охраняемый двумя чудовищными акулами.

Первый раз мы ныряли с лодки в южной части залива. Вода была теплая и мутная. Мы быстро опустились на глубину почти 40 метров и поплыли вдоль дна. Видимость была на редкость плохая, все было, как в густом тумане, мы плыли практически на ощупь с полчаса, но ничего не нашли.

Поднявшись на поверхность, мы подплыли на лодке к волнолому Нан-Дуваса, почти к самому проходу. Погрузившись на глубину 3 метра или того меньше, мы обнаружили, что дно сплошь устлано разбросанными булыжниками и плитами из кристаллического базальта. Они явно оказались здесь во время сооружения волнолома.

Чуть дальше в открытое море дно круто уходило вниз на глубину более 30 метров. Отплыв к северу, мы увидели две колонны из тех, что обнаружили археологи. Покрытые толстым слоем разноцветных кораллов, они поднимались из тьмы к свету, тянулись к поверхности, словно пальцы.

Эти колонны — часть подводного города Ханимвейсо. Но здесь есть один любопытный момент. Как отмечает Артур Сах, в легендах Понпеи рассказывается не об одном, а о «двух таких городах». Название второго — Ханимвейсо-Намхет. Говорят, что он находится «вне рифа» и вход в него находится в «глубоком и песчаном месте». Некоторые местные жители уверяли, что их затягивало туда во время охоты с копьями на черепах. В интервью американскому исследователю Дэвиду Хэтчеру Чайлдрессу один понпейский старейшина поведал странную историю:

«Несколько лет назад умирал один рыбак. Его дух отправился в город по ту сторону рифа, который тянется до Косраэ [высокий вулканический остров в 550 километрах к юго-востоку от Понпеи, на котором также имеются развалины мегалитических построек]*, потом вернулся в свое тело, рассказал людям, что видел, а потом умер».*

Можно рискнуть предположить родство слова «Намхет» с фонетически близкими ему древнеегипетскими словами *ах* («свет»), *аху* («преображенный дух») и особенно *ахет* («горизонт»). Последнее слово часто использовалось в качестве префикса в египетских географических названиях — например, в названии города Ахетатон и, разумеется, в выражении *Ахет-Хуфу,* «горизонт Хуфу» — одном из наименований некрополя Гизы. Поэтому очень соблазнительно порассуждать на тему о Ханимвейсо-Намхет. Поскольку в языке понпейцев *ханимвейсо* означает «город», не может ли полное название означать что-то вроде «город *ахет»,* город Горизонт?

Потоп

Понпеи — не единственный тихоокеанский остров, где названия, предания и религиозные верования имеют характерный египетский «аромат», а также не единственный, где бытуют легенды о затонувших у его берегов городах. Поэтому было бы ошибкой ожидать слишком многого от подобного материала. Тем не менее мы считаем необходимым особо отметить тот факт, что, согласно местным поверьям, Нан-Мадол «скопирован» с предшествовавшего ему «города богов» (который теперь находится под водой) и стоит прямо над прежним городом. С нашей точки зрения, эта концепция неотличима от концепции таких египетских храмов, как, например, храм Гора в Эдфу, которые также были «копиями прежних оригиналов, построенными на первобытных фундаментах, с целью осуществить возрождение

«прежнего мира богов». Кроме того, обратим внимание на то, что прежний, чудесный мир, который в «Текстах Строителей» Эдфу именуется «Отечеством Первобытных», находился на острове, поглощенном водами великого всеразрушающего потопа.

Мы уже однажды рассказывали о потопе, сметавшем все с лица земли в конце последнего ледникового периода, когда стали таять и отступать шапки материкового льда, покрывавшие километровой толщей север Европы и Северную Америку более 100 000 лет*1*. Во время этого периода быстрых изменений, который окончился около 9000 лет назад, уровень мирового океана, по оценкам геологов, поднялся более чем на 100 метров. Если эти оценки верны, то нетрудно представить, что в 10 500 г. до н. э., на который указывают астрономические корреляции Ангкора и Гизы, остров Понпеи мог выглядеть совсем иначе, чем в наши дни. Его коралловый риф — сравнительно молодое образование, которое сформировалось уже после подъема уровня моря, когда сложилась современная береговая линия.

Сам же остров — вулканического происхождения и состоит из твердого базальтового ядра (частью которого является господствующая гора в центре острова), поднявшегося над поверхностью Тихого океана. За пределами рифа склоны этой огромной подводной горы круто уходят в бездну, соединяясь где-то на глубине с затонувшим континентом.

Небесное чудовище убило Землю

Эпоха 10 500 г. до н. э. представляет большой интерес для ученых. За три тысячи лет до конца последнего Ледникового периода, но спустя уже много лет после начала великого таяния, катаклизмы на Земле, которые полностью изменили лицо планеты, *почти наверняка имели астрономическое происхождение.* Исследования палеомагнетизма подтверждают, что около 12 400 лет тому назад магнитные полюса Земли поменялись местами (поворот на 180 градусов!). Всего через 800 лет, в 9600 г. до н. э., Земля столкнулась (и это было не впервые) с обломками разрушившейся кометы. Согласно профессору Венского университета Александру Толману, «результатом последовавших за этим взрывов явилась цепь из дюжины индивидуальных катастроф, в том числе землетрясений, геологических подвижек, выбросов пара и приливных волн».

Наводит на размышление тот факт, что для эпохи в районе 2000 года, в которую мы живем, характерен ряд чрезвычайных астрономических и геологических явлений того же типа, которые наблюдались примерно 12 000 лет тому назад.

Особенно беспокоит то обстоятельство, что в течение последних 2000 лет продолжается безжалостная деградация магнитного поля Земли, которая ускорилась в течение последнего столетия. Ученые ожидают падения энергии поля до нуля, после чего до 2300 г. может произойти переполюсовка, перемена знака магнитного поля.

Это вовсе не обязательно означает поворот *географических полюсов,* то есть физического кувыркания планеты в пространстве. Тем не менее, как отмечает геолог С.К. Ранкорн, «по-видимому, нет сомнения, что магнитное поле Земли связано каким-то образом с вращением планеты».

Магнитное поле — вещь таинственная, неясного происхождения, но, скорее всего, оно обязано своим существованием внутреннему ядру Земли — массивной железной сфере размером примерно в три четверти Луны, которая окружена слоем кипящего жидкого железа; последний, в свою очередь, заключен в многослойную оболочку из коренных и осадочных пород, а также полужидкой массы толщиной в несколько тысяч километров. Недавние исследования Сяодонг Сонга и Пола Дж. Ричардса установили, что внутреннее ядро вращается само по себе, в ту же сторону, что вся планета, но примерно на один процент быстрее. Это означает, что поверхность ядра на экваторе перемещается за год примерно на

20 километров относительно оболочки, в которую оно заключено. Как отмечает Ричардс, «это в 100 000 раз быстрее, чем скорости перемещения, которые мы обычно приписываем нашей как бы твердой планете».

Некоторые исследователи, среди которых следует отметить в первую очередь Рэнда и Роуз Флем-Ат в Канаде и покойного профессора Чарлза Хэпгуда в Соединенных Штатах, предположили, что подобное сравнительно быстрое проскальзывание одного слоя относительно другого могло происходить (и, возможно, не раз) на уровне земной коры. Известная под названием «литосфера», эта жесткая каменная внешняя оболочка плавает поверх смазывающего слоя, именуемого «астеносфера».

Стоило коре проскользнуть одним куском по астеносфере, «подобно апельсиновой корке, если бы она могла легко перемещаться относительно внутренней части апельсина», результатом могли бы стать апокалиптические разрушения по всему миру — буквально конец света в нашем представлении.

Последствия комет

Виктор Клюб, астрофизик из Оксфордского университета, его коллега Билл Нэйпир из Королевской Эдинбургской обсерватории, доктор Данкен из организации *Спейсгард* («Космическая стража»), Австралия, и Бенни Пайзер из Ливерпульского университета им. Джона Мура принадлежат к числу тех ученых, которые предполагают, что чуть больше 20 000 лет гигантская комета проникла в Солнечную систему и распалась, усеяв своими обломками орбиту, на которую периодически натыкается Земля. По большей части единственным видимым признаком этих встреч является некоторое увеличение числа «падающих звезд»… Однако время от времени Земля встречается с более массивными обломками, что приводит к апокалиптической буре соударений и разрушений.

По мнению Клюба, одна из таких бурь могла вызвать катастрофическое таяние льдов в конце последнего Ледникового периода 14000 — 9 000 тысяч лет тому назад; масштабы этого события были достаточными, чтобы стереть почти все следы «допотопной» цивилизации. Уровень моря поднялся на 100 метров — достаточно, чтобы навек похоронить любую прибрежную культуру. Вместе с коллегами Клюб считает, что меньшие катаклизмы, вызванные столкновениями с меньшего размера обломками той же гигантской кометы, могли произойти около 2350 г. до н. э. и 500 г. н. э. Именно в эти периоды таинственно и одновременно исчезли несколько процветавших и успешно развивавшихся цивилизаций. Как говорит Бенни Пайзер, «существуют серьезные научные основания предполагать, что именно падение массивных метеоритов явилось причиной гибели ряда древних цивилизаций».

Но если цивилизации могли погибнуть от космической бомбардировки уже в исторические времена, то почему бы не рассмотреть возможность гибели еще одной в *доисторические* времена, до 2350 г. до н. э. — скажем, в результате таяния льдов более 9000 лет тому назад? Сопоставление этого катаклизма с двумя последующими (2350 г. до н. э. и 500 г. н. э.) свидетельствует о монотонном снижении масштабов бедствия, однако не следует считать, что эта тенденция обязательно сохранится.

Напротив, в поясе обломков кометы, которые, по мнению Клюба и его коллег, находятся на околосолнечной орбите в течение последних 20 000 лет, могут оставаться и особо крупные.

Перемещалась ли земная кора 535 миллионов лет тому назад?

Гипотеза о перемещении земной коры, предложенная Хэпгудом, Флем-Атами и другими, не встретила пока позитивного отношения ортодоксальных представителей науки о нашей планете. В особенности презрительно встретили гипотезу геологи, которые назвали ее бредом сумасшедшего и отказались от серьезного ее обсуждения. При этом они старались убедить публику, что процесс такой просто «невозможен», что агитируют в его пользу люди ненормальные, а потому подлинным специалистам и обсуждать его нечего. Тем не менее, постоянно накапливаются свидетельства того, что время от времени перемещения земной коры все-таки происходят и нет никаких физических или геологических аргументов против того, что подобное перемещение могло произойти около 12 000 лет назад — то есть именно тогда, когда называли Флем-Аты,

25 июля 1997 г. во вполне ортодоксальном научном журнале *«Сайенс»* были опубликованы материалы, свидетельствующие, что земная кора может двигаться и двигалась (хотя использования самого термина «перемещение земной коры» автором публикации удалось избежать). Свидетельства были собраны исследователями из Калифорнийского технологического института и относятся к периоду от 550 до 535 миллионов лет назад. Этот период непосредственно предшествовал тому, что специалисты по эволюции живой природы называют «Кембрийским взрывом», — самому бурному в истории увеличению разнообразия и масштабов жизни на нашей планете.

Как сообщает калифорнийская группа, «этот эволюционный взрыв совпал по времени с другим уникальным событием в истории Земли — поворотом оси ее вращения на 90 градусов по отношению к континентам… Области, находившиеся до того на северном и южном полюсах, переместились на экватор, а две противоположные точки на экваторе стали новыми полюсами.

…Собранные нами геофизические данные в виде образцов горных пород, которые сформировались до, во время и после этого события, показывают, что все основные континенты претерпели одновременное и резкое перемещение».

Исследователи из Калифорнийского технологического института подчеркивают, что это явление принципиально отличается от «тектоники плит» — процесса, который заставляет материковые массы очень медленно и постепенно дрейфовать, сходясь или расходясь, со скоростями не более нескольких сантиметров в год. Их же данные говорят о титаническом повороте всей земной коры *как единого целого,* причем с катастрофически большой скоростью. Согласно доктору Джозефу Киршвинку, геологу из Калифорнийского технологического института, «скорости… буквально зашкаливали. К тому же все [по-видимому] перемещалось в одном направлении».

Калифорнийские исследователи указывают (как и за несколько лет до них делали Флем-Аты), что в период быстрого вращения коры существовавшие формы жизни «были вынуждены приспосабливаться к быстро изменяющимся климатическим условиям, когда тропические земли скользили к холодным полярным регионам, а холодные становились теплыми».

Флем-Аты считали, что в прошлом такие события происходили неоднократно, причем последний раз 11–12 тысяч лет тому назад:

«Земная кора собирается складками, мир сотрясают невероятные землетрясения и потопы. Небо как будто валится вниз, материки стонут и меняют положение. Подводные землетрясения порождают огромные приливные волны, которые обрушиваются на берега, затапливая их. Одни земли оказываются в более теплом климате, другие же, будучи перемещены в полярную зону, страдают от суровой зимы. Тающие ледовые шапки поднимают уровень океана выше и выше. Все живые существа должны приспособиться, мигрировать или умереть…»

Если происходит планетарное событие такого масштаба, как утверждает Флем-Аты, ясно, что для инициации его требуются громадные силы. В 1953 г. Альберт Эйнштейн, который одним из первых поддержал теорию перемещения земной коры, предложил ответ:

«В полярном регионе происходит непрерывное отложение льда, который располагается не симметрично относительно полюса. Вращение Земли действует на эти асимметрично расположенные массы, создавая центробежный момент, который передается на жесткую кору нашей планеты. Этот момент постоянно возрастает, и когда он достигает определенного значения, то вызывает перемещение коры относительно остальной части Земли».

Эйнштейн не рассматривал инициирующих факторов. Однако, будь в его распоряжении та информация, которой располагают ученые сегодня, он мог бы попробовать учесть возможный эффект от лобового столкновения Земли с астероидом, метеоритом или кометой.

В феврале 1994 г. президента Билла Клинтона разбудили его сотрудники и сообщили, что по данным шести спутников, находящихся на околоземной орбите, возможно нападение на Америку. Вскоре выяснилось, что то, что засекли спутники, было не вражескими ракетами, а крупным метеоритом, который в конце концов сгорел высоко в атмосфере. В мае 1996 г. другой гигантский метеорит диаметром более 300 метров прошел недалеко от Земли всего через три дня после того, как его обнаружили военные спутники.

Это были не самые крупные небесные тела из тех, что встречались нам за последнее время, причем с возрастающей частотой. С 1900 г. каждый год мы обнаруживали более 12 новых комет. В марте — апреле 1997 г. произошла встреча с кометой, имеющей нескладное название Хейла-Боппа, когда эта комета ярко сверкнула в небе северного полушария. Ближе всего к Земле она подошла в день весеннего равноденствия, 21–22 марта.

Древние восприняли бы такой перигей в такой момент года, да еще перед концом тысячелетия, по меньшей мере как зловещее предзнаменование; впрочем, точка зрения современных ученых не сильно отличается от точки зрения древних. Действительно, последние исследования подтверждают, что возросшая кометная активность является частью великого космического цикла, когда Солнечная система медленно, покачиваясь, движется по нашей родной галактике, Млечному Пути. Примерно раз в 30 миллионов лет Земля проходит сквозь плотную центральную плоскость галактики. Там она встречает большое количество метеоритов, астероидов и комет, причем некоторые из них (а такое время от времени случалось) сталкивались с Землей. Поскольку исследования метеоритных кратеров свидетельствуют об интенсивной бомбардировке Земли 96–94 миллиона, 67–65 миллионов и около 35 миллионов лет тому назад, было бы глупо игнорировать тот факт, что, возможно, следующее серьезное столкновение запоздало уже примерно на 5 миллионов лет.

Действительно, есть основания предполагать, что мы уже около миллиона лет находимся в условиях интенсивной бомбардировки метеоритами, причем частота столкновений возрастает. Не подлежит сомнению, что в течение этого периода на Земле наблюдались мощные и не нашедшие объяснения флуктуации климата, сейсмическая нестабильность, наступления и отступления ледниковых периодов и наводнения, большие колебания температуры поверхности и региональные вымирания животных. Возможно, все эти явления связаны с падением космических обломков; вполне возможно, что они являются предвестниками будущего более крупного столкновения — столь же крупного, как то, которое привело к вымиранию динозавров 65 миллионов лет тому назад.

Можно только надеяться, что космос пощадит нас. Десятикилометровая комета (или астероид), что врезалась тогда в Мексиканский залив, произвела взрыв в 1000 раз более мощный, чем суммарная мощность всех накопленных в настоящее время на Земле ядерных боеприпасов. Образовавшееся пылевое облако скрывало солнце более пяти лет, а планету еще несколько десятилетий сотрясала череда землетрясений и вулканических извержений.

Даже при нынешних возможностях спутниковых систем дальнего обнаружения у нас было бы очень мало времени, чтобы подготовиться к удару — возможно, всего несколько дней. Но вряд ли этот срок превысит два года — даже в случае самых крупных и хорошо различимых комет. Крупные астероиды (а некоторые из них достигают 30 километров в диаметре) почти невозможно засечь на больших расстояниях в безднах космоса.

Может ли такое небесное чудовище убить Землю?

Взяв в качестве примера объект диаметром в 10 километров, столкновение с которым происходит со скоростью 100 000 километров в час, профессор Эмилио Спедикато из Бергамского университета (Италия) подсчитал, что «атмосферное возмущение будет колоссальным и распространится в масштабах полушария». Считая, что всего 10 % первоначальной энергии пойдет на образование ударной волны, Спедикато показал, что даже в этом случае «на расстоянии 2000 километров от точки падения скорость ветра будет достигать 2400 километров в час, а температура воздуха повысится до 480 градусов Цельсия в 5000 километров от центра — соответственно 400 километров в час и 60 градусов». Даже на расстоянии 10 000 километров скорость ветра будет превосходить 100 километров в час, причем такой ветер будет дуть, не ослабевая, в течение 14 часов, а температура повысится на 30 градусов. «Дополнительными эффектами в атмосфере будут химические реакции, ведущие к образованию ядовитых веществ, вроде циана и закиси азота, которые полностью ликвидируют защитный слой атмосферного озона». И, наконец, по поверхности Земли пройдут деформационные «волны высотой в несколько метров», которые разорвут материки, произойдет подвижка тектонических плит, вдоль образовавшихся трещин начнется извержение вулканов, а «глобальные катастрофические цунами [приливные волны] вызовут значительное затопление суши».

Оглядываясь в историю Земли, Александр Толман и другие предположили, что древний глобальный «миф» о потопе вполне мог быть вызван реальным событием вроде описанного выше. Существует некоторый разброс в оценках точной даты этого катаклизма, однако все, по-видимому, сходятся на том, что 14 — 9 тысяч лет тому назад (12 000—7000 гг. до н. э.) на Земле действительно произошло что-то очень плохое, чтобы не сказать — ужасное.

«В каждой руке — по гусиной гузке»

Волнение было достаточно сильным, чтобы вот-вот, появились белые гребешки, но, нырнув в темно-синюю глубину, мы сразу погрузились в мир подводного безмолвия.

В конце марта 1997 г. — вскоре после того, как комета Хейла-Боппа максимально приблизилась к Земле, — мы прибыли на остров, который располагается точно на один градус севернее Тропика Рака и на 19,5 градуса восточнее монументов Ангкора. Это — одинокий остров Йонагуни, являющийся крайней западной точкой Японии.

Карта Йонагуни

Традиционно главной его достопримечательностью считается уникальный вид крупной ночной бабочки. Ну и кроме того, на побережье есть такое место, где аквалангисты могут прижаться к обнажению скальных пород на глубине 30 метров и наблюдать, как над ними в богатом пищей приповерхностном течении сбиваются в стаи сотни взрослых акул вида «рыба-молот».

Кихачиро Аратаке — самый опытный ныряльщик на Йонагуни. Это бородатый морской волк; левая нога у него изуродована полиомиелитом, но зато грудь и плечи у него могучие. На жизнь он зарабатывает в основном акулами. Скованный в движениях на берегу, в воде он превращается в дельфина. Однажды он рассказал нам, как в обычном, «мокром» костюме опустился с аквалангом на глубину более 60 метров, чтобы отцепить застрявший корабельный якорь.

Цель жизни Аратаке — исследовать каждый сантиметр побережья Йонагуни. В 1987 г. он нырял на юго-востоке острова около продуваемого ветрами мыса Аракава-Бана, надеясь встретить в этом нелегком для плавания месте стаи рыб-молотов. Однако вместо этого он совершил открытие, способное произвести, как считают некоторые ученые, буквально переворот в исторической науке. Это открытие привело его в нехарактерное для него состояние телячьего восторга; как он выражается, у него «в каждой руке было по гусиной гузке».

Аратаке обнаружил в этом месте нечто, являвшееся, по-видимому, делом человеческих рук. Это сооружение было высечено из массивной скалы и имело довольно сложную геометрию. Его основание покоилось на дне океана на глубине 27 метров; оно имело более 200 метров в длину и поднималось вверх уступами, подобно ступенчатой пирамиде, увенчанной на пятиметровой глубине плоской вершиной.

В 1996 г. мы прочитали об этом монументе в научных статьях профессора Масааки Кимуры, видного японского геолога из Окинавского университета (Университета Рюкю). Кимура несколько лет посвятил исследованию монумента, совершив сотни погружений, и, в отличие от ряда своих научных оппонентов, твердо убежден в его искусственном происхождении.

В марте 1997 г. любопытство впервые привело нас на это место…

Мегалиты и платформы

Сначала, когда мы нырнули, ничего не было видно из-за массы поднимающихся пузырьков. Затем все успокоились, и оказалось, что мы парим в синем пространстве, над острыми гребнями и подводными обрывами, уходящими в темную глубину.

Морское дно под нами, понижающееся в южном направлении, было усыпано осколками основной породы и кораллов, хотя явных причин этого не просматривалось. Вдруг, довольно неожиданно, на глубине 20 метров мы оказались возле двух огромных блоков — мегалитов, весом, наверное, тонн по 200 каждый, которые стояли параллельно, поднимаясь почти до поверхности. Подобно глыбам из Стоунхенджа в Англии, они производят впечатление специально вырубленных и установленных.

Около мегалитов было сильное течение, которое потащило нас к востоку вдоль идеально вертикальной и плоской скалы. Гребя изо всей силы ластами, мы поднялись по этой стене и перебрались через ее ребро на плоскую вершину, расположенную на глубине 12

метров. Здесь вода была спокойнее, и нам удалось уцепиться за расщелины и кораллы и оглядеться.

Вокруг простиралась каменная платформа, покрытая орнаментом из как будто вырубленных вручную крупных треугольников и ромбов, с замысловатыми ступенями и террасами, ведущими вниз и вверх. На восточном краю платформы мы обнаружили прямой канал шириной примерно три четверти метра, глубиной полметра и длиной 8 метров, проходящий через нечто вроде постамента. В центре монумента — четыре террасы довольно замысловатой формы, причем все ведут внутрь к точке, чуть западнее центра, где на углу имеются четыре массивных ступени. Мы поплыли вдоль них вниз, останавливаясь на каждой, а затем пересекли еще одну широкую платформу и заглянули через край последней террасы, за которым вертикально вниз, до океанского дна, расположенного на глубине 27 метров, опускалась стена открытой траншеи.

Мы обратили внимание, что траншея имела явно широтное направление; точнее, с поправкой на расхождение между магнитным компасом и астрологическими сторонами света, она тянулась, пожалуй, точно с востока на запад. В то же время наши компасы показывали, что основная часть сооружения направлена вдоль оси «север — юг». Если во время строительства уровень моря был значительно ниже, то, по-видимому, ступенчатая ниша, по которой мы только что проплыли, была обращена на юг с видом на Тихий океан.

Между северной и южной стенами траншеи было примерно 4 метра, дно ее было усыпано обломками больших, видимо, обтесанных блоков, которые, похоже, свалились сверху. Нырнув глубже, мы обнаружили, что один из этих блоков лежит на верхнем конце спиральной лестницы, поднимающейся из центрального бассейна. Дальше к западу мы наткнулись на ряд прямоугольных ниш, вырубленных с равными промежутками у основания северной стены.

Лучи, пробившиеся сквозь облака и воду со взвесью планктона и частиц ила, создавали на глубине 27 метров освещение, как в мрачном соборе. В таких условиях, находясь на глубине траншеи, было очень трудно ощутить перспективу таинственного монумента, нависавшего над нами — если, конечно, это был действительно монумент.

Профессор Кимура рискнул своей высокой профессиональной репутацией, утверждая: да, это — монумент, искусственное сооружение. Он считает, что это сооружение входило в состав большого геодезического треугольника, две других вершины которого находились соответственно в древнем святилище на самой высокой горе Йонагуни, расположенной на северо-западе, и в точке на южном берегу, возле которой, как он считает, под водой находятся другие развалины, которые еще предстоит обнаружить. Его мнение основывается на хорошо установленном геологическом факте, согласно которому более 9000 лет назад широко раскинувшаяся цепь японских островов Окинава была частью узкого полуострова, простиравшегося до материкового Китая. Подъем моря в конце последнего ледникового периода привел к почти полному исчезновению полуострова под волнами, оставив на поверхности лишь верхушки нагорья.

Йонагуни — одна из этих верхушек, и если здешняя подводная структура действительно сооружена человеком, как считает Кимура, то историю придется переписывать. Правда, ряд авторитетов оспаривает его точку зрения, горячо отстаивая естественное происхождение монумента, исходя из того, что нигде в мире ничего не известно о такой цивилизации, которая 9000 лет назад обладала бы техническими и организационными возможностями, достаточными для того, чтобы создать такое чудо.

Шох и Уэст

В надежде разрешить этот вопрос раз и навсегда, мы вернулись на остров в сентябре 1997 г. с профессором Робертом Шохом — геологом из Бостонского университета, чья работа стала причиной бурной международной дискуссии касательно возраста Сфинкса (см. часть II). Кроме того, с нами прибыл Джон Энтони Уэст, египтолог, собственно и вдохновивший Шоха на исследование Сфинкса.

До погружения оба ученых познакомились с видеосъемками и фотографиями из Интернета и пришли к выводу, что монумент Йонагуни — дело человеческих рук. Однако, чем ближе они знакомились с ним в натуре, тем их уверенность становилась слабее.

После четвертого погружения Шох объявил, что он не в состоянии сделать окончательный вывод. Как он выразился, «если посадить меня на любой его изолированный кусок, я бы немедленно сделал вывод, что это естественное скальное образование. Но стоит мне отойти и окинуть взором все в целом, я начинаю склоняться в пользу искусственного происхождения».

Джон Уэст находился в столь же затруднительном положении. «Я думал, что это — еще дымящийся пистолет, который докажет существование исчезнувшей цивилизации, — говорил он, — а дело оказалось довольно двусмысленным. Некоторые места действительно выглядят так, будто их вырубили. Другие же имеют совершенно природный вид».

«Может быть, верно и то, и другое, — предположил он. — Может быть, мы имеем дело с неким религиозным культом, который увидел символическое значение в природных регулярностях и линиях разлома скальной породы, а затем решил искусственно подчеркнуть и усилить эти особенности».

В конце нашего трехдневного пребывания на Йонагуни, после еще нескольких погружений Шох укрепился в мнении, что этот монумент не может быть искусственным: «Я считаю, что эта структура может быть объяснена действием природных процессов… За формирование монумента Йонагуни около 9 — 10 тысяч лет тому назад ответственна геология мелкозернистых сланцев и песчаников региона, в сочетании с действием волн и течений, а также низким уровнем моря на протяжении ряда тысячелетий».

Свидетельство Кимуры

Покинув Йонагуни, мы вылетели на Окинаву для встречи с профессором Масааки Кимурой, японским геологом из университета Рюкю, который настаивает на искусственном происхождении монумента. Позиция Кимуры опирается на ряд убедительных фактов, которые он изложил Шоху, ссылаясь на схемы и фотоснимки. Среди них такие, как:

1. Блоки, отделенные от скальной породы в процессе формирования монумента, вовсе не лежат там, куда бы им следовало упасть под действием земного притяжения и других естественных сил. Вместо этого они зачастую оказываются собранными в одном месте, а иногда вообще отсутствуют.

2. Зачастую в пределах ограниченного участка монумента совсем рядом друг с другом оказываются несколько элементов совершенно разного типа, например, грань с острыми кромками, круглые отверстия двухметровой глубины, ступенчатый спуск, идеально прямая узкая траншея. Если бы причина была только в природной эрозии, то было бы логично ожидать, что она проявит себя одинаково во всем куске скалы. Тот факт, что бок о бок сосуществуют столь различные виды топографии, является веским аргументом в пользу искусственного происхождения.

3. На верхних участках наблюдается несколько круто спускающихся в южном направлении поверхностей. Кимура отмечает, что на северных краях этих участков имеются

глубокие симметричные траншеи, образование которых невозможно объяснить известными природными процессами.

4. На южной стороне монумента есть ступени, поднимающиеся с равномерными промежутками с глубины 27 метров до самой вершины, расположенной на глубине 6 метров. Аналогичная лестница наблюдается и с северной стороны.

5. Западную сторону монумента закрывает явно выраженная «стена», присутствие которой трудно объяснить действием природных процессов, поскольку она сложена из известняковых блоков, которые нетипичны для зоны Йонагуни.

6. Вдоль южной и западной сторон монумента серпантином поднимается нечто, похожее на церемониальную дорогу.

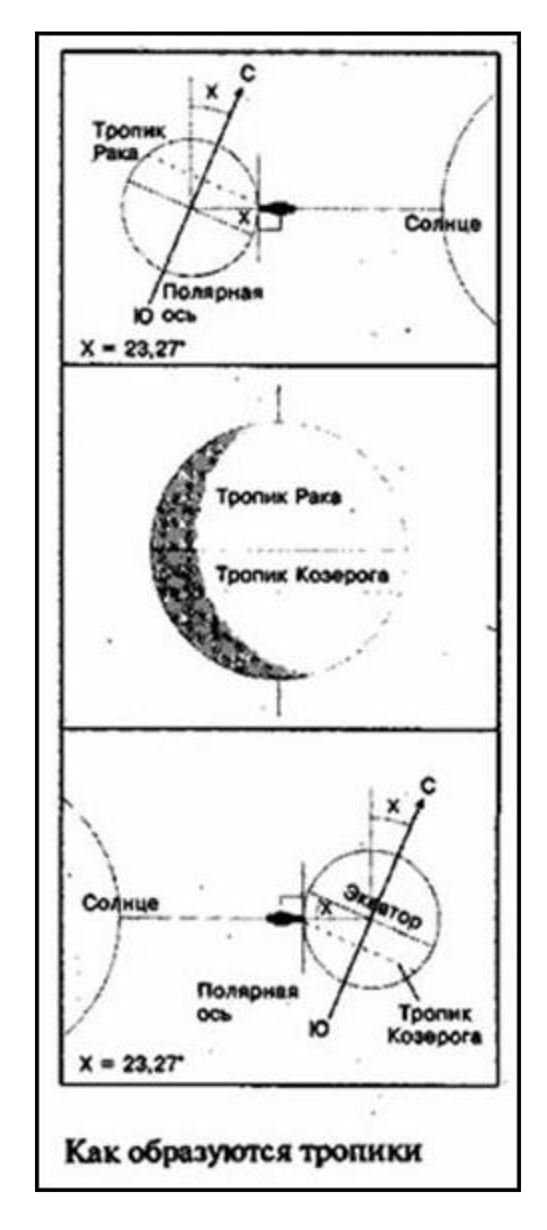
«После встречи с профессором Кимурой, — писал позднее профессор Шох, — я не могу полностью исключить возможность того, что монумент Йонагуни, по крайней мере, частично обработан и трансформирован человеческими руками. Профессор Кимура указал на ряд важных элементов, которые я не видел во время моего первого, краткого визита… Если бы у меня появилась возможность снова побывать там, я бы очень хотел их исследовать».

С первого взгляда представляется невероятным, чтобы ведущие специалисты, изучавшие монумент, не смогли сразу же прийти к единому мнению относительно того, знакомятся ли они с природной скалой или результатом обработки ее человеческими существами. Однако, как указал нам сам Шох, подобные сомнения и дискуссии случались и прежде. Например, когда в XIX веке геологи откопали каменные топоры, наконечники стрел и кремневые ножи, большинство из них сначала приписало этим предметам природное происхождение. Прошло не одно десятилетие, прежде чем все признали их инструментами, которые были сделаны и использовались людьми.

Возможно, и здесь мы имеем дело с проблемой «признания» — на этот раз незнакомой архитектурной традиции, а не традиции изготовления инструментов — подводного монумента Йонагуни со стороны научного сообщества. Так что изучающим его ученым следует принять во внимание все особенности этого сооружения.

Отпечатки пальцев… астрономов

По нашему мнению, может оказаться существенным то обстоятельство, что сооружение обладает рядом особенностей, которые, если бы оно стояло над уровнем моря, несомненно отнесли бы к числу астрономических. Оно смотрит точно на юг, вдоль меридиана, причем на нем имеется массивная траншея, тянущаяся с востока на запад и потому нацеленная на восход и закат в дни весеннего и осеннего равноденствия. Оно также расположено на широте, не совсем «случайной» с точки зрения астрономии — 24 градуса 27 минут северной широты, это на один градус севернее Тропика Рака, обозначенного пунктиром на современных картах и школьных глобусах.

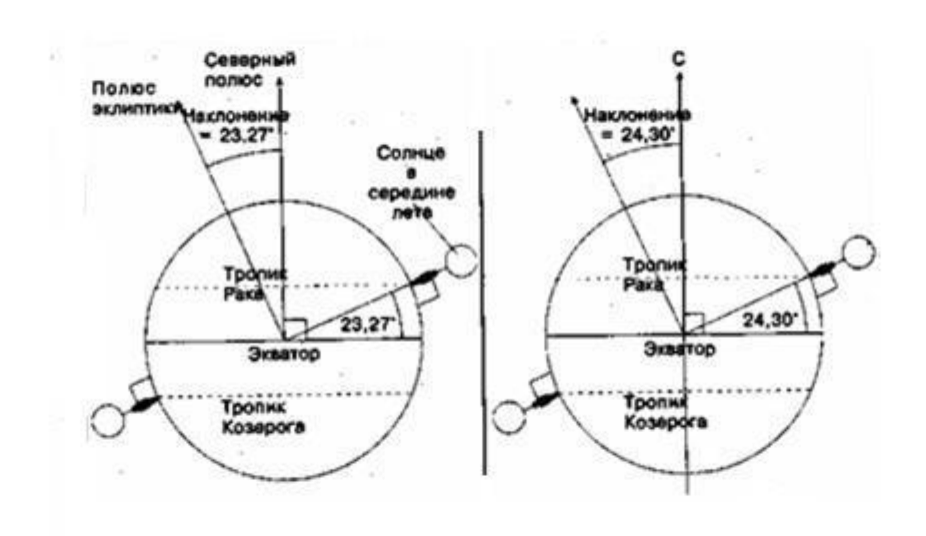
Как образуются тропики

Зона тропиков существует потому, что ось, вокруг которой вращается Земля, расположена не вертикально относительно плоскости околосолнечной орбиты. В настоящее время угол наклона оси относительно перпендикуляра составляет 23 градуса 27 минут. Особо важным последствием этого с точки зрения астрономов является то, что «небесный» экватор — проекция географического экватора Земли на небесную сферу — пересекается с эклиптикой (плоскостью орбиты, по которой Земля обращается вокруг Солнца) как раз под этим же углом — 23 градуса 27 минут. Выражаясь научным языком, этот угол называют «наклонением эклиптики». На любой широте он определяет крайние северное и южное положения (на горизонте), где в течение года наблюдается восход солнца. Он также определяет точное расположение тропиков, которые в наше время находятся на широте в 23 градуса 27 минут к югу и северу от географического экватора Земли. Эти широтные пояса «соответствуют крайнесеверному и крайнеюжному наклонению эклиптики относительно небесного экватора».

Наукообразный жаргон звучит не слишком понятно, но из этого положения непосредственно проистекает следующее:

1. Солнце достигает своего «крайнесеверного наклонения» 21 июня, в день летнего солнцестояния в северном полушарии. В этот момент Земля находится в такой точке на своей орбите, когда *северный* конец ее полярной оси (наклоненной по отношению к вертикали на 23 градуса 27 минут) ближе всего повернут к Солнцу. В день июньского солнцестояния на *северной широте 23 градуса 27 минут* — нынешнее местонахождение Тропика Рака — Солнце в полдень находится прямо над головой наблюдателя, который не отбрасывает тени (лучи направлены под углом 90 градусов к поверхности).

2. Солнце достигает своего «крайнеюжного наклонения» 21 декабря, в день зимнего солнцестояния в северном полушарии. В этот момент Земля находится в такой точке своей орбиты, что *южный* конец ее полярной оси (отклоненной от вертикали на 23 градуса 27 минут) ближе всего повернут к Солнцу. В день декабрьского солнцестояния на *южной широте 23 градуса 27минут,* где в настоящее время находится Тропик Козерога, Солнце в полдень находится прямо над головой наблюдателя, который не отбрасывает тени, поскольку лучи направлены под углом 90 градусов к поверхности.

Как влияет наклонение земной оси на положение тропиков

Читатель уже знает, что прецессионное «гуляние» земной оси постепенно меняет звезды, на фоне которых солнце восходит в любой заданный день года. Северный Тропик известен под названием «Тропик Рака» потому, что в то время, когда эти эффекты были впервые обнаружены и зарегистрированы астрономами — примерно 2000 лет тому назад, — солнце в день июньского солнцестояния всходило на фоне созвездия Рака.

Южный Тропик называют Тропиком Козерога по аналогичной причине: 2000 лет назад в день декабрьского солнцестояния солнце всходило на фоне созвездия Козерога. Однако в результате прецессии созвездия Рака и Козерога перестали быть «солнцестоятельными». Строго говоря, поскольку солнце в настоящее время восходит в день июньского солнцестояния в Близнецах, а декабрьского — в Стрельце, Тропик Рака следовало бы переименовать в Тропик Близнецов, а Тропик Козерога — в Тропик Стрельца. В дальнейшем чередование созвездий, соответствующих восходу в дни солнцестояния, в результате прецессионного цикла продолжится: меньше, чем через тысячу лет солнце будет всходить в день июньского солнцестояния в созвездии Тельца, а декабрьского — в созвездии Скорпиона.

Прецессия не влияет на крайние в северном и южном направлениях точки восхода солнца на горизонте в течение годичного цикла, а также на географическое положение

обоих Тропиков. А вот что действительно влияет на эти координаты, — причем, если говорить о длительных промежутках времени, то довольно значительно, — так это небольшие, но накапливающиеся изменения угла наклона земной оси, которые удалось обнаружить земными приборами. Тщательные измерения, результаты которых были опубликованы в журналах *«Сайенс»* и *«Астрономи энд Астрофизикс»,* подтвердили, что нынешнее значение этого угла (23 градуса 27 минут) не является строго постоянным. На самом деле оно меняется в диапазоне чуть меньше двух с половиной градусов от минимального значения 22 градуса 6 минут до максимального 24 градуса 30 минут.

Астрономы предупреждают, что *скорость* изменений в пределах этого диапазона может быть не постоянной, но удовлетворены тем, что, по крайней мере, в течение последних четырех тысяч лет:

• наклонение эклиптики монотонно уменьшается…

со скоростью примерно в 40 дуговых секунд в столетие…

Таким образом, наклонение уменьшилось с 2000 г. до н. э. до настоящего времени примерно на полградуса — этого достаточно, чтобы произошло заметное смещение азимута точек восхода и заката солнца.

По той же причине широта Тропиков за тот же 4000-летний период также уменьшилась примерно на полградуса. Отсюда вытекает, что некогда Тропики были расположены на широте 24 градуса 30 минут к северу и к югу от экватора (максимальное наклонение), а в будущем их широта может уменьшиться до 22 градусов 6 минут к северу и югу от экватора (минимальное наклонение). Отсюда также следует, что было время (и мы можем его рассчитать), когда «монумент» Йонагуни, расположенный на 24 градусах 27 минутах северной широты, стоял точно на Тропике Рака.

Оценим возраст?

К подобного рода оценкам нас подталкивают некоторые явно астрономического характера особенности монумента, причем в отсутствие консенсуса геологов такой подход может оказаться весьма продуктивным для оценки даты его сооружения. Более того, если отталкиваться от упомянутой выше скорости изменения наклонения Земли в 40 дуговых секунд за столетие, то мы окажемся — и не обязательно по воле случая — в окружении уже знакомых нам чисел.

Итак, весь диапазон изменения наклонения составит 2 градуса 24 минуты (22 градуса 6 минут — минимум, 24 градуса 30 минут — максимум), или 144 угловых минуты, или 144x60 = 8640 дуговых секунд.

Разделив 8640 на 40 (40 секунд — ориентировочная скорость изменения наклонения, за столетие), получим 216 столетий, или 21 600 лет — полный период, который требуется для изменения наклона оси от самого пологого до самого крутого положения. Еще 21 600 лет потребуется для ее обратного опускания.

Мы знаем, что наклонение земной оси составляет сегодня 23 градуса 27 минут, причем величина эта уменьшается, а максимально достижимое значение составляет 24 градуса 30 минут. С тех пор как этот максимум был достигнут последний раз, наклонение уменьшилось на 1 градус 3 минуты, то есть 63 минуты, или 3780 секунд. Исходя из принятой скорости изменения наклонения, получаем, что последний раз максимальное наклонение земной оси наблюдалось 94,5 столетия назад (3780:40 = 94,5), или за 9450 лет до нашего времени.

Поскольку широта Йонагуни на 3 минуты меньше, чем величина максимального наклонения (24°30′ — 24°27′ = 3'), мы можем теперь легко подсчитать, когда монумент мог— находиться точно на Тропике Рака: 3' = 180»,

Положение Йонагуни относительно Тропика Рака в эпоху 9900–9000 гг. до н. э. чему при скорости 40 секунд в столетие соответствует 450 лет. То есть если наклонение Земли было действительно максимальным 9450 лет тому назад и с тех пор уменьшилось до 24 градусов 27 минут, то Тропик Рака проходил через Йонагуни около 9000 лет назад. Кроме того, Тропик был на той же широте и на 900 лет раньше, 9900 лет назад, перед концом предыдущего полуцикла (когда наклонение еще стремилось к максимуму, а не перевалило через него).

В итоге астрономические соображения позволяют предположить, что подводный монумент в Йонагуни был построен — и, следовательно, находился на суше — за 9900–9000 лет до настоящего времени. Как помнит читатель, именно эту эпоху называли геологи, оценивая крайний срок, когда монумент мог находиться выше уровня моря.

Не сеть ли это?

Предположим, что в доисторические времена неизвестные нам мореплаватели и строители устроили некую всемирную сеть монументов, которые отмечали тропики и координатную сетку долгот и широт, а также связывали землю и небо посредством последовательности «прецессионных чисел»: 54, 72, 108, 144, 180, 216 и т. д. Такая сеть могла, разумеется, подвергнуться повреждениям при значительных переменах на земной поверхности, вроде подъема уровня моря или опускания материков, а потому — потребовать реконструкции конкретных монументов или даже переноса какого-то из них в ближайшее подходящее место.

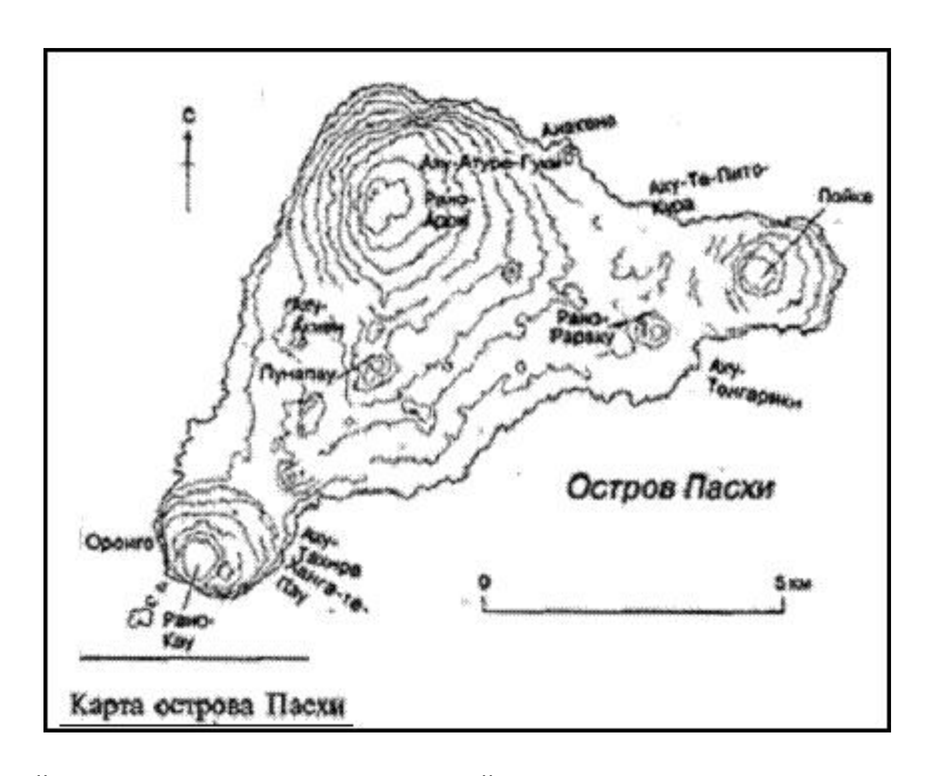
Довольно странно, что из новейших научных данных относительно наклонения земной оси вытекает полуцикл продолжительностью 216 столетий (21 600 лет) — прецессионное число, которое наверняка вызвало бы живой интерес у древних астрономов, веривших, что изменения на небесах должны осязательно отражаться, дублироваться в изменениях на Земле, внизу. Странна также геодезическая связь между монументами Ангкора и Гизы, которые разделены 72 градусами долготы, и монументами Ангкора и Понпеи, разделенными 54 градусами долготы. Еще более странным, если заглянуть дальше в Тихий океан, является тот факт, что астрономически ориентированные мегалитические структуры неизвестного происхождения были обнаружены на островах Кирибати в 72 градусах долготы восточнее Ангкора (или на 144 градуса восточнее Гизы) и на Таити (108 градусов к востоку от Ангкора или 180 градусов от Гизы). Является ли простым совпадением, что многие из этих монументов связаны с религиозными идеями о посмертном путешествии душ — идеями, которые весьма близки тем, которые нашли выражение в великих храмах и пирамидах Египта и в иероглифических текстах «Книги Мертвых»?

Отличающиеся высокой точностью мегалитические сооружения бассейна Тихого океана не исчерпываются постройками Понпеи, Кирибати и Таити; их можно также встретить на далеких островах Тонга, Саоа и Маркизских, а также на острове Питкерн на долготах, которые вроде бы явно не связаны с Ангкором и Гизой числами прецессионного ряда. Но самая большая концентрация необъяснимых пока сооружений наблюдается на острове Пасхи, который, при нынешнем уровне моря, стоит так близко, как только возможно физически, к 144 градусам восточнее Ангкора.

До того как его «открыли» в пасхальное воскресенье 1722 г. три голландских корабля под командованием адмирала Якоба Роггевеена, остров Пасхи был известен его обитателям под двумя пробуждающими память названиями: *Те-Пито-О-Те-Хенуа,* «Пуп Земли», и *Мата-Ки-Те-Рани,* «Глаза, смотрящие в небо». Как мы увидим в последующих главах, в этих древних названиях содержатся ключи от тайны этого острова.

Глава 13

ОСТРОВ КОЛДУНОВ

Карта острова Пасхи

Известный своим обитателям с древнейших времен как *Те-Пито-О-Те-Хенуа,* «Пуп Земли», и *Мата-Ки-Те-Рани,* «Глаза, смотрящие в небо», остров Пасхи расположен на широте 27 градусов 7 минут к югу от экватора и на долготе 109 градусов 22 минуты к западу от Гринвичского меридиана. Таким образом, он оказывается чуть больше, чем в 147 градусах долготы, восточнее великого храмового комплекса Ангкор-Ват в Камбодже. Поскольку в окружающих просторах Тихого океана ближе 3000 километров другой обитаемой земли не наблюдается, при нынешнем уровне моря остров оказывается столь близок к магическому прецессионному расстоянию в 144 градуса долготы восточнее «меридиана Ангкора», как это физически возможно. К тому же остров является частью массивной подводной возвышенности под названием Восточно-Тихоокеанский подъем, которая в нескольких местах почти достигает поверхности. 12 тысяч лет назад, когда огромные шапки льда последнего оледенения еще почти не таяли и уровень моря был на 100 метров ниже, чем теперь, этот подъем образовывал, по-видимому, цепочку узких допотопных островов с крутыми берегами, длиной примерно как горный хребет АЧДЫ. Одно из звеньев этой обрывистой цепи простиралось более чем на 300 километров к западу от вершины, которая впоследствии получила наименование *Те-Пито-О-Те-Хенуа,* и достигало точки в океане, удаленной от Ангкора ровно на 144 градуса. Как знать: может быть, в далекой предыстории в этом геодезическом центре располагалась солнечная обсерватория или храм звезд, впоследствии погрузившиеся в морскую пучину?

В подкрепление нашей версии мы можем привести такой факт. Когда американская атомная подлодка *«Наутилус»* совершала в 1958 г. свое кругосветное путешествие, находившиеся на ее борту ученые «обратили внимание на наличие очень высокой, но неизвестной до настоящего времени подводной горы неподалеку от острова Пасхи». Не случайно профессор Х. У. Менард из Института морских ресурсов Калифорнийского университета говорил о «важной зоне разлома в окрестностях острова Пасхи, параллельной зоне разлома Маркизского архипелага», а также об «огромной отмели или хребте осадочного происхождения». Нелегко будет объяснить простым совпадением и тот факт, что, согласно местным преданиям, остров Пасхи был некогда частью «намного большей страны». В этих

преданиях много противоречий и путаницы, но все они сходятся на том, что в далеком мифическом прошлом

«Могучее сверхъестественное существо по имени Уоке, которое прибыло из места, именуемого Хива… путешествовало по Тихому океану с огромным рычагом, которым оно подцепляло целые острова и разбрасывало их по морю, где они исчезали в волнах. Уничтожив таким образом много островов, оно наконец добралось до Те-Лито-О-Те-Хенуа, которое тогда был намного больше, чем теперь. Оно стало отламывать от него куски и швырять в море, но скалы острова оказались слишком прочными для рычага, который не выдержал и сломался. Таким образом, Уоке не смогло расправиться с последним куском, который и сохранился в виде острова, известного нам сегодня»

Другие легенды жителей острова Пасхи рассказывают о Хиве, таинственной стране, откуда якобы прибыло Уоке. Некогда это был остров больших размеров, но он тоже пострадал от «великого катаклизма» и «погрузился в море». Впоследствии 300 спасшихся сели в два очень больших океанских каноэ и поплыли к *Те-Пито-О-Те-Хенуа,* получив волшебным образом знание о существовании острова и о том, как проложить к нему курс по звездам.

Волшебство и геодезия

И в Ангкоре, и в Понпеи прибытие и воцарение богоцарей (в первом случае — Джаяварманa II, во втором — братьев Олосопы и Олосипы) происходили в сопровождении человека великой учености, именуемого «волшебником». И в Ангкор, и в Понпеи богоцари якобы прибывали на лодке из далекой страны. И в Ангкоре, и в Понпеи место будущего священного города выбиралось — может быть, будет правильнее сказать «открывалось заново» — в процессе «геодезических изысканий», когда лично монарх совершал путешествие вокруг будущей столицы, описывал большой круг по часовой стрелке.

С самого рассвета своей странной истории и почти до времени первого контакта с западной цивилизацией в XVIII веке островом Пасхи также правила династия богоцарей.

Основателем этой династии был Хоту Матуа, командовавший флотом из двух огромных каноэ, полных спасшихся от катаклизма, которые отплыли из Хивы незадолго до того, как она затонула в море. Согласно преданиям острова Пасхи, этого богоцаря, чье имя означает в переводе «плодовитый отец», сопровождала королева Ава-Рейпуа, а наставлял его некто Хуа Мака, волшебник, который предвидел гибель Хивы и совершил, отделившись от тела, путешествие, в ходе которого и обнаружил *Те-Лито-О-Те-Хенуа,* подсчитав его подходящим местом для размещения беженцев:

«Хуа Мака видел сон, в котором он в виде духа путешествовал по всему острову… Посетив все бухты… дух отправился в Анакене [на северо-восточном берегу] *и воскликнул: «Вот место — великая бухта, куда придет и поселится король Хоту Матуа».*

Вслед за волшебно-визуальным, было предпринято реальное обследование острова Пасхи — семью мудрецами, «королевскими сыновьями, причем посвященными», которые прибыли «из Хивы в одном каноэ». Их задачей было «открыть путь» для Хоту Матуа и подготовить остров для заселения.

Напомним, что в древнеегипетских «Текстах Эдфу» говорится о том, что Семь мудрецов прибыли в долину Нила с далекого острова — «Родины Первобытных», — который был уничтожен наводнением (см. часть II). «Тексты Эдфу» не оставляют у нас никакого сомнения в том, что главной задачей этих мудрецов (их еще иногда называют «богами-строителями») было сооружение в ключевых точках на земле Египта «священных курганов» с дальним прицелом на то, чтобы «возродить» их погибший «прежний мир». Поэтому следует ли

считать совпадением, что одна из первых задач, которые должны были решить семеро посвященных, прибывших из Хивы на остров Пасхи, состояла в том, чтобы возвести «каменные холмы»?

Только после того, как эти холмы были сооружены, на горизонте появились два каноэ с Хоту Матуа и беженцами из Хивы. Однако прежде чем высадиться в Анакене, переселенцам по какой-то причине пришлось сначала совершить круг вокруг острова, как будто соблюдая правила некоего ритуала:

«Затем два каноэ разделились. Лодка Хоту Матуа двинулась вокруг острова в восточном направлении [по часовой стрелке]*, лодка королевы Ава-Рейпуа — в западном* [против часовой стрелки]*. Они снова встретились у входа в бухту Анакена, и каждое каноэ пошло к одному из скалистых мысов, которые там стоят. Король направился к месту, что зовется Хиро-Мока; королева высадилась в том, что носит имя Ханга-Охиро».*

Тайны

Как-то днем в конце июня — в Южном полушарии это середина лета — мы стояли на белом песчаном пляже между двумя скалистыми мысами бухты Анакена. Позади нас находилась Аху-Нау-Нау, массивная ступенчатая пирамида из громоздких камней, с длинной, плоской площадкой наверху. На этой площадке, спиной к морю, высились семь необычных статуй; от одной остался только торс, другая была без головы, одна целая, но с непокрытой головой, а остальные четыре были увенчаны гигантскими коронами из красного камня.

Некоторые ученые предположили, что эти семь *моаи* (дословно: «образы») представляют первых Семь мудрецов острова Пасхи, первопроходцев Хоту Матуа. Но особой уверенности в этом нет, поскольку совсем рядом с бухтой, на берегу Аху-Атуре-Хуки, стоит восьмая статуя, приземистая и довольно странных очертаний. Строго говоря, нет уверенности в назначении *ни одной* из более чем 600 великих статуй острова Пасхи. Они — часть тайны, бросавшей вызов нескольким поколениям исследователей в течение трех столетий.

Эта тайна связана с покинутой первобытной родиной — легендарным островом Хива, который был поглощен морем, — и утверждением, что небольшая группа людей уцелела в катаклизме с «рычагом Уоке», а затем поделилась на скалистой вершине, остававшейся над уровнем моря, которую они назвали Те-Пито-О-Те-Хенуа. Следует ли отвергать эти предания как чистую выдумку? Или в них все-таки что-то есть?

Тайной покрыта и история народа, который некогда дал миру прекрасных мореплавателей, ибо только квалифицированные штурманы и команда могли успешно довести свои корабли до такой отдаленной точки, как Те-Пито-О-Те-Хенуа.

Вдвойне таинственна история людей, которые, прибыв на «Пуп Земли», уже владели высокоразвитыми традициями архитектуры и техники — потому что на острове практически нет следов экспериментов, «проб и ошибок», в сооружении великих моаи. Напротив, складывается впечатление, что к моменту *самого начала* сооружения замечательных скульптур острова Пасхи уже существовали хорошо продуманные и отработанные художественные каноны ваяния таких статуй, причем зачастую оказывается, что лучшие моаи — самые ранние. То же самое относится и к массивным каменным платформам, так называемым *аху,* на которых установлены многие моаи: здесь тоже наблюдается тенденция, когда более ранние образцы превосходят то, что были построены позднее.

Археологи считают, возможно справедливо, что располагают надежной хронологией острова Пасхи.

Самое раннее свидетельство человеческого поселения — найденные в могиле водоросли, углеродная датировка которых указывает на 318 г. н. э. (площадка Аху-Тепеу с фигурами моаи).

Следующее свидетельство — уголь, датируемый 380 г. н. э., обнаруженный в канаве на полуострове Пойке.

Еще одна датировка по радиоактивному углероду — 690 г. н. э. — произведена по органическим материалам, найденным на другой важной площадке со статуями, — Аху-Тахаи и оставленным строителями в процессе сооружения платформы аху.

Таким образом, археологи считают Аху-Тахаи «самым ранним из датированных на сегодняшний день сооружений». С другой стороны, его моаи, которые нельзя напрямую датировать по радиоуглероду, поставлены, как считают, намного позже. Дело в том, что моаи, считающаяся «самой ранней классической статуей» на острове Пасхи, расположена отдельно чуть севернее Тахаи. «Контекстуальное» свидетельство и радиоуглеродный анализ найденной здесь же органики побудили археологов отнести эту 20-тонную, 5-метровую моаи к XII веку н. э. Причем, как ни парадоксально, они признают, что «к этому моменту классическая форма статуй уже вполне сложилась».

Впоследствии «классические» моаи продолжали ваяться в больших количествах на протяжении примерно тысячелетия, последняя из них, высотой 4 метра, была поставлена в Ханга-Киоэ около 1650 г. Через 75 лет, после нескольких губительных войн между двумя основными этническими группами островитян (так называемыми «длинноухими» и «короткоухими»), произошла первая, судьбоносная встреча сильно сократившегося населения с парусными судами европейцев. Как и можно было ожидать, последовали беспорядочные убийства, похищения, систематические захваты в рабство, а затем и эпидемии оспы и туберкулеза такой интенсивности, что к 1870-м годам на острове Пасхи осталось в живых всего 111 человек. В этой маленькой группе уцелевших не было ни одного из потомственной касты учителей и посвященных, *Ма'ори-Ко-Хау-Ронгоронго,* которых в полном составе захватили и увезли в 1862 г. жестокие перуанские работорговцы.

Иероглифы

То немногое, что известно о *Ма'ори-Ко-Хау-Ронгоронго,* является частью многолетней тайны острова Пасхи, поскольку слово *Ма'ори* в этом контексте означает «ученый», «владеющий особым знанием».

Говорят, что первые из этих *Ма'ори* (не путать с народностью маори в Новой Зеландии) прибыли на остров Пасхи вместе с самим Хоту Матуа. Это были писцы, грамотные люди. Их задачей было держать в памяти священные тексты, записанные на 67 деревянных дощечках, которые Хоту Матуа привез из Хивы, а когда оригиналы портились, записи воспроизводили на новых дощечках.

Табличка ронгоронго с острова Пасхи

Это не миф: 24 так называемых *Ронгоронго* уцелели до настоящего времени. Их старое и полное название — *Ко Хау Мо Ронгоронго,* что в дословном переводе означает «строчки, написанные для рассказывания». Это — плоские деревянные дощечки, несколько скругленные по краям, блестящие от пользования и возраста. На этих дощечках убористыми строчками высотой около сантиметра нарисованы сотни различных символов — животные, птицы, рыбы и абстрактные значки. Лингвисты отмечают, что этих символов слишком много, чтобы «видеть в них что-то вроде фонетического или слогового алфавита», и утверждают, что это полностью сформировавшееся иероглифическое письмо наподобие того, которым пользовались цивилизации в Древнем Египте или в Долине Инда. Последовательность письма на дощечках Ронгоронго заслуживает особого внимания, поскольку это *«довольно редкий и любопытный способ, называемый «перевернутый бустрофедон»; при этом способе письма каждая строчка, когда доходит до края дощечки, переходит в следующую, переворачиваясь вверх ногами. Это означает, что для того, чтобы прочитать текст, приходится в конце каждой строчки переворачивать дощечку. Нет сомнения, что эти тексты писали специалисты своего дела, и это не просто рукопись, а своего рода произведение искусства».*

Из устных преданий, собранных на острове Пасхи, можно понять, что умение читать и писать Ронгоронго передавалось от поколения к поколению, причем ему обучали в специальной круглой школе в Анакене — до 1862 г., когда работорговцы увезли последних Ма’ори-Ко-Хау-Ронгоронго. До того момента, когда была безжалостно оборвана золотая нить традиции, которая связывала остров Пасхи с прошлым, Анакена была также сценой, где проходил важный ежегодный фестиваль, на который «люди собирались, чтобы послушать, как читают все дощечки».

Сокращенную декларацию демонстрировали в XIX веке ряду исследователей из Европы и Америки, не расшифровывая письменность. С тех пор некоторые ученые объявляли, что им удалось расшифровать код — последний раз в 1997 г., — но ни за одним из этих заявлений не стояло ничего реального. Сегодня мы можем только догадываться о содержании этих священных дощечек и ломать голову, почему в течение такого долгого времени жители острова Пасхи придавали им такое большое значение. Трудно ответить и на еще более фундаментальный вопрос — как и почему вообще эта письменность и дощечки возникли в таком неподходящем месте? Отец Себастьян Энглерт, баварский монах-капуцин, археолог, проживший на острове Пасхи свыше 30 лет, формулировал эту проблему очень четко:

«Письменные языки, там, где они существуют, почти всегда являются продуктом большого сообщества людей и сложной культуры, когда имеется большой объем информации, требующей записи. Они возникают в результате необходимости и потому, конечно, нетипичны как продукт малых и изолированных групп. Совершенно невероятно, что письменность могла потребоваться и была изобретена в рамках крошечного сообщества острова Пасхи. Тем не менее какого-либо источника за пределами острова, из которого письменность могла бы быть почерпнута, пока не обнаружено».

«Эти старые работяги...»

Таким образом, тайна острова Пасхи сводится как минимум к четырем основным проблемам:

тайна Хивы, легендарной родины богов, предположительно уничтоженной наводнением;

тайна искусных мореплавателей, которые привели флот беженцев из Хивы к далеким берегам Те-Пито-О-Те-Хенуа;

тайна искусных архитекторов, первых авторов великих аху и моаи;

тайна искусных писцов, которые понимали надписи Ронгоронго.

Подобная высокая квалификация людей является признаком развитой цивилизации. Тот факт, что все они собрались вместе, сразу, на далеком острове в Тихом океане, очень трудно объяснить, исходя из нормальных «эволюционных» процессов, которые обычно приписывают человеческим обществам. Поэтому многие ученые склоняются в пользу того, что жители острова Пасхи вовсе не развили в себе все эти знания и умения в изоляции, а получили их в виде влияния — или наследства — откуда-то еще.

Мы не хотим развивать здесь старую и надоевшую дискуссию, был ли остров Пасхи заселен пришельцами с запада, то есть из Полинезии (и оттуда же получал культурное влияние), или с востока, то есть из Южной Америки. Поскольку очевидно, что первые поселенцы острова Пасхи были искусными штурманами и мореходами, столь же очевидно, что такие люди в пору расцвета их цивилизации могли совершать далекие путешествия, причем не только до островов Полинезии, но и к Южной Америке, а то и дальше. Мы считаем, что именно по этим причинам на острове Пасхи встречаются следы доисторических контактов как с южноамериканским континентом, так и с Полинезией; например, куры и бананы могли попасть лишь из Полинезии, а сладкий картофель, бутылочная тыква и сахарный тростник — только из Южной Америки.

По крайней мере, на ранней фазе заселения острова Пасхи, когда люди еще помнили, как водить океанские корабли, такие товары могли свободно перемещаться в обоих направлениях — вместе с другими ценностями, включая ремесла, знания и художественные и религиозные идеи. Так что мы не удивляемся тому, что монолитные статуи, сверхъестественно похожие на моаи (хотя и в намного меньшем количестве), были найдены в развалинах Тиауанако в южноамериканских Андах на высоте более 4000 метров над уровнем моря, на Маркизских островах в Полинезии и в ряде других мест. Подобным образом нас не удивляет, что аху острова Пасхи сравнивают с полинезийскими платформами *мараэ,* а каменная кладка Аху-Тахира напоминает лучшие работы каменщиков — инков.

Мы абсолютно уверены, что, по крайней мере, под частью этих параллелей имеется рациональная почва, и когда-нибудь будет доказан факт взаимного влияния — не обязательно очень частого — между доисторическими культурами острова Пасхи, Южной Америки и Полинезии. Это предложение не является каким-то из ряда вон выходящим, его с готовностью поддержало бы большинство ортодоксальных археологов. Где гораздо меньше определенности, так это в вопросе о месте острова Пасхи в общей структуре связей и

контактов; вполне возможно, что он играл гораздо большую роль, чем просто «реципиент» внешнего влияния.

Его квалифицированные, грамотные кадры архитекторов, чьи предшественники отыскали «Пуп Земли» благодаря высочайшему уровню астронавигации, явно были людьми высочайшей целеустремленности и широты ума. До того момента, когда, незадолго до первого контакта с европейцами, зло проникло в их общество, они сотни лет беззаветно посвящали себя созданию невероятных, внушающих трепет произведений религиозного искусства.

Мы не первые высказывали предположение о том, что ими руководила при этом цель, которая, если удалось бы ее осознать, дала бы ключ ко всей таинственной путанице. Как выразилась госпожа Скорсби Рутледж, отважная британская путешественница и исследователь, которая жила на острове Пасхи с 1914 по 1915 г.:

«Тени ушедших строителей все еще владеют этой землей. Добровольно или нет, каждому появившемуся здесь приходится общаться с этими работниками из прошлого; весь воздух здесь насыщен огромной целеустремленностью и энергией, которые здесь были и которых здесь больше нет. Что это было? Что это было?»

Нам представляется вполне возможным, что цель посвященных обитателей острова Пасхи была каким-то образом связана с древним духовным знанием, присутствие которого мы почувствовали в Ангкоре I тысячелетия н. э. и в Гизе III тысячелетия до н. э. и которое, по-видимому, возникло вне этих двух регионов и за пределами документированной истории. И, конечно, очень интересно узнать: в какой степени эти черты реального сходства, которые связывают остров Пасхи, Тиауанако в Южной Америке и многие аномальные мегалитические сооружения в Тихом океане, определяются *древним и косвенным влиянием некой третьей партии,* затрагивающей все эти культуры, а в какой — прямыми контактами, которые, несомненно, также случались между ними?

С небес на землю

Самое древнее, правда, туманное, свидетельство «влияния», происходившего за кулисами истории, относится к Египту. Там оно было связано с преданиями о загадочной группе «полубожественных» существ, называвшихся *Шемсу-Гор* — Последователи Гора и поселившихся в долине Нила в далекую эпоху, тысячи лет назад, известную под названием «ранний первобытный век». Как мы видели в части второй, о влиянии этих переселенцев и их ключевой роли в формировании и руководстве исторической цивилизацией фараонов говорится во многих египетских текстах, посвященных погребениям и воскрешениям, в особенности в замечательных «Текстах Строителей», высеченных на стенах храма Гора в Эдфу, в Верхнем Египте.

Обрывочные легенды о заселении острова Пасхи семью мудрецами и династией богоцаря Хоту-Матуа содержат элементы, напоминающие «Тексты Строителей» Эдфу. В обоих случаях мы сталкиваемся с первоначальным местом проживания богов — островом Хива у островитян Пасхи и «Родиной Первобытных» у древних египтян. В обоих случаях родной остров был уничтожен неистовой бурей и наводнением, причиной которых был «рычаг Уоке» у жителей острова Пасхи и «великая змея» в богатой символике Эдфу: «Нападение было столь яростным, что оно уничтожило священную землю, в результате чего погибли ее божественные обитатели». В обоих случаях говорится, что боги прежней родины «утонули в водах». В обоих случаях кое-кто выжил. В обоих случаях они спаслись на лодках и в конце концов приплыли в страну, где и поселились. В обоих случаях их вели богоцари. В обоих случаях в их число входили писцы, архитекторы и астрономы. И в обоих случаях те, кто выжили, особое внимание уделяли постройке священных курганов.

В Египте, как сообщается, эти холмы должны были служить основанием и определять ориентацию храмов, которые предстояло построить в дальнейшем; их сооружали в соответствии с планом, который должен был каким-то образом «напоминать небо», целью же всего мероприятия было «воскрешение былого мира богов». В результате проведения в жизнь таких идей великие храмы в долине Нила всегда возводились на основании более ранних священных сооружений. Случайно ли все аху острова Пасхи стоят, оказывается, на более ранних аху? А, может быть, это тоже вытекает из великого и таинственного плана, который претворяли в жизнь в течение тысяч лет по всему земному шару, надеясь осуществить «возрождение прежнего мира»?

Прогуливаясь не спеша вокруг Аху-Нау-Нау в бухте Анакена, легко заметить, что огромная платформа является детищем не одной эпохи, а многих, и что ее неоднократно наращивали. Значительная часть кладки Аху выглядит довольно грубой, причем некоторые крупные глыбы, покрытые иероглифами, явно принадлежали более древним монументам. Один из блоков при ближайшем рассмотрении оказался древний моаи с отбитой головой, сильно выветренной и изношенной. Под несколькими метрами грунта со стороны моря в 1987 г., как мы узнали, Тур Хейердал откопал стену из камней-мегалитов. Она была сложена из больших, прекрасно отесанных блоков и, по его мнению, относилась к намного более древним слоям, чем сооружение этого аху.

Кроме того, при раскопках было обнаружено огромное, выложенное камнями углубление, расположенное рядом с Аху-Нау-Нау со стороны моря. На острове неподалеку от различных аху было обнаружено немало таких сооружений, из которых особенно хорошо сохранились те, что расположены рядом с Аху-Вайюри и Аху-Тепеу. Археологи предполагают, что все они некогда служили фундаментами имеющих форму лодок домов, в которых жили первые поселенцы. Однако предания называют их «лодками костей» и связывают их с богом-строителем по имени Нуку Кеху, который, как предполагают, прибыл на остров Пасхи в первобытные времена вместе с Хоту Матуа. Еще семь платформ в виде лодок, известных под названием Аху-Поэпоэ, использовались в качестве мест погребения. Наилучший их образец, длиной 21 метр и высотой 4 метра, с носом, поднятым примерно на метр по отношению к корме, находится западнее Анакены рядом с океаном, «как будто готовится, — по выражению отца Себастьяна Энглерта, — подвезти своих усопших пассажиров к какому-то далекому берегу». Этот Аху-Поэпоэ и фундаменты так называемых «домов-лодок» очень напоминают «лодочные могилы», которые обычно ассоциируются с пирамидами и захоронениями в Древнем Египте. В некоторых обследованных нами местах — например, в Абидосе в Верхнем Египте — обнаружены каменные или кирпичные макеты лодок. В других — это выполненные в натуральную величину полноценные суда, наиболее известным из которых является 43-метровая «солнечная лодка», найденная в погребенном состоянии в одной из «лодочных могил» рядом с Великой пирамидой в Египте (см. главу 3). Древнеегипетские тексты о погребении и возрождении повествуют символическим языком о том, как души умерших царей путешествуют между землей и небом в таких лодках. Поэтому нам было любопытно услышать легенду острова Пасхи, которая так рассказывает о богоцаре Хоту Матуа: «Он прибыл с неба на землю… Прибыл он на корабле… прибыл на землю с неба».

Встающие боги

В древнеегипетском языке слово «ах» или «ахи» может означать «состоящий из света», «житель горизонта», «сияющий» или «преображенный дух»*1*. На острове Пасхи «аху» означает «сверхъестественный дух». Вернувшись в Египет, мы обнаружили, что то же самое слово входило в титул Шемсу-Гор, Последователей Гора — Аху-Шемсу-Гор; именно так звучал полный Титул божественных царей, которые, как верили, правили в долине Нила за

тысячи лет до того, как первый фараон из первой исторической династии взошел на трон*2*. Мы также встречаем довольно странный отрывок в древнеегипетской *«Книге о том, что находится в Дуате»* в котором посвященному говорится, что он должен «встать с богами, которые стоят, *ахау».* Эти сверхъестественные существа были якобы ростом 9 локтей (примерно 6 метров).

Дождливым днем мы стояли на берегу Анакена у основания самого высокого из семи моаи Аху-Нау-Нау. Высота его 6 метров. Этот 18-тонный монолит высечен из характерного красно-серого вулканического туфа, добываемого на острове Пасхи в каменоломне Рано Рараку; материал этот использовался для изготовления всех моаи. Венчала его голову то ли коническая корона, то ли стилизованный пучок волос из другого камня (красного вулканического шлака из каменоломни Пуна Пуа) дополнительным весом еще в 6 тонн.

Такие шевелюры можно встретить лишь у сравнительно малого числа моаи. Их называют *пукао.* Самую большую из них 1,8 метра высотой, 2,1 метра в диаметре и весом примерно 11 тонн, можно увидеть в Аху-Те-Пито-Кура, в 2 километрах к востоку от Анакены, где она сначала находилась на макушке самого крупного из моаи, успешно поставленного на платформу. Эта фигура, ныне упавшая, весит, по расчетам, чуть меньше 81 тонны, и была доставлена из каменоломни Рано Рараку, расположенной примерно в 6,5 километра. Другой моаи, настоящее чудовище, так и оставшееся в каменоломне, весит около 90 тонн; если бы его поставили, он имел бы высоту около 23 метров.

Транспортировка десятков этих гигантских статуй к аху по всему острову, их установка и, наконец, потрясающее «увенчивание» избранных из них громоздкими «прическами» по несколько тонн каждая справедливо оценивают как «внушительное техническое достижение». Ученые ломают голову над вопросом: каким образом это стало возможным на отдаленном острове, чье население никогда, даже в эпоху расцвета, не превышало 4000 человек? Поскольку относительно острова Пасхи в академических кругах сформировалась стойкая боязнь сумасшедших идей, «закидонов», каждый археолог теперь намерен доказать свою полную вменяемость, рационализм и «научность». Нет сомнения, что именно по этой причине ни один ортодоксальный ученый не пытался хотя бы на минуту серьезно отнестись к многочисленным старинным преданиям острова Пасхи, в которых сообщается, что перемещение и подъем моаи осуществлялись силой *маны* (дословно — колдовства) — харизмы, мысли, которую древние египтяне называли *гекау.*

В преданиях острова Пасхи сохранились путаные воспоминания об эпизоде из прошлого, когда «великие волшебники» знали, как передвигать статуи «словами ртов своих». Волшебники якобы пользовались круглым камнем, именуемым Те Пито Кура, «чтобы сконцентрировать свою энергию *мана* и тем самым приказать статуям идти». Утверждали, что и вожди также обладали иногда достаточной *маной,* чтобы повелеть статуям идти или плыть по воздуху: «Людям приходилось тяжело трудиться, чтобы высечь моаи из камня, но, когда они бывали окончены, король передвигал их при помощи *маны».*

Снова просматривается аналогия с Египтом, где предания связывают самые внушительные сооружения с использованием волшебства. Так, в одном из типичных папирусов мы читаем, что эфиопский волшебник Гор «сделал так, что над головами фараона и его принцев повисла огромная каменная глыба длиной 20 локтей и шириной 50 локтей, угрожая упасть и убить их всех; когда царь и его приближенные увидели ее, то стали пронзительно кричать. Гор, однако, произнес заклинание, которое вызвало появление огромной лодки — призрака, и сделал так, что она увезла эту каменную глыбу».

Очень похожие предания о чудесной технике строительства были записаны в Южной Америке первыми испанцами, посетившими в Андах таинственный город Тиауанако (см. часть V), с его статуями — мегалитами, циклопическими стенами и пирамидами. Согласно преданиям, огромные блоки спускались из горных каменоломен «сами по себе, либо по звуку трубы» и занимали «правильное положение на строительстве». Намного севернее, в городе

майя Уксмаль в Центральной Америке, рассказывают почти идентичные истории о так называемой пирамиде Волшебника. Рассказывают, что ее чудесным образом сложил «всего за одну ночь» некий карлик, наделенный колдовской силой; стоило ему «свистнуть, и тяжелые скалы двигались на место». Известны предания и о циклопическом городе Нан Мадол на острове Понпеи в Микронезии, который был возведен колдовством его богоцарей основателей, Олосопы и Олосипы: «В результате их волшебных заклинаний огромные каменные массы, одна за другой, летели по воздуху подобно птицам, садясь на предназначенное место».

Может быть, ошибочно считать подобные легенды бессмыслицей. Может быть, историкам и археологам стоило бы чуть поменьше тратить сил на банальные и прозаические объяснения тайн прошлого человечества и уделять чуть больше внимания тому удивительному, что в нем также встречалось. Идет ли речь о египетских пирамидах, храмах Ангкора, каменных городах Центральной и Южной Америки, призрачных базальтовых стенах Нан Мадола или аху и моаи острова Пасхи, мы, в сущности, почти ничего не знаем о нашей собственной предыстории. Возможно, это был период длительной, медленной, непримечательной эволюции, как хотелось бы верить большинству ученых. Но, вполне может быть, он был совсем иным — более тонким и сложным, насыщенным жизнью и воображением, надеждой и отчаянием. Может быть, одна, а то и несколько ушедших высокоразвитых цивилизаций таятся где-то в темных ущельях нашего коллективного прошлого, стертые с лица земли безымянными катаклизмами минувших эпох. Может быть, они пользовались развитой техникой, в корне отличающейся от сегодняшней. Может быть, они даже научились совершенствовать свои технические решения и манипулировать физическим миром, концентрируя энергию своей мысли и решая таким образом задачи вроде подъема и перемещения огромных каменных глыб.

Мы убеждены и говорили об этом в своих предыдущих книгах, что в истории человечества имеется по крайней мере один забытый эпизод — пропавшая цивилизация, которую уничтожили гигантские катаклизмы в конце ледникового периода. Эту цивилизацию многие обстоятельства связывают с эпохой 10 500 г. до н. э. Мы, однако, рассматриваем возможность еще более удивительного развития событий: система знаний, которыми владела эта цивилизация, была спасена теми, кто выжил и затем изобрел способ распространить эти знания по миру и передать их в будущее, грядущим поколениям, вплоть до нынешнего. Это могло бы объяснить, почему одна и та же хорошо продуманная система духовной инициации, пользующаяся в поисках бессмертия души дуализмом неба и земли, система неизвестного происхождения, оказалась способной проявлять себя в Древнем Египте эпохи Пирамид, в герметических текстах раннехристианской эпохи, в Камбодже и Центральной Америке конца I тысячелетия н. э., может быть, даже в Микронезии, а, возможно, и на острове Пасхи, с его странными местными названиями: Те-Пито-О-Те-Хенуа, «Пуп Земли», и Мата-Ки-Те-Рани, «Глаза, смотрящие в небо».

Глава 14
ПАУТИНА

Во второй половине дня июньского солнцестояния, ближе к закату, мы добрались до Аху-Акиви, что находится километрах в трех от западной береговой линии, в глубине острова Пасхи. Как в Аху-Нау-Нау, что в Анакене, здесь тоже имеется семь моаи, но только у них нет шевелюр и все они стоят лицом к западу, то есть к морю, которое хорошо видно с возвышенности, где они находятся.

Странное предание связано с этими седыми, не от мира сего изваяниями, торжественными и могучими, чей пустой и надменный взор направлен в сторону безграничного океана. Согласно местному поверью, эти моаи, как и большинство остальных их собратьев, умерли давным-давно, в то время, когда мана (колдовство) вдруг покинула остров, чтобы никогда уже не вернуться. Но у этих моаи (и еще нескольких статуй)

сохранилась способность дважды в год превращаться в аринга ора — дословно «живые лица». Идея эта удивительно схожа с египетскими представлениями, согласно которым статуи становятся «живыми образами» (шешеп анх), претерпев церемонию «открывания рта и глаз». Подобным же образом статуи в Ангкоре считались безжизненными, пока глаза у них символически не «откроют».

Великие каменные моаи острова Пасхи некогда были снабжены вставленными в глазницы глазами из белого коралла и красного вулканического шлака. В ряде случаев (но не в Аху-Акиви) удалось собрать достаточно обломков, чтобы произвести реставрацию;.оказалось, что первоначально взор статуй был направлен в небо. Поэтому легко предположить, почему остров некогда назывался Мата-Ки-Те-Рани, «Глаза, смотрящие в небо». В лунную ночь сотни «живых» статуй, разглядывающих звезды своими светящимися глазами из кораллов, казались, наверное, мифическими астрономами, чей взор устремлен в космос. А в жаркий день эти же глаза прослеживали путь солнца, который древние египтяне называли «дорогой Гора», или «дорогой Ра». Это был тот же самый «путь», которым следовали Шемсу-Гор, Последователи Гора, для которых возглас «АнхТор» — «бог Гор живет» — был привычным и повседневным.

Великий храм Ангкор-Ват в Камбодже ориентирован по двум астрономическим направлениям — на солнечный восход в дни декабрьского солнцестояния и мартовского равноденствия, которые в Северном полушарии приходятся соответственно на середину зимы и начало весны. Два момента в году, когда, согласно преданиям острова Пасхи, моаи Аху-Акиви оживают и становятся «особенно осмысленными», приходятся на июньское солнцестояние и сентябрьское равноденствие, соответственно на середину зимы и начало весны в этих южных широтах.

Археоастрономические исследования Уильяма Маллоя, Уильяма Лиллера, Эдмундо Эдвардса, Малькольма Кларка и других подтвердили, что восточный фасад Аху-Акиви действительно имеет четкую ориентацию, связанную с равноденствиями: «комплекс был спроектирован таким образом, чтобы отметить даты равноденствий». Столь же определенную и четкую ориентацию на равноденствия и солнцестояния обнаружили и у многих прибрежных аху (например, Аху-Тепеу и Аху-Геким на северном берегу, Аху-Тонгарики, а также два особенно потрясающих циклонических аху с идеально высеченными трапецевидными блоками в Винапу). Было также установлено, что несколько других «расположенных в глубине острова аху ориентированы на восход в дни зимнего солнцестояния». В случае Аху-Акиви никакой связи с солнцестоянием обнаружено не было. Тем не менее, стоя рядом с шеренгой древних моаи и глядя вместе с ними на запад под вечер в день июньского солнцестояния, мы ощущали мощную связь между небом и землей. В какой-то момент лучи заходящего солнца проникали, казалось, прямо в лбы изваяний, напоминая о золотых фигурах на второй усыпальнице древнеегипетского фараона Тутанхамона. чьи лбы также соединяются с небесными светилами (см. главу 5). «Эти боги таковы, — гласит сопровождающая надпись, — что лучи Ра проникают в их тела. Он призывает их души».

Ра, имя египетского бога Солнца, часто возникает в связи со священной архитектурой острова Пасхи, его мифическим прошлым и космологией. Само слово «раа «в языке жителей острова Пасхи означает «Солнце». Четвертого сына богоцаря Хоту Матуа звали Раа, от него и пошел род (клан) Раа. Слог «ра «появляется и в именах двух других кланов — Хитпл-ра (что означает «восход солнца»), а также в названиях трех главных озер, расположенных на острове в кратерах: Рано Као, Рано А-Рои и Рано Рораку. В Ханга Папа находится также Аху-Ро'аи. Его ориентацию исследовали археологи Эдмундо Эвардс и Малкольм А. Кларк, которые считают, что это название как минимум «наводит на мысли». Согласно их расчетам, Аху-Ра'аи было точно нацелено его строителями на две вершины вулканов, с тем, чтобы служить

репером и обсерваторией для наблюдения за движением солнца в день декабрьского солнцестояния.

Птицечеловек

На юго-западной оконечности острова Пасхи — мысе Оронго, около неровного края кратера Рано Кау, есть четыре небольших отверстия, пробитых в скальном грунте рядом с большим аху. Поскольку известно, что Оронго был важным ритуальным центром, эти отверстия привлекли внимание норвежской археологической экспедиции, посетившей остров в 1955–1956 гг. Их обследовал доктор Эдвин Фердон. Проведя наблюдения в дни солнцестояний и равноденствий, он пришел к выводу: «Можно уверенно утверждать, что этот комплекс из четырех отверстий представлял собой устройство для наблюдения Солнца».

Кроме одного аху, на мысе Оронго в прошлом стоял один моаи, уникальный образец, высеченный из базальта, который был переправлен в Британский музей в 1868 г. От былого ритуального центра здесь, между крутым спуском к океану и гигантским, заросшим тростником кратером Рано Кау, осталось скопление 54 приземистых овальных домов с толстыми, массивными стенами из горизонтально положенных каменных плит и куполообразными перекрытиями.

В этих декорациях ежегодно, в сентябре — месяце весеннего равноденствия в южном полушарии — проходило состязание «Птицечеловек». Происхождение этой причудливой церемонии абсолютно неизвестно. В центре церемонии были поиски (в прямом смысле) яйца черной крачки, конкретно — первого яйца крачки, отложенного в текущем сезоне на птичьем острове Мото-Нуи, который находился в миле к юго-западу от мыса Оронго. Поиском от лица местной знати занимались молодые люди *хопу ману* («слуги птицы»), а организовывали его ученые хранители дощечек с надписями Ронгоронго. По сигналу судей *хопу ману* спускались со скалистых обрывов Оронго и плыли наперегонки к островку на маленьких конических плотиках из тростника, называемых *пора.* Первый, кто возвращался с яйцом черной крачки, должен был торжественно вручить его своему патрону, который провозглашался Тангату-Ману — священным птицечеловеком. В течение следующего года он пользовался королевскими почестями, брил голову и красил ее в ярко-красный цвет. Одновременно на скалах Оронго в его честь высекался петроглиф с изображением странного человека с птичьей головой и длинным клювом.

Манутера, местное название черной крачки, означает буквально «солнечная птица». Поэтому мы считаем весьма вероятным, хотя не имеем прямых доказательств, что крачка считалась символом Солнца — подобно тому, как сокол и Феникс служили символами Солнца в Древнем Египте. Последний, мифическая птица Бенну, ассоциировался с Гелиополисом («Город Солнца») и пирамидальным солнечным камнем Бенбен, а также с яйцом: «Когда конец его приближался, Феникс устраивал новое гнездо из ароматических сучьев и снадобий, поджигал его и сам сгорал в пламени. Из погребального костра чудесным образом возникал новый Феникс, который, сложив пепел своего родителя в яйцо из мирры, летел с ним в Гелиополис, чтобы возложить на алтарь храма бога Солнца Ра».

Не исключено, что культ птицечеловека на острове Пасхи выражал близкие идеи. По мнению историка Р А Джайразбоя, «если искать прообраз этой практики в прошлом, то в голову приходит мысль о яйце египетского бога Солнца [космическомяйце]. В «Книге Мертвых» говорится, что это яйцо отложил Кенкенур, «Великая Квочка» [синоним Феникса], и что усопший наблюдал и охранял его. Об этом говорится в главе под названием «Власть над водами в преисподней». Что же касается путешествия на тростниковом плоту через море, то оно напоминает путешествие египетского бога Солнца Ра к горизонту на тростниковых плотах».

Соображения Джайразбоя, хоть их и игнорировали другие историки, весьма разумны: почти все, что связано с церемониалом птицечеловека, приобретает смысл, если рассматривать его как ритуальный поиск первобытного яйца Ра, символом которого служит яйцо *ману-тера,* солнечной птицы. Особенно интересны в этом смысле тростниковые плоты, которые жители острова Пасхи называют *пора,* что дословно означает «тростниковые плоты солнца». Джайразбой обратил внимание на то, что в древнеегипетской *«Книге Мертвых»* тростниковые плоты иногда фигурируют в качестве транспортного средства для перемещения Солнца по небу. О них же упоминается и в более древних «Текстах Пирамид»: «Тростниковые плоты неба уже приготовлены для Ра, дабы он мог переплыть на них к горизонту…» По сути дела, мы не видим особенной разницы между тростниковыми плотами, на которых Ра переплывал небо в Древнем Египте, и тростниковыми плотами бога Солнца Ра, которыми пользовались *хопу ману* острова Пасхи, чтобы доплыть до Мото-Нуи и символически вернуть космическое яйцо солнечной птицы. Более того, конические тростниковые плоты, о которых повествуют иероглифы и которые, по мнению археологов, являются «древнейшими плавучими средствами Нила и болот дельты», неотличимы от тростниковых плотов, которыми продолжали пользоваться в Нубии и Среднем Египте еще в XX веке. Те же, в свою очередь, идентичны тростниковым плотам острова Пасхи; единственное различие между ними — вид тростника, служившего материалом (ротор — на острове Пасхи и папирус — в Египте).

Гуляя по мысу Оронго, между краем Рано Кау и прибрежными скалами, мы размышляли о возможности скрытой от нас связи между странным культурным самовыражением острова Пасхи, ритуалом птицечеловека, аху и моаи, и древним поиском бессмертия, описанным в «Текстах Пирамид», который символизировали «небесные тростниковые плоты», позволявшие не только Ра, но и душам умерших «переплыть к горизонту». В основе этого поиска, как мы видели в части второй, лежало знание, абсолютно необходимое тем, кто стремился «жить миллионы лет». Следует ли поэтому считать случайностью, что титул, присуждавшийся священному птицечеловеку острова Пасхи — Танчату-Ману, в переводе означает *«ученый человек священной птицы»* Древнеегипетская религия придавала огромное значение именно такому ученому птицечеловеку — Тоту с головой ибиса и длинным клювом, богу знаний и звездочету, который заявляет в *«Книге Мертвых»:*

«Я — Тот, владыка законов, который дает толкование написанному, умелый писец, чьи руки чисты, который пишет то, что является правдой, и питает отвращение ко лжи. Я — Тот, великий волшебник, плывущий на корабле миллионы лет, управляющий небом, землей и Дуатом, насыщающий солнечный народ».

Уместно вспомнить и изречение 669 из «Текстов Пирамид», где обещание монарху будущей жизни связано с удивительной символикой птицы и яйца: «Возрождение твое — в гнезде Тота… Гляньте, царь существует; вот он срастается, вот он разбивает яйцо».

Около 18 часов мы увидели, как над кратером Рано Кау повис мост радуги. В 18.15 она исчезла. В 18.40 солнце спустилось за горизонт, только, краешек виднелся. Небо на западе стало оранжевым. И тут прямо перед нами, вблизи Мото-Нуи с морем стало происходить что-то удивительное — ливень словно пуповиной соединил тучу с океаном. Впрочем, нельзя было уверенно утверждать, что это именно ливень. Может быть, мы наблюдали процесс образования тучи, которая, втягивая влагу, продвигалась вглубь суши. Туманные корни двигались вместе с ней, туча насыщалась океаном, океан насыщался тучей.

В этот момент мы осознали мистическую мощь этого одинокого острова и прямо-таки ощутили его полное одиночество. Окруженный глубинами Тихого океана, дикие просторы которого труднее пересечь, чем любую пустыню, он лежал под звездами, взирая на небеса именно так, как предписывало его название Мата-Ки-Те-Рани.

Слово «мата», означающее на языке острова Пасхи «глаз» или «глаза», может содержать и некий оккультный смысл. Фонетически оно чрезвычайно близко к

древнеегипетскому слову маат, означающему «истина»/ «целостность», «прямота», «правильность», «подлинность» и т. д., а также «справедливость», «равновесие» и «космическая гармония». Концепция маат олицетворялась богиней Маат, чьим символом служило перо истины и которая играла ключевую роль в сцене судилища в «Книге Мертвых» — когда принимается решение о вечной судьбе умершего.

Но в древнеегипетском языке имеется и еще одно слово «маат». Согласно «Словарюиероглифов» сэра Э.А. Уоллис-Баджа, оно может означать «глаз», «зрение», «вид», «видимое», «сцена», «видение». В «Книге Мертвых» оно встречается довольно часто в виде выражения «маат Ра», что означает «глаз Ра»; например, в главе 17 мы читаем: «Это — вода небес; иначе говоря, это образ глаза Ра (маат Ра)».

Если слегка подредактировать название Мата-Ки-Те-Рани, убрав «Ки-Те» («смотрящий на»), то окажется, что «Мата Рани», стойкое словосочетание на острове Пасхи и в других полинезийских языках, которое означает «глаз неба». Невозможно отрицать, что «Мата Рани'' довольно близко фонетически и семантически к древнеегипетскому «маат Ра». означающему, в сущности, не что иное, как «глаз солнца»3. Более того, в обоих случаях делается особый акцент на небесах и небесных телах; иначе говоря, выражения эти носят астрономический характер.

Тайный язык

Существует прямое свидетельство забытого астрономического наследия острова Пасхи, которое не ограничивается аху и моаи. Наряду с физическим доказательством в виде ориентации сохранившихся на острове каменных развалин, до нас дошли интригующие обрывки мифов, отражающие сильный дуализм «небо — земля», характерный также и для Древнего Египта и Ангкора. Мы уже упоминали в главе 13, что богоцарь Хоту Матура, как утверждали, спустился с неба на землю в большом «корабле». Полностью этот отрывок из предания звучит следующим образом:

«Он спустился с неба на землю,

На обе земли спустился Хоту Матуа,

Вернувшись с помощью неба в оба мира своего

старшего сына, в оба мира, в свой мир.

Он прибыл на корабле своего младшего сына,

своего лучшего сына, прибыл на землю с неба».

В пересказе с дощечки Ронгоронго, сделанном в XIX веке одним из последних островитян, которые могли их читать, этот текст, как нам кажется, удивительно близок к речениям египетских «Текстов Пирамид» и *«Книги Мертвых»,* где описывается, как Ра поднимается на небеса по утрам, когда он, метафорически, «самый молодой», на солнечном корабле с названием *«Мандет»,* а в сумерках, когда он, тоже метафорически, «самый старый», спускается на солнечном корабле *«Месекет».* Особо отметим упоминание в этом изложении «двух земель», которое легко узнают все, кто штудировали *«Мельницу Гамлета»* Джордже де Сантильяны и Герты фон Дехехенд. Их вклад в науку состоит в выявлении особого сугубо астрономического языка глубокой древности, зашифрованного в мифах и монументах, причем и язык этот, и наука восходят, по их выражению, к «некоей почти невероятно древней цивилизации», существовавшей по всему миру за тысячи лет до начала официальной истории. Этот язык связан в особенности с прецессией равноденствий и несет ряд чисел, производных от скорости прецессии — один градус за 72 года, 30 градусов за 2160 лет и т. д. Это также язык, который использует определенные «мысленные модели», облегчающие понимание сложных астрономических идей. Одна такая модель называлась в

мифологии землей; по определению Сантильяны и фон Дехехенд, это воображаемая плоскость, проходящая в небе таким образом, что она соединяет четыре «определяющих» зодиакальных созвездия, на фоне которых солнце восходит в дни солнцестояний и равноденствий в данную эпоху:

«Поскольку эта «земля «определяется четырьмя созвездиями, восходящими гелиакально в два дня равноденствия и два — солнцестояния, ей присвоено название четырехугольной (что совсем не означает, будто «примитивные «китайцы и другие народы действительно считали ее четырехугольной). И, поскольку эти созвездия определяют положение вершин четырехугольной «земли «лишь временно [вследствие прецессии равноденствий], вполне естественно говорить, что такая земля периодически гибнет, а из вод рождается новая земля, по мере того как четырем характерным моментам года начинают соответствовать четыре новых созвездия».

Упало сверху на землю. Люди кричали:

«Небо упало в дни короля Рокороко Хе Тау».

Он выждал заданное время, и небо вернулось;

оно ушло и осталось там наверху».

Век, а, возможно, и намного дольше, здесь существовало мирное стабильное и сознательное общество, которое производило достаточно прибавочного продукта, чтобы содержать большую прослойку квалифицированных строителей и скульпторов, необходимых для возведения аху и моаи. Древние египтяне, ознакомившись с этим обществом, немедленно признали бы, что им правит *маат,* поскольку здесь доминировала духовная мощь, выражавшаяся в актах индивидуального и коллективного творчества. В результате в наследство миру осталась загадка мистической красоты — непостижимая мандала из более чем 600 таинственных, заряженных энергией статуй, которые как бы выплеснулись из кратера Рано Рараку, где их высекали из камня, и разлились по склонам Двумя гигантскими спиралями.

Параллели и меридианы

Мы поднялись по крутой внешней стене кратера Рано Рараку, перевалили через заросший травой край и стали спускаться в зияющий рот древней кальдеры. Все окружающее пространство было заполнено частично вырубленными и законченными моаи и их головами, общим числом 276 штук, причем одни стояли, другие — лежали. Все те, что стояли внутри кратера, ряд за рядом, разбросанные случайным образом, были обращены лицом в сторону находящегося на дне кратера озера с берегами, поросшими тростником. Подобно горячему кушанью, оставленному нетронутым на брошенном столе, эти загадочные, не от мира сего фигуры свидетельствовали о какой-то деятельности, которая была внезапно приостановлена. Нам было бы легко согласиться с объяснением археологов относительно случайного распределения статуй по склону, согласно которому в момент социального конфликта рабочие в каменоломне разом положили свои инструменты и ушли со своих рабочих мест, чтобы никогда не вернуться. Существует, однако, и другая версия, согласно которой расположенные моаи внутри и вне каменоломни носит продуманный характер, и эти сотни изваяний образуют одну сложную и весьма зрелищную монументальную композицию. Те головы, что поменьше, смотрели на нас так, будто они вырастают из земли — этакие странные, корявые корневища, или овощи, или фрукты, увядшие на ветке, оторванной от живой, растущей скалы, уложенные на просушку и сморщившиеся. Было что-то торжественное в лицах, чей незрячий взор направлен в центр озера, расположенного в кратере, посреди огромного океана. Там, высоко на краю Рано Рараку, где скалы круто спускаются в восточном направлении на 180 метров к морю, мы наткнулись на любопытную

вещь — вырубленную в скале пещеру с рядами каменных скамей или сидений, расположенных вдоль стен. Подобно моаи, все они были обращены в сторону озера. В совокупности с различными пазами, альковами и нишами глубиной более метра и высотой более двух метров внешний вид этого сооружения очень походил на каменные террасы и лестницы подводного «монумента» в Йонагуни. Дэвид Хэтчер Чайлдресс рассказал одно из преданий острова Пасхи. Семеро волшебников однажды уселись на скамьи Рано Рараку и объединили свою *ману,* чтобы заставить статуи двигаться: «Всем моаи нужно было идти в одном направлении. Выйдя из кратера, они зашагали по часовой стрелке… по спирали вокруг острова. Вы и сегодня можете увидеть древнюю дорогу, по которой они шагали». На самом деле, здесь можно увидеть не одну древнюю дорогу, и во многих местах рядом с ними находятся моаи, упавшие ничком; выглядит это так, будто они играли в «музыкальные стулья», грациозно двигались, а затем словно по команде все повалились на землю. Имеются и другие доисторические дороги, которые обитатели острова Пасхи называют Ара Махива. Утверждают, что некогда они «пересекали все побережье острова» и что они «являются работой некоего сверхъестественного существа». Однако наибольший интерес представляет предание, записанное некогда на дощечке Ронгоронго, которое пересказал в 1886 г. старик по имени Уре Ваейко:

«Когда остров был только создан, и о нем узнали наши праотцы, землю пересекали дороги, прекрасно вымощенные плоскими камнями. Камни эти были настолько искусно пригнаны друг к другу, что нельзя было нащупать неровных краев. Стоителем этих дорог был Геке (имя напоминает древнеегипетское гекау, «колдовство»), и именно он сидел на почетном месте посередине, откуда дороги расходились по всем направлениям. Эти дороги были хитро проложены таким образом, чтобы изобразить паутину, свитую пауком в серых и черных пятнах, причем ни один человек не мог бы обнаружить ни начала, ни конца ее».

В сочетании с намеками на некий допотопный источник, самыми, на наш взгляд, потрясающими элементами информации, содержащимися в пересказе Уре Вайеко, являются следующие:

1) существовала некая странная сеть «дорог», проложенных наподобие «сети паука»;

2) эта сеть исходила из «почетного места посередине»;

3) она, очевидно, была каким-то образом связана с «небом». Мы подозреваем, что такая система каким-то образом перекликалась с некоей давно забытой системой глобальных и небесных координат — сеткой параллелей и меридианов наподобие линий широты и долготы на современных картах и их «небесных» аналогов, склонения и восхождения, которые астрономы используют для ориентации в небе. Принцип сетки был хорошо известен и широко использовался в древнем мире. Так, например, китайский картограф Чан Хен, изобретатель количественной картографии, еще в 116 г. построил «сеть координат для неба и земли и проводил на основе ее расчеты».

Пупки Земли

Остров Пасхи называли не только «Глазами, смотрящими на небо», но и Те-Пито-О-Те-Хенуа, «Пуп Земли», причем считалось, что это название присвоил ему лично богоцарь Хоту Матуа. Странно то, что он разделяет это название с Куско (дословно «пуп») — столицей империи инков в перуанских Андах с ее циклопическими постройками. Более того, то же название, или идея, использовалась в древности применительно ко многим другим ритуальным и священным «почетным местам посередине». И во всех случаях, когда имеется достаточно информации, чтобы вынести суждение, эти места почитались как центры геодезии, геометрии и родственного им искусства геомантии, что дословно означает «обожествление Земли». Часто такие «пупы Земли» оказываются связанными с метеоритами

— камнями, упавшими с неба. Многие из них имеют свой собственный «пупковый камень», или «солнечный камень», или «камень основания», которому иногда сопутствовала традиция врытого в землю столба или колонны, либо вознесшегося ввысь обелиска. Кроме того, про каждый из них говорилось, что именно он является первичным центром творения, от которого и пошло все остальное: «Святой Бог создал мир подобно зародышу. Подобно тому, как зародыш растет из пупка, так и Бог начинал выращивать мир из своего пупка, откуда он распространил его в различных направлениях». На острове Пасхи сохранились предания о метеоритах, которые здесь называют *Уре-Тиотио-Моана.* Предполагается, что три метеорита «глубоко захоронены в земле острова». Кроме этого, на старых фотографиях можно увидеть загадочный «камень, которому придана круглая форма», диаметром примерно три четверти метра. Он находится недалеко от берега вблизи Аху-Те-Пито-Кура в двух километрах к востоку от Анакены. Рассказывают, что этот пуп острова ранее использовался колдунами для того, чтобы «концентрировать свою энергию *мала* и приказывать статуям ходить». Его название, *Те-Пито-Кура,* переводили по-разному: «золотой пупок» либо «пупок света». Впрочем, оно вполне может означать и «пупок солнца», что весьма близко к концепции древнеегипетского *Бенбена,* солнечного камня, упавшего с неба, который стоял на колонне в «Обители Феникса» в центре священного города Гелиополиса, почитавшегося центром творения Вселенной и местом расположения «первобытного кургана». Подобные идеи встречаются в древнем Израиле в связи со священным городом Иерусалимом:

«Святая Земля есть центральная точка поверхности Земли, Иерусалим есть центральная точка Палестины, а храм расположен в самом центре Святого Города. В святилище же самый центр занимает святой Ковчег [с Заветом]*… поставленный на Камень Основания* [«Эбен Шетия»]*, который, таким образом, является центром Земли…»*

Эбен Шетия мог быть «огненным камнем, то есть метеоритом»; в пользу этой идеи говорят Книги Чисел и Царств, где речь идет об «огне с неба», ударившем в алтарь в Иерусалиме. Более того, ясно, что история эта не уникальна, а скорее даже типична, поскольку известен целый *класс* подобного рода объектов. По-видимому, наиболее известным из них является знаменитый камень Омфалос в Дельфи (Греция). Считалось, что этот «пупок» (а именно это означает слово *«омфалос»)* отмечает, подобно *Бенбену* и Эбену Шетия, центр Земли и что он упал с неба. В греческой мифологии он фигурирует в качестве камня, который подсунули вместо младенца Зевса чудовищному богу времени Хроносу, пожиравшему собственных детей. Когда Зевс вырос, то отомстил Хроносу, «свергнув его с неба в самые глубины Вселенной», заставив его предварительно отрыгнуть этот камень: «Он упал в самом центре мира, в священном Дельфи». Дельфи находится на склонах горы Парнас в удивительно красивой долине с видом на Коринфский залив. Некогда существовавший омфалос имел вид фаллической колонны, слегка конической формы. Оригинал не дошел до нас, но была найдена копия, изготовленная в эллинский период. На поверхности камня вырезана сетка (путаный «сетчатый орнамент», по выражению археологов), или, если хотите, паутина. Как и в случае паутины пятнистого паука, трудно сказать, где у нее начало и где конец. Греческие предания связывают дельфийский омфалос с птицами, что не особо удивительно, поскольку греческие авгуры формулировали свои предсказания, исходя из полета птиц. Утверждают, что в медальоне на омфалосе были некогда изображены два золотых орла в ознаменование того, как Зевс выпустил двух золотых орлов с противоположных концов Земли и заставил их лететь к центру; они, естественно, встретились именно в Дельфи. Поскольку одна из птиц летела с востока, а другая — с запада, траектория их полета должна была описать большую дугу, или полукруг, на поверхности Земли — фактически параллель. Как пишет историк науки Ливио Катулло Стеккина, «в иконографии древних эти две птицы [иногда — орлы, иногда — голуби] служат стандартным символом параллелей и меридианов». Стеккини также утверждает, что вырезанная на дельфийском фалосе паутина и должна была символизировать «сеть

меридианов и параллелей». Итак, Дельфи был «пупом Земли». Равно, как и Байон по отношению к храмам Ангкора, названный Бернаром Гросле «омфалосом каменного космоса Ангкора». Ту же роль играл священный комплекс Гизы-Гелиополиса в Египте, оказавшийся под властью Осириса в его древнейшей инкарнации Сокара, бога ориентации и равновесия, который также властвовал над Пятым разделом *Дуата* (разделом, который в древних текстах часто именуется «царством Сокара»). В *«Книге о том, что находится в Дуате»* описан находящийся в царстве Сокара камень-омфалос, на котором сидят две птицы. Образчик такого омфалоса был отрыт в Верхнем Египте американским археологом Г. А. Рейснером в святилище великого храма Амона в Карнаке, что подтверждает греческие предания о «голубях», летавших между Карнаком и Дельфи. Авторитеты вроде Питера Томпкинса, который тесно сотрудничал со Стеккини, и Джона Мичела, автора важной работы *«В центре мира»,* представляют убедительные свидетельства того, что некогда на земном шаре существовала целая сеть подобных центров, постоянно связанных друг с другом:

«В результате достижений египтян в геодезии и географии, Египет стал геодезическим центром известного мира. Другие страны размещали свои святые места и столицы относительно египетского «нулевого «меридиана. Это такие столицы, как Нимрод, Сардис, Суза, Персеполис и, по-видимому, древнекитайская столица Ан-Ян… Поскольку каждый из этих геодезических центров являлся как политическим, так и географическим «пупом» Земли, там водружался омфалос, или каменный пупок с изображением северного полушария от экватора до полюса, покрытого меридианами и параллелями, с указанием направления и расстояний до других подобных «пупков».

Геодезический маяк Само существование столь древней всемирной сетки встречало до сих пор упорное сопротивление «классических» археологов и историков — как и, естественно, любые попытки привязать к ней известные объекты. Тем не менее определенные следы утраченного астрономического знания, с которыми можно столкнуться на острове Пасхи, а также многократно звучащее эхо древнеегипетских духовных и космологических мотивов заставляют усомниться в наукообразном объяснении, что, дескать, необычное название «Пуп Земли» было избрано островитянами из чисто «поэтических и описательных» соображений. Напротив, мы подозреваем, что Те-Пито-О-Те-Хенуа был сознательно избран для заселения и получил свое название именно из-за своего геодезического положения.

Как мы уже видели, центром воображаемой всемирной сетки служила Гиза-Гелиополис, храмы Ангкора находятся в 72 градусах к востоку от «нулевого» меридиана, развалины Нан-М дола на тихоокеанском острове Понпеи лежат в С градусах восточнее Ангкора, а циклопические мегалиты Кирибати и Таити — соответственно в 72 и 108 градусах восточнее Ангкора. Если эта сетка базируется на «прецессионной шкале», то следующим характерным числом должно быть 144. Отступив от Ангкора к востоку на 144 градуса долготы (кстати, эта точка оказывается по долготе на 144 градуса западнее Гизы), мы обнаружили, что единственным кандидатом на всех 200 миллионах квадрат ных километрах Тихого океана является остров Пасхи, который смещен от точного положения примерно на 360 километров.

Поэтому мы предполагаем, что остров Пасхи мог служить своего рода геодезическим маяком, или маркером, выполняющим некую пока неизвестную функцию в древней глобальной системе небесно-земных координат, которые связывали многие так называемые «мировые пупки».

Мы встречали элементы этой системы в Египте и в Ангкоре. Одна из самых больших загадок состоит в том, что эта система постоянно перекликается и с эзотерическими формами духовного поиска и стремления к жизни после смерти, и с высоконаучным подходом к астрономическим наблюдениям и измерениям Земли. Другая загадка состоит в невероятной протяженности системы, причем не только в географическом смысле, но и во времени: она возникает, подобно Фениксу, в различные эпохи и среди различных культур.

Мы не утверждаем, что нам известно, когда она впервые появилась на острове Пасхи, но думаем, что имеются аргументы в пользу гипотезы, согласно которой там она оказалась оторванной от своих источников и, возможно, забыта, а затем существовала в тече— ние длительного периода полной изоляции и постепенно угасла. К моменту первых контактов с европейцами, которые лишь ускорили коллапс, ни от духовных, ни от научных аспектов этой системы уже почти ничего не оставалось.

Впрочем, сетка все равно остается сеткой, и если пользоваться прецессионной шкалой, то следующим важным числом после 144 окажется 180 (разница 36).

Точно в 180 градусах к востоку от Ангкора (и в 108 градусах к западу от Гизы), и почти на таком же расстоянии к югу от экватора (13 градусов 48 минут), как в случае Ангкора к северу (13 градусов 26 минут), действительно существует колоссальный маяк. Он имеет форму трезубца (или, если хотите, канделябра) высотой 250 метров, высеченного на красных скалах залива Паракас на побережье Перу, и далеко виден с моря.

Трезубец как будто указывает вглубь континента, на равнину Наска, расположенную южнее, и горы Анды, расположенные восточнее».

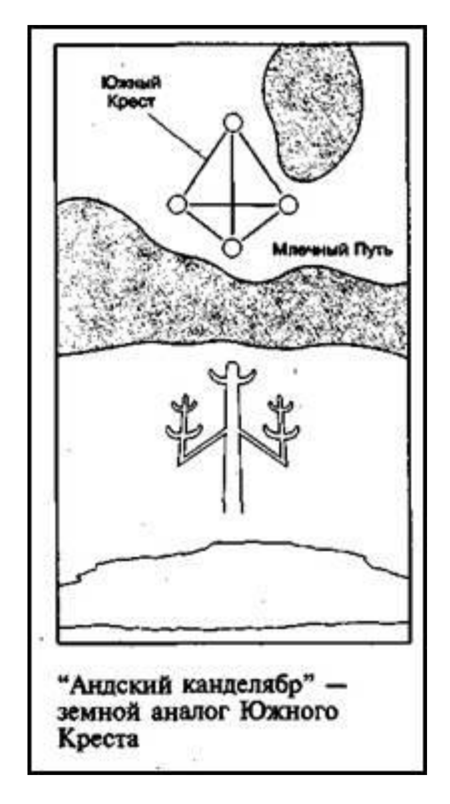
Часть V
ПЕРУ И БОЛИВИЯ
Глава 15
ЗАМКИ ИЗ ПЕСКА

Две тысячи морских миль океанской пустыни и глубины Чилийской впадины разделяют остров Пасхи и западный берег Южной Америки. Если плыть с острова точно на восток, то у путешественников много шансов разбиться о чилийский берег. Если же взять курс несколько севернее, то корабль попадет в безопасную гавань перуанского залива Паракас, который расположен точно в 180 градусах долготы восточнее (и западнее) храмов Ангкора в Камбодже.

Мы приближались с севера в маленькой открытой лодочке, пройдя рядом с некогда сухими и безжизненными островами Балестас (теперь — морской курорт), и направлялись к полуострову Паракас, где песчаные барханы подползают прямо к крутым морским обрывам. Так называемый «Андский канделябр» мы смогли разглядеть уже километров за 20 от берега — сначала в бинокль, а затем невооруженным глазом. Он находился прямо к югу от нас, высеченный на скалистом откосе, и по мере нашего приближения становился все больше и больше.

Поскольку этот огромный знак упоминался уже в рассказах испанских конкистадоров, которые захвати ли Перу в 1532 г., он вполне может оказаться старше 400 лет. Ученые сходятся на том, что ему вполне может быть и больше 2000 лет, и скорее всего он — дело рук того же народа, который является автором более широко известных наземных линий в Наска, находящихся на три с половиной сотни километров южнее, в глубине континента. Расцвет «культуры Наска», о которой известно совсем немного, приходится, как полагают, на период со II века до н. э. до примерно 600 г. н. э.

Крест на земле и крест на небе

"Андский канделябр" — земной аналог Южного Креста

Основание «канделябра» имеет форму прямоугольника с кругом внутри, из которого вырастает широкая центральная вертикальная полоса длиной около 250 метров, направленная с севера на юг. На одной трети высоты ее пересекает треугольник длиной метров 120, от которого отходят еще две вертикальных полосы, но более короткие. Совокупность трех полос венчается некими странными линиями, которые обычно интерпретируют как языки пламени или лучи света. С учетом особенностей геодезического расположения этого изображения (половина охвата Земного шара от Ангкора и 108 градусов к западу от Гизы, причем оба эти объекта «напоминают небо», моделируя на Земле определенные созвездия), мы, естественно, рассматривали возможность того, что этот «канделябр» также мог имитировать нечто небесное. Особенно провоцирует такой поиск ориентация изображения, которое направлено почти точно по оси север — юг — небесному меридиану, великой разделительной линии, прохождение которой звездами традиционно наблюдали астрономы всех культур. Те, кто задумал «канделябр», постарались сделать так, чтобы его было видно с севера. Фактически с других сторон его трудно разглядеть; наблюдатель должен находиться лицом к югу, чтобы охватить взором откос, на котором «канделябр» высечен. При этом его взгляд естественным образом скользит от основания к южному небу над откосом, точнее — к южному меридиану. Возможно, это — случайное совпадение, но компьютерная имитация показывает, что в полночь, в день весеннего равноденствия 2000 лет назад, то есть в эпоху, когда предположительно был изображен этот канделябр, на высоте 52 градуса прямо на южном меридиане было видно созвездие, известное под названием Южный Крест. В этот момент тот, кто находился бы, как мы, в лодке в километре севернее огромного «канделябра», видел бы Южный Крест расположенным в небе непосредственно над наземным собратом.

Вход в Страну Мертвых

Глядя на треугольную перекладину и длинную центральную ось «канделябра», легко предположить, что он изображает именно Южный Крест. Моряки-европейцы не выделяли это созвездие вплоть до XVI века, но оно было известно жрецам-астрономам в Андах задолго до того. Его некогда изучали и астрономы Древней Греции и Древнего Египта, пока явление прецессии не опустило Крест в этих широтах за горизонт. Южный Крест является частью Млечного Пути, но особенно потрясает нас то обстоятельство, что он, как мы увидим в главе 16, находится в том конкретном участке Млечного Пути, который инки и их предки считали входом в Страну Мертвых. Он примыкает также к двум темным образованиям, которые с незапамятных времен ассоциировались у обитателей Кордильер с лисой и ламой. Согласно местным преданиям, эти тени небесных животных (а на самом деле — облака межзвездной пыли) были как-то связаны с потопом, уничтожившим в мифической древности землю, — потопом, о приближении которого тогдашнее человечество было якобы предупреждено «расположением звезд». Совокупность этих идей вместе с привязкой к небу, по нашему мнению, слишком близки к поверьям, с которыми мы встречались в столь далеких местах, как Египет, Мексика и Камбоджа, чтобы быть случайностью. Во всех этих культурах Млечный Путь («Молочный Океан», «Вьюшийся Поток», «Дорога мертвых» и т. д.) играет важную роль в рассказах о посмертных странствиях души. И во всех них он связан с временными циклами, отливами и приливами прецессии. Где бы мы ни сталкивались с этой космологией, она была связана со школой священной геометрии и архитектуры, а также с культом имитации неба, который старательно воспроизводит на Земле в виде моделей, символических схем и тому подобных «копий» определенные небесные созвездия. Так почему бы этому не быть и в Перу?

Темные облака Млечного Пути образуют “небесных животных” инков

Южное зрелище

Вечером 11 мая 1997 г. мы пошли прогуляться после заката вдоль берега Паракаса. Сначала на небе было несколько облаков, но затем оно расчистилось, и примерно в четверть восьмого мы могли уже наблюдать раскинувшийся над нами небесный купол, усеянный яркими звездами. Напомним, что древние египтяне любили представлять небо в виде богини Нут, чувственной полногрудой женщины с раскинутыми руками и ногами, достающей пальцами рук и ног до противоположных сторон горизонта, причем ее нагое тело дугой изгибается над землей, а живот украшен созвездиями. Среди них самым важным считался Орион, небесное воплощение богоцаря Осириса, которого в древнеегипетских текстах по астрономии изображали бородачом, стоящим в тростниковой лодке и держащим в одной руке посох, а в другой — *анх,* эмблему вечной жизни. Посмотрев на запад, мы удивились, ясно увидев Орион над горизонтом. Удивились потому, что в это время года в северном полушарии Орион уже прячется за линию горизонта к тому моменту, когда достаточно стемнеет, чтобы были видны звезды. Однако из залива Паракас это созвездие было видно, поскольку в этих широтах (13 градусов 48 минут к югу от экватора) май — зимний месяц, и темнота наступает больше, чем за два часа до захода Ориона. Другим сюрпризом для нас явилось зрелище кометы Хейла-Боппа чуть ниже и несколькими градусами северо-западнее Ориона, пересекающей Млечный Путь в направлении прямоугольника Близнецов, причем ее хвост-метла был все еще ясно виден. За несколько недель до этого мы наблюдали из нашего сада в Англии ее исчезновение после заката Солнца и думали, что видим ее последний раз. Как и в случае с Орионом, нам удалось вновь увидеть ее потому, что в Южном полушарии темнота наступала раньше. Третьим сюрпризом была ориентация Ориона. Вместо того чтобы стоять прямо, как в северном полушарии, здесь он лежал на боку. В этом положении он уже не напоминал человека, так что неудивительно, что древние жители Перу видели в нем гигантского паука. Вытянутые руки Осириса, которые держат посох и *анх,* легко преображаются в вытянутые лапы воображаемого небесного паука.

Касаясь горизонта на северо-западе, Млечный Путь пересекал небо мерцающей лентой. Орион, как всегда, лежал на его западном берегу. Повыше Ориона лакала воду небесной реки собака — звезда Сириус в созвездии Большого Пса, которую древние египтяне отождествляли с Исидой, богиней волшебства. Из-за горизонта высовывался один из рогов небесного быка-Тельца. Лев лежал вниз головой. Обратившись на юг, мы увидели, как Южный Крест, находясь еще в восточной части неба, восходит к меридиану, которого он должен достигнуть через три часа. Там же, на востоке, находились Весы и Дева, а на севере были видны семь знакомых звезд Большой Медведицы, окунувшей свой ковш за горизонт.

Жизнь, посвященная линиям

На следующее утро мы двинулись на юг по Панамериканскому шоссе, окруженному выжженным солнцем ландшафтом, к городку Наска. Он находится посередине обширного пустынного плато, которое около 2000 лет назад было украшено сотнями абстрактных линий, геометрических композиций и огромных символических изображений животных и птиц. Многие из этих картин сравнимы по своим масштабам с фигурой в Паракасе, и, как мы уже отмечали, вполне возможно, что в обоих случаях авторство принадлежит одной культуре. Мы бывали в Наска и раньше, в июне 1993 г. В тот раз мы встречались с почтенной старой дамой, прикованной к постели болезнью Панкирсона. Даму звали Мария Райхе. Она была совершенно слепой, но ее серые глаза упорно смотрели в потолок, как будто хотели разглядеть сквозь него бесконечные просторы неба. А тем временем в ее ясном сознании развертывалась целая Вселенная — галактики памяти, созвездия связей, видений, возможных вариантов.

Именно Марии Райхе было суждено привлечь внимание мира к линиям рисунков Наска. Она родилась в немецком городе Дрезден в 1903 г. В 1920-х годах училась в Гамбургском университете. В 1932 г., обеспокоенная приходом к власти нацистов, она покинула родину и поселилась в Перу вместе с семьей немецких эмигрантов. Здесь Мария Райхе завязала контакты с доктором Полем Косоком из Лонг-Айлендского университета в Нью-Йорке, который за несколько лет до этого инициировал многообещающий проект исследования загадочных рисунков в Наска. После нескольких посещений плато в 1945 г., с 1946 г. она постоянно живет в городе Наска, где стала членом команды доктора Косока, которую возглавила после его ухода на пенсию в 1951 г.

Математик и астроном по образованию, Мария была по природе человеком чистым и умеренным, вегетарианкой и аскетом, никогда не была замужем. Казалось, что она избрана свыше осуществлять святое попечение. И она неукоснительно осуществляла его, продолжая изучать величайшее в своем роде произведение искусства на земле Наска, пока не состарилась.

Будучи совершенно больной и физически слабой, Мария Райхе сохраняла ясность мышления, когда мы посетили ее 12 июня 1993 г. По ее просьбе мы взяли ее за руки. Ее пальцы на мгновение сжались, как будто от волнения, но черты лица сохраняли полное спокойствие. Задняя дверь ее комнаты была открыта, и через нее виднелся залитый солнечным светом цветник. Дул легкий ветерок. Из-за натянутой и просвечивающей кожи Мария производила впечатление мумии, тело которой на протяжении тысяч лет подвергалось высушивающему действию пустыни. Трудно было представить, что она сможет произнести больше, чем пару слов. Однако, когда мы обратились к ней со своими вопросами, она отвечала нам уверенно и на идеальном английском.

Сначала мы поинтересовались ее мнением о значении рисунков в Наска. Мария Райхе ответила так:

«Они учат нас, что ошибочно все наше представление о народах древности, ибо здесь в Перу существовала развитая цивилизация с развитым пониманием математики и астрономии, цивилизация художников, стремившихся сообщить нечто уникальное о человеческом духе будущим поколениям».

Мария сказала, что сегодня рисунки Наска представляются ей почти столь же загадочными, как и полстолетия тому назад, когда она впервые их увидела; об этом времени она писала когда-то своему другу: «Боги Наски завладели мной, как только я родилась, и заточили меня в свой замок из песка, чтобы я играла с их громадными рисунками до тех пор, пока в один прекрасный день не осознаю смысла своего существования».

Мария считает, что несмотря на старания многих ученых и ее собственные многолетние измерения и съемки, тайна Наски очень далека от разрешения. Никто не может точно сказать, что означают эти изображения, как они были выполнены с такой высокой точностью и в таком большом масштабе, а также почему их можно по-настоящему наблюдать только с самолета. По ее собственному мнению, которое, как мы знали, она вынашивала в течение многих лет, правильный ответ каким-то образом связан с древней астрономией. Мария признала, что обнаруженная корреляция с восходом и заходом ряда звезд носит весьма ограниченный характер; однако в целом рациональное объяснение рисунков лежит где-то в области древних религиозных воззрений о небе.

В свое время она серьезно рассматривала возможность того, что рисунки на земле в Наска схематично изображают созвездия. Например, почему бы «Обезьяне» из Наска не изображать большой ковш? А «Пауку» — Орион?

План небесной имитации

Позднее у нас появилась возможность подробно ознакомиться с астрономической интерпретацией Обезьяны, которую Райхе опубликовала в 1958 г., представив обоснование ее интуитивной догадки, что Обезьяна изображает ковш Большой Медведицы. Она доказала также, что фигура ориентирована на место захода звезды Бенетнаш в «ручке» ковша.

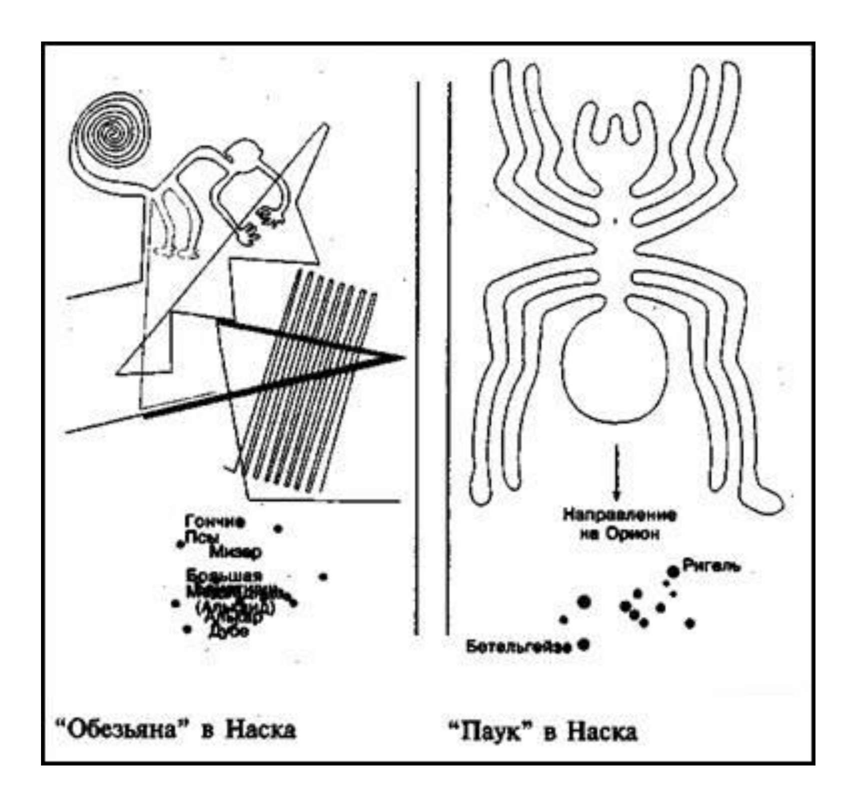
Подобным же образом на лекции в Лондоне в 1976 г. она доказала, что Паук был задуман как модель, символизирующая Орион, причем его тонкая талия изображает три звезды Пояса, а ось симметрии фигуры нацелена на место захода Ориона в ту эпоху, когда создавались рисунки Наска.

В последние годы пионерские исследования госпожи Райхе в Наска подхватила и существенно расширила доктор Филлис Питлуга, старший астроном чикагского планетария имени Адлера. Мы обедали с госпожой Питлугой в Лондоне в 1994 г. Кроме того, на обеде присутствовали наш друг, Роберт Бьювэл, автор книги *«Загадки Ориона»,* и друг доктора Питлуги Дэвид Паркер, фотографировавший Наска. Основной темой нашего разговора был телевизионный документальный фильм Питлуги, в котором она представила дополнительное свидетельство корреляции между Пауком из Наска и созвездием Ориона. Подтверждая давнишние интуитивные догадки Райхе, она показала, что Паук действительно был задуман как изображение Ориона в том виде, как он располагался на западном горизонте примерно 2000 лет тому назад. Питлуга совершенно уверена в том, что художники-астрономы из Наска знали о влиянии прецессии на положение звезд. Она даже высказала предположение, что многочисленные прямые линии, пересекающие фигуры под разными углами, отражают попытки *изобразить* прецессию, причем сами фигуры играли роль «этикеток», показывающих, с какими созвездиями связаны линии.

В 1996 г. Питлуга выступила с докладом, развивающим эти идеи, на 15-м Ежегодном, съезде Общества научных исследований. В докладе содержится утверждение, что наиболее вероятной «моделью фигур Наска» являются созвездия, расположенные по соседству с Млечным Путем, и высказывается предположение, что фигуры и линии использовались для того, чтобы определить длительные промежутки времени при помощи наблюдения прецессионных изменений, связанных с их небесными аналогами. Кроме того, представлено свидетельство *«связи между существующими рисунками животных и растений — воображаемых силуэтов темных пятен на Млечном Пути* [темные пылевые скопления] *и комбинациями фигур и линий, указывающими на места восхода и захода соответствующих фигур 2000 лет назад».*

Когда мы возвращались в Наска в мае 1997 г., доктор Питлуга еще не опубликовала свою долгожданную монографию, где формулируются дополнительные подробности ее теории, сущность которой сводится к тому, что в основе загадки Наска лежит обширный план, имитирующий картину неба. Мы понимаем, что ее выводы радикально отличаются от мнения большинства ученых, которые изучали рисунки и отдают предпочтение чисто ритуальным и церемониальным объяснениям. Тем не менее версия о том, что фигуры в Наска изображают созвездия, является весьма жизнеспособной. Она хорошо согласуется с представленными в этой книге свидетельствами мощного религиозного влияния по всему миру дошедшей из глубокой древности характерной доктрины дуализма «небо — земля», смысл которой сводится к тому, что «внизу — как наверху». И где бы ни проповедовалась эта доктрина, естественным результатом этого становилось то, что ее приверженцы рано или поздно, так или иначе начинали моделировать небо на земле.

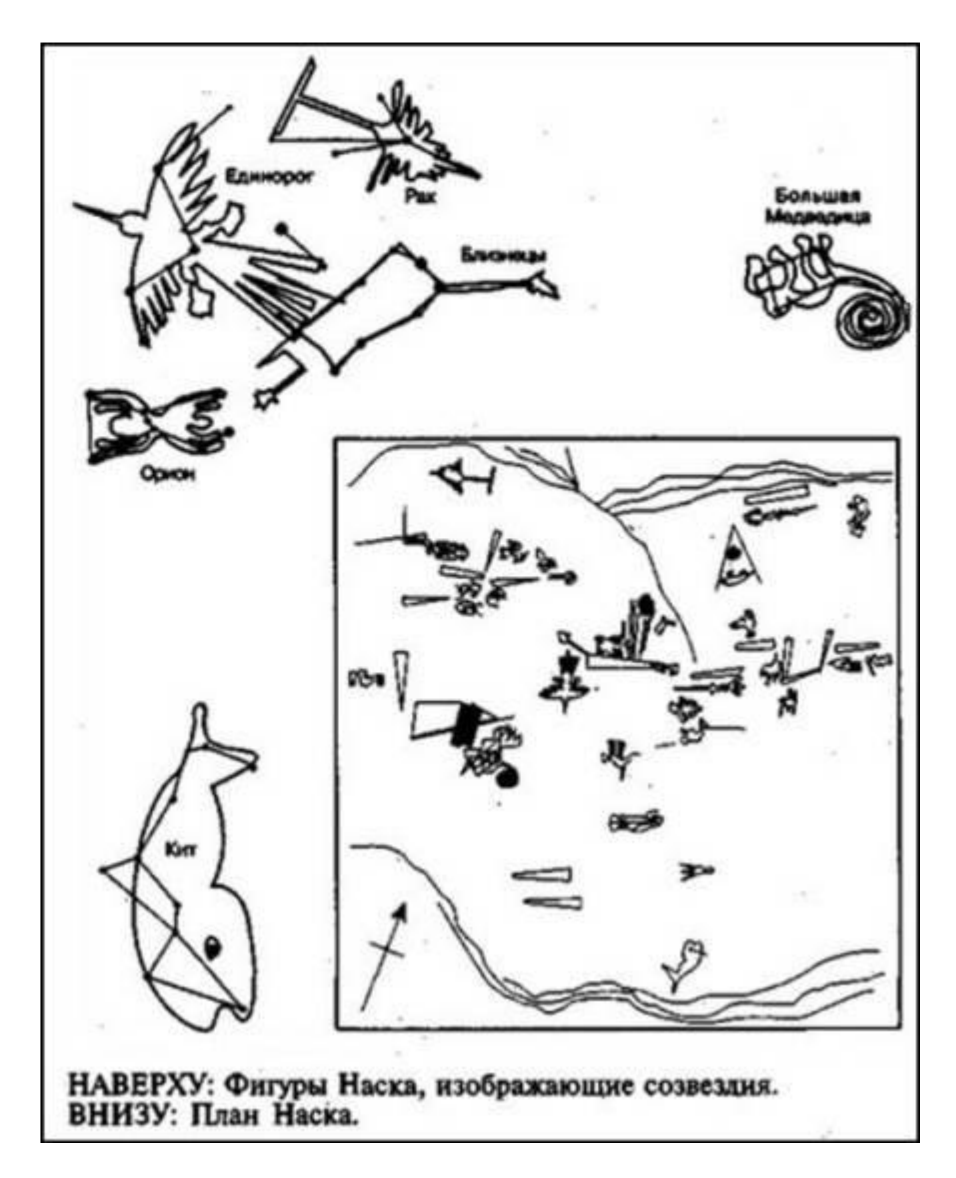
Сеть и фигуры

Было очень интересно взлететь в небо над Наской на легком одномоторном самолете. Взлет происходил с самого плато, расположенного на высоте чуть больше 55О метров над уровнем моря. Мы быстро поднялись до 750 метров и полетели на северо-запад вдоль Панамериканского шоссе, постепенно набирая высоту, пока не достигли 1220 метров. Следующие семь или восемь минут мы разворачивались, описывая круг все большего радиуса над одним из самых изящных «геоглифов» Наска — фигурой гигантского Кондора, раскинувшего крылья почти на 120 метров. Вокруг него километров на 50 в каждую сторону простиралась пустыня, испещренная огромными переплетающимися геометрическими фигурами и прямыми линиями наподобие паутины. Мы невольно вспомнили о предании острова Пасхи о «пауке с серыми и черными пятнами», чью паутину напоминала таинственная сеть «дорог», проложенных «так хитро, что человек не мог найти у них ни начала, ни конца».

Мы спустились до высоты 640 метров, оказавшись в 90 метрах над фигурами, чтобы лучше рассмотреть Паука Наска, расположенного к северо-востоку от Кондора и имеющего около 45 метров в длину. Западнее него находится 90-метровая Колибри, чей тонкий клюв пересекается линией, нацеленной на точку восхода солнца в день зимнего солнцестояния. Другими приметными фигурами в непосредственной близости являются Обезьяна, Собака, Человек-сова, Дерево, Руки, Ящерица, Несколько треугольников и трапеций, а также Кит. Имеется еще огромная спираль вроде средневекового лабиринта и, кроме того, еще две птицы — сильно стилизованный попугай и мифический «Алькатрас» с извилистой шеей и вытянутым клювом-трубочкой, который имеет протяженность более 610 метров.

Созвездия на земле

НАВЕРХУ: Фигуры Наска, изображающие созвездия.
ВНИЗУ: План Наска.

Подобно Ангкору, подобно Гизе, подобно городам Центральной Америки с их звездной планировкой, геоглифы Наска представляют серьезную космическую и философскую загадку, тайну, ради раскрытия которой необходимо глубоко сосредоточиться; одним словом, это настоящая «мандала для разума». Мы думаем, что права Мария Райхе, настаивая на том, что входить в эту мандалу следует через дверь астрономии.

Человеку присуще стремление отыскивать знакомые очертания и конфигурации в любом случайном скоплении объектов. Звезды в небе — типичный образчик такого «случайного скопления», и, отметим, все культуры и во все времена привычно проектировали на небо фантастически разнообразные формы реальных и мифических существ и предметов.

Среди созвездий, которые различают сегодня западные астрономы в итоге длительного процесса развития астрономии и астрологии, имеются Кит, Лев, несколько собак (например, Большой Пес), Лисичка, несколько птиц (например, Лебедь и Орел), Скорпион, Дракон, Змея, ящерица Хамелеон, краб (Рак), «морской козел» (Козерог), Заяц, великан Орион, девственная королева (Дева), река Эридан, а также такие предметы и фигуры, как Циркуль, Октант и Южный Треугольник.

Археологи сходятся на том, что возраст рисунков Наска около 2000 лет. Компьютерная имитация неба над Наской около 9 часов вечера в день весеннего равноденствия 2000 лет тому назад показывает, что Большой Ковш (Обезьяна?) находился в это время на севере, а на западе заходил Орион (Паук?). Чуть ниже звезды Ригель от задней «ноги» небесного Паука тянулась небесная река (созвездие Эридана). Кстати, на земле соответствующая нога Паука Наски тоже имеет странное продолжение (как раз в том же месте). Если же согласиться с утверждением Райхе, что Обезьяна с ее удивительным спиральным хвостом воспроизводит фигуру Ковша, то какие еще созвездия мы могли бы надеяться встретить вокруг?

В тот же самый день ящерица-Хамелеон располагалась на юге, и мы-таки встретили в Наска хамелеона. Неподалеку от Хамелеона находились Циркуль, Октант и Южный Треугольник — в Наска мы встретили гигантский треугольник. Большой Пес находился на западе — в Наска есть и Собака. Кит плавал в водах небесного океана на положенном месте, за западным горизонтом — в Наска также имеется кит.

В западной части неба над Орионом находилось созвездие, известное сегодня под именем Единорога, которое вполне могло быть изображено в виде птицы с распростертыми крыльями (великий Кондор Наска). К северу от Единорога и Ориона находились Близнецы, образуя в небе большой прямоугольник; в Наска между Пауком и Кондором мы встретили на земле большой прямоугольник. Над Близнецами располагался Рак, который в одной культуре может визуально восприниматься как краб, а в другой — как небольшая птичка с длинным клювом-хоботком; в Наска имеется изображение колибри. Севернее находилось созвездие, именуемое сегодня Рысью и образованное длинной волнистой линией; в Наска отличительной чертой «Алькатраса» является его длинная волнистая шея.

Мы вовсе не утверждаем, что геоглифы Наска образуют точную карту неба в день весеннего равноденствия 2000 лет тому назад. Нет, не образуют. Мы просто обращаем внимание на то, что многие созвездия, которые, как нам известно, находились тогда в небе, странным образом «отражаются» в очертаниях и ориентации основных фигур Наска. Хотя их взаимное расположение носит, по-видимому, случайный характер и земные фигуры совершенно перепутаны по сравнению с небесными, может оказаться немаловажным, что все созвездия, о которых идет речь, простираются большой дугой с севера на юг в западной половине небесной сферы. Именно в этой области, как считали многие древние культуры, включая египтян и майя, находятся врата преисподней. Большинство, как мы видели, помещало их в области Млечного Пути между Львом и Орионом. Имеется свидетельство, что астрономы-жрецы Кордильер указывали на вполне конкретное место в прямоугольнике Близнецов, где Млечный Путь пересекается с эклиптикой.

Несмотря на «смещение», «перетасовку» фигур, было бы глупо исключить возможность того, что в целом фигуры Наска образуют некую символическую картину — мандалу участка неба, по которому после смерти предстоит путешествовать человеческой душе.

Загадка

Поскольку не сохранилось письменных записей, мы знаем очень мало о верованиях обитателей Наска. Некоторые ключи можно отыскать в более поздних религиозных преданиях Кордильер, которые почти наверняка происходят из того же источника. Кроме того, большой интерес представляет Кауачи, главный археологический центр Насканской культуры. Этот совершенный комплекс из пирамид и храмов простирается на площади более 150 гектар в нескольких километрах к юго-западу от главных геоглифов и, по мнению археолога Майкла Мосли, представляет собой «не столько город, сколько религиозный центр».

Кауачи выглядит, как после Апокалипсиса; он разрушен, стерт, поглощен песками пустыни. На то время, когда возникли линии и рисунки, здесь приходился расцвет какого-то культа, религии. Однако имеются свидетельства того, что комплекс существовал уже задолго до начала I тысячелетия, все его основные объекты возведены на священных курганах и природных холмах.

Кауачи — город пирамид; с воздуха в первую очередь бросается в глаза центральная ступенчатая пирамида. Это сооружение с пятью уступами, высотой 18 метров, ориентировано по направлению «север — юг» и имеет вход с северной стороны. С двух сторон от нее расположены еще две пирамиды меньшего размера, чьи очертания сильно сглажены эрозией. Совсем рядом, с юго-западной стороны находится террасированный холм, который археологи прозвали «Великим храмом»; он возвышается над тем, что некогда было огромным двором, огражденным стеной.

Вместе с археологом Джоан Рейнхард можно без особого риска предположить, что пирамиды Кауачи, подобно пирамидам Гизы, Теотиуакана и Ангкора, «функционировали как символический ландшафт, в котором архитектурные формы и изображения божеств отражали священную географию».

В Египте, Мексике и Камбодже подобные структуры использовались в качестве инструмента посвящения в систему духовного знания. Система эта была одной и той же по всему земному шару. И знание всегда было одно и то же. И повсюду использовалась одна и та же техника, заставляющая посвященного оперировать терминами неба и земли, исследуя лабиринт дуалистической мистерии:

«Небо вверху, Небо внизу;

Звезды вверху, Звезды внизу;

Все, что над нами, под нами проявится.

Счастлив тот, кто загадку читает».

Является ли совпадением, что точно с такой же загадкой мы встречаемся в Наска, где горы — пирамиды Куачи стоят посреди созвездий — рисунков пустыни, что смотрят прямо в небо?

Глаз Ра

Мата-Ки-Те-Рани, «Глаза, смотрящие в Небо» — одно из двух древних названий острова Пасхи. Другое — Те-Пито-О-Те-Хенуа, «Пуп Земли». За триста километров к востоку от Наска, в Андах, находится город инков Куско, название которого дословно переводится как «Пуп Земли». В трехстах километрах к югу от Наска, на перуанском берегу расположен древний морской порт под названием Матарани. Как помнит читатель, слово «Матарани» на полинезийских языках означает «Глаз Неба», а на языке древних египтян «Маат Ра» означает «Глаз Солнца».

В Куско имеются развалины циклопических сооружений явно астрономической ориентации, где при богоцарях инков процветал изощренный культ Солнца — пока в XVI веке сюда не пришли испанцы. К этому моменту у культа был более чем почтенный возраст, и с помощью древних преданий можно проследить его связь с таинственным городом и империей Тиауанако на плоскогорье южнее озера Титикака, тихоокеанским портом которой являлся Матарани.

Все цивилизации, существовавшие в Андах, верили, что озеро Титикака — место первоначального творения. Именно из острова посередине его возник создатель всего Виракоча, Солнце в облике человека, который, согласно большинству древних мифов Южной Америки, был высоким, бледнолицым и бородатым.

Глава 16
ТАЙНА И ОЗЕРО

В 1910 г. сэр Клементе Маркхэм, историк, авторитет по перуанским инкам, писал о нераскрытой тайне на плато озера Титикака: «Эта тайна связана с развалинами большого города на южном берегу озера, о строителях которого абсолютно ничего не известно».

Столетием позже тайна все еще остается нераскрытой. Разрушенный город, который сегодня именуют сравнительно молодым названием Тиауанако, был в древности известен под именем Тайпикала, «Камень в Центре». О его возрасте у археологов мнения совершенно различные: одни специалисты считают, что он основан во II тысячелетии до н. э., другие склоняются к тому, что он сооружен позднее, между II и IX веками н. э.

Как мы увидим, все эти датировки опираются на довольно шаткое основание, появляется все больше свидетельств в пользу того, что нынешняя датировка Тиауанако — одна из самых больших ошибок археологической науки, причем даже крайняя из оценок, II тысячелетие до н. э., может оказаться чрезмерно молодой, а величина ошибки — несколько тысяч лет.

Организация

Коронным номером неизвестных строителей Тиауанако было использование внушительных камней — мегалитов. Как отмечает Маркхэм:

«Один камень имел размеры 11 метров в длину при ширине и толщине более 2 метров и весил 170 тонн; другой имел размеры 8x5x2 метра. За исключением древнеегипетских монолитов, в мире не встретить ничего подобного. Перемещение и установка подобных монолитов свидетельствуют о… хорошей организации работ… Должна была существовать организация, сочетавшая в себе мастерство, интеллект, мощь и административные способности».

Один из немногих вопросов, по которому ученые, изучавшие Тиауанако, пришли к полному согласию, заключается в том, что эта интеллектуальная, мощная и эффектная администрация не имела ничего общего с хорошо описанной цивилизацией инков в Андах, расцвет которой пришелся на XV–XVI века н. э. Точка зрения ученых подкрепляется преданиями индейцев аймара, живших в окрестностях Тиауанако с незапамятных времен. В XVI веке испанский летописец Кьеса де Леон спрашивал у индейцев аймара, не являются ли циклопические сооружения города плодом деятельности инков.

«В ответ они засмеялись и сообщили, что все это было построено задолго до правления инков… причем они слышали от своих предков, что все, что мы здесь видим, появилось внезапно, в течение одной ночи».

Специалисты по мегалитам

Циклопические постройки Тиауанако — не единственные в Андах, которые и историки, и местные предания приписывают таинственным, пока не установленным, но, по-видимому, очень древним создателям. Километров 650 севернее подобные развалины можно в изобилии встретить вокруг города Куско, столицы инков. Эти руины намного старше эпохи инков. Как рассказывает сэр Клементе Маркхэм:

«В Куско есть циклопическое сооружение… в состав которого входит огромный монолит, известный под названием «камень с двенадцатью углами». Из мегалитов были сложены и некоторые древние постройки, остатки которых сохранились в Оллайтайтамбо [60

километров от Куско]*… Но самой грандиозной и внушительной работой древних специалистов по кладке мегалитов является крепость на холме Саксайхуаман* [на окраине Куско]. *В ее состав входят три параллельных стены длиной по 300 метров, каждая из которых имеет 21 зигзаг с внешними и внутренними углами… В кладке выступающих углов внешней стены встречаются глыбы размером 4,2x3,6 метра, 3x1,8 метра и т. д. Должна была существовать какая-то серьезная причина, чтобы выполнить эту восхитительную… работу, о которой мы ничего не знаем. Происхождение этого сооружения неизвестно — также, как и руин Тиауанако. Инки ничего не знали.* [Летописец инков] *Гарсильязо* [де ла Вега] *рассказывает о больших башнях, стенах и воротах, возведенных инками, и даже называет имена архитекторов; но это все позднейшие оборонительные сооружения, построенные внутри циклопической крепости. Внешние же линии относятся к эпохе мегалитов».*

Хотя Маркхэм не предлагает своей датировки «эпохи мегалитов… когда передвигались циклопические постройки», он несколько раз подчеркивает, что убежден в «глубокой древности» Тиауанако, Саксайхуамана и других связанных с ними сооружений, и констатирует, что «цивилизация Анд восходит к далекому-далекому прошлому».

Связующая пуповина

Люди, известные теперь под названием инков, были на самом деле южно-американскими индейцами, говорящими на языке кечуа. Сначала термин «инки» использовался только применительно к их королям, это был их титул: монарха так и называли — Инка. Лишь позднее это название распространилось на всю нацию. Нация эта была выскочкой на сцене истории Анд: напомним, что к началу испанского завоевания возраст их империи был меньше века. Но они сберегли легенды, в которых говорилось о далеком времени, когда их прародители были посланы с неба на землю богом-создателем Виракочей, которого они называли «наш Отец-Солнце». Задачей царственной четы было спасение человечества.

Эту историю мы приводим в том виде, как ее пересказывал в XVI столетии историк инков Гарсильязо де ла Вега. Действие происходит в предшествующую, апокалиптическую эпоху посреди гор и ущелий, где обитали каннибалы, «жившие подобно диким животным, не зная ни закона, ни религий»:

«Видя их образ жизни, наш Отец-Солнце устыдился за них и решил послать с неба на землю одного из своих сыновей и одну из своих дочерей, дабы они научили людей любить его и признать своим богом… Наш Отец-Солнце спустил двоих своих детей у озера Титикака, дав им жезл из золота, чуть короче человеческой руки и толщиной в два пальца.

«Идите, куда пожелаете, — сказал он им, — и где бы вы ни останавливались, чтобы поесть или поспать, втыкайте этот жезл в землю. Там, где он с одного удара полностью уйдет в землю, вам и надлежит обосноваться. Что же до людей, на которых будет простираться ваша власть, то правьте ими справедливо и разумно, с жалостью, милостью и умеренностью».

Объявив таким образом свою волю детям, наш Отец-Солнце отпустил их. Они покинули озеро Титикака и пошли на север, каждый день безуспешно пытаясь воткнуть в землю золотой жезл…

[Наконец] *Инка и его невеста вступили в долину Куско… Там* [в месте, именуемым Куско-Кара-Уруми, «Непокрытый камень — пуп «] *они вновь попробовали воткнуть свой жезл, и он не только вошел в землю, но даже исчез в ней полностью… С этого началась столица нашей империи».*

Предания, которые пересказывает Гарсильязо и другие, не оставляют ни малейшего сомнения в том, что местом, где появились на берегах озера Титикака посланные с неба «дети Солнца», был циклопический город Тиауанако. Нет также сомнения, что Тиауанако почитался как первая священная столица всеандского бога — создателя Виракочи, воплощения в человеческом облике «Отца-Солнца».

Можно сделать вывод, что, когда двое «детей Солнца» понесли золотой жезл Виракочи на север, из Тиауанако в Куско, и «воткнули его там в землю», то они исполнили ритуал, порождавший своего рода *пуповину,* связующее звено. Ту же идею содержат странные древние названия двух городов: «Пуп Земли» — в случае Куско и «Камень в центре» — в случае Тиауанако. Такие образы вызывают ассоциацию с Те-Пито-Кура, золотым «каменным пупком» острова Пасхи, и Эбеном Шетия из еврейского предания — «Камнем основания» Храмовой горы в Иерусалиме, который, как утверждают, Бог «утопил в бездне», дабы он «служил центром земли».

Утес льва

800 километров над Андами от Наска до Куско мы преодолели в самолете. С высоты 9000 метров казалось, что горы под нами вечны и простираются бесконечно во все стороны. Покрытые снегом, суровые и безжалостные, они природной крепостью окружали озеро Титикака, охраняя его словно сокровище.

Озеро расположено на высоте 3800 метров над уровнем моря; оно имеет глубину 300 метров и площадь 7700 квадратных километров. Его название переводят либо как «Утес свинца», либо как «Утес Льва». То же название традиционно использовалось применительно к главному острову озера, сегодня больше известному как остров Солнца, а также к конкретному месту на острове — обращенному на восток крутому черному утесу с дугообразными ступенями-террасами. Считалось, что этот «первобытный курган» был «местом творения», откуда стартовали как все предыдущие эпохи существования мира, так и нынешняя. Чтобы увековечить мифическое значение утеса, в течение того столетия, когда произошел взлет и расцвет империи инков, сметенной затем испанскими конкистадорами, здесь было сооружено прекрасное каменное святилище с лестницами и фонтанами, обращенное в сторону восхода солнца в день равноденствия. Как утверждает палеоастроном Уильям Салливан, «с внушающей трепет символической лаконичностью, само слово *Титикака* повествует о многом… «Утес Льва» на Титикака, вздымающийся из вод озера, отражает факт рождения нового мира».

Бородатый бог и Пятое Солнце

Согласно кордильерским преданиям, этот «новый мир» возник по велению бога Виракочи. Подобно Атуму в Древнем Египте или Вишну индусов, он был первым и главным символом великой творческой силы космоса. Он отожествлялся с Солнцем и, как мы видели, был его воплощением в образе человека. Кстати, в этой ипостаси он, подобно мексиканскому богу-цивилизатору Кецалькоатлю, выглядел, согласно описаниям, как «белый человек… голубоглазый и бородатый… крупного телосложения… державшийся с большим достоинством… Во многих местах он учил людей тому, как им следует жить…»

Некоторые историки не допускают возможности сколько-нибудь серьезного взаимного влияния или связи между доколумбовой Мексикой и доколумбовыми Андами, считая простым совпадением тот факт, что древние культуры обоих регионов поклонялись бледнолицему и бородатому богу-цивилизатору. Но можно ли объяснить совпадением то, что обе культуры

верили, будто живут на земле в пятую эпоху, и называли эту эпоху не как-нибудь, а Пятым Солнцем?

Мы рассматривали мексиканский вариант этой системы верований в части первой. Андский вариант в XVI веке записал благородный перуанец по имени Хуаман Пома, что дословно означает «Сокол-Лев». Не правда ли, эта символика очень напоминает царей-Горов Древнего Египта? Испанский священник Мартин де Муруа так сформулировал местные верования, связанные с хронологией: «С момента сотворения мира до нынешнего времени миновало четыре Солнца, не считая того, которое светит нам в настоящее время».

Как и в Мексике, в Южной Америке верили, что каждое из прежних Солнц было разрушено и сметено гигантским катаклизмом — наводнением, падением неба, ураганом, огнем. В обоих местах также верили, что и Пятое Солнце будет вскоре уничтожено тем, что в Мексике именовали «великим движением земли», а Андах — *пачакути.* Само слово *пачакути* дословно означает, согласно переводу Сэра Клемента Маркхэма, «переворачивание мира», а согласно Уильяму Салливану — «переворачиванием пространства-времени».

Кордильерский Гелиополис?

В Андах считалось, что бог Виракоча, который творил новые миры, был также ответственен за разрушение тех, что им предшествовали.

Первым его творением был «мир, в котором не было ни света, ни тепла». Чтобы населить это «царство тьмы», Виракоча создал «крупных, сильных людей ростом выше обычного, которые вели полуживотный образ жизни». Когда эти гиганты перестали его удовлетворять, он «уничтожил их наводнением, *уна пача-кути,* когда вода опрокинула мир»:

«Затем, после потопа, вновь появившись на острове Титикака, он… дал жизнь новой расе людей телосложением, как у него (то есть ростом со среднего человека), [и] *повелел, чтобы возникли Солнце, Луна и звезды и находились на небесах… чтобы сиять днем и ночью».*

Согласно местным преданиям, остров Титикака, остров Солнца и особенно «Утес Льва» на восточной стороне острова, где Виракоча появился из вод озера, составляли священное ядро первотворения. Согласно этой великой схеме духовной географии, Тиауанако, «с его древними и странными сооружениями», был лервым городом, который Виракоча построил после творения.

Как видим, нет особенной разницы между этой концепцией и древнеегипетской идеей Гелиополиса как города «на месте творения», в котором бог Атум «восстал [из вод Нуна] в виде высокого Холма [и] засиял в виде камня Бенбен в храме Феникса».

Обращенный на восток «Утес Льва» на Титикаке интересен особенно в связи с историей творения нынешней эпохи земли. Вспомним, что Великий Сфинкс в Египте представляет собой изображение Льва, высеченное из скалы на плато Гизы. Согласно надписи, сделанной в эпоху XVIII династии на стеле, установленной между его лапами, он отмечает «Славное место Первого Времени» — то есть начало нынешней эпохи.

Храм Солнца

Сделав Куско своей столицей, инки завладели и старинным святилищем в центре города, на котором они воздвигли Кориканчу — свой великий национальный храм Солнца. В центре Кориканчи, во дворе под открытым небом, находилось символическое «поле», засаженное символической «кукурузой» из чистого золота. А в самом центре поля, отмечая

место, известное как Куско Кара Уруми («Неприкрытый камень-пупок»), где, согласно мифам, дети Солнца целиком вогнали в землю золотой жезл Виракочи, находился восьмиугольный ящик из серого камня, который был некогда покрыт 55 килограммами золота.

Очень часто, когда испанские завоеватели встречали на американском континенте местное святилище, они старались возвести на этом месте свою церковь. Вот и в Кориканче они построили большую церковь Санто-Доминго, но оставили при этом нетронутой значительную часть каменной кладки инков. Во время землетрясения 1951 г. церковь разрушилась, и из-под нее выглянули устойчивые к землетрясениям стены храма-предшественника, сложенные из громадных каменных блоков, пригнанных друг к другу настолько аккуратно, что швов между ними почти не было видно; общее впечатление было такое, что перед вами ювелирная работа на площади в гектар.

Мы заглянули в восьмиугольный гранитный ящик в центре мощеного двора. На нем больше нет золота — его содрали испанцы в самом начале конкисты. Впрочем, так же они поступили и со всем ценным, что еще было в Кориканче. Сегодня ни у кого нет ни малейшего представления, зачем он был нужен когда-то; строго говоря, нет даже уверенности, что он всегда имел нынешний облик купели, ибо ревностные монахи вполне могли его переделать, когда вокруг него в XVI веке строилась церковь Санто-Доминго.

Гарсильязо де ла Вега, который знал Корикачу как до, так и после того, как она стала церковью, не упоминает о ящике, но приводит много других свидетельств, которые помогают нам оценить первоначальный характер храма Солнца инков:

«С восточной стороны находилось то, что мы назвали бы алтарем, хотя у индейцев такого выражения не существовало. Очень высокая деревянная крыша была крыта соломой: четыре стены были сверху донизу увешаны золотыми листами, а алтарь венчало изображение солнца. Это изображение было сделано из золотого листа, вдвое более толстого, чем те, что висели на стенах; оно имело вид круга с расходящимися лучами и языками пламени… Это символическое солнце было так велико, что занимало всю заднюю стену храма.

За изображением солнца хранились многочисленные мумии усопших королей инков, которые были в такой хорошей сохранности, что выглядели совсем как живые. Они сидели на золотых тронах, установленных на листах из того же металла, и смотрели прямо на входящего… Индейцы спрятали эти тела вместе с другими сокровищами, которые еще не обнаружены…»

Астрономические ключи

Одним из этих спрятанных сокровищ было изображение Виракочи, бога Солнца в облике человека. Прежде, чем оно пропало в XVI веке, его успели увидеть и описать несколько испанских летописцев. Рассказывают, что оно было «сделано из золота и имело вид стоящего мужчины ростом с мальчика лет десяти, причем правая рука была поднята, а пальцы ее почти сжаты, за исключением большого и указательного…»

Уильям Салливан первым из ученых заметил, что эта поза характерна для астронома, ведущего наблюдения, и что «расстояние между большим и указательным пальцами было у «отсталых» народов эталоном для измерения времени по небесной сфере». Салливан указывает, что эта мера до сих пор в ходу у полинезийских мореходов Каролинских островов. Согласно антропологу Дэвиду Льюису, эта мера, а именно «расстояние между указательным и большим пальцами, при вытянутой руке соответствует примерно 10 градусам… и вполне могла применяться древними…»

Как воплощение Солнца, Виракоча уже был частично астрономической фигурой, так что вполне резонно было бы изобразить его в процессе наблюдения звезд — поскольку существуют и другие знаки древнего астрономического культа Корйканчи.

Большое значение имели, по словам Гарсильязо, «пять больших квадратных комнат», расположенных вокруг центрального двора, кладка которых из полированного серого гранита уцелела до настоящего времени. «Между ними не было проходов, — рассказывает Гарсильязо, — а их перекрытие имело вид пирамиды».

Одна из комнат была *«посвящена Луне, невесте Солнца. Она вся была обшита серебром… Изображение Луны с женским лицом украшало ее таким же образом, как изображение Солнца в большом здании… Комната, ближайшая к комнате Луны, была посвящена Венере, Плеядам и всем звездам… Эта комната тоже была отделана серебром, а ее потолок был усыпан звездами, подобно небесному своду. Следующая комната была посвящена молнии и грому… Четвертая комната была посвящена радуге, которая, как говорили, спустилась с Солнца… Она была вся покрыта золотом, причем на одной из стен была прекрасными цветами нарисована радуга… Пятая, и последняя, комната была предназначена для главного жреца и его помощников, которые были королевской крови… Этот зал, подобно другим, был обшит золотом».*

Звездная пирамида инков

По сути дела, Гарсильязо описывает космологический храм.

Главное его сооружение, наполненное откровенно солнечной символикой, было посвящено солнцу. Более того, хотя Гарсильязо это и не упоминает, оно было ориентировано определенным образом по солнцу, при этом «прицеливании» близрасположенная гора использовалась в качестве мушки. Название этой горы — Пачатузан, что означает «Шарпир» или «Коромысло» Вселенной. Для наблюдателя, находящегося во дворе Кориканчи на рассвете в день летнего солнцестояния, солнце восходит как раз за Пачатузаном.

Из пяти вспомогательных «комнат» храма Солнца одна была предназначена для главного жреца и его помощников, а четыре остальных — для космологических, точнее — *астрономических* — явлений.

Мы подозреваем, что даже посвящение молнии и грому было также скорее связано с астрономией, чем с погодой, поскольку молния и гром повсюду в древнем мире являлись символом метеоритов — «громовых камней». Имеется свидетельство того, что культ метеоритов, до удивления похожий на древнеегипетский культ метеорита Бенбен, некогда процветал в Андах. Действительно, одним из титулов Виракочи, которыми инки пользовались во время богослужения, был Илла-Тики. Слово *илла* означает «громовой камень», а *тики* — «первобытный», «первоначальный», «исходный». Не правда ли, этот «допотопный громовой камень» напоминает камень Бенбен, который, согласно преданиям древних египтян, упал с неба в «раннюю первобытную эпоху»? И случайно ли в обоих местах метеориты ассоциировались с производительной, творческой силой Вселенной — точнее, с плодовитостью и возрождением?

По словам Гарсильязо, еще одна из комнат храма была посвящена радуге, которую инки считали эманацией солнца. Как не вспомнить при этом, что древние кхмеры Ангкора считали радуги мостами, соединяющими миры богов и людей.

Оставшиеся две комнаты Кориканчи были предназначены для небесных тел — одна для луны, другая для «Венеры, Плеяд и всех звезд». В последней потолок был «испещрен звездами, подобно небесному своду». Не вспомнить ли гробницы египетских фараонов, где

также потолки испещрены звездами — как, например, в Долине Царей и в пирамидах V и VI династий в Саккаре.

В описании Гарсильязо содержатся еще две весьма любопытные детали. Он рассказывает, что инки мумифицировали останки своих усопших богоцарей. Также поступали и древние египтяне. И сообщает нам, что астрономические комнаты в Кориканче были первоначально «увенчаны крышей в виде пирамиды». Является ли совпадением, что три пирамиды в Гизе расположены на земле в соответствии с астрономическим прототипом, а в Великой пирамиде имеются комнаты — камеры — с коридорами, нацеленными на конкретные звезды?

Астрономы — жрецы

Как мы знаем, за пирамидами Гизы присматривали жрецы-астрономы Гелиополиса, «таинственные учителя неба», чей первосвященник, «глава астрономов» поддерживал прямой контакт с силами небесными. Инки называли верховного жреца Кориканчи *уилак-уму,* что означает «тот, кто говорит с божественными силами». Его поддерживала каста ученых жрецов амуатас, которой принадлежала и школа *тарпунтаэс* — специалистов-астрономов. «Их задачей было изучать небесные тела, следить за восходом и заходом солнца, отмечать солнцестояния и равноденствия, [а также] предсказывать затмения». Для этой цели они пользовались комплектом глыб-монолитов, известных под названием *суканас,* ныне, к сожалению, уничтоженных, которые, согласно древним летописцам, некогда стояли «на гористых горизонтах долины Куско в стратегических точках, видимых из Кориканчи, отмечая азимуты зимних и летних солнцестояний».

В части второй мы познакомились с отрывками из «Текстов Пирамид», из которых можно сделать вывод, что древние египтяне и их доисторические благодетели обладали достаточно развитыми познаниями в области небесной механики уже на довольно раннем этапе. Например, термин «Шемсу-Гор», Последователи Гора, вполне может относиться к группе наблюдателей, которые «следили за путем солнца» — то есть за эклиптикой. По мнению палеоастронома Уильяма Салливана, Кориканча с ее явно выраженной эклиптической формой внешней стены служила моделью эклиптики.

«Плоскость эклиптики была представлена храмом Солнца, который на языке кечуа назывался «Кориканча», или в переводе «золотой загон». Одно из составляющих слов, глагол «кончай». означает «окружать».

Образ «золотого круга солнца»… соответствует… плоскости эклиптики…»

Салливан подкрепляет свой аргумент, анализируя один из многочисленных титулов Виракочи, а именно Интипинтин Тики-Муйо Камак. Этот эпитет *«дословно означает «создатель целостного и основополагающего круга солнца «… Если ваш ребенок придет домой с одного из первых уроков по астрономии и вместо того, чтобы повторять, как попугай, определение эклиптики из учебника («видимый ежегодный путь солнца»), скажет, что эклиптика — это «целостный и основополагающий круг солнца». вы можете спокойно считать, что ребенок уловил существо дела».*

Посмертные странствия

Древняя религиозная система, которую, как утверждали жрецы Гелиополиса, они унаследовали от Последователей Гора, сочетала в себе точные астрономические наблюдения и знание прецессии равноденствий с поисками бессмертия человеческой души. Следы этого поиска мы встречаем и в древней Мексике, и среди храмов Ангкора в Камбодже. Является ли

случайным совпадением, что тем же поиском занимались в Андах не только инки, но и все их известные предшественники в течение тысячелетий?

Особо примечателен тот факт, что у культур Анд и Древнего Египта существовало поверье, что души умерших должны совершить посмертное путешествие среди звезд и отыскать в небесах ворота, ведущие на тот свет. Древние египтяне называли тот свет Дуатом и помещали его в участок неба, ограниченный с одной стороны созвездием Льва, а с другой — Ориона и Тельца, участок, через который течет светлый Млечный Путь. На равном удалении от Льва и Тельца созвездие Близнецов отмечает пересечение Млечного Пути с эклиптикой. Именно здесь, согласно верованиям жителей Кордильер, «пересекаются страна живых и страна мертвых».

В 2500 г. до н. *э*. древние египтяне верили, что Дуат активизируется — то есть открывает свои ворота — только во время летнего солнцестояния. Инки в 1500 г. н. э. тоже верили, что вход в небесную преисподнюю открывается только в солнцестояние. Правда, они считали, что это происходит в течение четырех дней вокруг зимнего солнцестояния, когда солнце отдыхает на южном тропике, знаменуя «ежегодное открытие земли мертвых для земли живых».

Инки верили, что «в этом мире мы — изгнанники с нашей родины, того мира, что наверху» и что после смерти та душа, что жила посвященной жизнью, сможет вернуться на небо и вновь обрести истинно небесную славу. Древнеегипетские «Тексты Пирамид», которые говорят о стремлений посвященного к «жизни в миллионы лет», провозглашают: «Земля отвратительна царю… Этот царь стремится к небу… Этот царь — одно из тех существ… которые никогда не падут на землю с неба».

Точно такие же идеи вдохновляли создателей храмов Ангкора в Камбодже, олицетворявших связь неба и земли. Равным образом они звучат постоянным рефреном в герметических текстах и в писаниях гностиков, которые имели хождение в Египте и других странах Среднего Востока в первые века христианской эры. Особенно близок к верованиям инков герметический кодекс «Коре Космоу», в котором описывается изгнание душ из царства небесного и их инкарнация в человеческий облик. «Бедные мы и несчастные, — сетуют души, — что за трудности ожидают нас! Какие ненавистные вещи придется нам делать, чтобы обеспечить потребности нашего тела, которому вскоре предстоит погибнуть». Чтобы уменьшить свои страдания, они взывают к Творцу, чтобы он даровал им забвение: «Сделай так, чтобы мы забыли, какое блаженство мы утратили и в сколь злобный мир мы оказались ввергнуты».

Все эти религиозные системы учат, что душа, претерпевшая инкарнацию, должна пройти суровое испытание, чтобы найти обратный путь в царство небесное. В Андах такое испытание сравнивают с переходом бурной реки по мосту из человеческого волоса. Инки также верили, что душа может пересечь эту реку «при помощи черных собак», — хороший повод вспомнить черных собак Анубиса и Упуауга, игравших роль проводников души в древнеегипетской *«Книге Мертвых».*

Было широко распространено поверье, что у души больше всего шансов на спасение, если она воспользуется возможностями обрести особого рода секретное значение, которое сулит материальное существование. Такой «гнозис» поможет павшей душе восстать из материи и вернуться на небеса, но потребует длительного и болезненного процесса духовной инициации, который «трудно совершить тому, кто обитает в телесной оболочке». Так или иначе, но все древние источники советуют посвященному, который решился следовать путем поиска, «использовать разум как проводника, здравый смысл — как учителя. Они помогут тебе избежать опасностей и гибели». Усердное упражнение разума и здравого смысла поможет страннику понять, почему «Господь совершил все в тайне» и почему он сказал: «Я сделаю вещи внизу подобными вещам наверху».

Наградой страннику будет «бессмертное существование посреди умирающего человечества». Как мы рассказывали, в Египте, Мексике и Ангкоре этот поиск происходил на фоне великих монументов посреди ландшафтов, «напоминающих небо».

В Египте Нил был земным аналогом Млечного Пути. Инки считали всю долину от Куско до Мачу-Пикчу отражением неба, а реку Вилкамайю, по ней текущую, земным аналогом Млечного Пути. В дни летнего солнцестояния на берегах Нила и Вилкамайю проходили ритуальные мероприятия. В обоих местах эти мероприятия возглавлялись богоцарями — функции Инки и фараона практически совпадали. И в обоих местах все происходило посреди циклопических построек и неведомой древности.

Мы познакомились со свидетельством того, что Сфинкс и циклопические храмы, окружающие его в Гизе, могут иметь возраст более 12 000 лет. Поскольку очень немного известно о происхождении циклопических сооружений вокруг Тиауанако и Куско, не следует исключать возможности того, что они относятся к тому же таинственному периоду.

Глава 17
КАМЕНЬ В ЦЕНТРЕ

Мы покинули Кориканчу и поехали из Куско на север к расположенным неподалеку развалинам Саксайхуамана; эта название означает «Удовлетворенный сокол», что, возможно, имело бы некий смысл для Шемсу-Гор — последователей древнеегипетского бога-сокола Гора.

В XVI веке Гарсильязо де ла Вега подробно описал Саксайхуаман:

«Размеры его невообразимы, если вы сами не видели его; тому же, кто смотрел на него вблизи и внимательно изучал, они покажутся такими невероятными, как будто его построил какой-то колдун… Он сделан из таких [громадных] *камней, и их такое великое количество, что удивляешься, как индейцы сумели добыть их, как они их перевозили и как они их обтесывали и складывали друга на друга… Они так хорошо пригнаны друг к другу, что между ними нельзя просунуть острие ножа. Если же подумать, что эта невероятная работа была выполнена совершенно без помощи машин… то как объяснить тот факт, что эти перуанские индейцы смогли откалывать, обтесывать, поднимать, перевозить, опускать и ставить на место столь огромные глыбы, что они больше похожи на куски горы, чем на строительные камни? Будет ли преувеличением сказать, что все это — большая загадка, чем семь чудес света?»*

"Пума" Саксайхуамана

С его тремя рядами гигантских зигзагообразных стен, извивающихся параллельными террасами на протяжении более 300 метров по склону холма прямо над Куско, Саксайхуаман настолько грандиозен, что его трудно сразу охватить глазом. К тому же уже довольно давно было установлено, что он образует лишь часть еще большего геоглифа, различимого с вершин гор; оттуда видно, что вместе с древнейшими кварталами Куско он изображает громадную пуму. Некогда позвоночником этого древнего льва служила река Туллумайо, ныне спрятанная в черте города под землю. Торсом служил участок земли между Тулумайо на востоке и другой рекой, Хуатанай (теперь также протекающей под землей), на западе. В очертаниях Саксайхуамана до сих пор можно различить голову льва. С южной стороны его зигзагообразные стены образуют зубы нижней челюсти. С северной стороны скалистый выступ образует верхнюю челюсть. Между челюстями длинная полоса открытой и ровной земли, ныне заросшей травой, образует открытую пасть льва. Последняя обращена на запад, в ту сторону, где происходит закат в день равноденствия, — так же, как Великий Сфинкс в Египте смотрит на восток, в направлении восхода в день равноденствия.

Предания о существовании под Сфинксом сети туннелей, в которых спрятаны таинственные сокровища, подтверждены рядом раскопок. Известны практически аналогичные предания (их также подтвердили недавние раскопки) о туннелях под нижней «челюстью» саксайхуаманского льва, «спустившись в которые люди пропадали навсегда, а если и появлялись, сжимая в руках сокровища, то утратившими разум и бормочущими что-то невнятное».

Проблема больших камней

За час до захода солнца мы стояли на выступе скалы, образующем верхнюю челюсть льва, и смотрели в южном направлении на три зигзагообразных ряда циклопических «зубов» нижней челюсти. Она состоит из более чем тысячи отдельных каменных блоков. Все они массивны, вес многих достигает 200 тонн, но самые большие находятся на нижней террасе. Согласно измерениям и расчетам доктора Джона Хемминга из лондонского Королевского географического общества, высота одного из них 8,5 метра, а вес — 355 тонн, что позволяет

считать его одним из «самых больших блоков, какие когда-либо использовались в строительстве». Хемминг также указывает на многоугольную геометрию кладки, все камни имеют свой размер и форму, образуя «сложный и интригующий рисунок».

Суммарная высота всех трех террас достигает примерно 15 метров. С нашего наблюдательного пункта на выступе в предвечернем освещении их контуры сливались, создавая фантастический воображаемый замок, где камни нагромождались друг на друга слой за слоем, поднимаясь к небу. По мере того как солнце на западе опускалось все ниже, тени, отбрасываемые зубчатой кромкой львиной челюсти, ложились на промежутки между ними, становились все длиннее, и возникало ощущение, как будто весь этот монумент был задуман для того, чтобы выследить солнце.

Мы спустились с выступа и зашагали по заросшей травой полости львиной пасти к первой зигзагообразной стене. Огромные камни, темные и тяжелые, нависали над нами. Глядя на их внушительные габариты и прикидывая их вес, мы согласились с Гарсильязо в том, что действительно трудно вообразить, как удавалось их транспортировать из удаленной на несколько километров каменоломни, а еще труднее представить, как их ставили на место и подгоняли к соседним.

Среди археологов преобладает точка зрения (хотя не все ее разделяют, например, сэр Клементе Маркхэм), согласно которой Саксайхуаман был построен инками, а весь ансамбль возводился «своего рода методом проб и ошибок, когда каждый камень неоднократно поворачивали, сколь бы тяжек ни был такой труд». До настоящего времени не было опубликовано ни одной работы, в которой бы объяснялось, как именно применялся этот метод. Более того, археологи признают, что огромные циклопические стены Саксайхуамана «были завершены или заброшены еще до прибытия испанцев, а инки не рассказывали ни устно, ни письменно о своих методах».

Фактически одна запись о том, как инки пытались двигать большой камень-мегалит, имеется в *«Королевских комментариях об инках»* Гарсильязо де ла Веги; из нее следует, что у них не было никакого опыта в проведении такого рода работ, поскольку попытка имела катастрофические последствия. Гарсильязо рассказывает, как камень «невероятных размеров» тащили по горам более двадцати тысяч индейцев, спускаясь и поднимаясь по крутым склонам… в одном месте над обрывом он вырвался у них из рук, раздавив более трех тысяч человек».

Мы не сомневаемся, что инки были хорошими каменщиками, а также что многие сравнительно мелкие сооружения Саксайхуамана, теперь почти исчезнувшие, были сложены именно инками, как и значительная часть Куско. Однако если перемещение всего одного большого камня оказалось для них непосильным испытанием, то следует призадуматься, как же им удалось переместить сотни не менее чудовищных глыб, чтобы сложить зигзагообразные стены Саксейхуамана. Либо следует согласиться с Клементсом Маркхэмом, что стены эти остались в наследство от более далекого прошлого — «эпохи мегалитов, когда перевозили циклопические каменные глыбы и возводили циклопические сооружения».

Гиганты

Мы вернулись, чтобы обследовать скалистый выступ — «верхнюю челюсть» льва, — который расположен в 200 метрах к северу от зигзагообразных стен. Его контуры подверглись интенсивной обработке рукой человека, причем историки традиционно считают авторами этой работы инков. Однако и в этом случае нет никаких доказательств того, что инки имели к этому делу хоть какое-нибудь отношение. Поскольку пока не существует надежного способа измерения возраста каменных монументов, теоретически возможно, что уступ был обтесан за тысячи лет до инков, совершенно другой расой, а уж затем достался

инкам, когда они появились на сцене в XV веке. В этом случае нет необходимости представлять себе полный разрыв между гипотетической «старшей культурой» и инками; напротив, последние вполне могли унаследовать ряд традиций и знаний от первой и попытаться подражать ей, имитируя в меньшем масштабе ее циклопические сооружения. Существуют свидетельства того, что аналогичные процессы происходили в многочисленных святых местах по всему миру — особенно в Мексике, Египте и Ангкоре, где монументы возводились на более древних, как на фундаменте, те — на еще более древних, и так далее.

Один из вариантов сценария, по которому возникли циклопические мегалиты Саксайхуамана, содержится в мифах Анд. В них говорится о волшебных технических и строительных достижениях бородатого, бледнолицего блондина — бога Виракочи и его спутников — «посланников», «сияющих», — которые явились в первобытные времена из озера Титикака*2*. Существует кроме того и параллельное предание о народе доисторических мастеров-строителей, именуемых *хуари*. Согласно описанию, это — «белые бородатые гиганты, которые были созданы на озере Титикака, после чего они отправились просвещать Анды…»

Огромные мегалиты, которые приписывают подобным гигантам, можно встретить по всему миру, от Стоунхенджа до обеих Америк. То же относится и к вырубленным в скале сооружениям, напоминающим скалистый выступ в Саксайхуамане. Последний образует лабиринт террас, ступеней, углов, каналов, треугольных впадин и каменных «сидений» и напоминает очертаниями подводный монумент Йонагуни в Японии, а также высеченные в скале пещеры и козырьки в кратере Рано Рараку на острове Пасхи.

Примеры подобного рода обработки обнажений скальных пород можно в немалом количестве встретить в районе Куско. Один из наиболее интригующих находится в Кенко, в полутора километрах к востоку от Саксайхуамана. Здесь сильно выветренная скала из известняка обработана снаружи и изнутри так, что получился таинственный купол, полный пещер, навесов, проходов и скрытых ниш. На самой верхушке из того же камня высечена овальная фигура, окруженная сдвоенными зубцами. На поверхности купола высечены глубокие и узкие зигзагообразные щели, фигуры различных животных — пумы, кондора и ламы, — а также ступени и террасы, внешне напоминающие очертания Йонагуни. У основания купола, окруженный низкой эллиптической стеной, находится зазубренный монолит высотой около 4 метров, напоминающий так называемый «камень-каблук» из Стоунхенджа.

Ни об этом, ни о других монументах, высеченных в Андах из скал, не известно ровным счетом ничего. Кажется, что они были сооружены так давно, что логику их создателей не суждено понять никогда. У них такой вид, словно они выражают этику, неведомую нам, которая никогда не искала легких путей, а лишь стремилась к совершенству, навстречу самому дерзкому вызову, какой можно вообразить. В Египте эта этика породила пирамиды Гизы, в Ангкоре — величайшее в мире собрание храмов, в Наска — амбициозные рисунки на земле, видимые лишь с воздуха. А высоко в Андах, в недоступных местах она произвела на свет священные сооружения из каменных блоков весом в сотни тонн каждый.

Оллантайтамбо

Хотя Саксайхуаман производит невероятное впечатление, тем не менее можно утверждать, что удивительная гора-храм Оллантайтамбо в 60 километрах к северо-западу от него превосходит его во всех отношениях. Войдя в этот храм, мы оказались перед большим амфитеатром, поднимающимся уступами по крутому вогнутому склону холма к плоской вершине, находящейся на 80 метров выше нас.

Мы карабкались по осевшим ступеням, заметив попутно, что нижние были сложены из относительно небольших камней. Чем выше мы поднимались, тем, как это ни странно, размеры блоков становились все больше и больше. Так мы дошли до уровня, где лежали небрежно раскиданные массивные гранитные мегалиты, весом по 50–70 тонн, доставленные каким-то образом на высоту около 60 метров.

Прежде, чем продолжить свое восхождение, мы прошлись по узкому карнизу под стеной из плотно пригнанных трапецеидальных блоков, в которой имелись десять многоугольных ниш. Южный конец карниза нырял в циклопические ворота, увенчанные каменной перемычкой, как бы нацеленной на небольшой каменный овал на вершине горы.

Мы повернули и подошли к лестнице, прорубленной в трапецевидной стене. Поднимаясь по ней, мы, наконец, поднялись на вершину Оллантайтамбо, что отчасти — гора, а отчасти — храм. Здесь тоже было разбросано много мегалитов весом от 100 до 200 тонн; на самой верхней точке мы увидели приземистое квадратное сооружение, перед которым находились шесть очень крупных мегалитов, каждый шириной около 2 метров, толщиной порядка метра и высотой от 3,4 до 4,3 метра. Создавалось впечатление, что эти огромные, ровно вырезанные облицовочные плиты ранее закрывали заднюю стену, комнаты, передняя и боковые стены которой теперь лежали неподалеку. Некогда они были врезаны возле гребня горы; повсюду вокруг было множество других глыб-мегалитов, причем по нашей оценке не менее 30 из них имели вес около 200 тонн.

У этих полированных и твердых, как самоцветы, блоков из розового порфира есть примечательные особенности. Во-первых, у них не было ничего общего, кроме разве что размера с блоками из Куско и Саксайхуамана, и, во-вторых, они проделали совершенно невероятное путешествие, чтобы попасть сюда. Как установили геологи, эти глыбы были добыты в каменоломне, расположенной в 8 километрах отсюда (и метров на 900 выше), на противоположном берегу священной реки Вилькамайю. Это означает, что их надо было спустить на дно долины, переправить через реку, а затем поднять по крутым склонам к вершине Оллантойтамбо — задача почти сверхчеловеческая. Больше всего блоки

Оллантайтамбо напоминали, пожалуй, архитектуру Тиауанако, расположенного далеко на юго-востоке за озером Титикака — такие же громоздкие параллелепипеды с прямыми кромками и какими-то необъяснимыми выступами и впадинами, подогнанные друг к другу с невероятным мастерством и точностью.

Это может объяснить, почему на одном из вертикально установленных блоков циклопической стены Оллатайтамбо имеются барельефы с характерным стилизованным изображением ступенчатой пирамиды Тиауанако. В Древнем Египте точно такая же графическая фигура использовалась в качестве иероглифа и символа камня Бенбен, эмблемы вечной жизни. И еще. Как ив Египте, Тиауанако и Ангкоре, одним из характерных «автографов» строителей была специфическая конструкция I-образных металлических закладных деталей для соединения блоков друг с другом.

Мачу-Пикчу

Конечным пунктом нашего путешествия в Перу был заколдованный город Мачу-Пикчу, который парит на вершине горы над крутой излучиной священной реки Вилькамайю. Город этот замечателен во всех отношениях, в том числе и своим безусловно инкским происхождением. Впрочем, в его пределах находится и ряд сооружений, которые явно старше, причем намного, но были приспособлены к своим нуждам и использовались инками. К их числу относятся высеченная в скале пещера, прекрасный циклопический монумент, известный как Храм трех окон, и, разумеется, холм-пирамида в центре Мачу-Пикчу, частично естественного, частично искусственного происхождения. Верхушка холма представляет собой

выход скальных пород, обработанный в виде гигантского кулака, один из пальцев которого указывает вертикально вверх.

Объект этот, так называемая «Интиуатана», или «Стоянка Солнца», так пока и не получил удовлетворительного объяснения. Такое довольно произвольное название ему дал Хайрем Вингэм, американский исследователь, открывший Мачу-Пикчу в 1911 году. На самом деле, он действительно имеет определенную связь с солнцем, а именно с равноденствиями и солнцестояниями, в чем можно убедиться, зрительно совмещая его с соседними вершинами. Но его никоим образом нельзя считать идеальным ориентиром или солнечными часами.

У основания Интиуатаны палеоастроном Рэй Уайт недавно обнаружил высеченные на камне изображения четырех созвездий, выделяющихся в небе над Андами: Южного Креста, Летнего Треугольника, ярких «глаз» — звезд темного облака в составе Млечного Пути, которое инки называли Ламой, и Плеяд. Инки верили, что эти созвездия определяют судьбу четырех сую (четвертей) их империи.

От древней астрономической религии, истоки которой теряются в глубинах истории, «пуповина» протянулась к великой империи, которой удалось за короткий период своего существования добиться так много достойного восхищения. Тем не менее за несколько десятилетий до того, как империя была сметена испанским завоеванием, она пришла в духовный упадок, утратив контакт с аллегорической природой своих верований и обрядов посвящения. Думаем, что инки получили эту замечательную систему в наследство от неизвестных предшественников, авторов циклопических сооружений в Андах, через многочисленные этапы эстафеты. Думаем также, что эти созидатели были связаны со своими столь же анонимными коллегами по всему миру, причем везде они следовали одной и той же системе. В этом смысле заслуживает внимания довольно убедительное предположение, высказанное Уильямом Салливаном в его фундаментальном труде об андской космологии, что тот же «технический язык мифа», который использовался по всему Старому Свету, чтобы передать сложную информацию, связанную с прецессией равноденствий, был в ходу и у инков, и их предшественников в доколумбовых Андах.

По мнению Салливана, за формулировками этого «языка святого откровения, сочетающегося с эмпирическими наблюдениями», стоит «некое весьма необычное духовное восприятие с глубоким проникновением в человеческий разум». Он утверждает, что инки позабыли, либо неправильно поняли, и потому исказили первичное учение, которое дошло до них. Подобно ацтекам, которые получили у себя в Центральной Америке почти идентичное духовное наследие, они совершили роковую ошибку, восприняв символику ритуалов посвящения буквально. Эта ошибка завела их в западню черной магии и человеческих жертвоприношений, когда они отвергли учение своего «Отца-Солнце», в соответствии с которым им следовало управлять обществом, основанном на справедливости и логике, с «жалостью, милостью и умеренностью».

Инки производили свои жертвоприношения хладнокровно, как роботы, в точном соответствии с системой геодезически выверенных прямых линий, про— ложенных так, чтобы отражать связь неба и земли. Эти линии, именуемые секе, были нацелены на места восхода и захода определенных звезд и созвездий, включая те четыре, что изображены на Интиуатане.

Расходясь лучами на сотни километров во всех направлениях от «Пупа Земли» в Кориканче (Куско), эта странная сетка, обагренная кровью жертв, создавала невидимую связь между многими удаленными друг от друга монументами.

Даже в таком, казалось бы, безмятежном месте, как Мачу-Пикчу, вас не покидают мысли о том, что инки, как и ацтеки, верили, будто души убиенных жертв возносятся прямо на небеса и превращаются в звезды. В Египте и Ангкоре существовало такое же поверье. Но там, как мы видели, оно было связано не с человеческими жертвами, а с учениями и

ритуалами астрономического культа, целью которого была вечная жизнь посвященных. В Мексике и Андах астрономически выверенные пирамидальные сооружения использовались непосредственно для жертвоприношений. В Египте и Ангкоре астрономически выверенные пирамиды служили поиску бессмертия.

Возможно, в действительности расстояние между тьмой и светом не Толще человеческого волоса. Если Египет, Ангкор, Мексика и Анды унаследовали общие идеи, связанные с землей и небом, совсем не обязательно, чтобы эти идеи были восприняты ими одинаково. Напротив, есть все основания предполагать, что конкретный выбор своей судьбы зависит от того, в рамках какой системы существуют люди:

«Мы в силах избрать лучшее, но и худшее тоже… Именно нам отвечать за зло, если мы отдаем ему предпочтение перед добром».

Тростниковые лодки неба

Одна из древних линий се/се, которые были в чести у инков, проходит через Мачу-Пикчу, Оллантайтамбо, Саксайхуаман и Куско или, по крайней мере, в непос редственной близости от них. Дальше она проходит не отклоняясь, через озеро Титикака, через расположенный около южного берега его боливийского сектора остров Сурики и, наконец, пройдя общее расстояние около 800 километров, через город Тиауанако.

Еще с додинастических времен в Египте главным средством передвижения по Нилу служили лодки из папируса с высоко поднятыми носом и кормой. На протяжении тысяч лет лодки практически аналогичной конструкции строили в Андах на острове Сурики проживающие здесь индейцы аймара. Правда, папирус не растет на озере Титикака, так что они используют функционально равноценный местный тростник тотора. Тотора произрастает и на острове Пасхи, там он традиционно используется для изготовления тростниковых плотов для ежегодной церемонии, посвященной «птицелюдям».

Археологи-ортодоксы объясняют все эти аналогии, равно как и многие другие, простым совпадением. Однако столь же возможно, что они являются результатом не «независимых изобретений», а общего влияния, которое имело место в глубокой древности.

Если дело обстоит именно так, то отсюда должно вытекать, что когда-то давно, может быть, в далекой предыстории, мир исследовала некая группа людей, вооруженных передовыми духовными, архитектурными и астрономическими идеями. Они должны были быть умелыми штурманами, иначе они не смогли бы проложить маршрут к далекому пункту назначения, и великими мореплавателями, иначе не смогли бы благополучно туда добраться. И они должны были обладать знанием, которое имело бы, с их точки зрения, жизненно важное значение для человечества, иначе у них не было бы побудительного мотива, чтобы совершать для его распространения такие далекие путешествия.

Может быть, их корабли с высоко загнутым носом и кормой строились из больших связок тростника, а может быть — из более прочного материала, вроде кедровых досок, подобно «солнечной лодке» Хуфу, чье захоронение было обнаружено с южной стороны Великой пирамиды в Египте. Мы не будем излагать здесь всей аргументации, поскольку^приводили ее уже в другом месте, но считаем вполне вероятным, что вся эта система кораблестроения, вместе с характерными религиозными идеями, связанными с этими судами и в Египте, и в Андах, является частью наследия забытой эпохи мореплавания, для которой характерно также возведение по всему миру системы удивительных циклопических храмов.

Похищение Тиауанако

В двадцати четырех километрах к юго-востоку от Сурики мы кружили в чартерном самолете над Тиауанако, самом необычайном из всех циклопических храмов в Андах — «месте начала» с «камнем в центре».

Мы взлетели на маленьком самолете Сессна-Скаймастер с международного аэропорта в боливийском городе Ла-Пас. Аэропорт находится на краю плоскогорья, которое здесь именуют алыпиплано и которое простирается на тысячу километров к югу и северу от озера Титикака. Взлет наш происходил на высоте 4140 метров над уровнем моря, где уже ощущается недостаток кислорода, но мы решили не пользоваться герметичной кабиной, чтобы Санта могла снимать через открытое окно.

Мы взмыли в синее небо через обрывки облаков. Вдалеке блестели снежные шапки гор. Поднявшись на 220 метров над алыпиплано, на высоте 4360 метров, мы увидели озеро Титикака, блестевшее в предвечерних лучах солнца, а затем и цепочку островов, среди которых был и Сурики.

Мы летели вдоль автострады, ведущей из Ла-Паса в Лаху, а затем в Тиауанако, посреди величественного ландшафта алыпиплано, испещренного полями, окай— мленного горными хребтами, иссеченного оврагами и речными каньонами. Затем, нырнув между двумя горными хребтами, мы оказались над плоской широкой долиной, на западном краю которой на расстоянии 16 километров от озера находится Тиауанако.

Мы неоднократно посещали этот разрушенный город и раньше, добираясь туда наземным транспортом, но никогда еще не видели его с воздуха. А выглядел он при этом исключительно романтично, как будто возрождаясь и сияя золотистым ореолом былой славы.

Время и люди не пощадили Тиауанако. Огромные сооружения подвергались систематическому разрушению в XVI веке, многие из статуй были уничтожены неистовыми католическими фанатиками во время кампаний по искоренению идолопоклонничества в Андах. В тот же период возбужденные древними слухами охотники за сокровищами вырыли глубокий котлован на рерп;:не пирамиды Акапана, одного из главных сооружений Тиауанако. В XIX веке, не считаясь с потерями для археологии, строители использовали каменные блоки-мегалиты для ограждения железной дороги. В начале XX века блоки из Тиауанако дробили и использовали на стройплощадках Ла-Паса. То, что оставалось, растаскивали по окрестным деревням местные жители, чтобы строить свои хибары. Разгром довершали безжалостные туристы, которые тащили с собой все, что еще можно было унести, а на том, что приходилось оставить, выцарапывали свои инициалы.

В 1940-х годах, пытаясь спасти от вандализма немногие оставшиеся статуи, две наиболее хорошо сохранившиеся перевезли в Ла-Пас, где установили их в музее под открытым небом напротив стадиона, посередине транспортного кольца. Там они и находятся по сей день, купаясь в выхлопных газах; атмосфера здесь настолько губительна, что статуи будут изъедены до неузнаваемости еще при жизни нашего поколения. Те же две монументальные скульптуры, что остались на месте сооружения, окружены теперь колючей проволокой и выглядят, как узники концентрационного лагеря.

Неужели наша культура хочет убить прошлое?

В Тиауанакане временами кажется, что да. Тем не менее, словно из духа противоречия, первоначальный замысел этого священного города нес в себе столь мощный и величественный заряд, что враждебные силы не сумели до конца его уничтожить. Кое-что еще остается.

Вид с птичьего полета Город состоит из четырех основных элементов, Но с высоты 150 метров, когда мы кружили над Тиауанако, нам были видны лишь три из них: Полуподземный

храм, Каласасайя и расположенная в юго-западном сегменте города циклопическая ступенчатая пирамида Пума-Пунку («Львиные ворота»).

Каласасайя — прямоугольное сооружение, ориентированное по сторонам света, размером 130 метров с востока на запад и 120 метров — с севера на юг. Его стены сложены из красного песчаника, окружают приподнятую площадку, на которой с самолета чуть виднелись фигуры двух последних статуй Тиауанако. В северо-западном углу площадки можно было разглядеть монументальные Ворота Солнца, высеченные из одного 45-тонного куска твердого андезита.

Так же, как Каласасайя, ориентирована по сторонам света пирамида Акапана — типичный священный курган, первоначально имевший довольно сложные очертания. Она легко различима с высоты нашего полета, несмотря на естественную эрозию и насильственные повреждения. Ее размеры в плане несколько выше, чем 200x200 метров, причем проекция имеет трехступенчатую форму с широкой стороной, обращенной на восток, и узкой — на запад. С такого основания она семью ступенями поднимается вверх на высоту 18 метров. Мы разглядели большой котлован неправильной формы, вырытый искателями сокровищ посередине монумента и теперь частично заполненный грязной водой. Вокруг котлована были разбросаны каменные блоки, некогда окаймлявшие центральный крестообразный бассейн, причем каждая сторона креста имела форму трехступенчатой пирамиды. Археологи установили, что этот бассейн питал серию колодцев в теле пирамиды, которые передавали потоки воды на более низкие уровни:

Система водостока, которая поочередно то отводила воду, то подавала ее горизонтально под основание каждого яруса, затем снова туда и обратно, постепенно спускалась каскадом со всех ярусов пирамиды».

Третье главное сооружение, видимое с нашей высоты, это Полуподземный храм, заглубленное, но открытое сверху помещение, размером в плане 26x28 мет— ров. В нем есть три стелы, на одной из которых фигура бородатого человека, а все стены украшены изображениями десятков странных голов с вытаращенными глазами. По общему мнению археологов, бородатая фигура, лишенная характерных внешних черт туземного населения, изображает Виракочу в его человеческом облике. По бокам стелы высечены змеи — универсальный символ мудрости и духовной силы, который встречается от Египта до Мексики и Камбоджи.

Кружа над Тиауанако, разглядывая его с различных сторон и высот, пытаясь мысленно восполнить детали, унесенные временем, мы постепенно пришли к пониманию того, что перед нами — очередная мандала, совокупность геометрических форм и символов, которая, подобно храмам Ангкора и пирамидам Гизы, должна была сконцентрировать внимание любознательного, предложив ему лабиринт загадок.

Загадки

Для нас Тиауанако — это много загадок внутри одной, большей.

Во-первых, это загадка больших камней. В Пума-Пунку, Приземистой ступенчатой пирамиде с основанием приблизительно 60x50 метров, есть блок, который по оценкам должен весить 447 тонн. Многие другие весят от 100 до 200 тонн. Основные каменоломни были удалены на 60 километров (откуда поступал в Тиауанако весь андезит) и на 15 километров (оттуда поступал красный песчаник}. Так что транспортировка блоков оттуда довольно проблематична, и вряд ли ее можно свести к примитивной схеме, когда тысячи рабов тянут за веревки. Помимо всего прочего, Тиауанако находится на высоте 4115 метров над уровнем моря, где до крайности усугубляются проблемы мотивации труда и питания

большого коллектива работников. Так что кто бы это ни сделал, мы можем быть уверены, что сооружение священного города не было делом рук примитивного народа.

Другая загадка Пума-Пунку, которая бросается глаза, состоит в том, что многие мегалиты соединены друг с другом при помощи металлических крепежных деталей, иногда довольно крупных. Долго считали, I-образные и Т-образные детали отливались заранее, а затем уже в холодном виде закладывались в выемки, вырубленные в соседних блоках. Однако при ближайшем рассмотрении, исследование при помощи сканирующего электронного микроскопа выявило удивительную вещь: оказывается, в эти выборки *заливали расплавленный металл.* Это означает, что строители пользовались портативной плавильной печью, которую перемещали от блока к блоку, то есть речь идет о более высоком уровне техники, чем тот, на который, как ранее считалось, была способна доколумбова Южная Америка.

Вот еще одна загадка. Спектрографический анализ одной из немногих сохранившихся закладных деталей показал, что сплав, из которого она изготовлена, имеет довольно необычный состав и содержит 2,05 % мышь— яка, 95,15 % меди, 0,26 % железа, 0,84 % кремния и 1,70 % никеля. Между тем в Боливии нет месторожде— ний никеля. К тому же мышьяковисто-никелевая брон— за — сплав «редко встречающийся» и имеет весьма высокую температуру плавления.

Но самая большая загадка Тиауанако — его возраст. Большинство археологов относит его к промежутку между 1500 г. до н. э. и 900 г. н. э., этому, однако, противоречат геологические данные, свидетельствующие о его «привязке» к озеру Титикака в тех границах, в которых последнее существовало более 10 000 лет тому назад. Повыше змей, что изображены по бокам фигуры Виракочи в Полуподземном храме, изображено животное, напоминающее токсодона, — этот вид, похожий на бе гемота, вымер в окрестностях Тиауанако еще 12 000 лет назад. А с восточной стороны Ворот Солнца имеется изображение слоноподобного существа — возможно, это хоботное Cuvieronius, также вымершее в Новом Свете 12 000 лет назад. Что может быть еще более существен— но, на весьма почтенный возраст Тиауанако указывают и определенные признаки астрономической ориентации. На них впервые, еще в начале XX века обратил внимание боливийский археолог Артур Познански. Его расчеты опираются на изменения наклонения Земли (см. главу 12, Наклонение эклиптики), которые, как считают, происходят со скоростью 40 дуговых секунд в столетие. В результате этого явления место восхода солнца перемещается по горизонту от солнцестояния к солнцестоянию таким образом, что крайние положения то расходятся к северу и югу, то опять сближаются с характерными временами порядка десятков тысяч лет. Так вот, согласно расчетам Познански, если Тиауанако был ориентирован по положению Солнца в дни солнцестояния, то первоначальная планировка города была произведена более 17 000 лет назад. Опираясь на новейшие измерения космических спутников, американский палеоастроном Нейл Стад уточнил эту цифру: она составляет примерно 12 000 лет.

Важный сдвиг

Возможность того, что возраст Тиауанако превышает 12 000 лет, традиционно была предметом насмешек со стороны всех ортодоксальных историков и археологов. Но в 1996–1997 годах их отношение к этому вопросу изменилось.

Во-первых, Нейл Спад положительно отнесся к подходу Познански и его уточнению датировки — XI тысячелетие до н. э. Затем в январе 1997 г. не менее ортодоксальная фигура, доктор Освальдо Ривера, директор Национального института археологии Боливии и один из крупнейших в мире специалистов по Тиауанако, сделал ряд неординарных заявлений в

интервью для журнала, которое он дал нашему коллеге, Шэну Дэйчи, переведшему на японский язык «Следы богов»:

Дэйчи: Кстати, американский исследователь Нейл Стид изучает сейчас Каласасайю в астрономическом плане… Его данные приводят к выводу, что внутренние стены сооружены 2000 лет назад, а внешние — 12 000 лет назад. Что вы думаете об этих результатах?

Ривера: На самом деле, мы сейчас проводим аналогичное исследование. Прежние исследователи наблюдали восход солнца, мы — закат. В противоположной стороне от внутренних стен есть десять камней-мегалитов, которые играют роль обсерватории. Подробный отчет об этом исследовании закончен совсем недавно, 21 декабря 1996 г. Он содержит результаты, аналогичные полученным при наблюдении восхода.

Дэйчи: Исследования Стида показывают, что Каласайя построена 12000 лет назад. Получили ли вы аналогичный результат?

Ривера: Очень близкий.

Дэйчи: То есть 12 000 лет? Но ведь Познански говорил —17 000…

Ривера: С этим надо будет еще разбираться.

Дэйчи: Вы пока не сделали окончательные выводы?

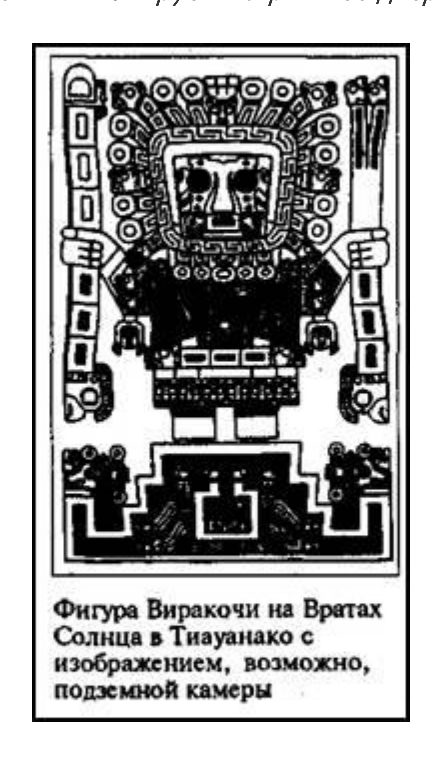
Ривера: Работа еще продолжается. Докопаться до правды нелегко. Но я верю, что в ближайшие годы, используя новейшую методику, технику и приборы, можно будет получить дополнительную информацию.

Дэйчи: У Египта и Южной Америки много общего: мумии, реинкарнации, мегалиты…

Ривера: А пирамида, а ее очертания? Не забудьте еще и Камеру Царя.

Дэйчи: Камеру Царя?

Ривера: Не исключено, что в этом году нас ждет последнее и самое крупное археологическое открытие XX века*. Дело в том, что в пирамиде Акапана, в Тиауанако, есть внутренняя полость. В пирамиде есть коридор и камера. Думаем, что она аналогична Камере Царя Великой пирамиды в Гизе. Мы планируем вскрыть ее дверь в этом году».*

Фигура Виракочи на Вратах Солнца в Тиауанако с изображением, возможно, подземной камеры

«Да, возможно. Мы действительно считаем, что Тиауанако намного старше, чем считалось ранее. После 21 года раскопок и исследований в Тиауанако я могу сказать, что все это время у нас был открыт рот, потому что Тиауанако — это нечто невероятное, в том числе для археологов, там работающих. Мы все время находили что-то необычайное».

Ривера согласился, что новые оценки возраста Тиауанако, относящие его основание к XI тысячелетию до н. э. (когда, как мы предполагаем, был высечен Сфинкс), означает первичное влияние некой забытой цивилизации — «что-то вроде Атлантиды». И еще он стал склоняться к тому, что эта гипотеза о забытой цивилизации может оказаться весьма полезной с учетом потрясающих культурных аналогий в Мексике, Южной Америке и Египте: «Нам нужен способ свести воедино все эти вещи, которые сегодня изолированы друг от друга и были изолированы весьма долгое время».

Карта, высеченная на камне

Возможно, камера в пирамиде Акапана, о которой говорил Ривера, содержит ответы на некоторые из этих загадок. «Мы ищем вход в камеру посредине пирамиды, в ее глубине. По нашему мнению, там может быть восемь входов», — сказал Ривера.

«Так вы все-таки нашли камеру или вход в камеру внутри пирамиды Акапана?» — спросили мы.

«Мы не вошли, но мы ищем, — отвечал он. — Я год, целый год, занимался этими раскопками… и я уверен, что мы откроем внутреннюю часть Тиауанако… Тиауанако, погребенный под нынешним… Думаю, что этот, другой Тиауанако находится на глубине 12 или 21 метр, и это И есть первоначальный, священный Тиауанако. Не могу сказать, каков его возраст. Это новая глава в исследованиях Тиауанако. Мы собираемся открыть новую книгу».

Но самое интересное было еще впереди. Когда мы спросили Риверу, почему он так уверен, что эта камера будет обнаружена, он указал на восточный фасад Ворот Солнца, который украшен сложным фризом из картинок, символов и геометрических фигур. В самом центре этого фриза размером более трех метров изображено человекоподобное существо, сжимающее в каждой руке по жезлу странной формы. Эту сильно стилизованную фигуру в духе компьютерных икон археологи считают изображением одного из воплощений Виракочи, солнечного бога. У нее черты льва и борода, она обращена лицом на восток и стоит на пьедестале в виде ступенчатой пирамиды.

Ривера привлек наше внимание к пьедесталу. Его ступени так же расположены, как на пирамиде Акапана (вид сверху). И в глубине этого пьедестала изображено нечто, что он считает камерой. В это квадратное помещение, где свернулось какое-то странное животное — может быть, дракон, может быть, лев — ведут восемь квадратов. Шесть из них имеют вид птицеголовых (иными словами — пернатых) змей, два, — тоже змей, но со львиными головами. Четыре коридора проложены под углом, точь-в-точь как Большая галерея в Великой пирамиде в Гизе.

«Я уверен, что это схема Акапаны, — подчеркнул Рйвера. Показав восемь входов, он добавил: — Мы идем по одному из них. Я уверен, что вскоре мы возобновим свои раскопки».

Аналогии с Гизой

Мы не могли не вспомнить события 1990-х годов в Гизе. Американцы при помощи сейсмической и радиолокационной техники обнаружили под Сфинксом пустоты, а созданный немецкими учеными робот исследовал в Великой пирамиде узкую южную шахту Камеры Царицы, проделав путь длиной в 60 метров, после чего уткнулся в закрытую подъемную

дверцу, ведущую, по-видимому, в ранее неизвестную камеру. Подобно Освальд о Ривере, исследователи Гизы столкнулись с препятствиями, тем не менее они надеялись вскоре возобновить работы.

И, конечно, любопытно то, что возраст и Гизы, и Тиаунако, насколько можно судить по геологическим и астрономическим свидетельствам, более 12 000 лет, что в обоих местах строительство происходило поверх подземных лабиринтов и камер, и в обоих случаях ходили слухи, что эти объекты хранят послание от пропавшей цивилизации.

Порождение дуализма

Освальдо Рйвера отправился в Ла-Пас, а мы задержались в Каласасайе, чтобы увидеть, как солнце садится за озеро Титикака на северо-западе, а на юго— востоке, над вершиной горы Иллимани восходит полная луна. Сквозь арку Ворот Солнца, встав сначала с одной стороны, а затем — с противоположной, можно было поочередно наблюдать то и другое светило. Было очень легко представить Ворота как шарнир огромных космических рычажных весов, в чашках которых находятся Солнце и Луна.

На фризе, обращенном к востоку, голова Виракочи, как и положено солнечному богу, окружена 19 «солнечными лучами». Правда, Уильям Салливан утверждал, что эти лучи не имеют никакого отношения к Солнцу, а свидетельствуют о знании 19-летнего лунного цикла («метонического») — «числа лет, которое необходимо, чтобы конкретная фаза луны пришлась на заданную солнечную дату. Иными словами, если на ваш день рождения приходится полнолуние, то такая ситуация повторится только через 19 лет». Столь же вероятно, что 19 лучей могут символизировать «солнцестояния» луны — крайние южное и северное ее положения, — которые наблюдаются каждые 19 лет. Как мы знаем из Введения, далеко от Тиауанако, на Внешних Гебридах, круг камней-мегалитов Калланиш был спроектирован таким образом, чтобы «ловить» Луну в ее крайнем южном наивысшем положении раз в 19 лет.

Но нашему мнению, и Колланиш, и Тиауанако, и многие другие монументы, которые мы обследовали по всему миру, были частью великого научного проекта древности, целью которого было бессмертие человеческой души. К сожалению, если только в потайных камерах Гизы и Тиауанако не найдется чего-либо вроде Розетского камня, нам предстоят годы терпеливых поисков, прежде чем удастся понять, как работала эта наука и где и когда она возникла.

Но и сейчас мы знаем, что она пользовалась определенными эмблемами. Поэтому нас не удивляет, что по обе стороны Виракочи на обращенном к востоку фризе имеются три горизонтальных ряда существ, которых именуют «ангелами». Все это — люди-птицы, то есть люди с птичьими крыльями, иногда с птичьими головами, а иногда — с человеческими.

Практически такая же «икона» с человекоголовыми птицами использовалась в Древнем Египте, чтобы символизировать разновидность души — конкретно Ба, «сердечную душу». Ба способна пережить смерть в качестве независимой сущности и может беспрепятственно перемещаться в Дуате, подобно свободному полету птиц. Посему ее и символизировала птица.

Древние египтяне часто изображали души *Ба* получающими лучи влияния (энергии, жизни и т. п.) от небесных тел — солнца, звезд, луны. Нам представляется, что 48 фигур птицелюдей на Воротах Солнца, по 24 с каждой стороны от Виракочи (некоторые из них почти стерлись), выполняют такую же функцию, когда стремятся слева направо, как мотыльки на огонь, к солнечнолунному богу. «Карта» Акапаны, коей, согласно Освальдо Ривере, служит пьедестал Виракочи в виде ступенчатой пирамиды, является также символом камня Бенбен, который сам символизирует вечную жизнь.

В предзакатном свете мы не спеша ходили вокруг Каласасайи и разглядывали две ее статуи: одну — из андезитового монолита, высотой 3,7 метра, другую — из песчаника, высотой 1,8 метра. У обеих в руках были странные предметы. На обеих присутствовали мотивы аквамира — например, изображения водной среды, вырезанные на поясе. Подобно жрецам-астрономам древних майя и египтян, которые носили накидки из шкуры леопарда с пятнами, символизирующими звезды, обе эти статуи также носили одежду, покрытую круглыми пятнами.

Мы вглядывались в лица скульптур. Они были пустыми, смотрели на все как будто сквозь нас. Это были лица словно из другого мира. Сколько еще всего из этого мира удалось бы обнаружить при правильной организации раскопок в Тиауанако? До сего времени археологи обследовали лишь 1,2 % его поверхности; остальное так и пребывает в первозданном виде.

Сгущались сумерки. На альтиплано дул ледяной ветер. Мы вернулись к Воротам и снова всмотрелись в ничего не выражающие глаза Виракочи, загримированного под льва. Обратившись к востоку, древний бог стоял спиной к заходящему солнцу и глядел на восходящую луну и звезды, которыми он как будто собирался управлять как дирижер небесным оркестром.

Мы ощутили мощь холодной Вселенной, среди просторов которой находится человечество, порожденное материей, но обладающее божественной способностью делать выбор между добром и злом, душой, что дает и принимает любовь, и разумом, изучающим космос с почтительным удивлением.

И мы вспомнили, как древние говорили о том, что Бог Двойственности космоса всегда в трудах, измеряя миллионнолетние циклы и счисляя звезды:

Бог Двойственности вечно за работой,

Творец людей, Великое зерцало,

Что озаряет все вокруг предметы.

Мать всех богов, отец богов старейший,

Что распростерся на пупе Земли.

Среди морей просторов бирюзовых.

Он тот, чей дом сокрыт в морской пучине,

Он тот, чей дом сокрыт за облаками.

Тот старый бог, что населяет тени

Страны умерших. И времен владыка,

И пламени властитель.

Заключение
ЧЕТВЕРТЫЙ ХРАМ

Древний мир был озарен великой пан-культурной теорией смысла и тайны смерти и возможности вечной жизни. С ней была связана и наука бессмертия, которая пыталась освободить дух от вульгарной зависимости от материи. Эта наука была по-своему столь же строгой и эмпирической, как, скажем, астрофизика, медицина или генная инженерия. Однако, в отличие от современных учений, эта наука была, по-видимому, уже с самого начала «стара, как холмы»; она была полностью сформирована и имела своих приверженцев и пропагандистов на самой заре истории, причем в таких удаленных друг от друга местах, как Северная Европа, Египет, Месопотамия, ведическая Индия, Тихоокеанский регион, Япония, Китай, Юго— Восточная Азия и обе Америки.

И во всех этих регионах велась пропаганда странной, чтобы не сказать — потрясающей, доктрины дуализма «небо-земля», в которой настойчиво, вновь и вновь подчеркивалось, что:

«Весь мир, что расположен внизу, был организован и наполнен содержанием по образу и подобию вещей, находящихся наверху, поскольку вещи внизу не обладают силой установить порядок мира, что наверху. Более слабые тайны должны уступать более сильным… система вещей наверху сильнее, чем вещи внизу… и нет ничего такого, что не снизошло бы сверху».

Наука, исповедовавшая эти законы, пользовалась международным языком — технической терминологией, находившей выражение в архитектуре и мифах, — который основывался на повсеместно принятых положениях, связанных со сложными астрономическими циклами. Однако ход этих циклов настолько медлен и неявен, что их можно обнаружить лишь путем точного и систематического наблюдения небес на протяжении тысячелетий.

Бесценная жемчужина

Кто проводил эти наблюдения? Как знания о них распространялись по миру? Когда они впервые начались — до Египта, до ведической Индии, до древних майя? Почему им придавалось такое значение? И какова была природа системы знаний, которой они служили?

Ответы на эти вопросы покрыты тайной, в них есть нечто драгоценное, что человечество оставило позади во тьме времен. Мы считаем, что эта «бесценная жемчужина» может оказаться наследием пропавшей цивилизации, «наукой души», развившейся в результате тысячелетий исследований и экспериментов и приложимой, причем с высокой точностью, к фундаментальным вопросам жизни и смерти.

Наука может быть возрождена. Для ее работы, как и у современных наук, требуется физической аппарат и теоретическая база. Мы пытались показать, что следы этого аппарата до сих пор существуют во многих великих монументах и храмах древности, а следы теории — в текстах и мифах, дошедших до нас с доисторических времен. Не случайно при встрече двух этих потоков происходят синэргетические явления, когда целое оказывается больше, чем сумма частей. Мифы как будто специально задуманы таким образом, чтобы вдохнуть жизнь в каменную кладку и геометрию монументов, а монументы одновременно привносят в мифы материальную сущность и смысл. Все выглядит так, словно вы загружаете мощную игровую программу в некий громадный компьютер, пробуждая скрытые способности машины.

Пропавшая цивилизация

Мы попытались поиграть в эту игру, опираясь на мифы и монументы, и понять забытый язык астрономических аллегорий и небесно-земного дуализма.

Мы неоднократно встречались с астрономической ориентацией и символикой монументов. Иногда, как в Гизе и Ангкоре, а также у майя Центральной Америки, эти ориентация и символика расцветали величественной имитацией неба, когда на земле находили отражение целые созвездия.

В мифологии, преданиях и священных текстах стран, по которым мы путешествовали, мы неоднократно встречались с еще одной системой общих идей, основанной на том, что душа может возрождаться со временем, в различных формах и обстоятельствах, накапливая тем самым опыт и постепенно приближаясь к совершенству. Во всех этих культурах мы также встречались с идеей о том, что совершенствование духа достигается не только хорошей работой и хорошими мыслями, но и безжалостным разрывом всех связей с материальным миром и овладением древней системой духовного знания.

Нигде не сказано точно, из чего складывалось это знание, но во многих местах на Земле имеются определенные ключи, которые указывают на астрономию и на особую заинтересованность в великом небесном цикле прецессии. Более того, существует ряд текстов и преданий, которые намекают на то, что монументы могли непосредственно использоваться в качестве инструментов этого знания. О них говорили как о местах, где посвященный мог «превратиться в бога», или в яркую звезду, либо стать кандидатом на возрождение: «дабы ты мог жить и вновь быть маленьким».

Мы убеждены, что именно пропавшая цивилизация является наиболее вероятным источником этих достаточно приметных и широко распространенных идей. Конкретная гипотеза, которую мы первоначально выдвинули в книге «Следы богов». сводится к тому, что эта цивилизация расцвела до 10 500 г. до н. э. и погибла почти бесследно в великом катаклизме, потрясшем Землю в конце последнего ледникового периода. Мы предполагаем, что некоторые представители этой цивилизации уцелели и расселились на разных материках. И там основали культ мудрости, базирующийся на астрономических знаниях и сулящий посвященным

Святой Грааль бессмертия.

Земной шар был некогда опутан сетью таких культов, в узловых точках которой находились геодезические реперы, именуемые обычно специальным термином «пуп Земли». Мы представили свидетельства того, что, по крайней мере, часть таких точек была сознательно размещена относительно друг друга с определенным астрономическим расчетом: например, 72 градуса по долготе, или 54, или 108, или 144 — все эти числа связаны с прецессией равноденствий.

Если приложить прецессионные расчеты к ориентированным астрономически «небесно-земным» монументам вроде Великого Сфинкса, трех пирамид в египетской Гизе и 72 храмов Ангкора в Камбодже, то в итоге «распечатывается» одна и та же дата, одно и то же время года и вообще один и тот же момент: двенадцать с половиной тысяч лет тому назад, восход солнца в день весеннего равноденствия.

Мы вполне допускаем, что Сфинкс, египетские пирамиды и камбоджийские храмы строились в разные эпохи. Но, поскольку все они носят явный отпечаток единой цели и задуманы для того, чтобы служить общей духовной идее, мы делаем вывод, что культ, их использовавший, зародился в глубокой древности и весьма долго существовал, поскольку одни и те же цели преследовались в Египте в 2500 г. до н. э. и в Ангкоре в 1150 г. н. э. И мы не видим, почему корни такого культа не могли уходить, скажем, в эпоху 10 500 г., до н. э., о которой настойчиво сигнализируют эти памятники. Более того, вполне возможно, что тот же культ, преследуя свои первоначальные цели, существует до настоящего времени.

Продавцы Света

В XVII веке английский философ Фрэнсис Бэкон начал работу над необычной книгой под названием *«Новая Атлантида»*, но он умер, не завершив ее. В этой книге высказывалось предположение о существовании «по среди величайшей в мире водной пустыни» острова Бенсалем, которым правит коллегия мудрецов. Обитатели Бенсалема — люди просвещенные, чтобы не сказать — ученые, великие астрономы и геометры, а также строители аэропланов и подводных лодок («мы владеем несколькими способами воздушного полета; у нас имеются корабли и лодки для движения под водой»). Бэкон приписывает островитянам познания в генной инженерии, способность «видеть удаленные объекты» и «производить подводные

работы». Они были также искусными штурманами и мореходами, но старались сохранить в тайне свое существование: «Мы хорошо знаем большую часть обитаемого мира, но притом сами неизвестны».

Вполне возможно, что все, что описывает Бэкон, является художественным вымыслом и служит просто средством выражения философских и политических идей. Однако посмотрите, как он описывает жрецов-астрономов Бенсалема, владеющих особой мудростью, доставшейся им в наследство от великой цивилизации прошлого, которая погибла во время всемирного Потопа!

Он рассказывает, что они стремились к «познанию причин и тайного движения вещей», что их целью было питать «первое творение Божье, а именно Свет», для чего «двенадцать из нас отправились морем в чужие страны под видом представителей других наций (ибо свою мы скрываем)… Мы называем их Продавцами Света».

Вопрос о том, является ли «Новая Атлантида» сплошным вымыслом, или же Бэкон избран для того, чтобы специально подать часть оккультной истории под прикрытием безобидной фантазии, мы рассмотрели в другой книге. Но совершенно очевидно, что по всему миру, в эпохи, разделенные тысячелетиями и вроде бы никак не связанные друг с другом, провидцы и мудрецы играли ключевую роль, направляя независимые культуры удивительно сходными маршрутами духовного развития. Эти учителя и цивилизаторы всегда, как утверждали, прибывали откуда-то еще, часто — с какого-то острова — обычно на лодке по морю.

Может быть, именно они и были истинными «Торговцами Светом» — эти Аху-Шемсу-Гор из Древнего Египта, «пернатые змеи» Мексики, Виракочи в Андах, богоцари кхмеров. И, возможно, все они принадлежали к тайному обществу («невидимой коллегии» Бэкона), целью которого являлось сохранить таинственное наследственное знание из допотопных времен — остров света посреди моря тьмы.

Организация

Все религиозные идеи, которые мы рассматривали в «Зеркале небес», являются по своей природе «гностическими»: будь то в Ангкоре, или в Мексике, или в Древнем Египте, посвященных учили добывать знание тайны бытия посредством прямого опыта. Но существовала еще и своеобразная религия под названием «гнозис» — дословно «знание» или «тайное знание», — у которой было много последователей («гностиков») на Среднем Востоке в течение нескольких веков до и в начале христианской эры.

Сердце этой религии — Наг-Хаммади, где в конце 1940-х годов найдено большое собрание гностических текстов (недалеко храма Дендеры). Датируемые примерно III веком н. э., эти папирусы, теперь обычно именуемые «Проповеди гностиков», или «Библиотека Наг-Хаммади», часто упоминают о существовании тайного общества — «Организации». В ряде текстов открыто формулируется цель этой «Организации» — строить монументы, «олицетворяющие духовные места» (то есть звезды), и противостоять вселенским силам тьмы и невежества, которые «вели людей к великим горестям, сбивая их с пути обманом. Они старились, не испытав радости. Они умирали, не обретя истины и не познав Бога истины. Так все творения Господни оказались порабощенными — с основания мира и по сей день».

Подобно древним египтянам, кхмерам и мексиканцам, гностики видели во Вселенной школу опыта, созданную, дабы дать «несовершенным душам» драгоценную возможность учиться и расти перед лицом выбора и вызова со стороны материального бытия.

«Видимые создания… осуществились благодаря тем, которые нуждались в просвещении, обучении и формировании, чтобы малое могло понемногу возрастать. Именно по этой причине [Бог] сотворил человечество…»

Гностики также верили, что в материальной Вселенной существуют две мощные духовные силы — сила света и любви и сила тьмы и нигилизма. Цель сил тьмы — не позволить человеческим существам реализовать заложенную в них искру божью, «заставив их испить воды забвения… чтобы не могли они узнать, откуда пришли». Тьма делает интеллект бесчувственным и распространяет злокачественную «слепоту разума», поскольку: «Невежество — мать всех зол… Невежество — раб. Знание — свобода».

Что же касается «Организации», то она служит силе света, и ее священная цель — освободить людей от рабства, посвятив их в культ знания. Вряд ли можно представить более важную и неотложную задачу: по мнению гностиков, человечество есть фокус, центр космической борьбы; при этом проблема индивидуального выбора в борьбе со злом, произрастающим из невежества, выходит далеко за пределы сугубо материальных вопросов, из плоскости смертной, человеческой. Об этом гностики говорили так: «Наша борьба — не против плоти и крови, но против правителей мира и духов зла».

Архон и змей

Гностики жили в тесном контакте с рудиментами древнеегипетской религии и также сосуществовали с иудаизмом и ранним христианством. Они почитали Осириса, древнеегипетского бога возрождения, «который противостоит тьме как страж света». Напротив того, Иегову, ветхозаветного бога иудеев и христиан, они считали темной силой, в сущности, одним из «правителей мира тьмы» — «Архоном», чья цель — держать человечество вечно погруженным в духовное невежество. Как ни шокирует это иудаистов и христиан, но, согласно трактовке гностиков, в ветхозаветной истории «искушения» Адама и Евы в Саду Эдема змей выступает не в роли главного злодея, а скорее как герой и истинный благодетель человечества.

«Что Бог сказал тебе? — спросил змей у Евы.

— Может быть, «Не ешьте от древа познания [гнозиса]»?» Она ответила: «Он сказал, чтобы не только не ели, но и не прикасались, не то умрем». Змей же успокоил ее, сказав: «Не бойся, смерть не грозит вам. Он сказал это все из ревности. На деле же ваши глаза откроются, и вы станете подобны богам, различающим зло и добро».

После того как Адам и Ева, эта первобытная человеческая чета, вкусили от древа познания, они, согласно гностикам, испытали просветление и осознали свою светлую и бессмертную природу. Однако это прозрение, само по себе, не было гарантией бессмертия, но оно являлось важным предварительным условием для тех, кто хотел бы «вкушать от древа жизни».

Но Архоны были ревнивы и сказали:

«Смотрите, вот Адам! Он стал подобен нам, поскольку ему ведома разница между светом и тьмой. Может быть, теперь он пойдет к древу жизни, вкусит от него и станет бессмертным. Давайте прогоним его из рая на землю, из которой он был взят, дабы он не мог ничего больше осознать… И они изгнали Адама из рая вместе с женой. И этого им было мало, потому что они боялись. Поэтому они пошли к древу жизни и окружили его всякими пугающими предметами… и среди них они поместили пылающий меч, который постоянно вращался, наводя ужас, чтобы ни одно земное создание не осмелилось туда проникнуть».

Потоп

Позднее, рассказывают тексты гностиков, во время золотого века, потомки Адама и Евы достигли высокого уровня познания, научились воздействовать на материальный мир умными машинами и устройствами и стали заниматься духовными исследованиями. И снова из ревности Архоны решили вмешаться и ограничить потенциал человечества: «Правители посоветовались и сказали: «Давайте-ка учиним своими руками потоп и истребим всякую плоть, от человека до зверя».

Согласно гностикам, потоп не преследовал цели наказать зло, как говорит Библия; просто он должен был наказать человечество за то, что оно поднялось так высоко, и «отнять свет», который становился все ярче среди людей. И это в значительной степени удалось. Уцелевшие были ввергнуты «в великое отчаяние и жизнь, полную труда, так что человечеству пришлось отдавать все силы мирским задачам, не имея возможности посвятить себя проблемам духовной святости».

Однако, к счастью, среди уцелевших нашлись такие, кто обладали древним знанием и были преисполнены решимости передавать его грядущим поколениям для их блага столько времени, сколько потребуется, и там, где только возможно, пока вновь не наступит время всеобщего пробуждения.

«Пополь-Вух»

Неизвестно, каким историческим путем идеи гностиков могли попасть к древним майя-киче в Мексике и Гватемале. Киче были строителями Утатлана, «звездного города» Ориона. Их единственной уцелевшей священной книгой, записанной вскоре после Завоевания, но содержащей, как считают, весьма древние учения, является «Пополь-Вух». Как ни странно, но и здесь, как в текстах гностиков, говорится о далеком золотом веке и о живших тогда Первых Людях:

«Одаренные разумом, они видели [суть], причем видели далеко; они преуспевали в видении, они преуспевали в познании всего того, что имеется в мире. То, что скрыто расстоянием, они видели, не двинувшись с места… Велика была их мудрость, их зрение простиралось в леса, скалы, озера, моря, горы и долины. Они были воистину достойны восхищения… Они были способны все познать, они обследовали все четыре стороны света, все четыре опоры небосвода и круглое лицо Земли».

Достижения Первых Людей вызвали раздражение богов и послужили основанием, чтобы наказать их потерей памяти:

«Тогда Солнце Небес напустила им в глаза тумана, который закрыл их взор, как затуманивается зеркало, на которое подышали. Глаза их скрыла завеса, так что они могли различать только то, что совсем вблизи — только это было им видно… Так было покончено с мудростью и всеми знаниями Первых Людей…»

Единственное, что уцелело и могло сообщить о некогда достигнутых ими высотах, — это книга «Пополь-Вух», которую майя называли Свет, что пришел из-за моря.

Наследие

Очень похожие идеи, сформулированные почти 5000 лет тому назад, можно обнаружить во вроде бы никак не связанных текстах Старого Света, которые остались от шумеров и древних египтян. И в далекой Микронезии, в Юго-Восточной Азии, Китае, Перу, Греции и Индии настойчиво звучит мотив, древний, как мир, о кладе, который был спрятан расой сверх— людей, жестоко наказанных богами. Согласно легендам и рукописям, этим

сокровищем являлись не золото и драгоценные камни, а оккультные знания, облаченные, возможно, в форму «книг» или «архивов».

Например, в индийском варианте мифа о всемирном потопе бог Вишну предупреждает своего протеже, человека по имени Ману, что на Землю должен обрушиться потоп, а он, Ману, «должен спрятать Священные тексты в безопасное место», чтобы уберечь от уничтожения знание допотопных рас. Аналогичным образом, согласно преданиям Месопотамии, герой по имени Утнапиштим получает от бога Эа указание «взять начало, середину и конец того, что доверено письму, а затем схоронить это в Сиппаре, в Городе Солнца». После того как воды наводнения отступили, уцелевшим было поручено отправиться в Город Солнца «на поиски записей», в которых можно будет обнаружить знание, полезное для грядущих поколений.

Джон Гривз, астроном из Оксфорда, посетил Египет в XVII веке и собрал там ряд старинных местных преданий, которые приписывали сооружение трех пирамид в Гизе некоему мифическому допотопному царю:

«Все началось с того, что ему привиделось во сне, что вся Земля перевернулась, ее обитатели лежат ничком, а сверху валятся звезды, с ужасным шумом стукаясь друг о друга… Он проснулся в великом страхе и собрал главных жрецов всех провинций Египта… Он все рассказал им, и они оценили положение звезд и составили пророчество, предсказав потоп. Царь спросил: «Придет ли он в нашу страну?» Они ответили: «Да, придет и уничтожит ее». Оставалось еще несколько лет, и он приказал за это время построить пирамиды… Ион высек в этих пирамидах все, что говорили мудрецы, а также все истинные науки — астрологию, арифметику, геометрию и физику. Все они могут быть поняты тем, кто разумеет их начертание и язык…»

Лев, Орион, Дракон, Водолей

У всех этих историй есть общее — идея утраченного золотого века, идея всеобщего наводнения или другого столь же разрушительного катаклизма, повернувшего вспять прогресс человеческого знания, и идея попытки, предпринятой маленькой группой уцелевших, найти способ передать в будущее драгоценную мудрость былой цивилизации.

Эта мудрость всегда И везде была связана, как говорят тексты гностиков, «с объектом человеческого поиска, со стремлением к бессмертию».

Она учила, что посвященный должен бороться, что— бы обрести «жизнь в миллионы лет». Ее не могут обрести все, ее нельзя добиться слепой верой и даже хорошей работой. Она является наградой, «которую могут завоевать человеческие души».

Мы приходим к выводу, что древние памятники, мифы и тексты, которые мы рассматривали в «Зеркале небес», все являются частями обширнейшего аппарата древней духовной системы, направленной на то, чтобы дать возможность доказавшим свою ценность приобщиться к тайне вечной жизни.

Мы также делаем вывод, что за этой системой должна стоять некая сплоченная структура, «Организация», как ее называют тексты гностиков. Пожалуй, самым сильным аргументом из всех, представленных нами, является потрясающая аналогия между Гизой и Ангкором; иначе трудно объяснить такое сходство вопреки разделяющим эти места 8000 километров и почти 4000 лет. Причем, пожалуй, наиболее важным является то обстоятельство, что и там, и там мы сталкиваемся с громадными монументами, моделирующими группу из четырех созвездий — Льва, Ориона, Дракона и Водолея — на рассвете в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э.

Именно в этот момент Водолей заходил точно на западе, Лев восходил точно на востоке, Орион находился на меридиане точно с южной стороны, а Дракон — с северной.

То, что два из этих созвездий были смоделированы в Гизе (Льва и Ориона), а третье (Дракона) — в Ангкоре, вряд ли является совпадением, тем более что каждое из них привязано к своей отдельной стороне света. Очевидно, за такой изощренной, хитроумной схемой должно стоять тщательное планирование, а планирование предполагает наличие организации.

Такая организация наверняка пожелала бы завершить свой грандиозный всемирный проект, а потому следу— ет ожидать, что она когда-то в истории возвела где-то на Земле храм, напоминающий созвездие Водолея — четвертое характерное созвездие на небе 10 500 г. до н. э. Логично предположить, что это сооружение, «напоминающее» Водолея или «аналогичное» ему, должно быть ориентировано на запад — как Ангкор нацелен на север, пирамиды Гизы — на юг, а Великий Сфинкс — на восток. Резонно, также ожидать, что оно находится на значительном расстоянии от Гизы и Ангкора, которые сами разделены 72 градусами долготы (напомним, что 72 — «ключевое» прецессионное число).

Водолей и Феникс

Возможно, храм этот, напоминающий Водолея, уже существует.

Может быть, это — Тиауанако, обладающий явными чертами Водолея в виде водных мотивов в оформлении двух великих скульптур в Каласасайе и водосливных каналов ориентированной на запад пирамиды Акапаны? Если так, то во время успешного поиска Диего Риверой потайной камеры могут обнаружиться весьма интересные вещи.

А может быть, он находится в каком-то другом месте и как-то связан с водой? Так, потенциально возможны удивительные находки в районе Мексиканского залива, американского побережья Флориды и Багамского архипелага — в частности мелководье вокруг островов Бимини. В сентябре 1997 г. мы получили факс от ныряльщика Жака Майоля — первого человека, достигшего глубины 100 метров, задерживая дыхание. Он сообщил нам, что в 1967–1975 гг. он был одним из ныряльщиков, принимавших участие в экспедиции, возглавляемой доктором Мэнсоном Валентайном (в то время руководившим Музеем науки в Майами), которая исследовала океанские глубины вокруг Бимини. Эта группа, сообщает Майоль, обнаружила под водой необъяснимые следы деятельности, предшествовавшей катаклизму… неподалеку от островов Бимини. «В моем распоряжении до сих пор находятся потрясающие слайды, снятые под водой. По очевидным причинам доктор Валентайн никогда не упоминал об этих следах, связывая их с Атлантидой».

Не может ли четвертый храм оказаться среди этих следов былой цивилизации?

А что, если четвертый храм предполагалось построить в будущем, «когда настанет подходящее время», во исполнение древнего плана?

Представьте себя в Гизе 21 марта где-то около 2000 г. (впрочем, год может быть любым в нашем или следующем столетии). Вы стоите между лап Сфинкса и смотрите на восток, в ту же сторону, что и он. Примерно за час до рассвета вы увидите, как над восточной стороной горизонта восходит созвездие Водолея, зависая в точности над тем местом, где должно взойти солнце.

Хотя в древних знаках зодиака его обычно изображают в виде человека, выливающего воду из сосуда, некоторые культуры предпочитали видеть в нем взлетающую птицу. Римлянам это созвездие представлялось либо павлином, либо гусем. Майя видели в нем Коса, небесного сокола. А в 1920-е гг. английский ученый Кэтрин Мальтвуд показала, что у древних индейцев Водолей ассоциировался, возможно, с их мифической челоковекоптицей Гарудой,

которая обладала «головой, крыльями, когтями и клювом орла, а телом и конечностями — человека».

Мальтвуд также сравнивал Гаруду, царицу птиц, с Фениксом в египетской и греческой мифологии, отмечая, что, подобно Фениксу, Гаруда ассоциировалась с очень продолжительными циклами времени (утверждали, что она вылуплялась из яйца через 500 лет после того, как оно было отложено). Более того, главным свойством Феникса было бессмертие; про Гаруду же в индийских мифах вспоминали в первую очередь в связи с тем, что она похитила у богов эликсир бессмертия. Согласно мифам, этот эликсир, подобно дереву жизни в Эдеме, был спрятан от человека в месте весьма опасном, где он был окружен пламенем и дополнительно защищен, правда, не крутящимся мечом, а «неистово вращающимся колесом, с острыми краями и сверкающим». Гаруда потушила огонь, поломала вращающееся колесо и улетела с драгоценным кубком, в котором находился эликсир жизни.

Из-за этой проделки Гаруду часто изображали несущей чашу, наполненную жидкостью, что также говорит в пользу аналогии с Водолеем — «водоносом» в современных знаках зодиака. Более того, если Водолей — это Гаруда, а Гаруда — это Феникс, развивает эту мысль Мальтвуд, нужно сделать совсем небольшой шаг, чтобы представить Гаруду в виде звездного образа Феникса. И тогда, как знать, может быть, именно его изображали огромные, видимые лишь с воздуха, земляные сооружения вокруг священного английского города Гластонберг.

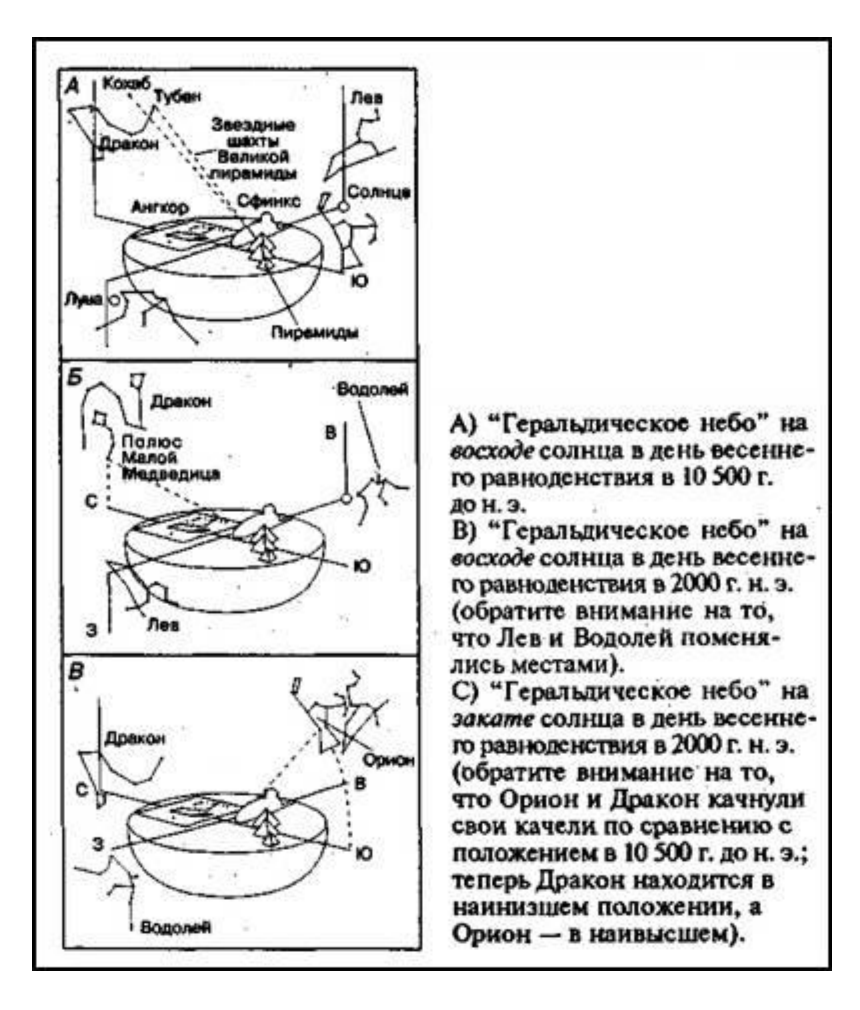
В древнеегипетской иконографии и иероглифах Феникс «был рожден до того, как появилась смерть», и символизировал вечный возврат всего на круги своя и победу духа над материей. То есть восход Феникса-Водолея, который мы наблюдаем сегодня в день равноденствия, можно считать небесным символом возрождения.

Но поскольку, как считали, то, что происходит внизу, определяется тем, что случается наверху, возникает законный вопрос: не собирается ли что-то возрождаться?

Воскрешение

За час до рассвета в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э. Лев находился там, где сегодня находится Водолей, а Водолей близился к закату. В 2000 г. н. э. все наоборот: Водолей восходит, а Лев заходит.

В самый момент восхода солнца в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э. созвездие Ориона встретилось с южным меридианом, а созвездие Дракона — с северным, так что они смотрели друг на друга через весь небесный купол. В день весеннего равноденствия в 2000 г. н. э. картина повторяется — только не на восходе, а на закате. В 10 500 г. до н. э. Дракон находился на максимальной высоте по отношению к горизонту, а в 2000 г. н. э. — на минимальной; Орион же был на минимальной высоте в 10 500 г. до н. э., а сегодня он — на максимальной.

А) "Геральдическое небо" на *восходе* солнца в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э.
В) "Геральдическое небо" на *восходе* солнца в день весеннего равноденствия в 2000 г. н. э. (обратите внимание на то, что Лев и Водолей поменялись местами).
С) "Геральдическое небо" на *закате* солнца в день весеннего равноденствия в 2000 г. н. э. (обратите внимание на то, что Орион и Дракон качнули свои качели по сравнению с положением в 10 500 г. до н. э.; теперь Дракон находится в наинизшем положении, а Орион — в наивысшем).

Иными словами, по прошествии 12 500 лет мы видим на небе те же созвездия, но со сдвигом по фазе на 180 градусов.

Нет ли в этом какого-либо скрытого смысла, послания, намекающего на грядущие изменения? Организация, о которой мы вели разговор, придавала особое значение небесной картине в день весеннего равноденствия в 10 500 г. до н. э. Если она до сих пор существует, то не придает ли она такого же значения «полярно противоположному» небу в день весеннего равноденствия в 2000 г. н. э.?

Возможно, что небо (повторяем: прецессия не слишком изменила его облик на протяжении всего XX века) уже было воспринято как сигнал для возведения «четвертого храма». Возможно, уже происходит возрождение доисторического культа бессмертия, который использовал огромные монументы, связанные с созвездиями и астрономическими циклами, в качестве инструментов инициации. Сегодня как никогда ранее те, кто прибывают в Гизу и Ангкор, оказываются среди людских толп, зачарованных этими таинственными местами. То же самое относится и к мексиканским храмам и пирамидам, к колоссам острова Пасхи и перуанским рисункам в Наска, на которые паломники взирают с воздушных экипажей, а также к Куско, Оллантайтамбо и Тиауанако высоко в Андах.

Балансируя на краю тысячелетия, в конце столетия, ознаменовавшегося беспрецедентной злобой и кровопролитием, когда расцвела алчность, человечество стоит перед выбором между материей и духом, тьмой и светом. Современные религии, равно как и современная наука, разочаровывают нас, не давая нам поддержки и не указывая пути. Может быть, единственная наша надежда состоит в том, что, как когда-то давно осознали мудрецы:

«Из безнадежно заклейменного и поруганного прошлого вновь явится некое Возрождение, к жизни вернутся определенные идеи, и мы не лишим наших внуков последнего шага на наследие, что адресовано нам из высочайших и невероятно далеких времен».

Примечания

Введение

1. Мы благодарны Кенту Б. Уотсону и д-ру Ицуми Масукаве, ознакомившим нас со своими видеосъемками и неопубликованными письменными документами.

2. См. также: Грэм Хэнкок. *Подпись и печать.*

3. См. также: Грэм Хэнкок. *Следы богов.* М., Вече, 1997.

4. Точнее, каждые 18,6 года.

5. Подробно об Осирейоне см.: *«Следы богов*».

6. См. *«Следы богов»,* а также: Роберт Бьювэл, Грэм Хэнкок. *Загадка Сфинкса, или Хранитель бытия.* М., Вече, 1999.

Глава 1

1. Данные ацтекского летописца Икстлилксочитля.

2. См. также *«Следы богов».*

3. Более ранняя пирамида была частично откопана. Тоннель и крутая лестница внутри фасада основной пирамиды привели посетителя на вершину этой скрытой пирамиды.

4. См. *«Следы богов»*.

5. Из замечания Кортеса посланцу императора ацтеков Монтесумы.

6. См. *«Следы богов»*.

Глава 2

1. Подробнее о Дуате см.: *«Загадки Сфинкса»*.

2. В областях проживания майя Млечный Путь считался дорогой в Ксибальбу — преисподнюю; кроме того; считалось, что ночное небо в целом воспроизводит преисподнюю и перемещение ее обитателей.

3. По мнению архитектора Игнасио Маркины, проблема перемещения возникает в связи с тем, что пирамида ориентирована на точку, где солнце уходит за горизонт в день его прохождения через зенит.

4. См. *«Следы богов»*.

5. См. *«Следы богов»*.

6. См. *«Следы богов»*.

Глава 3

1. См. *«Следы богов»*.

2. См. *«Следы богов»* и *«Тайну Сфинкса».*

3. См. *«Тайну Сфинкса».*

4. См. *«Следы богов»*.

Глава 4

1. См. *«Следы богов»*.

2. Именно в Филах имеется самая поздняя известная надпись, сделанная священными иероглифами, датируемая 394 г. н. э., и самый поздний образец демотических граффити (425 г. н. э.). Если даже знание иероглифов и сохранилось позже этого времени, никаких следов этого не сохранилось.

3. *«Тайна Сфинкса»*.

Глава 5

1. См. *«Следы богов», «Тайна Сфинкса».*

2. Например, в Геологическом обществе Америки. *«Следы богов»,* глава 47.

3. Так называемый «неолитический субилювиальный».

4. См.» *Следы богов»*.

5. *«Тайна Сфинкса»*.

6. Там же.

7. Там же.

Глава 6

1. Подробнее см. в *«Следах богов»* и *«Тайне Сфинкса»*.

2. Заметки о Фениксе. См.: Гегель. *Философия истории*.

3. В древнеегипетских погребальных текстах говорится: «Затихните, о люди! Слушайте, слушайте! Внемлите великому слову, с которым Гор обращается к своему отцу Осирису. Он живет там, душа его там, и слава его тоже там».

4. См. *«Тайну Сфинкса»*. Возможность этого была впервые серьезно рассмотрена Локьером.

Глава 7

1. Это — общепринятая этимология, которую никто не ставит под сомнение.

2. В своем письме от 9 января 1997 г. Р. Б. Паркинсон (отдел египетских древностей Британского музея) пишет: «Анххор — собственное имя, которое достоверно переводится как «Бог Гор живет».

3. См. подробнее в *«Следах богов»*.

4. Там же.

5. Отмечалось, что отрезок канала длиной 60 километров проложен абсолютно по прямой.

6. Наивысшая точка прохождения меридиана, достигается околополярным созвездием.

7. См. *«Тайна Сфинкса».*

Глава 8

1. Как отмечалось, одержимость кхмеров Нагом проявляется в его повсеместном присутствии в Ангкоре. Там он встречается буквально на каждом шагу.

2. В качестве Воты, архидемона хаоса, чудовищной змеи.

3. На некоторых древнеиндийских барельефах Сеша поддерживает не только Вишну, но и сам мир. Известен и следующий текст: «Эту подвижную Землю с ее горами и лесами, с ее морями, деревнями, рощами и городами, держи ее твердо, о Сеша, дабы она могла стать неподвижной». Это объясняет, почему Сеше приходится вырвать с корнем гору Мандеру, прежде чем Васуки начнет выполнять функцию каната.

4. *«Следы богов»*.

5. Мы благодарны Джону Григсби, указавшему нам на эту аналогию.

Глава 9

1. Согласно некоторым оценкам — 16 февраля 3102 г. до н. э.

2. Подробнее см.: *«Следы богов»*.

Глава 10

1. Точка восхода отмечает квадраты. См. подробнее *«Тайну Сфинкса»*.

2. Ряд монументов свидетельствует о более раннем заселении этого района.

3. Примеры из Ангкора мы уже приводили. В случае Египта имеется характерный пример богини Веретекау, полуженщины-полукобры.

4. См. *«Тайну Сфинкса»*.

Глава 11

1. Эта цитата взята из *«Мельницы Гамлета»* Сантильяны и фон Дехехенд, но вырвана из контекста. Дословно авторы утверждают следующее: «Универсальность является сама по себе аргументом, когда сочетается с определенным замыслом. Когда что-то найденное, скажем в Китае, просматривается также и в вавилонских астрологических текстах, следует считать, что за этим фактом стоит определенная связь, ибо имеется целый комплекс необычных образов, про которые никак нельзя сказать, что они сложились независимо и абсолютно случайно».

2. У Парментье говорится, что «центральное святилище [Байона] представляет собой большое помещение, темный центр которого окружен узким коридором. Многочисленные отверстия в стенах указывают на то, что раньше здесь существовала богатая обшивка, которая вместе с роскошным потолком превращала некогда этот грубый грот в сияющую светом и позолотой обитель бога. Она была ограблена охотниками за сокровищами, которые сбросили идола в колодец, пробитый ими, чтобы добраться до фундамента».

3. Уоллис Бадж. *Боги египтян:* «В целом, богиня-бегемот — существо скорее благожелательное и появляется в последней виньетке *«Книги Мертвых»* (редакция Тебан) в качестве божества преисподней [Дуата] и доброго стража мертвых. При этом в правой передней лапе она держит некий предмет, которому пока не найдено удовлетворительного объяснения, а левой опирается на эмблему «защитной магической силы»; с другой стороны, чудовище Аммит, фигурирующее в сцене судилища, имеет явно выраженную заднюю часть гиппопотама…»

4. В китайской мифологии также фигурируют церемониальные небесные «врата», называемые «Чан-хо», которые «дают проход возвышенным духом». Эти «великие врата» явно «навешены» в созвездии Дракона. Их «правой петлей» служил «бледно-желтый Тубан», то есть *альфа Дракона,* главная звезда этого созвездия.

Глава 12

1. *«Следы богов»*.

2. Там же.

3. Там же, часть IV.

Глава 13

1. *«Тайна Сфинкса»*.

2. Там же.

Глава 14

1. См. часть II.

2. Цифра может быть чуть больше или меньше.

3. На эту связь первым обратил внимание Р.А. Джайраэбой в своем исследовании *«Древние египтяне на Тихом океане».* Слово *«ра»* не только служило именем бога Солнца, но и означало у древних египтян «солнце».

Глава 15

1. Письмо Марии Райхе Клори де Келлер.

2. Все размеры — приблизительны.

Глава 16

1. Поговорка кечуа.

Глава 17

1. Или «удивительный сокол».

2. *«Следы богов»*.

3. Шан Дэйчи известен также как переводчик книг *«Зеркало небес* «и «*Тайна Сфинкса*».

Заключение

1. Как в Теотиуакане.

2. Как в случае превращения Кецалькоатля в Венеру; подобная ситуация неоднократно фигурирует и в *«Текстах Пирамид*».
